

**РУССКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК**

**МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА**

**МОСКОВСКИЙ
ЦЕНТР**

**ИНСТИТУТ
ГЕОГРАФИИ**

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ**

**RUSSIAN
GEOGRAPHICAL
SOCIETY**

**RUSSIAN
ACADEMY
OF SCIENCES**

**M.V. LOMONOSOV
MOSCOW STATE
UNIVERSITY**

**MOSCOW
CENTRE**

**INSTITUTE OF
GEOGRAPHY**

**GEOGRAPHICAL
FACULTY**

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

Founded
by N.N. BARANSKY
in 1946
Renewed in 2009

EDITORIAL BOARD:

Academician *V.M. Kotlyakov* (head),
Academician *N.S. Kasimov* (deputy head),
Dr. Sc. (Philology) *R.A. Agheyeva*,
Dr. Sc. (Geography) *S.A. Bulanov*,
Corresponding Member of the RAS *K.N. Dyakonov*,
Dr. Sc. (Geography) *A.V. Kislov*,
Dr. Sc. (Geography) *N.N. Klyuev*,
Dr. Sc. (Geography) *N.N. Komedchikov*,
Dr. Sc. (Geography) *N.I. Koronkevich*,
Dr. Sc. (Geography) *B.R. Mavlyudov*,
G.G. Merkulova (secretary),
Dr. Sc. (Geography) *N.M. Novikova*,
Dr. Sc. (Geography) *V.N. Streletsky*

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Издание основано в 1946 году
по инициативе и под руководством
Н.Н. БАРАНСКОГО
Возобновлено в 2009 году

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *В.М. Котляков* (председатель)
академик *Н.С. Касимов* (заместитель председателя)
кандидат филологических наук *Р.А. Агеева*
доктор географических наук *С.А. Буланов*
член-корреспондент *К.Н. Дьяконов*
доктор географических наук *А.В. Кислов*
доктор географических наук *Н.Н. Клюев*
кандидат географических наук *Н.Н. Комедчиков*
доктор географических наук *Н.И. Коронкевич*
кандидат географических наук *Б.Р. Мавлюдов*
Г.Г. Меркулова (секретарь)
доктор географических наук *Н.М. Новикова*
кандидат географических наук *В.Н. Стрелецкий*

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

Volume 132

*To the memory
of Yevgheny Mikhailovich Pospelov*

Modern Place-name Study

Responsible Editor
Dr. Sc. (Philology)
A.V. Barandeyev

MOSCOW NAUKA 2009

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Сборник 132

*Светлой памяти
Евгения Михайловича Поспелова
посвящается*

Современная топонимика

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
А.В. Барандеев

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 910
ББК 26.8
В74

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук *А.В. БАРАНДЕЕВ*
(ответственный редактор),
кандидат филологических наук *Р.А. АГЕЕВА*,
Г.П. БОНДАРЬК,
А.А. ГЕРЦЕН (секретарь)

Составители:
кандидат филологических наук *Р.А. АГЕЕВА*,
А.А. ГЕРЦЕН

Рецензенты:
кандидат географических наук *Н.Н. КОМЕДЧИКОВ*;
кандидат филологических наук *А.С. ЩЕРБАК*

Вопросы географии / Моск. центр Русского геогр. о-ва; Ин-т геогр. РАН ; МГУ им. М.В. Ломоносова, геогр. фак. – М. : Наука, 1946– .

Сб. 132 : Современная топонимика / Отв. ред. А.В. Барандеев; [сост. Р.А. Агеева, А.А. Герцен]. – 2009. – 406 с.: ил., карты. – ISBN 978-5-02-036942-9 (в пер.).

Сборник посвящён памяти одного из основоположников современной топонимики, патриота, учёного и человека. В статьях сборника отражена теория и практика ономастического исследования в его различных аспектах, показано большое общественное значение топонимики. Библиографический список включает литературу по ономастике, изданную на русском языке за истекшие 16 лет.

Для топонимистов, географов, историков, лингвистов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и происхождением географических названий, их функционированием в современном обществе.

ISBN 978-5-02-036942-9 © Московский центр Русского географического общества, Институт географии РАН, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, продолжающееся издание «Вопросы географии» (разработка, оформление), 1946 (год основания), 2009
© Агеева Р.А., Герцен А.А., составление, 2009
© Реакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Московский центр Русского географического общества возобновляет издание сборников «Вопросы географии» ...	13
Предисловие ответственного редактора	18
Раздел I. Евгений Михайлович Поспелов	
Краткая биография Е.М. Поспелова	22
Даты и факты автобиографии Е.М. Поспелова	25
Топонимические труды Е.М. Поспелова (<i>Р.А. Агеева</i>)	34
Список публикаций Е.М. Поспелова	39
Воспоминания о Е.М. Поспелове (<i>М.Е. Поспелов, Л.Е. Поспелов, Р.А. Агеева, Н.С. Студёнов</i>)	64
<i>Е.М. Поспелов, А.В. Постников. История русских морских названий на примере картографирования Корейского (Японского) моря (XVII–XIX вв.)</i>	75
Раздел II. Аспекты ономастического исследования	
<i>Г.В. Агапова. Основные черты географических названий рельефа дна Мирового океана</i>	103
<i>А.В. Барандеев. Этноним <i>берендеи</i> в русском ономастическом пространстве</i>	125
<i>Г.П. Бондарук. Топонимы, образованные от названий русских хмельных напитков</i>	146
<i>И.Г. Добродомов. Топонимика и источниковедение (<i>Казань</i> в хронологическом и этимологическом аспектах)</i>	151
<i>Т.П. Соколова. Топонимия Малого железнодорожного кольца Москвы</i>	175
<i>А.В. Суперанская. Антропонимия в топонимии</i>	188
<i>А.Л. Шилов. <i>Звенигород, Белгород, Новгород, Вышгород</i></i>	193

Раздел III. Прикладная ономастика

<i>А.В. Барандеев.</i> О пользе новой редакции Правил русского правописания для орфографии топонимов	207
<i>А.А. Герцен.</i> Названия административно-территориальных единиц Молдавии	215
<i>М.В. Горбаневский, В.О. Максимов.</i> О некоторых актуальных задачах российской прикладной ономастики (из опыта работы ИИЦ «История Фамилии»)	232
<i>М.Н. Морозова.</i> Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов	262
<i>О.Н. Соколова.</i> Топоним <i>Нахабино</i> . Историко-краеведческий очерк	276

Раздел IV. Топонимика в школе

<i>А.В. Аюпджанова.</i> Работа школьников над проектом «Городская топонимия Костромь»	292
---	-----

Раздел V. Из истории отечественной ономастики

<i>Р.А. Агеева.</i> Уральская ономастическая школа	297
--	-----

Раздел VI. Статьи участников XL–XLII научных студенческих конференций по топонимике МЦ РГО

<i>В.В. Алтатов</i> (Москва). Календарные даты в английских топонимах	317
<i>Т.С. Доржиева</i> (Улан-Удэ). Стратиграфические пласты топонимии Чайного пути на территории Бурятии	322
<i>Е.А. Лукьянова</i> (Владимир). Топонимикон сельских поселений <i>Алфёрово, Дворишиново, Заястребье, Овсяниково, Травинино</i> Судогодского района Владимирской области	329
<i>М.А. Цеханович</i> (Москва). Суффикс <i>-ск-</i> в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных	336

Раздел VII. Литература по ономастике (1993–2008 гг.)

Статьи. Сборники статей. Монографии. Авторефераты диссертаций. Материалы конференций. Рецензии	345
--	-----

Словари. Словарные материалы. Справочники. Энциклопедии. Путеводители. Публикации источников. Библиографические указатели	375
Аннотации на статьи сборника	382
Топонимическая комиссия Московского центра Русского географического общества	399
Коротко об авторах	401

CONTENTS

Moscow Centre of the Russian Geographical Society resumes editing «Problems of Geography» volumes	13
Responsible editor's preface	18
Section I. Yevgheny Mikhailovich Pospelov	
Ye.M. Pospelov's biography in brief	22
Ye.M. Pospelov's story of his own life	25
Ye.M. Pospelov's works on place-names (<i>Ruth A. Agheyeva</i>)	34
A complete list of Ye.M. Pospelov's publications.....	39
Notes in memory of Ye.M. Pospelov (<i>Mikhail Ye. Pospelov, Lev Ye. Pospelov, Ruth A. Agheyeva, Nikolai S. Studyonov</i>)	64
<i>Yevgheny M. Pospelov, Alexei V. Postnikov</i> . The history of sea names as reflected in Russian mapping of the Korean (Japanese) sea (17 th – 19 th centuries)	75
Section II. Aspects of onomastic research	
<i>Galina V. Agapova</i> . The submarine landscape names of the World Ocean	103
<i>Andrei V. Barandeyev</i> . The ethnonym <i>berendei</i> within the scope of Russian proper names	125
<i>Galina P. Bondaruk</i> . Place-names derived from the denominations of Russian strong drinks	146
<i>Igor G. Dobrodomov</i> . Place-name study and historical sources (<i>Kazan: chronology and etymology</i>)	151
<i>Tatyana P. Sokolova</i> . The place-names of the Minor Railway Circle in Moscow	175

<i>Alexandra V. Superanskaya</i> . Personal names as stems of place-names	188
<i>Alexei L. Shilov</i> . <i>Zvenigorod, Belgorod, Novgorod, Vyshgorod</i>	193
Section III. Applied onomastics	
<i>Andrei V. Barandeyev</i> . The new wording of «The regulations of Russian spelling»: Is it useful for the spelling of place-names?..	207
<i>Andrew A. Herzen</i> . The names of administrative and territorial districts in Moldavia	215
<i>Mikhail V. Gorbanevsky, Vladimir O. Maximov</i> . On some urgent problems of Russian applied onomastics (the experience of the Informational Research Centre «The History of Surnames»)	232
<i>Marina N. Morozova</i> . The procedure of giving official names to geographical objects	262
<i>Olga N. Sokolova</i> . Place-name <i>Nakhabino</i> . An essay of history and local lore	276
Section IV. Place-name study at school	
<i>Amalia V. Akopdzhanova</i> . The work of schoolchildren on «The urban place-names in Kostroma» project	292
Section V. The history of home onomastics	
<i>Ruth A. Agheyeva</i> . The Ural school of onomastics	297
Section VI. Articles of the students-participants of the XL – XLII scientific conferences on place-names at the Russian Geographical Society, Moscow Centre	
<i>Vladislav V. Alpatov</i> (Moscow). Calendar dates in English place-names	317
<i>Tuyana S. Dorzhiyeva</i> (Ulan-Ude). The strata of place-names along the Tea Way in Buryatia	322
<i>Yelena A. Lukyanova</i> (Vladimir). Place-names of the rural settlements <i>Alfyorovo, Dvorishnevo, Zayastrebye, Ovsyanikovo, Travinino</i> of the Sudogda district in the Vladimir region	329
<i>Marianna A. Tsekanovich</i> (Moscow). The suffix <i>-sk-</i> in Russian place-names and the interference of morphemes in adjectives derived from place-names	336

Section VII. Onomastics. Bibliography (1993–2008)

Articles. Collections of articles. Monographs. Abstracts of dissertations. Proceedings of conferences. Reviews	345
Dictionaries. Lexical material. Reference-books. Encyclopaedias. Guides. Publications of sources. Bibliographic indices	375
Annotations	382
The Toponymic commission of the Moscow Centre of the Russian Geographical Society	399
About the authors	401

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ВОЗОБНОВЛЯЕТ ИЗДАНИЕ СБОРНИКОВ «ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ»

Более 60 лет назад, в 1946 г., в Государственном издательстве географической литературы (Географгизе) началась регулярная публикация сборников научных статей «Вопросы географии». Эта серия стала научной платформой обсуждения актуальных вопросов географической науки в Московском филиале Географического общества СССР (ныне Русское географическое общество).

Русское географическое общество – одно из старейших в мире. В первой половине XIX в. подобные общества уже существовали в трёх европейских столицах: в Париже (с 1821 г.), Берлине (1828) и Лондоне (1830). Они играли важную роль в научной жизни не только своих стран, но и в мировой науке. Русское географическое общество было основано в Санкт-Петербурге 6 августа 1845 г. В числе его учредителей были президент Российской академии наук вице-адмирал Ф.П. Литке, контр-адмирал, барон Ф.П. Врангель, адмирал П.И. Рикорд, генерал-адъютант, граф Ф.Ф. Берг, генерал, граф В.А. Петровский, управляющий межевым корпусом, сенатор, граф М.Н. Муравьёв, директор департамента сельского хозяйства А.И. Левшин, князь В.Ф. Одоевский, И.Ф. Крузенштерн, П.А. Чихачёв, В.И. Даль, К.И. Арсеньев, М.П. Вронченко, академики К.М. Бэр, П.И. Кеппен, Г.П. Гельмерсен, основатель и директор Пулковской обсерватории В.Я. Струве.

Подчёркивая обширность задач, стоящих перед Русским географическим обществом, Ф.П. Литке писал: «Наше отечество, простираясь по долготе более, нежели на полуокружность Земли, представляет нам само по себе особую часть света... и, прибавим, часть света, еще мало исследованную». В уставе РГО основной задачей общества определялось «познание государства Российского». С 1850 г. РГО получило статус Императорского и всегда пользовалось большим авторитетом.

С первых лет своего существования Общество развернуло обширную экспедиционную, издательскую и просветительскую

деятельность. Оно внесло крупнейший научный вклад в изучение Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Кавказа, Ирана, Новой Гвинеи, Индии, полярных районов и других стран.

До революции председателями общества были лица царской фамилии – великие князья Константин Николаевич (1845–92) и Николай Михайлович (1892–1917). Фактически Обществом руководили вице-председатели Ф.П. Литке (1845–50, 1857–72), М.Н. Муравьев (1850–57), П.П. Семёнов-Тян-Шанский (1873–1914), Ю.М. Шокальский (1914–31, с 1917 г. – председатели), Н.И. Вавилов (1931–40), Л.С. Берг (1940–50, с 1945 г. – президенты), Е.Н. Павловский (1952–64), С.В. Калесник (1964–77), А.Ф. Трёшников (1977–91), С.Б. Лавров (1992–98), Ю.П. Селивёрстов (1999–2002). Ныне Президентом РГО является адмирал А.А. Комарицын.

Основные формы деятельности Общества – обсуждение научных докладов, проведение широких научных конференций, созыв географических съездов раз в пять лет (в 2005 г. в Кронштадте прошёл XII съезд РГО), экспертиза и консультации по вопросам географии, организация экспедиций и научных поездок, популяризация географических знаний, издательская деятельность, присуждение медалей и премий за лучшие научные труды по географии (общество регулярно присуждает четыре золотые медали: Большую, в прошлом так называемую Константиновскую, им. Ф.П. Литке, им. П.П. Семёнова, им. Н.М. Пржевальского).

Ещё в середине XIX в. начали возникать отделения Географического общества, ныне охватывающие все регионы России. От Русского географического общества отсчитывают свою историю теперь самостоятельные географические общества бывших союзных республик. Вместе с тем Географическое общество на протяжении первого столетия существования не имело своего филиала в Москве наподобие тех, что уже давно функционировали в других городах России, хотя Москва всегда была одним из главных центров отечественной географической науки, здесь работали виднейшие её представители. Возможно, вопрос о создании Московского филиала Государственного географического общества (название РГО с 1925 по 1938 г.) или Географического общества СССР (название РГО в 1938–92 гг.) был бы решен раньше, если бы не Великая Отечественная война. Лишь по её окончании организационная работа

столичных географов увенчалась успехом: с 7 по 9 марта 1946 г. в клубе Московского государственного университета прошло организационное (фактически учредительное) собрание московских членов ГО СССР, на котором были избраны руководящие органы Московского филиала. Председателем филиала стал дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук, контр-адмирал И.Д. Папанин (руководил МФГО более 40 лет), в состав Президиума вошли академик А.А. Григорьев, члены-корреспонденты Н.Н. Баранский и Б.Б. Полюнов, контр-адмирал Н.Н. Зубов, профессора В.Ф. Васютин, О.А. Константинов, К.К. Марков, полковник П.С. Бочкарёв. В Московском центре работали многие виднейшие географы столицы: И.А. Витвер, Ю.К. Ефремов, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, К.А. Салищев, Ю.Г. Саушкин, А.И. Соловьёв и многие другие.

Московский центр – крупнейшее из региональных подразделений Русского географического общества. Со времени его основания в 1946 г. в ряды Общества здесь вступило около 5000 человек. В начале XXI в. в различных подразделениях Московского центра (более 20 отделений, комиссий и комитетов) активно работают около 400 действительных и почётных членов РГО. Проводятся региональные и всероссийские семинары и конференции, организуются исследования в разных регионах страны и за рубежом. Московский центр РГО возглавляют Учёный совет и избранный им Президиум. Членами Президиума МЦ РГО в последние годы работали А.И. Алексеев, С.А. Буланов, Г.Д. Бурков, М.Г. Гросвальд, А.Н. Гуня, С.А. Добролюбов, К.Н. Дьяконов, Н.С. Касимов, Н.И. Коронкевич, Н.Н. Клюев, Н.Н. Комедчиков, Э.А. Лихачёва, Б.Р. Мавлюдов, Г.Г. Меркулова, Н.М. Новикова, А.В. Постников, Г.В. Сдасюк, В.Н. Стрелецкий, М.Г. Ушакова и др. Президиум и Секретариат Московского центра с 1998 г. располагаются в Институте географии РАН, здесь проходит большинство заседаний.

Серия «Вопросы географии», основанная ещё в 1946 г. одновременно с созданием московского подразделения Географического общества, всегда была трибуной для его членов. Инициатором и организатором издания серии был Н.Н. Баранский. Каждый том «Вопросов географии» начинался словами: «Научные сборники Московского филиала Географического общества СССР, основанные в 1946 г. по инициативе и под руководством Н.Н. Баранского». Эту традицию мы продолжаем и теперь.

Сборники «Вопросы географии» издавались с 1946 по 1988 г. За эти годы увидели свет более 130 сборников, посвящённых самым разным научным проблемам и просветительским задачам во всех областях географии и смежных отраслях науки. Традиционно каждый том готовили отдельные научные подразделения Московского филиала, и лишь изредка сборники носили междисциплинарный характер. В прошлые годы Отделение экономической и политической географии выпустило 43 сборника, Отделение физической географии – 18, Геоморфологическая комиссия – 14, Комиссия социальной географии, географии населения и поселений – 10, Гидрологическая комиссия – 9, Топонимическая комиссия – 6, Отделение истории географических знаний и исторической географии – 5, Отделение картографии и аэрокосмических методов – 4, Комиссия биогеографии – 3, Комиссия геохимии ландшафта и Отделение краеведения и учебной географии – по два. 33 сборника были мемориальными и посвящались выдающимся географам (Л.С. Бергу, Н.Н. Баранскому, И.Д. Папанину, А.А. Григорьеву, Б.Б. Польшину, Н.Н. Колосовскому, Э.М. Мурзаеву, В.А. Обручеву, Ю.М. Шокальскому и другим) либо знаменательным событиям.

Сборники и помещённые в них материалы стали фундаментальной основой современной географической науки. Без ссылок на них не обходится ни одна солидная географическая монография. Тем самым «Вопросы географии» вошли в золотой фонд серийных изданий российской научной мысли.

В 2008 г. Московский центр Русского географического общества совместно с Институтом географии Российской академии наук и Географическим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова возобновляет публикацию этой серии. Планируется ежегодное издание двух тематических сборников.

Настоящий сборник посвящён памяти одного из основоположников современной отечественной топонимики – доктора географических наук, профессора, Почётного члена Русского географического общества Евгения Михайловича Поспелова. В течение 40 лет он бессменно возглавлял Топонимическую комиссию и был редактором последнего топонимического сборника «Вопросы географии» (№ 126), опубликованного в 1985 г. и посвящённого географическим названиям в г. Москве.

Готовятся сборники других подразделений Московского центра РГО: по вопросам гидрологии, геоморфологии, исторической географии, другим актуальным географическим проблемам.

Хочется надеяться, что возобновление замечательной серии научных трудов станет важной вехой в развитии отечественной географической науки.

Почётный президент Русского географического общества,
Председатель Московского центра РГО,
Директор Института географии РАН
академик *В.М. Котляков*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Московский центр Русского географического общества совместно с Институтом географии РАН после 23-летнего перерыва возобновляет публикацию сборников научных работ. Настоящий сборник посвящён памяти одного из основоположников современной отечественной топонимики – доктора географических наук, профессора, Почётного члена Русского географического общества Евгения Михайловича Поспелова. В течение 40 лет он беспрерывно возглавлял Топонимическую комиссию МЦ РГО.

Несмотря на существенные организационно-финансовые перемены в научной жизни российского общества, деятельность комиссии за прошедшие десятилетия не прерывалась. Планово проводились научные заседания, на которых активно и заинтересованно обсуждались доклады и сообщения членов МЦ РГО и учёных, работающих в других регионах России. В последние годы научные контакты Топонимической комиссии значительно расширились. Благодаря её поддержке планируется создание Топонимической комиссии при Правительстве Бурятии и Восточносибирском отделении РГО, что отражает формирование Бурятской ономастической школы. Регулярным стало творческое общение с Уральским и Тамбовским госуниверситетами, другими ономастическими центрами России.

Члены Топонимической комиссии МЦ РГО активно сотрудничают с первой в России научно-популярной ономастической газетой «Миръ имёнъ и названій», с Информационно-исследовательским центром «История фамилии»; публикуют статьи в сборниках, в журналах «Вопросы языкознания», «Вопросы ономастики», «Русский язык в школе», «Русская речь» и др.; издают монографии и словари; выступают с докладами на российских и международных конференциях и конгрессах; руководят подготовкой научных докладов на студенческие конференции; пропагандируют топонимические знания в школах и вузах.

К сожалению, Топонимическая комиссия понесла невосполнимые потери: в 2006–07 гг. ушли из жизни Г.П. Смолицкая,

Е.М. Поспелов, Г.П. Бондарук. Они внесли заметный вклад в развитие отечественной топонимики, активно проявили себя в научно-организаторской, научно-педагогической и научно-просветительской работе. Продолжая их традиции, Топонимическая комиссия заботится о воспитании молодых научных кадров. Ежегодно проводятся научные студенческие конференции по топонимике. В марте 2008 г. состоялась 43-я конференция, в работе которой участвовали студенты, аспиранты и школьники старших классов из Москвы и других российских регионов. Для поощрения и стимулирования научной деятельности молодёжи тезисы всех докладов помещаются на сайте МЦ РГО в Интернете, а лучшие доклады, сделанные на двух предыдущих конференциях, публикуются в настоящем сборнике.

Его первый раздел содержит материалы к биографии Е.М. Поспелова, в том числе сохранившуюся ярко написанную автобиографию учёного, а также полный список научных трудов, охарактеризованных в отдельном очерке. Целостный образ Е.М. Поспелова, Учёного и Человека, предстанет перед читателем в воспоминаниях его сыновей, коллег, друзей, единомышленников. Впервые на русском языке публикуется статья Е.М. Поспелова, написанная в соавторстве с А.В. Постниковым, об истории русских морских названий на примере картографирования Корейского (Японского) моря (перевод с английского – А.В. Постникова).

В содержании других разделов сборника отражены широкие научные интересы проф. Е.М. Поспелова, поддержанные и развитые его коллегами. Здесь представлены статьи академического характера, отличающиеся поисковой направленностью и достаточной научной новизной (работы Г.В. Агаповой, А.В. Барандеева, И.Г. Добродомова, Т.П. Соколовой, А.В. Суперанской, А.Л. Шилова и др.). В них отражены важнейшие аспекты ономастического и топонимического исследования. Устойчив интерес учёных к разработке надёжных этимологий топонимов и этнонимов, к установлению системных связей между различными классами и разрядами онимической лексики, к выявлению рационально-прагматических принципов номинации географических объектов. Авторами этих работ являются географы, лингвисты, краеведы, что традиционно для такой комплексной науки, как топонимика.

В материалах сборника уделено внимание и проблемам прикладной ономастики, демонстрирующей продуктивную связь науки с жизнью общества. Например, практический интерес картографов и других специалистов вызовет статья М.Н. Морозовой о нормативной процедуре присвоения географическим объектам официальной формы названия. В статье А.В. Барандеева анализируется польза новой редакции (2006 г.) Правил русского правописания для современной орфографии топонимов. М.В. Горбаневский и В.О. Максимов делятся опытом работы в ИИЦ «История Фамилии», с учётом этого опыта формулируется ряд актуальных задач прикладной ономастики в России. В частности, большую общественную значимость имеют усилия наших коллег в борьбе с лженаукой, которая в последние десятилетия пышно расцвела не только в рамках пресловутой «новой хронологии», но и в некоторых доморощенных сочинениях, претендующих на ономастический статус и научное признание. Их авторы не утруждают себя стремлением вникнуть в сущность базовых терминов *топонимика* и *топонимия* (для них это одно и то же), используют некорректные уродливые выражения типа *топонимические названия*, *переименование названий* и др.

Примечательно и другое обстоятельство, связанное с предыдущим. В последнее время весьма назойливы и агрессивны беспочвенные стремления отдельных топонимически необразованных общественных деятелей в угоду собственным политическим амбициям во что бы то ни стало переименовать географические объекты, имеющие, с точки зрения таких «реформаторов», идеологически ущербные названия в пределах московского и других регионов России. Однако, хотя подобные популистские предложения по переименованиям научно несостоятельны, они могут посеять в обществе семена топонимического дилетантизма и невежества, против чего всегда активно выступал Е.М. Поспелов. В топонимике, как и в любой другой науке, существуют законы, нарушать которые никто не вправе. Любое географическое название, пусть даже и «неудачное», если оно прочно закрепилось и стало традиционным, – это памятник истории и культуры народа, что хорошо усвоено обществом в ряде зарубежных стран. А (бездумное!) разрушение памятников – это вандализм. Битва на Волге с фашистскими захватчиками навечно останется в мировой истории под названием *Сталинградской*, а

блокада города на Неве – *Ленинградской*, как бы мы ни относились к именам «отцов всех народов». Нравственное здоровье общества определяется его отношением ко всем памятникам культуры. В современных условиях социально-политической жизни российское общество, на наш взгляд, к переименованиям не готово и воспринимает их весьма болезненно или полностью отторгает в своём языковом сознании.

Петербуржец по рождению, Е.М. Пospelов большую часть жизни работал в Москве и много сил отдал формированию Московской топонимической школы – не единственного научного сообщества. Об Уральской ономастической школе рассказывается в статье Р.А. Агеевой. Другие, не упомянутые в предисловии статьи также вносят определённый вклад в развитие ономастических исследований и представляют несомненный интерес для читателей. Завершает сборник библиографический список ономастической литературы, изданной преимущественно на русском языке за истекшие 16 лет.

Сборник содержит большое количество иллюстраций и несколько приложений, в числе которых сведения о Топонимической комиссии МЦ РГО, которой 13 марта 2009 г. исполнится 50 лет, сведения об авторах сборника и аннотации на каждую помещённую в нём работу.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей; за аутентичность цитат и точность датировок несут ответственность авторы.

Все замечания и пожелания, касающиеся настоящего сборника, просим направлять по адресу: 119017, Москва, Старомонетный переулок, д. 29, комн. 20. Московский центр Русского географического общества. Тел. 959-00-31. <http://rgo.msk.ru>, электронный адрес info@rgo.msk.ru.

Председатель
Топонимической комиссии МЦ РГО
А.В. Барандеев

* * *

Авторы искренне признательны рецензентам сборника за ценные замечания, способствовавшие улучшению рукописи.

Раздел I

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОСПЕЛОВ

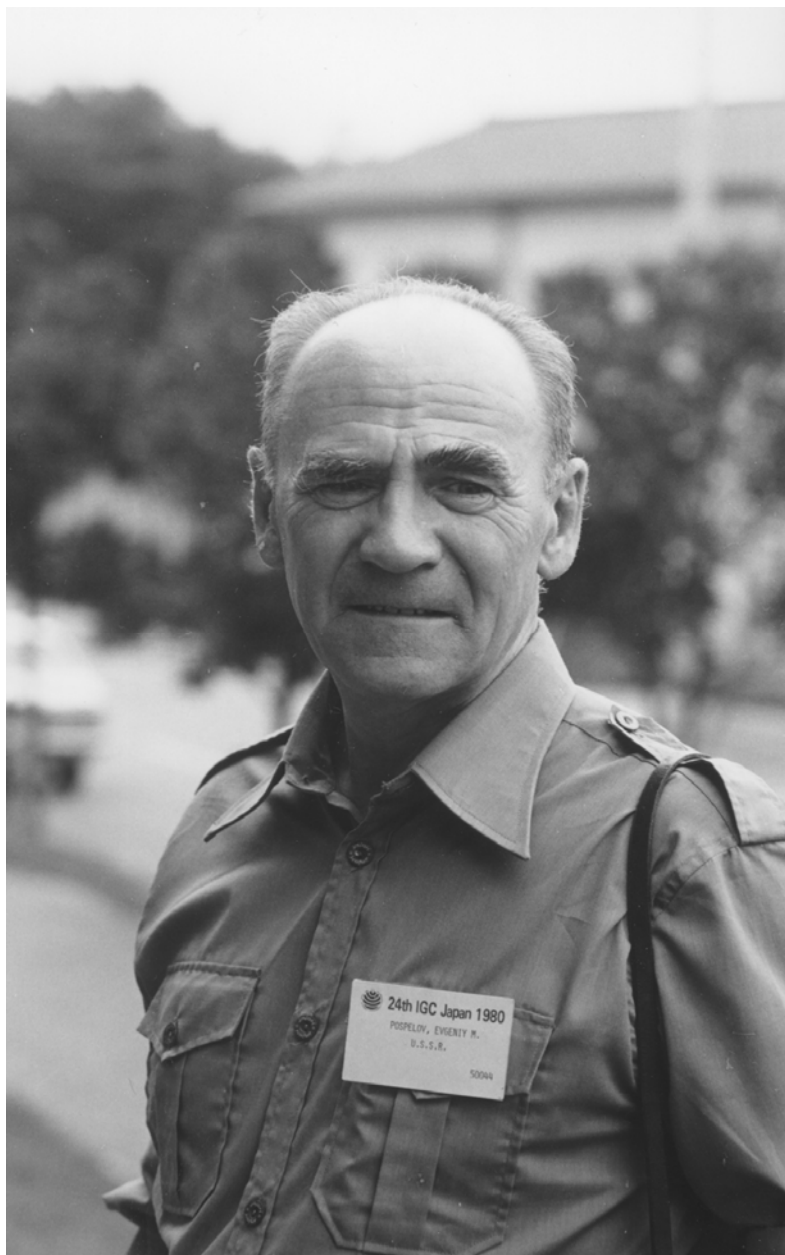
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ Е.М. ПОСПЕЛОВА

Е.М. Поспелов родился 27 января 1923 г. в Петрограде. В 1940–41 гг. учился в Горном институте на геолого-разведочном факультете. В начале Великой Отечественной войны был призван в армию и направлен в Топографическое училище, где учился около года. Во время блокады Ленинграда служил в 55-й армии в качестве военного топографа; получил ранение, при этом спас раненного товарища, за что был награждён медалью «За отвагу».

С 1947 по 1953 г. учился в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева на геодезическом факультете, получил диплом по картографической специальности с присвоением квалификации военного инженера-геодезиста. По окончании учёбы остался преподавать в академии. С 1953 по 1961 г. руководил подразделением, в котором разрабатывались вопросы русской транскрипции географических названий всего мира для военной картографии. С 1960 г. был старшим преподавателем на картографическом факультете, в 1961 г. получил степень кандидата технических наук. В 1968 г. стал доцентом кафедры картографии и картоиздания, а к 50-летию Советской армии получил звание полковника. С 1972 г. – доктор географических наук.

В 1974 г. перешёл на работу в ЦНИИГАиК, через полтора года – на географический факультет Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, где в течение ряда лет вёл обязательный курс топонимики для студентов первого курса, работал заведующим кафедрой экономической географии (будучи там единственным картографом). С 1976 г. профессор кафедры физической географии.

В 1954 г. Евгений Михайлович вступил в Географическое общество СССР (ныне Русское географическое общество) и стал активно работать сначала в Отделении истории географических знаний и исторической географии, а с 13 марта 1959 г. – во вновь созданной Топонимической комиссии. В 1964 г. Е.М. Поспелов

Е.М. ПОСПЕЛОВ
(1923–2007)

был избран её председателем. С 1967 г. Евгений Михайлович возглавлял с небольшими перерывами до 1994 г. Редакционную коллегию Общества. В 1975 г. Евгений Михайлович избран членом Учёного совета и Президиума Московского филиала ГО СССР (ныне Московского центра РГО).

Область интересов Евгения Михайловича включала широкий круг вопросов, касающихся различных проблем картографии, передачи иноязычных названий на русский язык, топонимики. Он сотрудничал в реферативном журнале ВИНТИ, где опубликовал в выпуске «География» более 1000 статей по топонимике. Интерес Е.М. Поспелова к лингвистическому аспекту географических названий был, по-видимому, обусловлен и семейной традицией: его отец был филологом, преподавал немецкий язык и латынь в техникуме. Сам Евгений Михайлович читал научную литературу на нескольких иностранных языках: английском, французском, испанском и славянских (польском, чешском, болгарском).

Вклад Е.М. Поспелова в топонимическую науку и в популяризацию топонимики велик. Им опубликовано значительное количество монографий, словарей, статей, рецензий и других работ, причём некоторые его работы выдержали несколько изданий. Следует, в частности, упомянуть такие книги, как «Транскрипция географических названий» (М., 1957); «Топонимика и картография» (М., 1971); «Топонимика в школьной географии» (М., 1981); «Названия городов и сёл» (М., 1996); «Географические названия мира» (М., 1998); «Названия подмосковных городов, сёл и рек» (М., 1999); «Школьный словарь географических названий» (М., 2000); «Топонимический словарь Московской области» (М., 2000) и др.

Е.М. Поспелов был также ответственным редактором и одним из авторов книги «Улицы Москвы: Старые и новые названия: Топонимический словарь-справочник» (М., 2003), входил в коллектив авторов книги «Имена московских улиц: Топонимический словарь» (М., 2007). Неоднократно редактировал сборники статей, подготовленные Топонимической комиссией и выходившие в серии «Вопросы географии» или отдельными изданиями. Он был принципиальным и высокопрофессиональным редактором. Под его руководством было издано более 100 тематических сборников и материалов заседаний подразделений. Большинство сборников

Топонимической комиссии было издано при участии Е.М. Поспелова: «Вопросы топонимики СССР» (М., 1972); «Исследования по топонимике» (М., 1974); «Региональные топонимические словари» (М., 1975); «Топонимика и историческая география» (М., 1976); «Проблемы восточнославянской топонимии» (М., 1979). Е.М. Поспелов был ответственным редактором двух сборников из серии «Вопросы географии», издаваемой МЦ: «Топонимия Центральной России» (№ 94) и «Географические названия в Москве» (№ 126).

За большие заслуги в работе Географического общества и за выдающуюся научную деятельность в 1995 г. на X съезде Русского географического общества Евгений Михайлович избирается его Почётным членом.

26 марта 2007 г. на 85-м году жизни Евгений Михайлович скончался. Он оставил о себе добрую память не только как неутомимый исследователь и популяризатор географических и топонимических знаний, но и просто как хороший человек – доброжелательный к коллегам, принципиальный и ответственный, доводящий всякую работу до конца и не терпящий халтуры. Он был примером для всех своих коллег, мы уважали, любили его и всегда прислушивались к его советам и рекомендациям. Он продолжал трудиться до последних дней своей жизни, невзирая на тяжёлую болезнь.

Светлый образ этого замечательного и мужественного человека навсегда сохранится в нашей памяти.

ДАТЫ И ФАКТЫ АВТОБИОГРАФИИ Е.М. ПОСПЕЛОВА

Из его воспоминаний

27 января 1923 г. Родился в Санкт-Петербурге, который в то время назывался Петроградом, в Надеждинской больнице (ныне роддом им. Снегирёва). Родители в то время жили в доме у начала Екатерининского (позже Грибоедова) канала, но вскоре после моего рождения семья переселилась на Миллионную улицу (в советское время ул. Халтурина), в дом 11, кв.12. С этой квартирой связаны мои первые детские воспоминания, из неё же я в 1947 г. выехал в Москву.

В квартире на Миллионной наша семья занимала две смежные комнаты и кухню, выделенные «по уплотнению» из некогда большой квартиры бывшего жандармского офицера Загряжского. «Уплотнение» происходило по знакомству – женой Загряжского была просфирня храма Воскресения (на Крови), в котором служили священниками наши родственники: о. Василий Верюжский и о. Никифор Стрельников. Позже квартира была превращена в коммунальную, а в двух комнатах, оставшихся от моих родителей, до сего времени живет их внук (мой племянник) С.С. Поспелов.

С расположением дома в самом центре города связаны наиболее ранние детские впечатления: катание на лыжах по Неве напротив Петропавловской крепости, прогулки со старшим братом по Дворцовой площади, набережной Невы, Летнему саду.

1931–40 гг. Школа. Ещё до поступления в школу я умел читать, писать, считать и в середине 2-го класса был переведён в 3-й, но и в 4-м классе я уже знал все изучаемые в школе предметы. Таким образом, я закончил десятилетку за 9 лет, причём благодаря хорошему фундаменту учился легко, в основном на «хорошо» и «отлично».

Дома получил азы религиозного воспитания: ходил с родителями в церковь, читал книги по священной истории, знал основные молитвы, носил нательный крест. В школе всё это резко осуждалось и было быстро забыто. В послесоветское время, когда гонение на церковь прекратилось, с трудом удаётся вспомнить отдельные обрывки от полученных в детстве знаний.

Школа, в которой я учился (а до меня учились мой родной брат Сергей, двоюродные брат и сёстры Поспеловы), в советское время неоднократно меняла номера, а в прошлом была известна как немецкая школа "Peterschule". Школа была основана в 1710 г. сподвижником Петра Великого Корнелием Крюсом. В начале XX в. было построено современное здание (Невский, 22 / 24) с большими спортивным и актовым залами, мастерскими, лифтами и гордостью школы – медным колоколом. В числе наиболее знаменитых выпускников школы – зодчий К.И. Росси, композитор М.П. Мусоргский, педагог, врач и анатом П.Ф. Лесгафт, педиатр К. Раухфус, географ-этнограф В.В. Юнкер.

В наследство от «Петершуле» нашей «единой трудовой школе» досталась прекрасная библиотека, насчитывавшая свыше 40 тыс. томов. В моё время библиотекой заведовал Георгий Павлович Корольков. Я был в числе нескольких активистов, с большим старанием помогавших ему в его благородной работе. В память об этом увлечении, оставившем глубокий след во всей моей дальнейшей жизни, я бережно сохраняю подарок Г.П. – «Колье Брюньон» Р. Роллана (1936 г.) с его дарственной надписью.

В школе увлёкся геологией и с 7-го класса занимался в геологическом кружке при музее ЦНИГРИ (ныне «Всегеи», Средний проспект Васильевского о-ва, 72б). От кружка дважды ездил в экспедиции: в 1938 г. в район Тихвинского бокситового месторождения и в 1939 г. на слюдяные месторождения Северной Карелии (Чупа, Лоухи).

Июнь 1940 г. Поступил на 1-й курс Геолого-разведочного факультета Ленинградского горного института.

Июнь 1941 – сентябрь 1942 г. Начало Великой Отечественной войны. Призван в армию и как студент Горного института, изучавший геодезию, зачислен в Ленинградское военнотопографическое училище. Одним из последних эшелонов училище эвакуировано в Горьковскую (Нижегородскую) область, где после осенней полевой практики близ ст. Кудьма было размещено в бывшем монастыре у с. Абабково Павловского района, сменив в нём ушедший на фронт дисциплинарный батальон. Зимой 1941/42 гг. училище было фактически на самообеспечении при самом скудном продовольственном и вещевом тыловом снабжении.

В программе основное внимание уделялось дисциплинам тактического цикла, а специальная подготовка была на втором плане. Почти всю зиму занятия проводились в поле – учебных помещений было мало, а имевшиеся почти не отапливались. Было голодно, холодно и тесно, но, как позже выяснилось, эти условия могли считаться чуть ли не санаторными по сравнению с блокадным Ленинградом. Тем не менее от курсантов, почти сплошь питерцев, политорганы считали необходимым тщательно скрывать правду о вымиравшем и замерзавшем городе.

Сентябрь 1942 – май 1945 гг. Ленинградский фронт. В сентябре 1942 г. выпущен из училища в звании «лейтенант»

(два кубаря) и назначен топографом 2-го разряда в 3-й Топографический отряд, находившийся на Ленинградском фронте. До Ленинграда добирались несколько суток: от Нижнего Новгорода по железной дороге до пристани Кабоны, далее катером по Ладожскому озеру и от него снова по железной дороге до Ленинграда. В городе были приняты начальником Топографического отдела штаба фронта, размещавшегося в здании Главного штаба на Невском, и отправлены в отряд, штаб которого находился в конце Суворовского проспекта недалеко от Смольного.

В отряде я был назначен в подразделение, приданное Топографическому отделу штаба 55-й армии. Выполнять приходилось самые разнообразные топографо-геодезические работы: сгущение геодезических сетей, привязка боевых порядков артиллерии, съёмка инженерных сооружений, уточнение положения переднего края обороны, а в свободное от этих работ время – полевое исправление на мензуге топографических карт.

В ноябре 1942 г. при контроле огневой системы артиллерийско-пулемётного батальона, оборонявшего город Колпино, получил множественное осколочное ранение в предплечье правой руки. Таким образом, я имел честь пролить свою кровь, защищая родной город. На излечении провел около месяца в армейском эвакогоспитале, размещавшемся в бывшем Доме хлебопекарной промышленности. После выписки прошёлся по опустевшему городу, посмотрел на двери родного дома (родители уже были в эвакуации) и в тот же день вернулся к себе в подразделение.

В составе 55-й армии участвовал в боях за овладение посёлком Красный Бор, в прорыве блокады Ленинграда. В 1944 г. наше подразделение передавалось в другие армии Ленфронта (21-я, 42-я, 67-я) и принимало участие в наступательных операциях по полному снятию блокады на Карельском перешейке и на западном направлении (Красное Село, Ропша, Нарва и далее северное побережье Эстонии).

1945–46 гг. Топографические съёмки. Летом 1945 г. отряд выполнял мензульную съёмку в масштабе 1 : 100 000 территории, полученной СССР от Финляндии на севере Кольского полуострова в районе Петсамо и южнее. Для меня это была первая настоящая топографическая работа в необжитой местности Заполярья, начинённой минными полями, вдали от баз снабжения. В полевой сезон 1946 г. я занимался съёмкой карты 1 : 25 000 в западных районах Эстонии. Здесь был другой технический уровень (фотопланы) и местность с населением, не испытывавшим особой любви к своим «освободителям».

1947–53 гг. Военно-инженерная академия. К 1947 г. выяснилась нецелесообразность увольнения в запас по семейно-квартирным обстоятельствам и бесперспективность дальнейшей службы рядовым топографом. Для продвижения по службе требовалось высшее образование, а единственная академия топогеодезического профиля находилась в Москве. Ради получения образования пришлось покинуть Ленинград.

Летом 1947 г. я был зачислен слушателем Геодезического факультета Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. В то время обучение в академии продолжалось 5 лет и 10 месяцев с ежегодным участием в октябрьских и майских парадах на Красной

площади. Первый курс был общеобразовательный, а со 2-го курса происходило деление на специальности: геодезическую, фотограмметрическую и картографическую. Я выбрал картографическую специальность.

Начиная с курсовой работы на 3-м курсе, я стал заниматься вопросами транскрипции географических названий. В те годы, в соответствии с действовавшей военной доктриной, в сфере интересов военной картографии находился весь мир со всем многообразием языков и письменностей. Поэтому проблема обеспечения военных картографических предприятий правильной и единообразной русской передачей географических названий на зарубежных картах стояла очень остро. Этой же проблематике были посвящены последующие курсовые и дипломная работы. Защищённая в 1953 г. дипломная работа была оценена государственной комиссией на «отлично» и рекомендована к публикации. На её основе издана моя первая книга – «Транскрипция географических названий» (1957 г.). Получен *Диплом с отличием* (за всё время обучения только отличные и хорошие оценки).

Будучи слушателем академии, в 1950 г. женился на москвичке Евгении Алексеевне Пискарёвой (1923–2000), закончившей Исторический факультет МГУ и работавшей в Управлении делами Совмина СССР. В 1951 г. родились сыновья Михаил и Лев.

1953–60 гг. Начальник отделения транскрипции РИО ВТС. Окончив академию в звании майора, в 1953 г. назначен начальником отделения транскрипции Редакционно-издательского отдела Военно-топографической службы. Суть работы изложена в упомянутой выше книге. Собранные материалы были обобщены в диссертации «Методика установления географических названий и техника их воспроизведения на оригиналах карт», за которую была присуждена степень кандидата технических наук (1960 г.).

В 1954 г. вступил в члены Географического общества (Московский филиал). С 1957 г. начал сотрудничать с реферативным журналом «География» ВИНТИ (Всесоюзный институт научной и технической информации), для которого за 20 лет подготовил около 750 рефератов статей преимущественно по

топонимике. Работа в этом журнале обеспечивала постоянное знакомство с новейшей мировой топонимической литературой, что, по-видимому, повлияло на избрание меня в 1964 г. председателем Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР (МФ ГО).

Моя работа в МФ ГО не ограничивалась Топонимической комиссией: с 1969 г. я председатель редколлегии изданий Московского филиала, член Учёного совета и член президиума совета Московского филиала, член Учёного совета центральной организации общества, с 1995 г. – Почетный член РГО.

Активная научная работа вызвала желание перейти на преподавательскую работу в Академию, что требовало получения опыта практической работы по составлению карт, и поэтому в мае 1960 – августе 1962 гг. работал начальником отделения топографических карт Центральной научно-картографической части ВТС.

1962–74 гг. Преподаватель, старший преподаватель Военно-инженерной академии. В 1962 г. назначен преподавателем кафедры картографии Геодезического факультета ВИА им. В.В. Куйбышева. Вакансия образовалась в результате замены гражданского преподавателя географии на офицера в целях придания курсу большей военной направленности. Выполнение этой задачи требовало серьёзной работы. Первые два года прежняя общегеографическая направленность курса ещё сохранялась, причём одновременно на кафедре оперативно-тактической подготовки читался небольшой по объёму курс «Театры военных действий», единый для всех факультетов. Мне удалось объединить эти два курса в один – «Военная география (театры военных действий и военное страноведение)». Главным новшеством было рассмотрение геодезической и топографической обеспеченности территорий зарубежных стран как важнейшего (для специальностей Геодезического факультета) элемента оперативной подготовки будущих театров военных действий. А экономическая география зарубежных стран (население, хозяйство) рассматривалась как потенциал, обеспечивающий способность государства к военному сопротивлению. Один из важных результатов работы в этом направлении – книга «Картографическая изученность зарубежных

стран» (см. список литературы), которая в течение ряда лет использовалась в качестве пособия и в гражданских вузах.

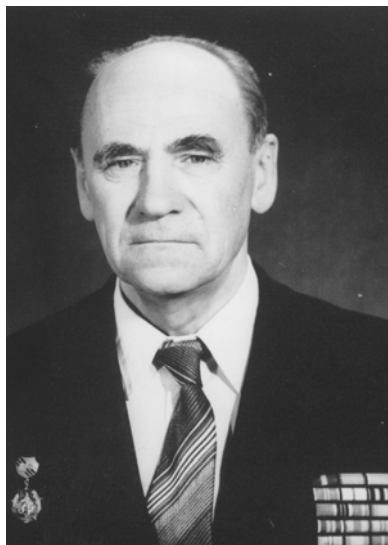
Наряду с военной географией постоянно приходилось читать курсы по различным картографическим дисциплинам. В эти годы много внимания уделялось и топонимике.

Ранее выполненные исследования по транскрипции названий привели к убеждению, что топонимика, широкая по своему содержанию, служит научной базой для практической транскрипции и что одним из практических разделов топонимики является картографическая топонимика. Одновременно взгляд на топонимику с позиций теории картографии показал важность использования в топонимических разысканиях картографического метода исследования, разработанного проф. К.А. Салищевым (МГУ). Так родилась книга «Топонимика и картография»; основанная на ней диссертация была успешно защищена в Институте географии АН СССР, и в 1972 г. мне была присуждена учёная степень доктора географических наук.

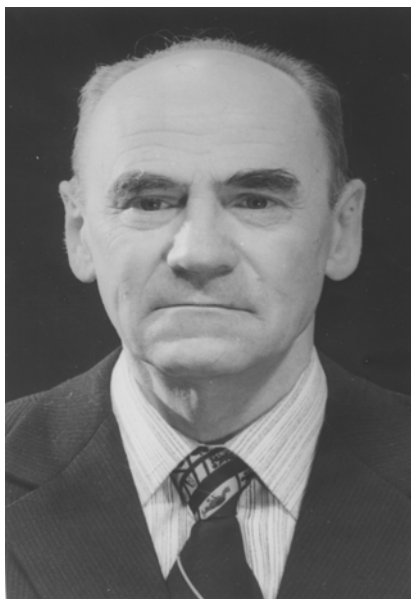
В 1968 г. назначен на должность старшего преподавателя, что дало возможность получить учёное звание доцента и воинское звание полковника (после 12 лет выслуги подполковником). Однако военная служба стала надоедать, и, прослужив 33 календарных года, я в 1974 г. подал рапорт на увольнение по выслуге лет (для полковника формально предельный возраст был 50 лет). Рапорт был принят, и в том же году я уволился в запас с выслугой 38 лет. После увольнения пошёл работать в МИГАиК, где был принят профессором кафедры полевой картографии.

1977–2003 гг. Профессор МОПИ. В МИГАиКе, где царил почти армейская дисциплина и культивировалась чуть ли не с религиозным фанатизмом партийная и всяческая общественная работа, я долго не задержался. В 1976 г. я подал документы на участие в конкурсе на заведование кафедрой страноведения в Московском областном педагогическом институте. Этой кафедрой обеспечивался курс картографии, которым я и хотел заниматься. С 1 января 1977 г. вступил в должность профессора – заведующего кафедрой. В первые годы главной задачей было совершенствование (осовременивание) курса картографии и создание элементарной материальной базы.

В 1983 г. был избран заведующим кафедрой экономической географии того же института. С 1988 г., достигнув 65-летнего возраста, стал работать профессором кафедры. Условия работы в педагогическом институте потребовали совершенствования собственных методических и педагогических знаний. С этой целью я провёл стажировку в Лаборатории обучения географии НИИ содержания и методов обучения Академии педагогических наук. Этим же была обусловлена тесная связь с журналом «География в школе» – публикация школьных топонимических словарей (см. список литературы) и популяризация топонимики.

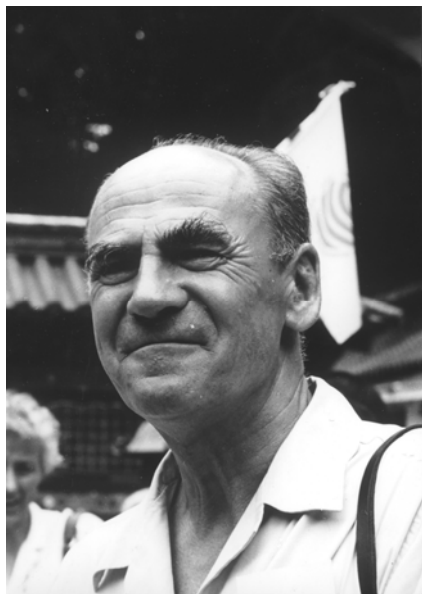

Подчинённость института администрации Московской области требовала от преподавателей института особого внимания к её запросам. Поэтому я стремился внедрить в учебный процесс сведения по топонимии области. Мной были опубликованы две книжки о географических названиях области и «Топонимический словарь Московской области» (2000 г., 3,5 тыс. названий).

Одним из важных аспектов работы в МОПИ была разработка топонимики в качестве весьма ценного и продуктивного источника историко-географической информации.

«Топонимика и историческая география» – тема ряда моих статей и название доклада, сделанного на XXIV Международном географическом конгрессе (Токио, 1980). Доклад был встречен с большим интересом, я был избран членом историко-географической секции Международного географического союза и в течение длительного времени получал приглашения на различные семинары, симпозиумы и т.п., но, естественно, что ни партком, ни финансовая база областного пединститута не дали возможности воспользоваться хотя бы одним из них.

В 1997 г. по состоянию здоровья перешёл на 0,25 ставки. Освобождённое от учебной работы время использовал для завершения и публикации ряда книг (см. список трудов). Из них наибольшее значение имеет большой топонимический словарь «Географические названия мира» (1998 г., 5 тыс. единиц). В 2001 г. вышло его 2-е, стереотипное издание.

2004–07 гг. На пенсии. По достижении 80-летнего возраста полностью отказался от преподавательской работы. Неотложным делом стала подготовка 3-го, исправленного и дополненного издания словаря «Географические названия мира» (выход в свет намечен в 2005 г.).

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Е.М. ПОСПЕЛОВА

Евгений Михайлович Поспелов – один из выдающихся российских учёных, географ и топонимист, хорошо известный научной общественности и массовому читателю у нас в стране, а также специалистам за рубежом. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что книги Е.М. Поспелова издавались и переиздавались

большими тиражами, а многие его работы, в том числе доклады на международных съездах и конференциях, были переведены на иностранные языки.

Будучи военным топографом и по образованию картографом, Е.М. Поспелов публиковал много работ в области картографии (см. список его публикаций в настоящем сборнике). Естественно, с самого начала его научной деятельности учёный не мог пройти мимо лингвистического аспекта нагрузки карт. Отсюда устойчивый интерес к топонимике, который вылился в многолетние исследования географических названий. Эти успешные параллельные занятия сделали Е.М. Поспелова в равной степени географом и топонимистом, тем более что он проявлял большие способности к языкам и был знаком со многими теоретическими работами в области лингвистики. Можно сказать, таким образом, что любая его топонимическая работа тесно связана с географией, и наоборот: картографические проблемы, рассматриваемые в его трудах, небезразличны для топонимики. Налицо яркая демонстрация того общего положения, что топонимика – наука комплексная, имеющая междисциплинарный характер.

На заседании Топонимической комиссии МЦ РГО.
На фото Г. Паверина; в президиуме слева направо:
А.Л. Шилов, Е.М. Поспелов, Р.А. Агеева.

Российским специалистам хорошо знакомы теоретические работы Е.М. Поспелова о методах топонимических исследований, о топонимической изученности территорий, о применении математико-статистических методов в топонимике и др. Так, учёный посвятил ряд работ методике изучения субстратной топонимии: картографическому методу (см. статью «Картографирование как метод исследования субстратной топонимики», 1967), а также исследованию географических терминов («Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера», 1970). Эти и другие теоретические вопросы нашли отражение в докторской диссертации Е.М. Поспелова (1970) и последовавшей за ней монографии («Топонимика и картография», 1971), получившей положительные отзывы в рецензиях отечественных и зарубежных учёных. Затем вышли из печати монография «Картографическая изученность зарубежных стран» (1975), серия статей о местных географических терминах и др.

Следует особо отметить работы Е.М. Поспелова в области применения топонимики для историко-географических реконструкций. В статье «Топонимика и историческая география» (1976), в предисловии к сборнику «Топонимика на службе географии» (1979), в статьях «Топонимические методы историко-географических реконструкций» (1981), «Историческая география Москвы в зеркале топонимики» (1985), «Топонимика в историко-географическом изучении городов» (1992) и др. убедительно показана важность топонимических данных для исторической географии в целом, физической и социально-экономической географии, исторической картографии и источниковедения.

Большое внимание Е.М. Поспелов обращал на региональную топонимику. Здесь наблюдается широкий охват исследованной им территории: севернорусская топонимия, гидронимия Центральной Азии, топонимия Южного Приморья, Австралии и Новой Зеландии, Филиппинских островов, Полинезии и т.д. Обширные знания учёного в области топонимии различных стран мира привели его к созданию фундаментального топонимического словаря «Географические названия мира» (1998), выдержавшего несколько изданий. Кроме того, следует отметить другие опубликованные им большие словари: «Историко-топонимический словарь России» (1999–2000); «Топонимический словарь Московской области» (2000); учебный «Топонимический словарь» (2002); «Географиче-

ские названия России» (2003). Эти крупные работы явились своеобразным обобщением, итогом всей творческой деятельности Е.М. Поспелова.

Много лет исследователя интересовала и топонимия городов (названия городов и внутригородская топонимия), см., например, статьи «Урбанизация и топонимика» (1975), «Топонимика и динамика городского ландшафта» (1976), книги «Имена городов и сёл: вчера и сегодня» (1993), «Названия городов и сёл» (1996), «Названия подмосковных городов, сёл и рек» (1999), Топонимический словарь Московской области» (2000) и др. Коренной петербуржец, но много лет проживший в Москве, Е.М. Поспелов уделил много внимания своей второй родине, изучая внутригородскую топонимию столицы. После ряда предварительных статей на эту тему (самая большая – «Сельская топонимия Москвы», 1997) Евгений Михайлович принял участие в коллективных работах «Улицы Москвы: Старые и новые названия» (2003; в этой книге он выступил и в качестве ответственного редактора) и «Имена московских улиц: Топонимический словарь» (2007).

С конца 80-х годов прошлого века Е.М. Поспелов активно включается в борьбу за восстановление исторических названий в СССР, и в особенности в Москве и Московской области, публикуя ряд статей: «Красная книга топонимов Московской области» (1989), «Персональные мемориальные названия» (1989), «Переименования городов и сёл в СССР» (1990), «Переименования и восстановление исторических названий» (1990), «Восстановленные и новые названия населённых пунктов в России и ближнем зарубежье» (1993) и др. Разработке этой темы способствовало и многолетнее членство профессора Поспелова в Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы.

Большой вклад внёс Е.М. Поспелов в развитие прикладной топонимики в нашей стране. Уже упоминалось о том, что он проявлял неизменный интерес к применению топонимики в процессе создания географических карт и к связанной с этим другой проблеме – применению картографического метода исследования в топонимике. Среди публикаций Е.М. Поспелова важное место занимают статьи, посвящённые транскрипции и стандартизации географических названий (см., например, ряд работ о передаче географических названий на картах в журнале «Геодезия и карто-

графия» и других изданиях, в том числе статью «О применении электронной техники для передачи иноязычных географических названий на картах», 1959); изменениям географических названий на картах; географической терминологии; созданию топонимических атласов, справочников и словарей географических названий. Так, в своё время Е.М. Поспелов активно поддержал идею создания Топонимического атласа Центра Европейской части СССР (статья «Содержание Топонимического атласа Центра», 1974; к сожалению, эта ценная инициатива учёных до сих пор не воплотилась в жизнь) и в связи с этим опубликовал «Материалы к Топонимическому словарю Московской области» (1979).

Особый интерес вызывали у Е.М. Поспелова вопросы преподавания топонимики в средней и высшей школе. В 1981 г. им опубликовано пособие для учителей «Топонимика в школьной географии»: в нём в популярной форме рассказано о научном и практическом значении топонимики, о применении топонимики для изучения политической карты мира, истории географических открытий, о роли топонимики в краеведческой и внеклассной работе и т.д. В 1981–1988 гг. выходит целый ряд статей на эти темы, в том числе посвящённых номенклатуре различных курсов географии для средней школы. В 1984 г. вопрос об использовании топонимики в школьных курсах географии даже выносится Е.М. Поспеловым в виде доклада на XV Международный конгресс по ономастике в Лейпциге, из чего видно, какое большое значение придавал Евгений Михайлович топонимическим знаниям школьников. В 1988 г. он публикует «Школьный топонимический словарь», а в 2000 г. в качестве дополнительного учебного пособия для учащихся среднего и старшего возраста – «Школьный словарь географических названий», в который включены самые важные и самые интересные в географическом отношении объекты (свыше 1500 топонимов мира). Основное назначение этого словаря – оказать помощь в изучении географии. Важно то, что в словаре указано ударение в названиях, приложены вспомогательные списки и словарики, в том числе список важнейших переименований, изменённых названий и вторых названий. Вводная статья знакомит школьников с основами топонимики.

Просветительские устремления Евгения Михайловича распространялись не только на школьников и студентов. В 1988 г. он выпустил книгу «Туристу о географических названиях», предна-

значенную для любителей путешествий, экскурсионных работников, краеведов и широкого круга читателей. В популярной форме рассказывая о происхождении и значении названий географических объектов, автор надеялся на то, что эти знания помогут туристам не только сознательно воспринимать названия посещаемых мест, но и самим участвовать в сборе топонимического материала.

Практическая направленность работы Е.М. Поспелова-топонимиста хорошо видна и из его публикаций библиографических обзоров и указателей. Так, в 1974 г. вышел составленный Е.М. Поспеловым совместно с двумя другими авторами аннотированный указатель «Топонимические карты».

Е.М. Поспелов был также одним из авторов «Руководства для собирания топонимов, микротопонимов, местных географических терминов и построения топонимических картотек центральных областей Европейской части СССР» (1970).

Регулярно публиковал Евгений Михайлович и статьи о состоянии топонимических исследований в нашей стране и за рубежом, хроникальные заметки о топонимических съездах и конференциях, живо откликался рецензиями на большинство новых публикаций по топонимике.

Топонимические работы Е.М. Поспелова неизменно отличаются богатством информации, комплексным подходом к топонимическим исследованиям, высоким научным уровнем, простым и ясным стилем изложения, обилием иллюстративного материала. Научные труды Евгения Михайловича Поспелова внесли большой вклад в теоретическую и прикладную топонимику, способствовали широкой популяризации и пропаганде топонимических исследований.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Е.М. ПОСПЕЛОВА¹

Принятые сокращения

- ВГ – Вопросы географии
ВИА – Военно-инженерная академия

¹ Список составлен Е.М. Поспеловым, дополнен и отредактирован редколлекцией сборника.

ВО	– Вопросы ономастики
ВТС	– Военно-топографическая служба
ВЯ	– Вопросы языкознания
ГК	– Геодезия и картография
ГШ	– География в школе
ГУГК	– Главное управление геодезии и картографии
ИАН	– Известия АН СССР. Серия географическая
ИТС	– Информационно-технический сборник
ММФ	– Материалы Московского филиала Географического общества СССР
МФГО	– Московский филиал Географического общества СССР
ИГО	– Известия Всесоюзного географического общества
РИО	– Редакционно-издательский отдел
РР	– Русская речь
РЯШ	– Русский язык в школе
СДТ	– Советы депутатов трудящихся
Сов.	– советский
ТВ	– Топонимика Востока
ФН	– Филологические науки

1956

1. О стабилизации транскрипции географических наименований // Сб. науч.-теорет. и произв. ст. по геодезии, аэрофототопографии и картографии. М.: РИО ВТС. Вып. 1. С. 111–119.

1957

2. Транскрипция географических названий. М.: РИО ВТС. 136 с.

3. Вопросы транскрипции географических названий в связи с выходом «Правил русской орфографии и пунктуации» // ГК. № 5. С. 50–53.

4. Почему названия разные // Сов. печать. № 6. С. 59.

1958

5. Транскрипция географических названий в США // ГК. № 2. С. 64–67.

6. Согласование географических названий на картах различных масштабов // ИТС ВТС. № 50. С. 22–27.

7. Постановка транскрипционного дела за рубежом // Транскрипция географических названий: Тез. докл. М. С. 8–10.
8. Недостатки официальных справочников // СДТ. № 4. С. 90–91 (соавтор А.Г. Шигер).
9. О географических названиях // Известия. 8.07. С. 2.

1959

10. Некоторые вопросы передачи географических названий на картах // ГК. № 10. С. 67–69.
11. Нерешённые вопросы в правилах передачи географических названий на картах // Вестн. тр. Акад. Т. 150. ВИА им. В.В. Куйбышева. С. 1–11.
12. О применении электронной техники для передачи иноязычных географических названий на картах // Там же. С. 12–21.
13. Рец. на серию изданных в США списков географических названий отдельных стран // ИГО. № 2. С. 197–200.
14. Совещание по вопросам транскрипции географических названий // ГК. № 3. С. 76–78.

1960

15. Современное состояние транскрипции географических названий на международной карте мира масштаба 1 : 1 000 000 // Сб. ст. по картографии ГУГК. М. Вып. 11. С. 7–11.
16. Транскрипция географических названий в Чехословакии и Польше // Там же. С. 13–18.
17. Постановка транскрипционного дела за рубежом // Транскрипция географических названий: Тр. совещ., состоявшегося 28–31 янв. 1959 г. / Ин-т географии АН СССР. М. С. 31–41, 106–107.
18. Установление и транскрибирование географических названий при обновлении топографических карт // ИТС ВТС. № 57. С. 14–17.
19. Имя В.И. Ленина на географической карте // ГШ. № 2. С. 2–4.
20. Упорядочить присвоение географических названий // СДТ. № 7. С. 76–77 (соавтор В. Кравцов).
21. О «Словаре местных географических терминов» // ГК. № 7. С. 75–76.

1961

22. О значении топонимики в подготовке топографов и картографов // Изв. вузов. Геодезия и аэрофотосъёмка. № 6. С. 117–118.
23. Постановление транскрипционного дела в странах зарубежного Востока // Совещание по топонимике Востока: Тезисы докладов. М. С.22–24.
24. Транскрипция географических названий стран Востока // ГК. № 9. С. 45–46.
25. Названо именем Ленина // Природа. № 4. С. 43–48.
26. Важнейшие изменения названий географических объектов в связи с изменениями на политической карте мира // *Шигер А.Г.* Политическая карта мира (1900–1960): Справочник. М.: Госполитиздат. С. 181–191.
27. Подписи на французских картах // ГК. № 8. С. 71–74.
28. Рец. на кн.: Словарь русской транскрипции географических названий. М.: Учпедгиз, 1955. Ч. 1.; М.: Учпедгиз, 1959. Ч. 2. // ИГО. № 3. С. 270–273.
29. Крыша мира (рец. на кн.: *Крыленко Н.В.* По неисследованному Памиру. М.: Географгиз, 1960) // Природа. № 5. С.119–120.
30. Путешествия учёного (рец. на кн.: *Щербаков Д.И.* От Арктики до тропиков. М.: Сов. Россия, 1960) // Природа. № 7. С. 121–122 (соавтор М.М. Каплун).

1962

31. Применение картографического метода исследования в топонимике // Принципы топонимики: Материалы к совещ. М.: Изд-во АН СССР. С. 23–27.
32. Топонимика и картография // Географические названия. М.: Географгиз. С. 7–16. (ВГ; Сб. 58).
33. Географические карты как источник топонимического исследования // Республіканська ономастична нарада 2: Тези. Київ. С. 81–84.
34. Постановление транскрипционного дела в Азии и Африке // ТВ. М.: Изд-во вост. лит. С. 123–129.
35. Память об Отечественной войне 1812 года в названиях на карте мира // Тр. Акад.: Материалы науч. сес., посвящ. 150-летию Отечественной войны 1812 года. М.: Изд-во ВИА им. В.В. Куйбышева. № 198. С. 83–86.

36. История географических названий (рец. на кн. *Узина С.В.* О чём молчит карта. М.: Географгиз, 1959; Тайны географических названий. М.: Географгиз, 1961) // Природа. № 3. С. 123–124.

1963

37. Топонимическая конференция // ГК. № 2. С. 75–76.

38. Рец. на кн.: *Топоров В.Н.*, *Трубачёв О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // ИАН. № 6. С. 127–128.

39. История Сов. Армии, отражённая в названиях (рец. на кн.: *Кузьмин Н.Г.* Имени воинов-героев. М.: Воениздат, 1961) // Воен.-ист. журн. № 2. С. 105–106.

40. La toponymie en cartographie // Atti e memorie del VII Congresso di scienze onomastiche. Firenze. P. 137–142.

41. Nejdůležitější změny zeměpisných názvů v souvislosti se změnami v politické mapě světa // Šiger A.G. Politická mapa světa (1900–1962). Praha. S. 211–224.

1964

42. Применение картографического метода исследования в топонимике // Принципы топонимики. М.: Наука. С. 100–121.

43. Топонимика в географическом образовании // Там же. С. 138–140.

44. Раздел «Транскрипция географических названий» // Топонимический минимум: Указ. лит. М.: МФ ГО. С. 21–23.

45. Место топонимики в географическом образовании // ИГО. № 4. С. 337–340.

46. К изучению топонимии Полинезии // ТВ. Новые исследования. М.: Наука. С. 51–54.

47. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат // Микротопонимия: Тез. совещ. М.: Изд-во МГУ. С. 9–10.

48. Количественные характеристики на топографических картах // Тр. ВИА им. В.В. Куйбышева. Вып. 210. С. 180–185.

49. Картографический анализ лингвистических атласов // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии: Тез. докл. М.: Наука. С. 7–10.

1965

50. Топонимические атласы и перспективы их составления // Всесоюзная конференция по топонимике СССР, 28 янв. – 2 февр. 1965 г.: Тез. докл. и сообщ. Л.: Геогр. о-во СССР. С. 46–51.
51. Картографические источники топонимического исследования // Питання ономастики. № 2. С. 60–67.
52. О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике // ВЯ. № 2. С. 29–38.
53. Севернорусская субстратная гидронимия на *-кса, -кша* // Вопросы ономастики: Тез. докл. Ярославль: Яросл. ГПИ им. К.Д. Ушинского. С. 23–25.
54. Рец. на кн.: Итоги науки. Картография. 1962. М.: ВИНТИ, 1964 // ГК. № 4. С. 70–73.
55. Современная карта зарубежного мира (рец. на кн.: *Шигер А.Г.* Современная карта зарубежного мира. М.: Мысль, 1965) // В мире книг. № 8. С. 10.
56. Топонимическая литература США // Иностранная литература по топонимике. М.: Книга. С. 14–21.
57. Первая Всесоюзная конференция по топонимике // ИАН. № 3. С. 142–145.
58. Региональные топонимические атласы // Республиканська ономастична (гідронімічна) конференція. 3-я: Тези. Київ: Наук. думка. С. 15–18.

1966

59. Важнейшие изменения названий географических объектов в связи с изменениями на политической карте мира (1900–1965 гг.) // *Шигер А.Г.* Политическая карта мира (1900–1965 гг.). 2-е изд., доп. М.: Госполитиздат. С. 185–198.
60. Топонимическая изученность территории: Методика оценки // Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР: Тез. докл. и сообщ. Рига. С. 3–5.
61. Современное состояние топонимики в СССР // ИАН. № 4. С. 3–13.
62. Математико-статистические методы в топонимике // Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 28–40. (ВГ; Сб. 70)
63. Топонимика в трудах В.П. Семёнова-Тян-Шанского // Там же. С. 97–102.

64. Географическая терминология в анализе субстратной топонимии // Местные географические термины в топонимии: Тез. докл. и сообщ. М. С. 14–16.

65. Некоторые картографические вопросы лингвистической географии // Сов. славяноведение. № 1. С. 52–63.

66. La toponymie en U.R.S.S. // Cahiers de géographie de Québec. T. 10, № 20. P. 241–252.

67. Научное редактирование: Местные географические термины в топонимии: Тез. докл. и сообщ. М. 34 с. (соредакторы Э.М. Мурзаев, Н.И. Толстой).

1967

68. Картографирование как метод исследования субстратной топонимики // ВЯ. № 1. С. 80–91.

69. Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат // Микротопонимия. – М.: Изд-во МГУ. С. 23–30.

70. Субстратная топонимика Волго-Окского междуречья // ММФ. Топонимика. Вып. 1. С. 12–14.

71. К изучению топонимики Южного Приморья // Там же. С. 14–15.

72. Топонимическая изученность центральных областей Европейской части СССР // ММФ. Топонимика. Вып. 2. С. 17–20.

73. Новое топонимическое издание // Там же. С. 38.

74. Топонимическая картография в СССР // Беларуская анаматычная канферэнцыя. 1-я. Тапанімія. 1–3 снежня 1967 г.: Тез. дакл. Мінск. С. 5–6.

75. Относительная достоверность названий на старинных картах // История топонимики в СССР: Тез. докл. М. С. 33–35.

76. Научное редактирование: История топонимики в СССР: Тез. докл. М. 42 с.

77. Рец. на кн.: Russisches geographisches Namenbuch. Bd. 1, 2. Wiesbaden, 1962–1967 // ВЯ. № 4. С. 116–118.

78. Научное редактирование: ММФ. Аэрометоды. Вып. 1. 24 с. (соредактор Л.М. Гольдман).

79. Научное редактирование: ММФ. Аэрометоды. Вып. 2. 20 с. (соредактор Л.М. Гольдман).

80. Научное редактирование: ММФ. Топонимика. Вып. 1. 34 с.

81. Научное редактирование: ММФ. Топонимика. Вып. 2. 40 с.

82. The present state of toponymy in the USSR // Soviet Geography (USA). Vol. 8, № 4. P. 234–247.

1968

83. О методике топонимического исследования // Сов. финно-угроведение. Т. 4, № 1. С.49–51.

84. Картографическая топонимика // Итоги науки. Картография. 1965–1967. М.: ВИНТИ. Вып. 3. С. 161–170.

Рецензия:

Golaski J. Polski przegląd kartograficzny. 1969. Т. 1, № 3. С. 23–24.

85. Вьетнам глазами советского географа (рец. на кн.: *Мурзаев Э.М.* Путешествие в жаркую зиму. М.: Мысль, 1967) // ГШ. № 5. С. 93–95.

86. Научное редактирование: *Гальперин Г.Л.* Англо-русский словарь по картографии, геодезии и аэрофототопографии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. энциклопедия. 425 с.

87. Картографические термины (0,8 печ. л.) // Краткий топографо-геодезический словарь-справочник. М.: Недра. 221 с.

1969

88. Оронимика СССР: Состояние и проблемы // Оронимика: Советские ученые – X Международному конгрессу ономастических наук. М. С. 4–7.

89. Советская топонимика за 50 лет // ММФ. Топонимика. Вып. 3. С. 4–8.

90. К 60-летию Эдуарда Макаровича Мурзаева // Там же. С. 32–34.

91. Топонимия Австралии и Новой Зеландии // ТВ. Исследования и материалы. М.: Наука. С. 208–221.

92. Географические названия Филиппинских островов (рец. на ст.: *Chamberlain A.F.* Notes on the Phillippines from the American Artiquarier // *J. East Asiatic Stud.* Vol. 8, № 3/4. P. 33–57) // Там же. С. 233–234.

93. Некоторые проблемы теории топонимической картографии // Республиканська ономастична конференція. 4-я: Тези. Київ: Наук. думка, 1969. С. 214–217.

94. Научное редактирование: ММФ. География Центра. Вып. 1. 56 с.

95. Научное редактирование: ММФ. Аэрометоды. Вып. 3. 32 с. (соредактор Л.А. Богомолов).

96. Научное редактирование: ММФ. Топонимика. Вып. 3. 35 с. (соредактор В.Д. Беленькая).

97. Problems of correlation national and international standardization of Geographical names, Geneva, 4–22 Sept. 1967. N.Y. Vol. 2. (соавтор А.М. Комков).

1970

98. Картографическая изученность капиталистических и развивающихся стран // Итоги науки. Картография. 1967–1969. М.: ВИНТИ. Вып. 4. С. 133–143, библиогр. с. 143–147.

99. Руководство для собирания топонимов, микротопонимов, местных географических терминов и построения топонимических картотек центральных областей Европейской части СССР. М. 15 с. (соавторы Г.П. Бондарук, Н.В. Подольская).

100. Относительная достоверность названий на старинных картах // Развитие методов топонимических исследований. М.: Наука. С. 91–99.

101. Научное редактирование: Развитие методов топонимических исследований. М.: Наука. 112 с.

102. Географические карты и топонимические этимологии // ИГО. № 3. С. 283–285.

103. Тапанімічная картаграфія ў СССР // Пытанні беларускай тапанімікі. Мінск: Вышэйшая школа. С. 31–38.

104. Топонимические труды Э.М. Мурзаева (к 60-летию со дня рождения) // Местные географические термины. М.: Мысль. С. 5–15. (ВГ; Сб. 81).

105. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Там же. С. 96–105.

106. Изучение местных географических терминов: Предисловие к кн.: Местные географические термины. М.: Мысль. С.3–4 (соавтор Н.И. Толстой). (ВГ; Сб. 81).

107. Научное редактирование: Местные географические термины. М.: Мысль. 224 с. (ВГ; Сб. 81). (со-редактор Н.И. Толстой).

108. Професор Є.М. Мурзаєв як топоніміст // Повідомлення Української ономастичної комісії. Київ. Вип. 8. С. 25–32 (соавтор К.К. Цілуйко).

109. Научное редактирование: ММФ. Аэрометоды. Вып. 4. 38 с. (со-редакторы Л.А. Богомолов, Л.М. Гольдман).

110. Научное редактирование: ММФ. Аэрометоды. Вып. 5. 32 с. (со-редактор Л.А. Богомолов).

111. Научное редактирование: ММФ. География Центра. Вып. 2. 37 с.

112. Научное редактирование: ММФ. Топонимика. Вып. 4. 36 с. (соредактор В.Д. Беленькая).

1971

113. Топонимика и картография: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М. 34 с.

114. Топонимика и картография. М.: Мысль. 256 с.

Рецензии:

Назаревский О.Р. Полезная книга, родившаяся на стыке многих научных дисциплин // ИАН. 1972. № 3. С. 171–173;

Жучкевич В.А. Географам, историкам и языковедам // В мире книг. 1972. № 4. С. 13;

Коен Б., Младенов М. // Сборник от материали по правопис и транскрипция на географските имена. София, 1972. № 2. С. 45–48;

Golaski J. // Polski przegląd kartograficzny. 1973. № 4. S. 171–173.

115. Лениниана в топонимии городов мира // ММФ. Топонимика. Вып. 5. С. 5–6.

116. Топонимический атлас Центра // Там же. С. 11–13.

117. Топонимический атлас Калужской области // Краеведческая конференция Калужской области. 3-я (юбилейная): Тез. докл. Калуга; Обнинск. С. 271–273.

118. Региональные топонимические атласы // Питання гідроніміки. Київ: Наук. думка. С. 17–23.

119. Топонимическая комиссия в 1969/70 гг. // ММФ. Топонимика. Вып. 5. С. 3–4.

120. Научное редактирование: ММФ. География Центра. Вып. 3. 99 с.

121. Научное редактирование: ММФ. Топонимика. Вып. 5. 37 с.

122. Съотносителни проблеми между националното и интернационално нормализиране на географските названия // Сборник от материали по правопис и транскрипция на географските имена. София. № 1. С. 37–41 (соавтор А.М. Комков).

1972

123. Картографическая изученность морей и океанов // Итоги науки и техники. Картография. Т. 5. С. 151–158, библиогр. с. 159–162.

124. Построение и источники Топонимического атласа Центра // Топонимия Центра: Тез. докл. М. С. 7–9.

125. Научное редактирование: Топонимия Центра: Тез. докл. М. 32 с.

126. Научное редактирование: Вопросы топонимики СССР: Материалы Топонимической комиссии 1970/71 и 1971/72 гг. М.: МФГО. 59 с.

127. Научное редактирование: Аэрометоды географических исследований. М.: МФГО. 40 с. (соредактор Л.А. Богомолов).

128. Рец. на кн.: *Шигер А.Г.* Современная карта зарубежного мира: Адм.-террит. деление зарубежных стран: Справочник. М.: Мысль, 1971 // ИАН. № 5. С. 136–137.

129. Топонимика в историко-географических исследованиях в СССР // Congrès international des sciences onomastiques. 11-е. Sofia. P. 57.

130. Interaction of languages in Soviet Toponymy // Les noms de lieux et le contact des langues. Québec. P. 155–164.

1973

131. Топографические карты капиталистических и развивающихся стран. М.: Изд-во ВИА им. В.В. Куйбышева. 261 с.

132. Картографические термины (0,8 печ.л.) // Краткий топографо-геодезический словарь-справочник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Недра. 280 с.

133. Конференция по топонимии Центральной России // История СССР. № 1. С. 221–222.

134. Научное редактирование: Тематическая картография. М.: МФГО. 56 с. (соредакторы М.М. Меклер, Ю.В. Аристов).

135. Научное редактирование: Аэрометоды изучения местности. М.: МФГО. 32 с. (соредактор Л.А. Богомолов).

1974

136. Картографирование городов // Итоги науки и техники. Картография. М. Т. 6. С. 133–141, библиогр. с. 141–144.

137. Топонимические карты: Аннот. указ. М.: Гос. Б-ка СССР им. В.И. Ленина. 132 с. (соавторы Г.Н. Мозговая, С.М. Гуль).

138. Содержание Топонимического атласа Центра // Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 34–58. (ВГ; Сб. 94).

139. Топонимия Центральной России (Предисловие) // Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 3–4. (ВГ; Сб. 94).

140. Научное редактирование: Топонимия Центральной России. М.: Мысль. 222 с. (ВГ; Сб. 94).

141. Улицы города Горького (рец. на кн.: Улицы города Горького: Справочник. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1972. 168 с. // Исследования по топонимике. М.: МФГО. С. 60–61.

142. Научное редактирование: Исследования по топонимике: Материалы Топонимической комиссии 1972/73 гг. М.: МФГО. 62 с. (соредактор Н.В. Подольская).

143. Научное редактирование: Современные вопросы картографии. М.: МФГО. 72 с. (соредактор М.М. Меклер).

144. Научное редактирование: Аэрометоды в географии. М.: МФГО. 30 с. (соредактор Л.А. Богомолов).

145. Топонимическая комиссия в 1972/73 г. // Исследования по топонимике. М.: МФГО. С. 58–59.

1975

146. Картографическая изученность зарубежных стран. М.: Недра. 295 с.

Рецензии:

Леонтьев Н.Ф. Новая книга по картографической изученности зарубежных стран // ИАН. 1976. № 2. С.147–149;

Иваньков П.А. // Изв. ВГО. 1976. № 108. Вып. 3. С. 261–262.

147. Составление и редактирование карт. М.: Изд-во ВИА. 328 с. (автор 25 % содержания и общая редакция; соавторы П.А. Иваньков, Н.К. Береснев, А.Б. Кезлинг).

148. Топонимика в историко-географических исследованиях в СССР // Congrès International des sciences onomastiques. 11-e: Actes. Sofia. P. 177–180.

149. Урбанизация и топонимика // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО. С. 20–27.

150. Популярные топонимические работы // Там же. С. 71–75.

151. 50 лет переименования Петрограда в Ленинград // Там же. С. 85–90.

152. Пропаганда географических знаний Географическим обществом СССР // Материалы VI съезда Географического общества СССР: Докл. на пленарных заседаниях. Л. С. 135–149 (соавторы А.Н. Михайлов, Л.И. Сенчура, П.Г. Сулягин).

153. Использование материалов обновления топографических карт для изучения влияния хозяйственной деятельности на природу

ду // Всесоюзная конференция по тематическому картографированию (Киев, 1975). 6-я. М. С. 143–145.

154. В мире географических названий (рец. на кн.: *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.) // Природа. № 7. С. 107–109.

155. Научное редактирование: Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО. 99 с. (соредактор Н.В. Подольская).

156. Научное редактирование: Региональные географические словари. М.: МФГО. 32 с. (соредактор В.А. Никонов).

157. Научное редактирование: Аэрометоды изучения природной среды. М.: МФГО. 40 с. (соредактор Л.А. Богомолов).

1976

158. Современные тенденции топографического картографирования // Итоги науки и техники. Картография. М.: ВИНТИ. Т. 7. С. 192–201, библиогр. с. 202–203.

159. Туристские карты // Там же. С. 183–189, библиогр. с. 189–191.

160. Информационная роль подписей названий на картах // Международная картографическая конференция. 8-я. Тез. докл. 7: Коммуникация в картографии. М. С. 1–7.

161. Топонимика и динамика городского ландшафта // Актуальные направления современной географии. М.: МФГО. С. 180–190.

162. Топонимика и историческая география // Топонимика и историческая география. М.: МФГО. С. 4–9.

163. Топонимический словарь Белоруссии (рец. на кн.: *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974) // Там же. С. 73–75.

164. Десять студенческих научных конференций по топонимике // Там же. С. 79–82.

165. Научное редактирование: Топонимика и историческая география. М.: МФГО. 84 с.

166. Научное редактирование: Аэрометоды при географических и инженерных изысканиях в СССР. – М.: МФГО. 38 с. (соредактор Л.А. Богомолов).

167. Научное редактирование: Актуальные проблемы советской картографии. М.: МФГО. 58 с. (соредакторы М.М. Меклер, Л.Ф. Январева).

1977

168. Из истории отечественной топонимики: Развитие топонимических идей и методов в России XVIII–XIX вв. // ИАН. № 3. С. 94–103.
169. Рец. на кн.: Иностраннные атласы, 1960–1974: Аннот. указ. М., 1976. 186 с. // Сов. библиография. № 1. С. 93.
170. Рец. на кн.: *Малинская Б.А., Мдивани Р.Р., Шабат М.Ц.* Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 г. М.: ИНИОН АН СССР. 205 с. // Сов. библиография. № 2. С. 87–88.
171. Лениниана на карте Советского Союза (рец. на кн.: *Ерофеев И.А.* Имя Ленина на карте Родины. М.: Просвещение, 1977. 224 с.) // ГШ. № 6. С. 87.
172. Научное редактирование: Охрана природы. М.: МФГО. 92 с. (соредактор Б.А. Лиханов).
173. Имя на карте (14 популярных топонимических заметок) // На боевом посту. 2.03. – 29.12.

1978

174. Картографические информационные центры и фонды // Итоги науки и техники. М.: ВИНТИ. Т. 8. С. 22–36.
175. Местные географические термины в топонимии // Ономастика: Проблемы и методы. М.: ИНИОН АН СССР. С. 97–113.
176. Местная географическая терминология и топонимика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. № 4. С. 367–369 (соавтор В.Д. Беленькая).
177. Топонимия в поэзии А.С. Пушкина // International congress of onomastic sciences. 13th. Nomina appellativa et nomina propria. Summaries of the papers. Cracow. P. 199.
178. Принцип системности в школьной картографии // Системное картографирование природных и социально-экономических комплексов: Тез. докл. VII Всесоюз. конф. по тематическому картографированию. М. С. 129–131.
179. Не удивляйтесь при чтении! (рец. на кн.: *Степанов А.И.* Русский берег: История географических названий. Владивосток, 1976) // Мор. сб. № 3. С. 109–111.
180. Географические названия в странах английского языка (рец. на кн.: *Беленькая В.Д.* Очерки англоязычной топонимики. М.: Высш. шк., 1977) // ИАН. № 6. С. 157–160.

181. Масштаб и масштабный // РР. № 2. С. 94–95.

182. Научное редактирование: *Гальперин Г.Л.* Эфиопия: население, ресурсы, хозяйство. М.: Наука. 274 с.

183. Имя на карте (6 популярных топонимических заметок) // На боевом посту. 31.01 – 22.09.

1979

184. Понятия «план местности» и «топографическая карта» в школе // ГШ. № 5. С. 33–35.

185. Картографическая топонимика в исторической географии // Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 143–149 (ВГ; Сб. 110).

186. Топонимика и география: Предисловие // Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 9–10 (ВГ; Сб. 110).

187. Научное редактирование: Топонимика на службе географии. М.: Мысль. 208 с. (ВГ; Сб. 110).

188. Материалы к топонимическому словарю Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО. С. 112–136.

189. Задачи изучения восточнославянской топонимии: Предисловие // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО. С. 3–5 (соавтор Р.А. Агеева).

190. Научное редактирование: Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО. 152 с. (соредактор Р.А. Агеева).

191. 156 словарных статей о местных географических терминах (0,7 печ. л.) // Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия.

192. Научное редактирование: *Мурзаев Э.М.* География в названиях. М.: Наука. 168 с.

193. Картографические термины (1,1 печ. л.) // Краткий топографо-геодезический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Недра.

1980

194. Картография в новом издании учебника для 6-го класса // ГШ. № 2. С. 43–45.

195. Карты в лекционной пропаганде // Пути повышения эффективности устной и печатной пропаганды: Тез. докл. VIII съезда Геогр. о-ва СССР. Л. С. 47–50. (соавтор А.В. Постников).

196. Подготовка студентов к проведению в школе факультативных занятий по картографии и топографии // Проблемы подготовки учителей к проведению факультативных занятий в средней школе. Тез. всесоюз. конф. М. С. 74–76.

197. Гидронимические ареалы Центральной Азии // Ономастика Востока. М.: Наука. С. 118–123.

198. Учителю о факультативных занятиях (рец. на кн.: *Аксакалова Г.П., Андреев Н.В.* Методическое пособие по факультативным курсам. М.: Просвещение, 1978) // ГШ. № 1. С. 73–74.

199. Toponymic methods of historico-geographical reconstruction // International geographical congress, 24th. Abstracts. Tokyo. Vol. 3. P. 70–71.

200. Toponymic methods of historico-geographical reconstruction // Historická geografie. Prague. T. 19. S. 159–171.

1981

201. Топонимика в школьной географии: Пособие для учителей. М.: Просвещение. 143 с.

Рецензии:

Жучкевич В.А. О топонимике в школе // ГШ. 1981. № 5. С. 80;

Агеева Р.А., Горбаневский М.В. // РР. 1982. № 4. С. 91–92;

Барандеев А.В. // РЯШ. 1983. № 2. С. 101–104;

Мамедов Н. // Баку. 1982. 12 янв.;

Юзбашев Р., Нуриев Э. // Учитель Азербайджана. 1982. 10 марта. (на азерб. яз.).

202. Топонимия в историко-географическом изучении городов // Материалы докл. II науч. конф., посвящённой изучению топонимии АзССР. Баку: Элм. С. 8–9.

203. Топонимика в школьной географии // ГШ. № 3. С. 53–55.

204. БАМ: Новые названия на карте Родины // ГШ. № 1. С. 16.

205. Зарубежные географические названия во всеобщем среднем образовании // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО. С. 80–84.

206. Предисловие // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО. С. 3–4.

207. Научное редактирование: Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО. 118 с. (соредактор В.Д. Беленькая).

208. Топонимические методы историко-географических реконструкций // ИАН. № 1. С. 82–87.

209. К вопросу о единой системе школьных картографических произведений // ГШ. № 2. С. 38–40 (соавторы Н.А. Максимов, И.А. Ерофеев).

210. Школьные атласы и карты на XXIV Междунар. геогр. конгр. // ГШ. № 2. С. 67–68.

211. Лев Людвигович Трубе // ГШ. № 1. С. 74 (соавторы Т.В. Власова, Б.С. Хорев).

212. Научное редактирование: *Леонтьев Н.Ф.* Тематическая картография. М.: Наука. 104 с.

1982

213. Джомолунгма или Эверест? // ГШ. № 4. С. 62–63.

214. Связи топонимии Московской области и Северо-Запада СССР в курсе «Топонимика» // Топонимия Северо-Запада СССР и проблемы её изучения в высшей и средней школе: Тез. докл. и сообщ. Череповец. С. 25.

215. Методические указания к изучению курса «Картография с основами топографии» (для студентов-заочников). М.: Просвещение. 78 с. (соавтор и соредaktor М.И. Малых).

216. Научное редактирование: *Мурзаев Э.М.* География в названиях. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука. 176 с.

217. О названии Гренландия (ответ на вопрос читателя) // ГШ. № 2. С. 62.

218. Топонимия в поэзии А.С. Пушкина // International congress of onomastic sciences, 13th. Cracow, Aug. 21–25, 1978. Proc. hist. geogr. Vol. 2. Warszawa; Kraków. P. 271–274.

219. Toponymic methods of historico-geographical reconstruction // International geographical congress, 24th. Sect. 9: Proc. hist. geogr. Tokyo. P. 332–335.

1983

220. Топонимика Московской области: Учеб. пособие к спецкурсу. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской. 76 с. (вышла в 1984 г.).

221. Топонимические словари для школы // Прикладная топонимика. М.: МФГО. С. 21–29.

222. Учебник по картографии (рец. на кн.: *Салищев К.А.* Картография. М.: Высш. шк., 1982) // ГШ. № 2. С. 78–79.

223. Программа спецкурса «Картография и топография в школе» // Программы педагогических институтов. М.: Просвещение. Сб. 13. С. 61–63 (соавтор Н.В. Малахов).

1984

224. География полезных ископаемых СССР в топонимах // ГШ. № 1. С. 22–24.
225. Номенклатура школьной географии (5-й класс) // ГШ. № 6. С. 19–23.
226. Топонимика в региональных топонимических исследованиях // Топонимика в региональных географических исследованиях: Тез. докл. М.: МФГО. С. 3–5.
227. Субстратная гидронимия московско-владимирского пограничья // Там же. С. 102–105.
228. Имена городов русских (рец. на кн.: *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.) // ГШ. № 5. С. 79–80.
229. Текстовые карты учебников географии в единой системе школьных картографических произведений // Проблемы использования учебников в преподавании географии. М.: Просвещение. С. 73–75.
230. Использование топонимики для активизации изучения географии в школе // Internationaler Kongreß für Namenforschung. 15. 13–17 Aug. 1984. Resümees der Vorträge und Mitteilungen. Leipzig. С. 149.

1985

231. Номенклатура курса «География материков» (6-й класс) // ГШ. № 1. С. 18–21.
232. Номенклатура курса «Физическая география СССР» (7-й класс) // ГШ. № 5. С. 18–24.
233. Топонимические свидетельства исторической географии Москвы // ИАН. № 1. С. 93–98 (соавтор Г.П. Смолицкая).
234. Историческая география Москвы в зеркале топонимики // Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 126–137. (ВГ; Сб. 126).
235. Юбилей московской топонимики // Там же. С. 187–201.
236. Связи топонимии Московской области и Северо-Запада в курсе «Топонимика» // Проблемы русской ономастики: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда. С. 109–116.
237. О народной терминологии (рец. на кн.: *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 654 с.) // ГШ. № 3. С. 79–80.

238. Научное редактирование: Географические названия в Москве. М.: Мысль. 224 с. (ВГ; Сб. 126).

239. Научное редактирование: Проблемы русской ономастики: Межвуз. сб. науч. тр. Вологда. 160 с. (соредакторы: Л.Я. Маловицкий, А.К. Матвеев, А.И. Яценко).

1986

240. Географическая номенклатура курса «Экономическая география СССР» (8-й класс) // ГШ. № 1. С. 15–23.

241. Номенклатура курса «Экономическая география зарубежных стран» (9-й класс) // ГШ. № 2. С. 20–23.

242. Географическая номенклатура курса «Экономическая и социальная география мира» (продолжение) // ГШ. № 3. С. 19–22.

243. Географическая номенклатура курса «Экономическая и социальная география мира» (окончание) // ГШ. № 4. С. 24–26.

244. Place names evidence in the historical geography of Moscow // Sov. Geogr., Sept. 1986. Vol. 27. № 7. P. 485–492 (соавтор Г.П. Смолицкая).

1987

245. Этнонимы в топонимике // Этническая топонимика. М.: МФГО. С. 5–13.

246. Научное редактирование: Этническая топонимика. М.: МФГО. 144 с. (соредактор Г.П. Смолицкая).

1988

247. Школьный топонимический словарь. М.: Просвещение. 240 с.
Рецензия:

Барандеев А.В. // РЯШ. 1989. № 1. С. 102–104.

248. Туристу о географических названиях. М.: Профиздат. 192 с.
Рецензия:

Роголев А.Ф. О географических названиях // ГШ. 1989. № 3. С. 79–80.

249. Изучение географической номенклатуры в школе и в педагогическом институте // Совместная деятельность географических кафедр, школ и органов народного образования: Тезисы. Свердловск (соавтор В.П. Пустовойтов).

250. Научное редактирование: *Регент Т.М.* Комплексная характеристика населения Московской области: Лабораторные

занятия по курсу «География населения». М.: МОПИ им. Н.К. Крупской. 18 с.

1989

251. Словарные статьи по топографии и картографии (1 печ. л.) // Топографо-геодезические термины: Справочник. М.: Недра. 261 с.

252. Красная книга топонимов Московской области (опыт составления) // Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»: Тез. докл. и сообщ. М.: Наука. С. 167–177.

253. Топонимика и краеведение // Там же. С.72–73.

254. Персональные мемориальные названия // Топонимия и общество. М.: МФГО. С. 35–52.

255. Гидронимия подмосковного Поволжья // Конференция по ономастике Поволжья, 6-я, 26–28 сент. 1989: Тез. докл. и сообщ. Волгоград. С. 115–116.

256. Рец. на кн.: *Трубце Л.Л.* Остров Буян: Пушкин и география. Горький, 1987. 239 с. // ГШ. № 2. С. 95.

257. Научное редактирование: Топонимия и общество. М.: МФГО. 124 с. (соредактор Р.А. Агеева).

1990

258. Переименования городов и сёл в СССР // Топонимика СССР. М.: МФГО. С. 54–73.

259. Переименования и восстановление исторических названий // ГШ. № 3. С. 9–11.

260. Орешек или Шлиссельбург? Проблемы восстановления исторических названий // РР. № 4. С. 111–114.

261. Помни имя своё // Соц. защита. № 5. С. 79–83.

262. Топонимика в межнациональных отношениях // Территориальная организация общества и проблемы межнациональных отношений. Материалы к IX съезду Геогр. о-ва СССР. Л. С. 141–142.

263. Проблемы нормализации топонимики СССР в современных условиях // ГК. № 10. С. 39–42 (соавторы Г.И. Донидзе, А.С. Земцов).

264. Топонимика в школьном краеведении // Краеведческая конференция Калужской области. 5-я. Тез. докл. Обнинск. С. 116–118.

265. Научное редактирование: Топонимика СССР. М.: МФГО. 95 с. (соредактор Т.П. Соколова).

1991

266. Суверенитет и топонимия // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры», 2-я. М. Вып. 2. С. 142.

267. Научное редактирование: Экономическая и социальная география Московской области: Учеб. пособие. Ч. 1. Общий обзор. М.: МОПИ. 80 с.

268. Восстановить исторические названия // Отечество: Краевед. альм. М.: Профиздат. Вып. 2. С. 118–127.

1992

269. Национальная политика СССР и топонимия // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО. С. 3–14.

270. Рец. на кн.: *Агеева Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. М.: Наука, 1990. 256 с. // ИАН. № 4. С. 137–138.

271. Научное редактирование: Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО. 136 с. (соредактор Р.А. Агеева).

272. Топонимика в историко-географическом изучении городов // История топонимических исследований. Баку: Элм. С.23–29 (Тр. Ин-та географии АН Азербайджана; Т. 23) (соавтор Л.Г. Гулиева).

1993

273. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М.: Рус. словари. 250 с.

Рецензии:

Дмитренко С. Городское сумасшествие // Независимая газета. 1993, 15 окт.;

Мокишин Н. Имена городов вчера и сегодня // Сов. Мордовия. 1994, 27 янв.;

Мурзаев Э.М. Как же называются наши города? // ГПШ. 1994. № 1.;

Ожиганова Е. Воспоминаний длинный ряд // Сегодня. 1994, 4 марта;

Шмелёва Т. Летопись переименований, или История государства советского в зеркале топонимии // Свой голос. Красноярск. 1993, 16–23 сент.

274. Топонимическое краеведение // Российский этнограф. 15. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 201–208.

275. Крушение мифа: Создание и крах топонимической Ленинианы // Топонимия России. М.: МФГО. С. 3–9.

276. Восстановленные и новые названия населённых пунктов в России и ближнем зарубежье // Географический справочник: Новые цифры, факты, названия. М.: Школа-Пресс. Вып. 2. С. 3–14.

277. Научное редактирование: Экономическая и социальная география Московской области: Учеб. пособие. Ч. 2. Районы. (6,5 а. л.). М.: МОПИ.

1994

278. Топонимия региона // Москвоведение: География Москвы и Московской области: Пособие для учащихся 8–9-х классов. М.: Экспрос. С. 245–255.

279. Почему всё так называется: Топонимика (с. 557–560); Топонимические заметки на полях (с. 28, 138, 221, 350, 440, 441, 479) // Энциклопедия для детей. М., Аванта+. Т. 3.

280. Названия городов Московской области (с. 122–137) // Русская энциклопедия: Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. О.Н. Трубочева. М.: Школа-Пресс.

281. Санкт-Петербург (с. 197–198) // Там же.

282. Топонимическая комиссия Московского филиала Российского географического общества (с. 229–234) // Там же.

1995

283. The history of Russian names for sea with the special reference on the development of the Korean (Japanese) sea presentation on maps (seventeenth through nineteenth centuries) // The International Seminar on the geographical names of «East Sea». Ses. 1. Seoul. P. 35–57, maps (соавтор А.В. Постников).

1996

284. Названия городов и сёл. М.: Наука. 150 с.

285. Имена городов Подмосковья // Отечество: Краевед. альм. М. Вып. 7. С. 78–99.

286. Карты и атласы, 1896–1995 гг. // Взгляд через столетие: К столетию Всерос. пром. и худож. выставки 1896 г. Нижний Новгород. С. 30–37.

287. Рец. на кн.: *Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. М.: Наука. 1995. 304 с. // ГШ. № 5. С. 77–78.

1997

288. Сельская топонимия Москвы // Отечество: Краевед. альм. М. Вып. 10. С. 197–216.

1998

289. Географические названия мира: Топоним. слов., свыше 5000 единиц / Отв. ред. Р.А. Агеева. М.: Рус. словари. 504 с.

Рецензия: *Маршова Л.И.* // РЯШ. 1999. № 6. С. 87–88.

1999

290. Названия подмосковных городов, сёл и рек. М.: Муравей. 208 с.

Рецензия: *Маршова Л.И.* // РЯШ. 2000. № 5. С. 97–100.

291. Toponymy of a coastal band of northern part East (Japanese) sea // The International Seminar on the naming of seas. 5th. Seoul. P. 161–176.

292. Историко-топонимический словарь России: досоветский период // Отечество: Краевед. альм. Вып. 15/16. 224 с.

2000

293. Историко-топонимический словарь России: досоветский период. М.: Профиздат. (доп. тираж для свободной продажи). 224 с.

294. Топонимический словарь Московской области: Селения и реки Подмосковья, 3500 словар. ст. / Науч. ред. Н.В. Подольская. М.: Профиздат. 320 с.

295. Школьный словарь географических названий. М.: Профиздат. 218 с.

2001

296. Географические названия мира: Топоним. слов., свыше 5000 единиц. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. словари, Астрель, АСТ. 512 с.

2002

297. Топонимический словарь, около 15 тыс. единиц (учебный). М.: Астрель, АСТ. 332 с.

2003

298. Географические названия России: Топоним. слов. М.: Кн. находка. 350 с.

299. Улицы Москвы: Старые и новые названия: Топоним. слов.-справочник. М.: Наука, техника, образование. 335 с. (автор 27 % содержания и общая редакция; соавторы Р.А. Агеева, Ю.Н. Александров, Г.П. Бондарук, Т.П. Соколова, А.Л. Шилов).

300. Словарь топонимов Шатурского района Московской области // Шатурский район Московской области: Культурное и природное наследие: (Пояснительный текст к карте, указатель объектов). М.; Шатура. С. 66–74 (участие и общая редакция).

2007

301. Имена московских улиц: Топоним. слов. М.: ОГИ. 608 с. (соавторы Р.А. Агеева, Г.П. Бондарук, Т.П. Соколова, А.Л. Шилов).

302. Иллюстрированный атлас мира: География мира: Новейший топоним. слов., около 8000 единиц. М.: Рус. словари, Астрель, АСТ, Хранитель. 683 с.

2008

303. Географические названия Московской области: Топоним. слов., более 3500 ед. М.: АСТ, Астрель, Хранитель. 600 с.

Указатель соавторов, соредакторов, рецензентов, авторов рецензированных и отрецензированных произведений

Агеева Р.А. 189, 190, 201, 270, 271, 289, 290, 301

Аксакалова Г.П. 198

Александров Ю.Н. 299

Андреев Н.В. 198

Аристов Ю.В. 134

Барандеев А.В. 201, 247

Беленькая В.Д. 96, 112, 176, 180, 207

Береснев Н.К. 147

Богомолов Л.А. 95, 109, 110, 127, 135, 144, 157, 166

Бондарук Г.П. 99, 299, 301

Власова Т.В. 211

Гальперин Г.Л. 86, 182

Гольдман Л.М. 78, 79, 109

Горбаневский М.В. 201

Гулиева Л.Г. 272

Гуль С.М. 137

Дмитренко С. 273
Донидзе Г.И. 263

Ерофеев И.А. 171, 209

Жучкевич В.А. 114, 163, 201

Земцев А.С. 263

Иваньков П.А. 146, 147

Каплун М.М. 30

Кезлинг А.Б. 147

Коен Б. 114

Комков А.М. 97, 122

Кравцов В. 20

Крыленко Н.В. 29

Кузьмин Н.Г. 39

Леонтьев Н.Ф. 146, 212

Лиханов Б.Н. 172

Максимов Н.А. 209

Малахов Н.В. 223

Малинская Б.А. 170

Маловицкий Л.Я. 239

Малых М.И. 215

Мамедов Н. 201

Маршева Л.И. 289, 290

Матвеев А.К. 239

Мдивани Р.Р. 164

Меклер М.М. 134, 143, 167

Михайлов А.Н. 152

Младенов Н. 114

Мозговая Г.Н. 137

Мокшин Н. 273

Мурзаев Э.М. 67, 85, 154, 192,
216, 237, 273, 287

Назаревский О.Р. 114

Нерознак В.П. 228

Никонов В.А. 156

Нуриев Э. 201

Ожиганова Е. 273

Подольская Н.В. 99, 142, 155,
294

Постников А.В. 195, 283

Пустовойтов В.П. 249

Регент Т.М. 250

Рогалев А.Ф. 248

Салищев К.А. 222

Сенчура Л.И. 152

Смолицкая Г.П. 233, 244, 246

Соколова Т.П. 265, 299, 301

Степанов А.И. 179

Сутягин П.А. 152

Толстой Н.И. 67, 106, 107

Топоров В.Н. 38

Трубачёв О.Н. 38, 280

Трубе Л.Л. 211, 256

Узин С.В. 36

Хорев Б.С. 211

Цілуйко К.К. 108

Шабат М.Ц. 170

Шигер А.Г. 8, 26, 41, 55, 59,
128

Шилов А.Л. 295, 301

Шмелёва Т. 273

Щербаков Д.И. 30

Январева Л.Ф. 167

Яценко, А.И. 239

Юзбашев Р. 201

Golaski J. 84, 114

ВОСПОМИНАНИЯ О Е.М. ПОСПЕЛОВЕ

Воспоминания об отце

М.Е. Поспелов

26 марта около 5 часов утра скончался наш отец – Поспелов Евгений Михайлович. Случилось то, чего, с одной стороны, мы ожидали, так как знали о его болезни. А с другой стороны, думали (а доктора успокаивали), что в его возрасте болезнь развивается гораздо медленнее и он ещё немного поживёт.

Готовиться к своим последним дням отец начал два года назад, когда услышал страшный диагноз – рак. Разобрал домашний архив, привёл в порядок свои рукописи, познакомил меня со своими издателями, даже коллекцию значков разложил тематически. А вечером предыдущего дня, когда у него совсем не осталось сил и я укладывал его в постель, он вдруг сказал: «Я, наверное, сегодня умру». На возражение: «Ты о чём, папа? Не говори глупости», он ответил: «Ну, не сегодня, так завтра. Поверни меня лицом к стенке и иди. Мне ничего не надо». Утром его не стало.

Так уж случилось, что с 2000 года (года смерти матери, Поспеловой Евгении Алексеевны) мы с отцом жили вместе. Этот последний и наиболее трудный период его жизни прошёл на моих глазах, а зачастую и на моих руках. Отец тяжело переживал смерть жены; хотел, чтобы в квартире всё было так же, как при ней, даже привычный уклад жизни, распорядок дня. Ведь мать полностью освободила его от бытовых проблем, взяв на себя всё хозяйство и оставив отцу только мытьё посуды (как говорил папа – это моё хобби). С одной стороны, мама всегда подстраивалась под мужа (тем более что когда-то он был офицером), а с другой стороны, чётко и, я бы сказал жёстко, им руководила. Завтрак – в восемь часов утра, обед – в два часа дня, а ужин – в семь вечера. Между этими фиксированными часами (естественно, с некоторыми под-

вижками сообразно обстоятельствам) каждый был предоставлен самому себе. Однако поддерживать привычный для отца уклад мы с женой были не в состоянии (прежде всего из-за работы). Этим обстоятельством отец был очень недоволен, своим поведением и замечаниями (особенно в адрес моей жены) давал нам это понять. Периодически говорил: «А вот Женя делала так...», но тем не менее каждый приспособился жить в новых условиях.

Последние годы отец часто и тяжело болел. Перенёс несколько серьёзных операций. Но никогда не сдавался, всегда старался обслуживать себя сам – ходил в магазин, готовил, стирал свои вещи. И, конечно, много работал, все силы отдавал своей любимой науке – топонимике. Часто ездил в различные библиотеки, архивы, посещал заседания. А дома практически всё время проводил за компьютером, работой за которым овладел более 15 лет назад. Правда, время от времени компьютер зависал или выдавал какую-нибудь белиберду (по выражению отца). Однако, по его заверениям, он всё делал правильно, как его учили (ведь все действия записаны в блокноте). Виноват всегда был компьютер. Выясняли, что произошло, уже вечером, когда я возвращался с работы. Недовольный, отец шёл смотреть вечерние новости или информационно-аналитические программы по TV. Но ещё до моего ухода на работу он уже сидел за компом.

Кроме перечисленных выше телепрограмм, отец очень «уважал» детективные сериалы: «Опера. Хроники убийного отдела», «Ментов», «Пуаро» и т.д. Эта любовь распространялась и на книги. Он собрал целую библиотеку детективов как зарубежных, так и российских авторов. Она занимала один книжный шкаф, и всё равно книги не умещались на полках. Поэтому обширное собрание прозы и поэзии отец ставил в два ряда, не трогал лишь книги, посвящённые его родному Ленинграду. Ради детективов отец готов был жертвовать беллетристикой (естественно, научные книги в эту категорию не попадали). Он очень ревностно следил, чтобы, не дай бог, не пропал хоть один экземпляр (а если случалось отдавать научную литературу, то отец ходил расстроенный целый вечер). Когда ему казалось, что книга слишком долго «задерживается» у читателя, он звонил и говорил, что именно эта книга ему необходима для работы.

Помню один забавный случай, связанный с книгами. Однажды он решил избавиться от каких-то ненужных книг и собрал две стопки. Я оставил их на первом этаже у лифта, и они быстро разошлись по соседям. Примерно через месяц отец вдруг заявляет мне,

что не может найти брошюру японского журналиста Кунио Каминаси, рассказывавшего о работе японской полиции. Что, скорее всего, я её выбросил и что он расценивает этот случай как «диверсию» против него. Спустя ещё месяц он эту книжку нашел. Про диверсию он не вспоминал.

Круг научных интересов отца был довольно широк, любую проблему он «обсасывал» со всех сторон, был очень въедлив, везде хотел оставить свой след. Удалось ли ему это – не мне судить, но, оценивая количество писем и бандеролей, еженедельно приходящих на его имя, а также их содержание, можно с уверенностью говорить, что он был очень уважаем и с его мнением считались.

У отца была одна страсть – он всегда что-нибудь увлечённо собирал, а собирал он всё (и мы ему в этом помогали): почтовые марки, спичечные этикетки, почтовые открытки, карманные календари, значки, памятные медали, монеты и т.д. Особое предпочтение отдавалось картографической теме – везде было изображение планов городов и военных операций, стран и континентов, глобусов. Всё было расставлено тематически.

Очень любил туристические походы. Наверное, это как-то связано с нереализованной мечтой юности – стать геологом. Путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку, Кавказу и Карелии, Архангельской области и Уралу, Средней Азии. И почти каждые выходные дни мы всей семьёй выезжали за город. Летом просто гуляли в лесу или проходили небольшие маршруты по памятным местам Подмосковья. Осенью собирали грибы. Правда, из-за небольшого дальтонизма отец их плохо видел и его урожай состоял в основном из сыроежек и чернушек. Белый гриб он находил лишь тогда, когда на него наступал. Зимой при любой возможности мы катались на лыжах в районе ст. Усово. На лыжи нас с братом отец поставил в пятилетнем возрасте, и я до сих пор помню его уроки правильного обращения с ними. Эта любовь к лыжным прогулкам у меня сохранилась до настоящего времени.

Из-за серьёзного отношения к науке отец очень не любил отвлекаться по всяким поводам от своего письменного стола. Исключения составляли встречи с друзьями и посещения театров. Ещё в годы учёбы в военной академии у отца определился круг людей, с которыми ему было приятно общаться, и это общение происходило не только в праздники и в дни рождения (а собирались они практически всегда), но продолжалось и на природе, на дачах и сопровождалось периодическими разговорами по телефо-

ну. Тем более что все работали в смежных областях науки, все защитили докторские диссертации и стали видными учёными. И если с посторонними людьми отец мог быть сух, деловит и мог сказать резкости, то на встречах с друзьями он был само радушие, всегда острил и откровенно веселился.

Свою приверженность к постоянству отец демонстрировал и при посещении театров. Конечно, они с матерью (а часто и с нами) не оставляли своим вниманием Большой и Малый театры, Сатиры и Станиславского, но чаще всего они посещали театр им. Маяковского. Они просмотрели весь репертуар театра, ходили на каждую новую постановку, знали всех актёров в лицо и сравнивали игру знаменитостей.

На пенсию отец ушёл (т.е. полностью отказался от преподавательской деятельности) при достижении 80-летнего возраста, однако работал дома за письменным столом до последних дней; к сожалению, сил для этого оставалось всё меньше и меньше. Приблизительно за месяц до смерти я отказался отвезти его в библиотеку им. Ленина, убеждая его немного подождать с посещением до весны и вернуться к этому вопросу позднее после Хосписа, где его немного подлечат и он окрепнет. Отец обиделся, позвонил младшему сыну Лёве и пожаловался на меня. Однако брат поддержал меня. Тогда Евгений Михайлович воскликнул: «Что же, мне теперь не заниматься Наукой!?»

Чем больше проходит времени со дня смерти отца, тем всё чаще всплывают в памяти те или иные события, имевшие место в нашей жизни: будь то первый велосипед, купленный нам с братом (на этом велосипеде катался весь двор), или часы, подаренные к 16-летию, на зависть одноклассникам. Суровое наказание за сорванные на клумбе цветы; досталось, естественно, обоим. Заделывание под руководством отца дыр в стене нашего подъезда, которые мы расковыряли гвоздиком.

Таким он останется в моей памяти: строгим, немного ворчащим, но всегда целеустремлённым и по-своему добрым.

Л.Е. Поспелов

Среди качеств отца как учёного следует, наверное, отметить его необычайную работоспособность, целеустремлённость и критичность. Читая любое печатное издание, будь то газеты, журналы, книги по специальности или просто художественная литература,

он всегда обращал внимание на встречающиеся в тексте статьи или художественного произведения авторские объяснения происхождения названий населённых пунктов или других географических объектов (рек, урочищ, гор и т.д.). Все неясные и требующие дополнительных разъяснений и уточнений названия аккуратно складывались в специальные папки для дополнительной работы с ними. Бывало, мы сами не раз обращались к отцу с просьбой прокомментировать (объяснить) название, встречающееся в каком-либо произведении, и получали удовлетворяющий нас полный и точный ответ на поставленный вопрос.

Надо сказать, что отец был настоящим учёным в том смысле, что его не очень сильно волновали бытовые проблемы, Он привык во всём полагаться на нашу мать и нас, своих детей, справедливо считая, что для этого нас и вырастил. Сразу после прихода с работы он торопливо проходил к своему письменному столу и начинал работать, тщательно, но быстро что-то записывая на листах бумаги или аккуратно занося проверенные данные на специальные карточки. Картотека у него была весьма солидная, занимавшая в комнате целый угол. Однако прогресс коснулся и его – в последние 10–15 лет у отца на столе появился компьютер, хотя по-прежнему он любил просматривать свою картотеку. Этот способ работы с научным материалом освоил и я – у меня тоже есть картотека, разложенная по интересующим меня разделам, в карточки которой я заносю основные результаты исследований, изложенные в научных статьях. На своём письменном столе отец не разрешал никому ничего трогать или перекладывать. Единственный, кто мог себе позволить сдвинуть листы бумаги или укатить под стол шариковую ручку, был кот, одно время живший в нашей квартире. Кота звали Василий. Он любил лежать на письменном столе под настольной лампой и следить за быстро двигавшейся по бумаге ручкой. Когда отец уходил из комнаты поговорить по телефону, кот Василий тут же начинал играть этой ручкой, разбрасывая бумаги. Письменная ручка неизменно оказывалась под столом, и Евгению Михайловичу приходилось всякий раз с руганью в адрес кота лезть под стол. Кот на короткий промежуток скрывался с глаз отца. Проходило некоторое время, и Василий, видя увлечённо работающего отца, опять ложился под лампой, и всё начиналось сначала.

Мне кажется, что дух учёности в семье, всегда витавший в квартире, определённым образом повлиял на наше мировоззрение

и жизненные интересы. Мы, дети Евгения Михайловича, тоже стали учёными. Старший сын, Пospelов Михаил Евгеньевич, – кандидат биологических наук, микробиолог. Младший, Пospelов Лев Евгеньевич, – доктор биологических наук, иммуногенетик. Надо сказать, что и старший брат отца Пospelов Сергей Михайлович также был крупным учёным – доктором биологических наук, профессором, преподававшим в сельскохозяйственной академии в г. Пушкине Ленинградской области.

Поэтому надо сказать, что для нас отец был и навсегда останется не только родным человеком, но и самым первым учителем, от которого мы, его дети, переняли жажду учиться и постигать тайны бытия.

Наш дорогой Полковник: человек и учёный

Р.А. Агеева

Пока человек рядом, не всегда хорошо понимаешь, какое место он занимает в твоей жизни. Но вот Евгения Михайловича не стало, и я вдруг ощутила, что в моей жизни он играл весьма значительную роль. Ведь мы были коллегами и занимались одной и той же общественной работой в Топонимической комиссии, причём я была его заместителем, наверное, более 30 лет. И хотя виделись мы только эпизодически, раз в месяц на заседаниях, и больше общались по телефону, работали мы и принимали решения согласованно, учитывая и уважая мнения друг друга. Неоднократно вместе редактировали сборники статей, издававшиеся нашей комиссией. Кроме того, Евгений Михайлович доверил мне редактирование одной из его книг; довелось нам бывать и соавторами в коллективных изданиях.

Сорок лет Е.М. Пospelов руководил работой Топонимической комиссии – это, можно сказать, целая эпоха в нашей истории. Евгений Михайлович, когда стал председателем комиссии, ещё преподавал в Военно-инженерной академии. Многие привычки он принёс из армии (мы иногда за глаза подшучивали над ним и дали прозвище – Полковник; он и на самом деле был полковником). Выражалось это, в частности, в том, что он неукоснительно соблюдал регламент и мог оборвать докладчика или участника обсуждения буквально на полуслове. Бывал резковат и нетерпим,

особенно если ему кто-нибудь не нравился или в чём-то провинился. Одним словом, Полковник «командовал парадом». Его прежний заместитель, Наталья Владимировна Подольская (увы, ныне тоже покойная), будучи полной противоположностью Поспелову, не сработалась с ним в своей должности. Мне больше повезло: наверное, мы с Евгением Михайловичем более совместимы по гороскопу. К тому же Полковник впоследствии демобилизовался и перешёл на гражданскую службу; члены комиссии с интересом наблюдали, как он постепенно становился всё более дружелюбным и снисходительным. Но в нём оставались до конца жизни такие замечательные качества, свойственные хорошему офицеру, да и просто деловому человеку, как организованность, самодисциплина, ответственность, любовь к порядку и неприятие какой-либо халтуры в работе. Он был дотошен и проверял себя и других во всём очень основательно.

И гражданская позиция была у него чётко выражена. Перестройку в конце 80-х – начале 90-х годов он воспринял с энтузиазмом, как многие из нас. Помню, как и он, и я собирались идти на митинг на Манежную площадь. Я позвонила Евгению Михайловичу и попросилась идти вместе с ним, чтобы было не так страшно. Ходили слухи, что во всех переулках в центре Москвы стоят танки и митинг могут разогнать с помощью газа «черёмуха». Мы с Евгением Михайловичем встретились и пошутили: «На миру и смерть красна». Слава Богу, всё обошлось, людям в Кремле хватило ума не применять силу. Но всё равно я чувствовала себя спокойнее под защитой Полковника. Как-никак он в своё время был участником Великой Отечественной войны. По дороге он просвещал меня на предмет того, что делать, если нас всё-таки будут травить этой самой «черёмухой».

Вспоминаются и забавные эпизоды, например во время выездных заседаний комиссии. Самый яркий из них – в Тамбове. После насыщенного рабочего дня мы, четверо москвичей – Е.М. Поспелов, Г.М. Хованов, Г.П. Смолицкая и я – вернулись в гостиницу, и Евгений Михайлович пригласил всех к себе в номер, чтобы немного расслабиться и подкрепиться. «Подкрепились» хорошо, в том числе и напитками, после чего решили прогуляться по набережной реки Цны. Там взяли лодку и поплыли по тёмным водам Цны, освещаемым только фонарями на берегу и дальними городскими огнями. Поспелов и Хованов гребли, а мы с Галиной Петровной после жаркого дня наслаждались ночной прохладой. Вдруг наши мужчины

остановились на середине реки и стали раскачивать лодку. Это они так развлекались, чтобы проверить нашу реакцию и прибавить нам всем адреналина. Мы со Смолицкой струсили не на шутку и умоляли пощадить (не уверена, что все тогда смогли бы доплыть до берега, если бы лодка перевернулась). Спутники наши посмеялись, но вняли мольбам и прекратили это безобразие. А вообще Тамбов нам всем очень понравился, нас там хорошо принимали местные топонимисты и краеведы, и великолепную экскурсию по городу провёл преподаватель географического факультета пединститута.

Знала я и семью Евгения Михайловича. У него была замечательная жена – Евгения Алексеевна (такое вот занятное совпадение имён, друг друга звали они Жека); к великому сожалению, она скончалась слишком рано. Дом был гостеприимным и хлебосольным, мне довелось несколько раз побывать там. Смерть жены стала большим ударом для Евгения Михайловича, но он держался стойко и, видимо, находил утешение в работе и в семье – у него прекрасные дети и внуки. Так же мужественно переносил он и свои болезни в последние годы жизни. И хотя порой он говорил по телефону непривычно слабым голосом и я чувствовала, как ему трудно, никаких жалоб, никакого нытья я от него ни разу не слышала.

Евгений Михайлович был сильной личностью, человеком незаурядным, преданным науке и разносторонним, надёжным в любом деле, за которое брался. И при этом человеком дружелюбным, общительным, с хорошим чувством юмора. Мне странно и горько сознавать, что больше никогда не увижу на заседаниях комиссии нашего почётного председателя (такой титул мы ему присвоили), никогда не услышу по телефону его голоса и раскатистого смеха. Для меня его уход из жизни – это большая личная потеря.

Дружба длиною в полвека...

Н.С. Студёнов

26 марта 2007 года перестало биться сердце Евгения Михайловича Поспелова, крупного учёного, доктора географических наук, профессора, прекрасного, порядочного человека, умелого организатора, много сил отдавшего созданию Московской топонимической школы.

Е.М. Поспелов обладал неуёмной энергией, удивительной трудоспособностью. Он умело находил проблемные вопросы в топонимике, ставил задачи по их решению и всегда доводил исследование до ясного результата. К сожалению, многие его замыслы ему не удалось осуществить в силу их глобальности и трудоёмкости.

Будучи человеком военным (Е.М. Поспелов демобилизовался в звании полковника), он в своих выводах и суждениях был всегда сдержанно лаконичным, по-военному кратким и точным, что иногда вызывало неприятие его взглядов. Всё это указывало на большой предварительный труд по осмысливанию материала и на большие разносторонние познания в области топонимики и ряда смежных наук, особенно в области картографии.

Интерес к изучению происхождения географических названий у меня возник случайно. В ходе описания коллекции собрания карт в Ярославском областном архиве и составления каталога картографических материалов я обратил внимание на то, что один и тот же объект имеет разные названия. Так, например, город *Ростов* Ярославской области расположен на берегу озера, которое на разных картах называется *Ростовское*, *Неро*, *Каово*. Пытаясь узнать происхождение названий озера *Неро* и *Каово*, я обратился к местным жителям и краеведам. Но никто не мог дать чёткого объяснения этих названий. Заведующий кафедрой физической географии Ярославского пединститута (где я работал в то время) А.Б. Дитмер посоветовал мне обратиться в Московский филиал Географического общества СССР (МФГО СССР). Было это в 1957 г.

В МФГО СССР я познакомился с Владимиром Андреевичем Никоновым, который занимался вопросами происхождения названий. Знакомство вылилось в постоянное интересное общение в виде заседаний, совещаний, частных встреч и переписки.

В сентябре 1957 г. В.А. Никонов предложил мне и Александру Ивановичу Яценко (из г. Рыбинска) написать заявление руководству МФГО СССР о создании Комиссии по изучению названий. Вскоре комиссия была учреждена под названием Топонимическая комиссия Московского филиала ГО СССР. В дальнейшем общение в рамках Топонимической комиссии привело к тёплым, дру-

жеским отношениям с постоянными членами Топонимической комиссии Э.М. Мурзаевым, Н.В. Подольской, В.А. Никоновым, Е.М. Поспеловым, Г.П. Бондарук, А.В. Суперанской и др.

В 1959 г. под непосредственным руководством Е.М. Поспелова начались работы по созданию «Атласа Ярославской области», в котором был предусмотрен ряд топонимических карт. К сожалению, мне пришлось уволиться из Ярославского пединститута, но связь с Топонимической комиссией не прервалась. По-прежнему было много интересных встреч, бесед, заседаний, поездок Топонимической комиссии, деловой переписки.

В 1965 г. меня пригласили на работу во Всесоюзный институт гидрометеорологической информации – мировой центр данных в городе Обнинске Калужской области. С этого времени моё общение с членами Топонимической комиссии стало более интенсивным.

29 мая 1967 г. в г. Обнинске состоялось (по предложению Е.М. Поспелова) совместное заседание Топонимической комиссии МФГО и Обнинского отдела ГО СССР. На заседании были заслушаны доклады: Н.С. Студенова «Названия улиц города Обнинска», К.М. Ярхо «Думиничи, Сухиничи, Хвастовичи», В.В. Благовещенского «Топонимия города Боровска».

20 декабря 1967 г. под председательством Е.М. Поспелова состоялось заседание Президиума МФГО СССР, на котором был заслушан отчёт о деятельности Обнинского отдела ГО. В ходе обсуждения доклада были сделаны ценные рекомендации по подготовке к изданию географического атласа Калужской области.

15 марта 1970 г. в г. Обнинске было проведено совместное заседание Московской Топонимической комиссии с Обнинским отделом ГО на тему «Топонимика центральных областей РСФСР». Членами Обнинского отдела было сделано три доклада.

Активное участие приняли московские топонимисты в работе 3-й Краеведческой конференции Калужской области в мае 1972 г. Е.М. Поспелов сделал доклад «Топонимический атлас Калужской области», а Г.П. Смолицкая прочла доклад «Гидронимия Калужской области».

Большую научную и организационную работу провёл Е.М. Поспелов по подготовке и редактированию докладов топо-

нимической секции 5-й Краеведческой конференции Калужской области. Эти доклады напечатаны в сборнике «Пятая краеведческая конференция Калужской области» (Обнинск, 1990 г.): Г.П. Смолицкая «Задачи изучения топонимии Калужской области»; Е.М. Поспелов «Топонимика в школьном краеведении»; Г.П. Смолицкая «Топонимия подсеки на территории Калужской области»; М.В. Горбаневский «Сопоставительный семантический анализ топонимов Калужской и Московской областей»; К.М. Ярхо «Первые упоминания о городах и сёлах Калужской области»; В.Д. Ившин «О происхождении названия Калуги»; К.М. Ярхо «Из топонимии Приугорья»; Л.Д. Молчанова «Из наблюдений над лексикой полеводства Калужской области»; Л.Д. Молчанова «Наблюдения над терминологической лексикой калужских говоров»; А.С. Зайцев «Из истории названий колхозов» (на материале Мосальского района Калужской области); Т.Е. Ворошилова «Из наблюдений над диалектной лексикой флоры Калужской области». Прежде чем дать согласие на печатание этих докладов, Е.М. Поспелов щедро раздавал авторам свои замечания, предложения, оценивал научность материала, вносил корректурные правки.

В ряде случаев Е.М. Поспелов решительно восставал против печатания материалов, не имеющих научной основы. Так, например, статью Г.И. Бочарова «Почему реки называются так, а не иначе» он называл антинаучной «по своей сущности, так как объяснение названий Калужской области из древнегреческого языка совершенно произвольно и не имеет научной основы: не учтена обширная топонимическая литература, позволяющая реалистично (и совершенно иначе, чем Г.И. Бочаров) объяснить почти все упомянутые названия. Подобное «этимологизирование» и в восемнадцатом веке считалось неприемлемым» (в кавычках слова Е.М. Поспелова).

Начиная с 1995 г. и по 2005 г. члены Московской топонимической комиссии ежегодно принимали участие в заседаниях комиссий «География, топонимика, этнография» (председатель Н.С. Студенов) Всероссийской открытой конференции учащихся «Юность, наука, культура» (проходившей в г. Обнинске); в качестве экспертов и председателей экспертного совета комиссии: в

1995–97 гг. – Р.А. Агеева; в 1998 г. – Е.М. Поспелов; в 1999–2005 гг. – А.Л. Шилов.

Благодаря постоянному вниманию московских топонимистов к Калужскому краю у местных краеведов появился интерес к изучению топонимии Калужской области. Это проявилось в создании опытного топонимического словаря под названием «Песочня, Неручь, Желтоухи...: Топонимика Кировского района Калужской области» (Калуга, 2005 г.).

Я очень рад тому, что жизнь подарила мне счастье быть в дружеских, тёплых отношениях с плеядой замечательных людей – учёных-топонимистов: В.А. Никоновым, Э.М. Мурзаевым, В.Д. Беленькой, Н.В. Подольской, А.В. Суперанской, Г.П. Бондарук, Г.П. Смолицкой, М.Н. Морозовой, Р.А. Агеевой, А.И. Поповым, Б.Г. Масленниковым, Н.Ф. Мокшиным, С.В. Поповым, З.В. Рубцовой, А.Л. Шиловым, А.И. Яценко, среди которых Е.М. Поспелов занимает одно из ведущих мест.

ИСТОРИЯ РУССКИХ МОРСКИХ НАЗВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОГО (ЯПОНСКОГО) МОРЯ (XVII–XIX вв.)¹

Е.М. Поспелов, А.В. Постников

Российские берега омываются водами 12 морей Мирового океана. Названия для некоторых из этих морей были окончательно приняты лишь к 1930-м годам. Эти названия внедрены в международную практику современной гидрографии и картографии. История русских названий морей продолжительна и отражает общий процесс развития, стабилизации и стандартизации российской системы географических названий. В предлагаемой статье рассматривается как история общих подходов к наименованию морей, так и развитие названия моря, расположенного между Корейским полуостровом и Японскими островами.

Существовало два главных источника происхождения совре-

¹ Статья была первоначально опубликована на английском языке [37]. Перевод на русский язык А.В. Постникова.

менного названия моря: 1) Русская (национальная) номенклатура; 2) Принятие иностранных форм.

Прежде всего рассмотрим развитие русских национальных традиций наименования морей, которые тесно связаны с общей историей отечественной географии и картографии. Для страны со столь обширными пространствами, занятыми громадными лесными массивами, пересечёнными многочисленными реками, познание и описание её территории было необходимым для создания и развития централизованного государства. Важность географии, картографии и географических названий усугублялась также тем, что Россия в течение всей своей истории (за исключением лишь самого новейшего её этапа) была постоянно расширяющимся государством за счёт обширных, во многих случаях неисследованных и малозаселённых районов. В процессе этого расширения формировались два подхода к наименованию географических объектов. Первый из них мы определяем как *народный*, или *традиционный*, подход, в противоположность *научному* или *европейскому* подходу к присвоению названий. Старинные русские географические описания и карты (географические чертежи) исключительно богаты географическими названиями, которые в определённой мере являлись параметрами, организующими всё содержание этих картографических изображений. Топонимы играли очень важную роль для коммуникаций, исследований и картографирования особенно в процессе российского продвижения в Сибирь и позже, – через Восточный (Тихий) океан к берегам Северной Америки и Японии. Мы уверены, что во время этого исторического процесса расширения *народный* или *традиционный* способ наименования играл ведущую роль. Основания для такой уверенности заключаются в следующем.

Сибирь, Камчатка, Алеутские острова и побережья Аляски осваивались русскими на протяжении относительно длительного промежутка времени. Благодаря неспешности этого процесса, продолжавшегося более двух столетий (конец XVI–XVIII в.), русские в известной мере стали «включаться» в природную и этническую среду осваиваемых территорий, так что обычаи, инвентарь и навыки местных племён осваивались русскими и становились неотъемлемой частью их повседневной жизни. Для исследования и освоения новых территорий были особенно важны знания аборигенов о районах их обитания, прилегающих территориях и

акваториях. Поэтому с первых шагов своего проникновения в Сибирь русские учились использовать получаемые от сибирских племён географические сведения, наиболее существенными из которых для ориентирования в незнакомых местах были данные о туземных географических названиях. Таким образом, русские выявляли, принимали как свои собственные и сохраняли на географических чертежах и картах XVII–XVIII вв. (пусть иногда в искажённой форме) топонимы, изначально употреблявшиеся местными народами на их языках и наречиях. Благодаря такой тенденции старые (дославянские) географические названия сохранились на современных картах Сибири и Аляски. Помимо этого старинные русские документы содержат некоторую «внутреннюю» информацию о географических названиях различных объектов соседних иностранных земель и акваторий. Следует подчеркнуть, что информация эта была получена людьми, пришедшими с запада, а отсюда – вполне очевидная тенденция наименования объектов, расположенных на востоке, *Восточными* (Восточный океан, Восточное море и т.д.).

В классической (античной) европейской культуре и науке берёт начало иная традиция наименования географических мест. Древнерусское государство сформировалось как континентальная европейская страна. На его культуру значительное влияние оказали византийское наследие и православное христианство. На начальном этапе развития сначала Киевско-Новгородская, а затем Московская Русь боролись за выход к европейским морям: Чёрному и Азовскому, а затем – к Балтийскому и Баренцеву. Государство преуспело в этой борьбе, и в результате названия соответствующих морей появились в русских документах, внедряя в национальную практику традиции классических цивилизаций в отношении наименования географических объектов. Рассмотрим некоторые примеры таких традиций.

Чёрное море, расположенное на границе древних ближнеазиатских цивилизаций и греко-римской цивилизации античного мира, получило свое название в незапамятные времена, и название это официально используется до сих пор. Вероятно, первыми это название стали использовать народы Ближней Азии, потому что они применяли разные цвета для обозначения главных частей горизонта и кардинальных направлений. В этой системе чёрный цвет отождествлялся с Севером. Отсюда происхождение самого древнего из известных названий этого моря: древнеиранское слово

axšaēna-, которое означает «тёмное» [20; 21]. Древнегреческое название *Pontos-Melas* («Чёрное море») было калькой этого иранского термина; она затем развилась в эвфемизм *Pont-Auxinos* («Негостеприимное море»), который заменил «неблагоприятный», «несчастный» чёрный цвет на аллегорическое описание, а позже – по той же причине в *Euxine Pont* («Гостеприимное море»). Наряду с этими полными формами названий греки использовали краткую форму – *Pont* («море»), превратившуюся в *Pontus* на латыни и в *Buntus* на арабском языке. Данная краткая форма легла в основу одного из ранних русских вариантов названия этого моря. Указанный вариант встречается в Никоновской летописи – официальном повествовании о происхождении Руси и её древней истории, составленном около 1113 г. Никон отметил в своей летописи *Понт Море* или *Русское* [море]. Первое из этих названий в его греческой форме относилось ко всей акватории моря, в то время как второе обозначало лишь относительно малую её часть.

Для ранней русской «пелагонимии» (наименования морей и их частей) было обычным рассматривать в качестве моря лишь ту часть его акватории, которая была непосредственно видна с соответствующего побережья. Никоновское повествование относится к пути из *Варяг в Греки* [между Скандинавией и Средиземноморьем] и к реке Днепр, которая впадает в Чёрное море; таким образом название *Русское* относится к части моря, непосредственно примыкающей к устью Днепра. Название «русское» в данном случае не связано непосредственно с русской нацией в современном её понимании, а отражает лишь «этноним» [т.е. географическое название дано по племенному или национальному имени] *Русь*, который в IX–XI вв. был тесно связан со скандинавами, или *варягами*, использовавшими путь по Днепру для торговли с греками. Помимо пелагонима *Русское море* использовалось много других «этнопелагонимов», таких как *Скифское море*, *Хазарское*, *Румское*, *Бургаское*, *Черкасское* и *Турецкое* моря; названия эти относились к тем частям побережий Чёрного моря, на которых соответствующие народы обитали в тот период. На *Чёрном море* известны также пелагонимы по названиям портов или прибрежных городов, например: *Трапезундское*, *Сурожское* и *Кафаское* моря. В настоящее время *Сурож* и *Кафа* – это крымские города *Судак* и *Феодосия*. Пелагонимы *Сурожское* и *Кафаское* моря вышли из употребления после того, как эти города потеряли своё бывшее торговое значение. Начиная с XV–XVI столетий древний пелагоним

Чёрное море стабильно закрепляется в использовании на Руси. Это морское название исторически ценно как память об одном из самых древних способов ориентирования, и для него имеется международная традиция перевода.

Азовское море в античные времена было известно как *Меотис-Лимне* (*Meotis-Limne*) [озеро Меотис с древнегреческого] и *Палус-Меотис* (*Palus-Meotis*) [Болото Меотса – с латинского], где меотсы² были народом, обитавшим на восточном и частично северо-восточном побережьях этого моря. Из раннерусских названий этого моря наиболее употребимыми в научной литературе формами были *Сурожское* и *Голубое море*. Ранее мы упоминали, что этот пелагоним использовался также для части *Чёрного моря*. Тем не менее русские летописи XIV столетия совершенно ясно указывают, что река Дон впадает в Сурож. Это свидетельствует о том, что *Чёрное* и *Азовское моря* в ту пору считали единым водоёмом: русские использовали название *Сурожское море* для акватории между устьем реки Дон и Судаком, Меотидой, Киммерианским Босфором [Керченским проливом], включая часть Понта (с внутренним морем Кафы).

Происхождение названия *Голубое море* до сих пор в должной мере не изучено. Необходимо выяснить, являлось ли оно истинным названием или всего лишь группой слов, обычной для русского фольклора (возьмём, к примеру, традиционное начало многих русских былин: *У берега Синего моря...* и т.д.). Если последнее предположение верно, не исключено, что именно из-за его небольшого размера и периферийного положения относительно *Чёрного моря*, у *Азовского моря* не было своего собственного названия на русском языке. Лишь с XIII в. начинает использоваться название этого моря по городу Азову (в то время – Азак), но лишь для его восточной части. Западная часть по традиции продолжала называться *Болотом Меотса*. С конца XVII – начала XVIII в., после Азовских походов Петра I (1695–96), название *Азовское море* распространяется на всю акваторию Древней Меотиды.

Первым русским названием *Балтийского моря* было *Варяж-*

² Акад. О.Н. Трубочёв оперирует иной формой этнонима – *меоты*. См. *Indoarica в Северном Причерноморье*. М., 1999. – *Прим. ред.*

ское море (т.е. море Варягов)³, которое позже стало более определённым *Свейским* (Шведским) морем. В источниках XVII в. можно встретить название *Балтийское море*, причем первым употребил это название Адам Бременский. Несмотря на это русское издание голландского морского атласа (Санкт-Петербург, 1714) имеет название: *Книга размерная градусных карт Остзее, или Варяжского моря*. Пелагоним *Балтийское море* становится стандартным в российском использовании со второй половины XVIII в.

Север Европы был одним из главных направлений русской колонизации, в процессе которой новгородцы достигли берегов *Баренцева моря*. В ранних русских источниках, так же как и другие моря Северного океана, оно упоминается под названием *Студёное море* [7; 17]. Помимо этого его называли *Северным* или *Сиверским* (*Северное море*), *Норманским* (по соседствовавшему с русским *норманскому* этносу), или *Мурманским морем*. На иностранных картах использовались также названия *Русское море* (на латыни *Ruthenicum mare*), или *Mare Moscoviticum* (Море Московитов); для восточной части (между островами Колгуева и Новой Землёй) иногда использовалось название *Печерское море*. Немецкий географ А. Петерман в 1853 г. предложил использовать современное название *Баренцева моря* для увековечивания памяти выдающегося голландского мореплавателя и полярного исследователя Виллема Баренца (1550–97), хотя это название не получило всеобщего признания.

В конце XIX в. на некоторых британских картах часть этого моря к северо-западу от Земли Франца-Иосифа называлась *морем Королевы Виктории*. Даже в первые десятилетия двадцатого века часть моря около Шпицбергена была известна как Восточно-Шпицбергенское море. Русский полярный исследователь В.Ю. Визе (1886–1954) писал в 1948 г., что *Печерское море* – это название, которое *в наше время используется для* акватории Баренцева моря вблизи устья реки Печоры [3].

Происхождение названия *Белого моря* до сих пор в достаточной мере не изучено. На основании имеющихся картографических и текстовых источников его генезис может быть представлен следующим образом. Русские достигли его берегов в X–XI столетиях,

³ В русских источниках варяги упоминаются с IX в.: в то время этот этноним употреблялся по отношению к народам скандинавского происхождения.

и в тот же период они называли его *Белое море*. Следует подчеркнуть, что это название не могло быть связано с «цветной ориентацией», так как ни русские, ни финно-угорские народы, обитавшие на его берегах, не использовали цвет как индикатор кардинальных направлений горизонта. Некоторые пытаются связать это название с белым цветом льдов или белёсым небом над ними. Мы уверены, что это предположение наивно, так как подобные черты обычны для всех морей Северного Ледовитого океана. Поэтому мы осмелимся предположить, что определение *белый* в этом названии имеет социальный смысл. Хорошо известно, что в старорусском языке определение *белый* использовалось для мест, свободных от феодальных повинностей. Термины *белая деревня* или *белые пахотные земли* широко использовались в таком значении, а *Беловодье* было свободной сказочной страной русского фольклора.

В рассматриваемом названии определение противопоставляло это море его двум соседям – *Свейскому (Варяжскому)* и *Мурманскому (Норманскому)* морям, названия которых показывали, что они освоены скандинавами, в то время как *Белое море* было *свободным*, или *белым* для российского рыболовства и охоты. Название *Белое море* широко использовалось в западноевропейской картографии, что способствовало закреплению его на русских картах. Но это название не было единственным, так как помимо него в XVII в. его часто называли *Студёным* и *Соловецким* (по названию Соловецкого архипелага в его западной части). Так, в *Книге Большому Чертежу* второе из этих двух названий используется в 1627 г.

Представляется, что русские поморы и промышленники в конце XV – начале XVI в. пользовались названием *Карское море*, образованным от сравнительно небольшой реки Кара, впадающей в Байдарацкую губу. Несмотря на свой размер, эта река была важна как часть водно-волокового пути, который соединял нижнее течение Северной Двины с морем к северу от Новой Земли посредством рек Пинега, Мезень, Печора и её правого притока Уса. На раннем этапе название *Карское море* использовалось лишь применительно к западной части его современной акватории; восточная часть была известна как *Мангазейское море*, получившее своё название от важного русского торгового центра XVII в. Мангазея, располагавшегося на реке Таз. Названия реки Кара и поселения Мангазея происходят от наименований соответствующи-

щих ненецких племенных образований. В XVIII в. пелагоним *Карское море* был распространён на всю площадь морской акватории в её современном определении.

Моря к востоку от Таймырского полуострова в XVI и XVII столетиях назывались по рекам, впадающим в них: *Ленское*, которое приблизительно соответствовало современному *моря Лаптевых*, *Индибирское* и *Колымское*, которые позже были объединены под названием *Восточно-Сибирского моря*. Таким образом, продолжалась начатая с *Печерского* и *Карского* морей традиция их наименования по названиям рек. Эта традиция даже усилилась с проникновением россиян в Сибирь и к берегам Северного Ледовитого океана. Реки были главными путями этого проникновения, и русские достигли арктических морей, в основном сплавляясь по рекам, а не путём прибрежных плаваний. Море вблизи устья реки Лены получило название *Ленское*, акватория Ледовитого океана, принимающая воды реки Индигирки, стала *Индибирским морем* и т.д. Это правило действовало и в отношении процесса наименования некоторых дальневосточных морей.

В 1639 г., всего лишь через 60 лет после того как они пересекли Урал, русские казаки и промышленники достигли берегов Тихого океана. Это был отряд Ивана Москвитина, и на следующий год казаки из этого отряда проплыли по Охотскому морю до устья реки Охоты на севере и Шантарских островов на юге. В 1648 г. Федот Алексеев и Семён Дежнёв проплыли вдоль арктического побережья на восток от реки Колымы, обогнули Восточный мыс и, таким образом, стали первыми европейцами, прошедшими между Азией и Америкой из Северного Ледовитого океана в Тихий океан.

Географическая информация, которую русские получали в процессе продвижения на восток, находила отражение в памятниках истории картографии XVII в. и особенно в двух географических чертежах Сибири, датируемых 1667 и 1673 гг. Следует заметить, что эти два чертежа являются древнейшими сохранившимися общими картами крупных частей России. Данный факт косвенным образом свидетельствует о том, насколько значительное внимание уделяли российские власти Сибири и восточным странам.

Схематичный чертёж Сибири, датируемый периодом около 1667 г., традиционно называется «Годуновским», так как надпись на нём свидетельствует о том, что он составлен «под смотрением» стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова *со товарищи*

(одно из воспроизведений чертежа см. [22])⁴. Чертёж, ориентированный, как и большинство других старинных русских карт, по югу, показывает обширные районы к востоку от Волги и Печоры, включая Сибирь и Дальний Восток. Другой чертёж Сибири датирован 1673 г.; его автор неизвестен. Он имеет много общего с Годуновской картой, но отличается от неё большей детальностью. Оба географических документа графически подтверждают, что экспедиция под руководством Дежнёва в 1648 г. не прошла незамеченной представителями сибирской администрации. Легенда к карте 1673 г. подтверждает, что экспедиции такого рода предпринимались помимо Дежнёва другими русскими мореплавателями и промышленниками [11, с. 10–11].

Эти карты являются неопровержимым доказательством того, что в 1670-х гг. русские знали о существовании пролива между Азией и Америкой, являвшегося частью обширного водоёма к востоку от Сибири. Русские источники XVII – начала XVIII в. именовали это водное пространство *Восточное море* или *Акиан* (иногда просто *Море-Акиан*). Сибирские чертежи 1667 и 1673 гг. не имеют этих названий, так же как и других наименований акваторий, окружающих материковые массы, являющиеся их главной темой. Корея тоже не показана. Судя по всему, русские получили информацию об этой стране более или менее одновременно с другими европейцами.

Считается, что впервые Корея стала контактировать с западным миром в 1653 г., когда голландский корабль потерпел крушение у острова Чеджу (Куелпарт) [Cheju (Quelpart)] и 36 спасшихся матросов были доставлены в Сеул. Хотя им было запрещено покидать страну, восемь голландцев смогли через 13 лет бежать из Кореи. Рассказ об их приключениях, написанный одним из матросов, стал первым свидетельством очевидца об этой стране [26]. Русские источники конца XVII – начала XVIII в. также начинают упоминать о Корее. Семён Ульянович Ремезов был первым русским картографом, изобразившим Корею в своих *Чертежных книгах* Сибири на следующих картах: 1) *Чертеж всех Сибири градов и земель*, где Корейский полуостров показан с названием

⁴ См. также: *Багров Л.* История картографии. М., 2004. С. 199, 201; а также новейшее издание: *Чертёжная книга Сибири*, составленная тобольским сыном Семёном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. Тобольск, 2007. – *Прим. ред.*

Корея; 2) *Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи*, где показана *Земля Корея* [14, л. 23, 25], и 3) *Общая карта Юго-Восточной Азии из Хорографической чертежной книги Сибири с названием Кореи* на ней [22, р. 151]. Название *Корея* на этих картах воспроизведено в его европейской форме, поэтому вполне резонно предположить, что Семён Ремезов использовал в этих случаях одни и те же европейские источники, хотя привлечение сибирской информации полностью исключить невозможно. Говоря об иностранных картах, которые могли быть доступны С.У. Ремезову, можно упомянуть по меньшей мере две из них, на которых имеется название Кореи: 1) Dudley R. *Carta Particolare della Grande Isola de Giapone di lesa con il Regno di Coral et altre Isole in Torno* (1647), и 2) Tavernier J. *Carte des Isles du Japon* (1679). Информация о Корее на них была очень приблизительной, но следует отметить, что моря, изображённые на них между Японией и Кореей, имели названия в формах *Mare di Coral* и *Mar de Career* соответственно.

Первое достоверное картографическое отображение Кореи было предложено европейцам в Атласе Китая и прилегающих стран, который был опубликован по приказу императора в Пекине. Карты атласа были основаны на съёмках иезуитов Иоахима Буве [Joachim Bouvet (1656–1730)], Яна-Баптиста Региса [Jean-Baptiste Regis (1663–1738)], Пьера Жарту [Pierre Jartoux (1669–1720)], Эренберга Ксавье Фриделли [Ehrenberg Xaver Fridelli (1673–1743)], Иосифа Анна Мария де Моряриак де Маилла [Joseph Anne Marie de Moyriac de Mailla (1669–1748)], Пьера-Винсента де Тартре [Pierre-Vincent de Tartre (1669–1724)], Романа Хиндерера [Roman Hinderer (1669–1744)] и монаха-августинца Гильома Фабре-Бонжура [Guillaume Fabre-Bonjour (1669–1714)] (Об истории иезуитских картографических работ в Азии см. [23; 24; 25; 28; 29; 30, р. 209–259; 31; 32; 35; 36; 39]). В соответствии с поручением императора составить точный атлас Китайской (Цинской) империи иезуиты занялись съёмками всех китайских провинций и сбором информации о прилегающих районах Тибета, Татарии (Монголии) и Кореи. Регис, руководивший съёмками, вернулся с Фриделли в Пекин в январе 1717 г. Там, под руководством Жарту, который по болезни был принуждён оставаться в столице, они составили общую карту всех провинций, представленную императору в 1718 г. Таким образом в течение десяти лет эта грандиозная работа была завершена [30, р. 224–227]. Топографические материалы по Корее были почерпнуты

из китайских источников, так как иезуиты не смогли провести съёмку в этом королевстве. Регис, ответственный за составление корейской карты, проанализировал все обнаруженные в Китае материалы, сопоставив их с проведёнными его коллегами иезуитами съёмками приграничных с Кореей территорий, в процессе которых топографы-миссионеры определяли засечками некоторые из пунктов за границей Цинской империи. Таким образом, Регис в некоторой мере мог оценить точность предоставленных ему материалов [30, р. 231; 34]. Важно подчеркнуть, что в основе использованных иезуитами китайских материалов по Корее были съёмки корейских королевских картографов.

Карты, составленные иезуитами для императора Кан-си, были опубликованы в Пекине в виде атласа, четыре различных издания которого вышли в свет в период с 1717 по 1726 г. Издание 1717 г. было ксилографическим и включало 28 карт. Названное *Точным имперским географическим атласом (Huang yu ch'uan Ian t'u)*, это издание вскоре было заменено исправленными и переработанными публикациями. В 1719 г. была составлена рукописная версия, включавшая 32 карты. В ней номенклатура географических названий была стандартизирована и с карт были изъяты маньчжурские слова. Этот оригинал был воспроизведён на 44 печатных формах, гравированных на меди. Работа была выполнена в Пекине священником Маттео Рипа [Matteo Ripa (1682–1745)], принимавшим участие в съёмках иезуитов, а впоследствии, по возвращении в Европу, основавшим Collegio de' Cinesi sante familia di Napoli. Он начал работу над медными формами для карт в 1718 г. и создал произведение под названием *Современный полный географический атлас великой Империи Цинь (Yu chin ta Ch'ing i t'ung chuan t'u)* в масштабе 1 : 1400000. Это издание было направлено французскому королю Луи XV в ознаменование признания его поддержки миссии иезуитов. Экземпляры атласа сохранились в Топографической коллекции короля Англии Георга II Картографической библиотеки Британской библиотеки в Лондоне и в Istituto Universitario Orientale di Napoli (преемника Collegio de' Cinesi Маттео Рипа) [30, р. 233–234; 37]. В 1721 г. было опубликовано второе ксилографическое издание на 32 листах одинакового формата с рукописной версией 1719 г., являвшейся источником для Рипа; единственными добавлениями в этом издании были многие детали на карте Тибета и исправления в верховьях Жёлтой реки; маньчжурская номенклатура также повсеместно была заменена на китайскую.

Карты и атлас китайских иезуитов на многие годы стали главным источником европейских карт восточной и южной Азии. Известный французский картограф Жан Батист д'Анвилль (J.B.V. de Anville) составил на основании этих материалов карты для *Описания Китая* Дю Гальда (*Du Halde Description de la Chine*) и опубликовал свой *Новый Атлас Китая...* (*Nouvel atlas de la China, etc.*) в 1737 г. До недавнего времени историки считали, что в этих классических изданиях данные иезуитов были использованы впервые. Одному из авторов этой статьи (А.В. Постникову) удалось найти некоторые неизвестные ранее данные, позволяющие несколько уточнить историю проникновения материалов съёмок иезуитов в Европу. Наше внимание привлёк к себе тот факт, что первая карта Российской империи, составленная в 1733⁵ и опубликованная в 1734 г. И.К. Кириловым, отображала восточную и южную Азию именно так, как д'Анвилль показал их в 1735 и 1737 гг. Мы выяснили, что Иван Кирилов получил в конце марта 1729 г. из Петербургской академии наук 22 китайских (иезуитских) карты Азии для использования при составлении его общероссийской карты и основных карт Атласа Российской империи [19]. Судя по Карте Российской империи И.К. Кирилова, он, скорее всего, непосредственно использовал карты иезуитов, которые, однако, не сохранились в российских архивах и библиотеках. По-видимому, именно эти карты нам посчастливилось обнаружить в Коллекции д'Анвилля Отдела карт и планов Национальной библиотеки Франции в Париже. Это 24 китайские (с маньчжурскими надписями) рукописные карты восточной Азии, на которых имеются неопровержимые доказательства использования их в России до поступления во Францию⁶. Помимо маньчжурских и китайских иероглифов на этих картах добавлены географические названия и пояснительные надписи, выполненные в русской каллиграфии начала XVIII в. Весьма вероятно, что эти карты попали во Францию вместе с другими русскими (по происхождению или принадлежности) материалами, которые регулярно отправлялись

⁵ Библиотека Академии наук, Отдел манускриптов (Санкт-Петербург). Коллекция карт, Карта № 312. Другая копия этой карты: Bibliothèque du dépôt des cartes et Plans de la Marine. Service historique de la Marine (Vincennes, France), File № 53, Map 21.

⁶ Cartes et Plans, Bibliothèque National, [Ge. DD. 2987 (7296-7319)], Preparation en noir et rouge...a vent lettor et avec la lettor en chinois.

во Францию французским астрономом Ж.-Н. Делилем в период его службы в Санкт-Петербургской академии наук (1725–47)⁷.

Показ Кореи и прилегающих стран на картах д'Анвилля и Кирилова отличается только тем, что на русских картах отсутствует название моря между Кореей и Японией, а в Атласе д'Анвилля [27] акватория этого моря на разных картах отображена по-разному. Так, на Общей карте Китайской Тартарии (*Carte general de la Tartarie Chinoise...*) на морском пространстве помещено название Корейского королевства в европейской и национальной формах (*Kaoli Koue ou Royaume de Coree nome aussi Tchao Sien...*).

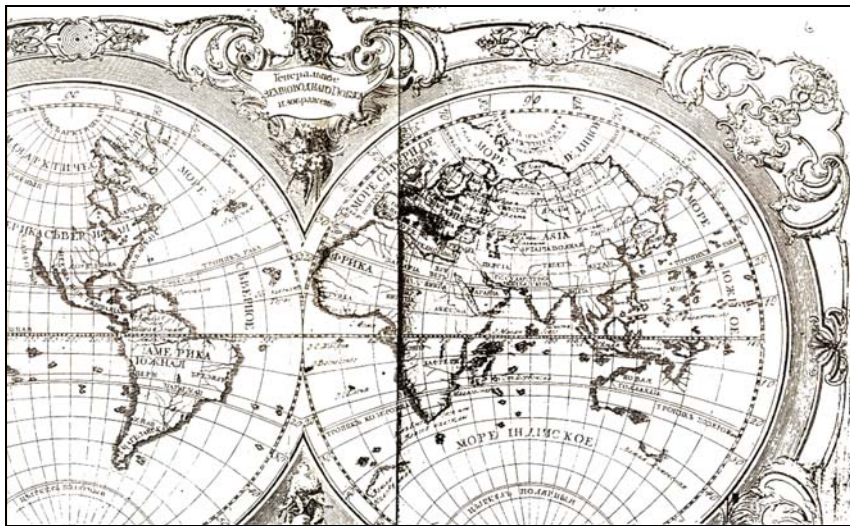

Рис. 1. Карта Мира из Русского учебного Атласа Мира. Санкт-Петербургская Академия наук, 1737 г.

Карта Кореи также даёт на этом месте сокращённое название королевства (*Royaume de Coree*), в то время как на Специальной карте Китайской Тартарии, Маньчжурии и Кореи (*He Feuille de la particuliere de la Tartarie Chinoise contenant les environs de Nimgouta, qui est proprement l'ancien pays des Mantcheoux, et l'extremite la plus Septentrionale de la Coree*) в этом регионе помещено название *Mer du Japon*. Мы не можем уверенно утверждать, почему д'Анвилль использовал это название, так как имеется всего лишь

⁷ О российских материалах во Франции см. [6; 10; 15; 27; 33]

одно следующее описание Дю Гальдом иезуитской практики выявления и использования географических названий: «[Император Канси] приказал великим Трибуналам назначить мандаринов для руководства съёмками, с тем чтобы они могли дать точные названия наиболее замечательным местам, через которые они будут проходить, и приказывать магистратам городов присутствовать на границах их районов с их народами и предоставлять необходимое содействие» [29; 30, р. 230].

Хотя Иван Кирилов не поместил на своей карте названия моря между Кореей и Японией, все последующие русские карты, составленные на её основании, давали на этом месте пелагонимы *Корейское море*, или *Море Восточное*. Русский учебный Атлас Мира, опубликованный Санкт-Петербургской Академией наук одновременно с атласом д'Анвилля в 1737 г. [2], был первым в ряду картографических произведений, придерживавшихся описанной традиции наименования этого моря на российских картах. Карта Мира в полушариях из этого атласа показывает Японию и Корею как полуострова, разделённые *Морем Восточным* (рис. 1), в то время как более детальная и точная Карта Азии (рис. 2) для того же водоёма даёт название *Корейское море*. Последний пелагоним становится наиболее употребляемым названием этого моря на русских картах XVIII – начала XIX в. Прежде чем перейти к рассмотрению некоторых из этих карт, попробуем понять, что являлось причиной «стойкости» этого названия в рассматриваемый период.

Ранее мы отмечали, что русские, продвигаясь с запада, были склонны называть *Восточными* океан и моря, к берегам которых они пришли в XVII столетии. Помимо этого имелся иной вариант для относительно небольших частей этого океана, расположенных вблизи устьев тех рек, которые были основными путями к берегам океана. Так, северная часть современного Берингова моря называлась *Анадырским морем* по реке *Анадырь* (теперь это Анадырский залив). В то же время простые русские землепроходцы должны были во многом полагаться на местные континентальные и прибрежные племена, и поэтому названия этих племён нашли отражение в пелагонимах. Например, когда казак Иван Москвитин достиг побережья Охотского моря в 1639 г., он назвал его *Тунгусское* или *Ламское море*. Первая форма этого названия имеет в своей основе этноним *тунгус*, который использовался в то время для племён эвенков и эвенов. Вторая форма отражает эвенкийский

географический термин *лам*, означающий «море». Другое эвенкийское географическое название *Охота* (от эвенк. *окат* "река") лежит в основе современного названия Охотского моря благодаря острогу, который казаки построили в устье реки Охоты в 1640-х гг. Центральная часть Берингова моря называлась по одному из обитающих на его берегах корякских племён (*Олюторское море* или *Люторское море*). Это название сохранилось до наших дней в наименовании *Олюторского залива* Берингова моря. Пелагоним *Камчатское море* иногда использовался для всей южной части Берингова моря.

Приведённые примеры показывают, что русские были склонны называть акватории на востоке либо по их положению относительно частей света (в этом случае восточному), либо по названиям народностей или территорий на западных побережьях этих акваторий.

Рис. 2. Карта Азии из Русского учебного Атласа Мира. Санкт-Петербургская Академия наук, 1737 г.

Представляется, что сильное предпочтение названия *Корейское море* или *Восточное море* на российских картах XVIII в. объясняется приведёнными выше причинами.

Кульминационным пунктом активного развития русской картографии первой половины XVIII в. явилось составление и издание в 1745 г. Императорской академией наук в Санкт-Петербурге *Атласа Российского...* Этот атлас обычно включает 19 карт различных частей России, но помимо этого сохранились единичные его варианты с картами Мира и континентов (например, *Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт... старанием и трудами Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, 1745 года*)⁸. Карта Азии в таких вариантах Атласа (рис. 3) основана на иезуитских и новых русских картах, причём русские карты включали некоторые данные, полученные в течение Первой и Второй Камчатских экспедиций Витуса Беринга и Алексея Чирикова.

Рис. 3. Карта Азии из Атласа Российского..., 1745 г.

⁸ РГБ, Картографический отдел, шифр: Ко 106/V-5.

Тихий океан на этой карте назван *Тихим морем*, причем *Море Корейское* отделяет Корейский полуостров от «Острова Японии» (*Nifon Ost.*). Эта карта была опубликована отдельным изданием в 1757 г.⁹ Совершенно очевидно, что эта карта повлияла на многие российские и иностранные издания второй половины XVIII в. и приводимые ниже пять карт представляют собой всего лишь малую толику публикаций, свидетельствующих об этом влиянии.

Рис. 4. Генеральная карта..., представляющая удобные способы к Умножению Российской торговли капитана Голикова с товарищи, 1787 г.

1. *Генеральная карта всей Сибири*, составленная в 1778 г. капитаном Иваном Курнаковым¹⁰. Эта красочная рукописная карта не показывает целиком Корейского полуострова, но название *Корейское море* на ней присутствует.

2. *Генеральная карта..., представляющая удобные способы к*

⁹ РГБ, Картографический отдел, шифр: Ко 109/IV-19.

¹⁰ РГВИА, Фонд 846, опись 16, № 20245.

Умножению Российской торговли капитана Голикова с товарищи, опубликованная в 1787 г. для пропаганды планов Григория Шелехова (1746–48 [?] – 1795) по колонизации северной части Тихого океана, включая Аляску (рис. 4)¹¹. Карта показывает северо-западную часть Тихого океана, Корею и *Море Корейское*. Следует заметить, что Григорий Шелехов в своих инструкциях по съёмкам новых территорий приказывал подчинённым собирать и

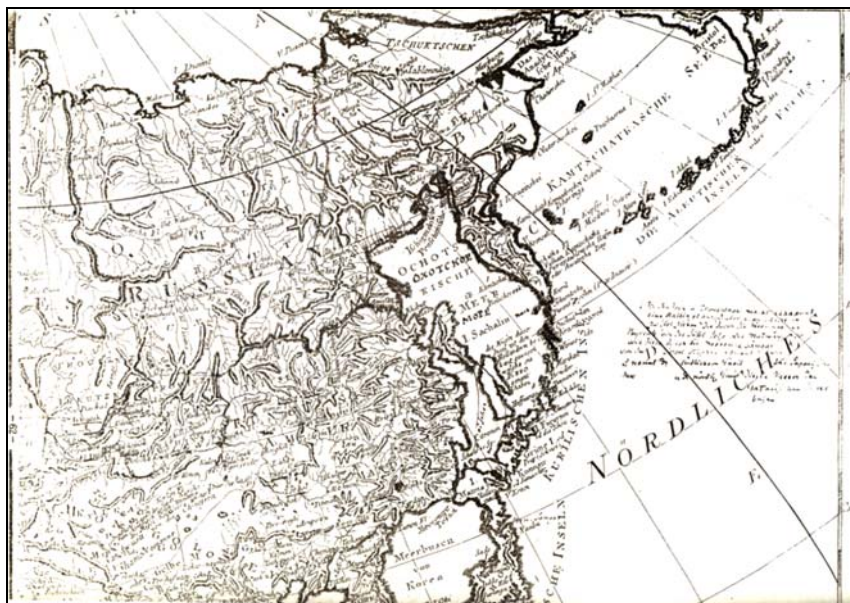

Рис. 5. *Asien nach den neusten und besten Hilfsmitteln entworfen und herausgegeben im Jahre 1795*, Nürnberg in der Kaysersl: privilegizten

помещать на карты все туземные географические названия¹². В 1804 г. известный русский гидрограф контр-адмирал Г.А. Сарычев (1763–1831) включил подобные наставления в свои *Правила, принадлежащие к морской геодезии...* [16, с. 64–66].

3. На основании русских и французских карт российских открытий в северной части Тихого океана 1750-х годов была

¹¹ РГБ, Картографический отдел, шифр: Ко 110/VII-53.

¹² АВПРИ Фонд 339 (РАК), опись 888, № 46, Л. 8 – 8 об. (1786 г.) [Инструкция навигатору Д.И. Бочарову].

опубликована карта *Carte des Nouvelles Decouvertes au Nord de la Mer Sud, Tout a l'Est de la Siberia et du Kamtchatka, Qu'a l'Ouest de la Nouvelle France. A Venise Chez Francois Santini, rue St. Justine pres de l'Eglise Chez M. Remondini* (1777)¹³. На этой карте, несмотря на сильную традицию д'Анвилля в европейской картографии, имеется пелагоним *Mer de Coree*.

4. Такое же пренебрежение этой традицией демонстрирует немецкая карта Азии, опубликованная в Нюрнберге – *Asien nach den neusten und besten Hilfsmitteln entworfen und herausgegeben im Jahre 1795, Nürnberg in der Kayserl: privilegizten*¹⁴. Использование русских источников при описании северной части Тихого океана совершенно очевидно как в очертаниях береговой линии, так и в географических названиях.

В частности, акватория между Кореей и Японией на ней названа *Meerbusen von Korea* (рис. 5).

5. Последний, но весьма важный пример такого же рода представляет собой *Bowies' New One-sheet Map of Asia divided into its Empires, Kingdoms, States and other subdivisions laid down from Observations of the most Celebrated Geographers* (London, 4 June, 1791) (рис. 6)¹⁵. Общая географическая концепция этой карты весьма близка рассмотренным ранее, включая такие детали, как название *Sea of Korea*.

Есть все основания предположить, что большинство из этих карт отражает традицию наименования морей, которая развивалась более или менее случайно на основании представлений о месте *Корейского моря* относительно прилегающих берегов и государств Евразии. Развитие картографирования морей в течение европейских кругосветных плаваний второй половины XVIII – начала XIX в. привело к формированию одобренного международного (по крайней мере, европейскими странами) понимания географических границ и названий основных морей. Для исследователей того периода не было исключением игнорировать традиционные названия картографируемых ими акваторий и наименовывать их по своему собственному разумению, руководствуясь нередко геополитическими соображениями приоритета «открытия» этих морей или их частей для своих держав.

¹³ РГБ, Картографический отдел, шифр: Ки 2/VI-43.

¹⁴ РГБ, Картографический отдел, шифр: Ки 17/IX-12.

¹⁵ РГБ, Картографический отдел, шифр: Ки 17/IX-10.

Многие из этих путешественников вполне оправданно завоевали всемирное признание, а их воззрения по поводу названий тех или иных акваторий приобрели для европейцев практически директивное значение. В результате многие моря на современных картах имеют названия, данные такими известными путешественниками. Например, великий британский исследователь капитан Джеймс Кук (1728–79) во время своего третьего кругосветного плавания, исследуя северную часть Тихого океана, называл многие участки берегов и акваторий Аляски именами представителей британской королевской фамилии или высших руководителей Британского Адмиралтейства. Для увековечивания памяти капитана-командора Витуса Беринга (1681–1741) он предложил назвать *Беринговым* море между Камчаткой и Аляской.

Рис. 6. Bowies' New One-sheet Map of Asia divided into its Empires, Kingdoms, States and other subdivisions laid down from Observations of the most Celebrated Geographers (London, 4 June, 1791)

Известный французский капитан Жан-Франсуа де Гало Лаперуз (Jean François de Galaup La Perouse (1741–88 [?]) был первым европейским исследователем, который прошёл морем между Кореей и Японией, выполнив гидрографическую съёмку общих его очертаний в 1787 г. Составленный по материалам его кругосветного путешествия (1785–1788) *Atlas du Voyage de La Perouse* [34] стал стандартным справочным источником при картографировании Тихого океана на многие последующие годы. Атлас Лаперуза состоит из 69 карт и планов.

Он был издан в трёх версиях. Первой была упомянутая выше оригинальная французская версия, опубликованная в Париже. Вторая (*Atlas du Voyage La Perouse*), также на французском языке, была опубликована Г.Г. Робинсоном в Лондоне в 1799 г., но датирована 1798. Третья версия издана на английском языке (*Charts and Plates to La Perouse Voyage*) также Робинсоном в 1798 [1799] г.¹⁶ Судя по всему Лаперуз не проводил специальных исследований по поводу названий посещённых им морей, а использовал те, которые были приняты к тому времени французскими авторами, причём наиболее очевидно влияние д'Анвилля. На картах Лаперуза используются два варианта пелагонима для моря между Японией и Кореей. На общих картах Тихого океана и маршрутов экспедиции в 1786 и 1787 гг. (карты № 3 и 15) в этом районе нанесено название *Manche de Tartarie*, а на картах под номерами 39 и 46 это море названо *Mer du Japon*.

Первой русской экспедицией, прошедшей этим морем с попутной гидрографической съёмкой (1805 г.), было плавание капитана И.Ф. Крузенштерна (1770–1846) во время кругосветного путешествия на борту *Надежды* (1803–06). Фундаментальным научным итогом этой экспедиции были *Атлас Южного моря* [Тихого океана] и *Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря* [8; 9. Материалы по нашей теме помещены во вторых частях этих изданий]. Один аспект этого влияния представляет особый интерес для нашей темы: эти публикации изменили существовавшие в России в XVIII столетии традиции наименования Тихого океана и его западной части, заменив их, главным образом представлениями Лаперуза по этому вопросу.

¹⁶ Мы используем экземпляр Российской государственной библиотеки, представляющий собой копию второго издания (шифр: Ки22/IX-1).

И.Ф. Крузенштерн был одним из немногих учёных-путешественников того времени, который высказал свои суждения по поводу вопроса наименования Тихого океана следующим образом:

«Ещё считаю я нужным сказать несколько слов относительно названий Тихий океан и Южное море, сохранённых мною в сих записках вместо употребляемых некоторыми географами названий Большой океан (*Grand Océan*) или *Océanique*, как называет оный один из первых географов нашего времени. Я охотно соглашаюсь в том, что первые два названия мало приличны такому Океану, который, как весьма справедливо заметил господин Флёрйё, отнюдь не тихий и не южнее других; но имена, предлагаемые как сим знаменитым географом, так и господином Мальт-Брюном, столь же неопредетельны и столь же мало отличают названный ими Большой Океан от всех прочих морей. Равным образом, кажется неопредетельным название Восточный Океан, данное некоторыми из наших [российских] мореплавателей северной части того моря. Здесь представляется возражение, подобное тому, какое весьма справедливо делано было против названия Южное море, ибо море в отношении к обитателям Азии *восточное*, будет *западным*, для американцев. По всем таковым соображениям я решился, придерживаясь Куку, Ла-Перузу и Маласпине, и следуя большому историческому сочинению адмирала Бурнея и картам Арроусмита, сохранить прежние названия Южного моря и Тихого океана, которые впрочем можно будет переменить на другие приличнейшие, коль скоро всеми географами и мореходцами главнейших в Европе морских наций, таковые приняты будут» [9].

Нам представляется, что эта цитата показывает как источники Крузенштерна, так и его собственные предпочтения, которые, конечно, были преференциями всех европейских учёных-мореплавателей, склонных решать проблемы наименования морей с европоцентристской точки зрения. С другой стороны, он действительно использовал японские карты и карты Кореи д'Анвилля, основанные на съёмках корейских королевских картографов. В своем *Изъяснении и разборе карты полуострова Кореи* И.Ф. Крузенштерн пишет: «хотя сей полуостров не был, подобно прочим областям Китая, описан иезуитами, однако никто не сомневался в верности Данвилевой карты, потому что она была им сочинена по съёмке, сделанной королевскими географами, хранящейся в самом дворце Королевском. Сам Данвилль в

предупреждении к своему Атласу говорит, что если б миссионеры, определившие границы между Кореею и Китаем, нашли какие-либо погрешности или неверности в *Корейской карте*, то без сомнения не оставили б оныя без замечания. Капитаны Максвелл и Галл доказали, что в южной части карта неточна. Карта Данвилля стала основой всех последующих с исправлениями Лаперуза и Кольнета» [9, ч. 2, XXV, с.1–4].

Крузенштерн здесь говорит о картах своего атласа, которые в целом отражают описанные представления автора о названиях морей в этом районе. Несмотря на его общее согласие с французскими и японскими взглядами по этому вопросу, Крузенштерн, однако, имел некоторые сомнения, основанные, судя по всему, на российских традициях. Так, в *Изъяснении и разборе карты полуострова Кореи* он предлагает следующее определение: «*Море, находящееся между берегами Кореи и Японии называется Корейским Проливом*» [Ч. 2., XXV, с. 10]. Это определение показывает, что Крузенштерн был склонен применять название *Японское море* лишь для северной части его акватории. С другой стороны, трактовки географических названий в этом районе на самих картах Крузенштерна в значительно большей степени обусловлены представлениями французов и японцев. Так, на *Генеральной карте Южного моря* [8, ч. 2, № 16, л. 12] имеется надпись *Японское море* без какого-либо упоминания Корейского пролива. На специальной карте Японского моря [8, ч. 2, № 21] Крузенштерн поместил название *Корейский пролив* в южной части моря, в том районе, где обычно помещается это название на современных картах.

Авторитет И.Ф. Крузенштерна оказался сильнее, чем российские национальные традиции наименования акваторий в восточной Азии до такой степени, что даже до выхода в свет его атласа в 1826 г. его взгляды нашли отражение на карте *Азии, составленной и гравированной в Санкт-Петербурге в 1812 году*¹⁷. На этой карте имеются надписи *Японское море* и *Корейский пролив*, помещённые в северной и южной частях интересующего нас района. Сказанное не означает, что точка зрения Крузенштерна стала исключительно преобладающей, по крайней мере в русской картографии первой половины XIX столетия. Даже учебная карта, опубликованная в России в том же году, что и материалы Крузенштерна (1826 г.), показывала, что былые представления были ещё живы.

¹⁷ РГБ, Картографический отдел, шифр Ко 109/IV-18.

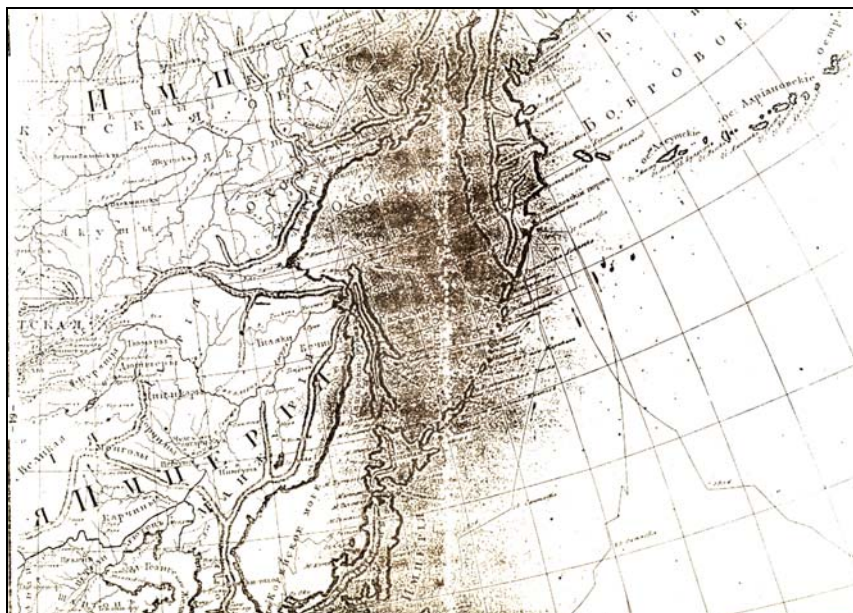

Рис. 7. Новая Генеральная карта Азии, по последнему разделению государств с показанием путей Крузенштерна и Лисянского, по наблюдениям новейших мореплавателей. Составлена Географическим Департаментом Министерства Народного просвещения

Это *Новая Генеральная карта Азии, по последнему разделению государств с показанием путей Крузенштерна и Лисянского, по наблюдениям новейших мореплавателей. Составлена Географическим Департаментом Министерства Народного просвещения* (рис. 7)¹⁸. На этой карте надпись *Корейское море* помещена на основной части акватории, а Корейский пролив занимает его современное положение.

Последней официальной русской картой, отражающей такие же представления, была *Карта Ледовитого моря Восточного океана. Составлена с новейших описей в Географическом департаменте Морского министерства. 1844* (рис. 8)¹⁹. Может показаться странным и устаревшим использование на этой официальной гидрографической карте названия *Корейское море*, если не

¹⁸ РГБ, Картографический отдел, шифр Ко 110/VIII-48.

¹⁹ РГБ, Картографический отдел, шифр Ко 22/VI-29.

учитывать, что это название поддерживалось рассмотренной давней российской национальной традицией. После издания этой карты Российское Адмиралтейство приняло окончательно европейские представления о распределении пелагонимов между Кореей и Японией, главным из которых было *Японское море*.

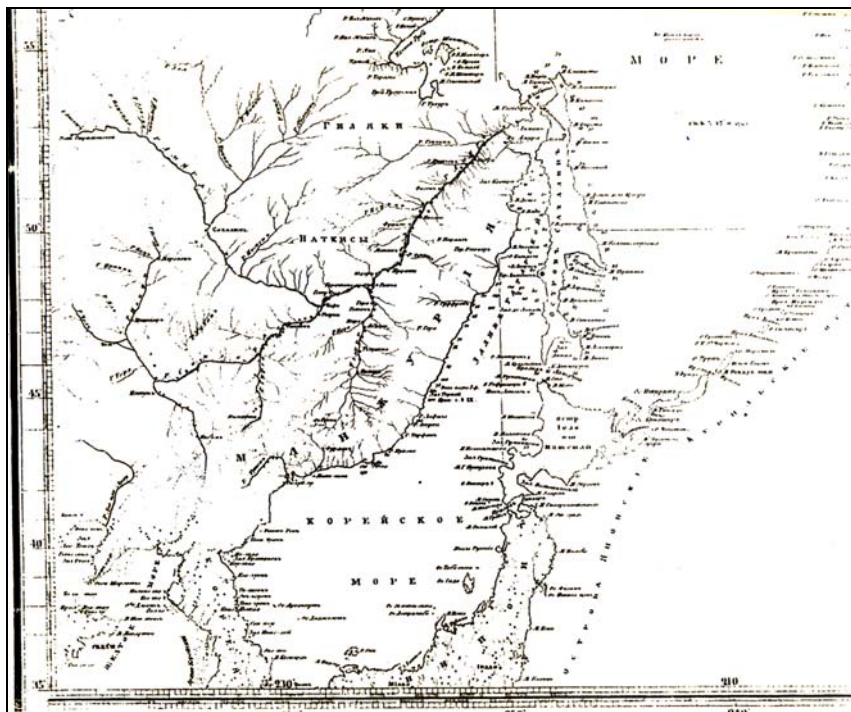

Рис. 8. Карта Ледовитого моря Восточного океана. Составлена с новейших описей в Географическом департаменте Морского министерства. 1844

В заключение мы считаем нужным отметить, что представленная статья не может претендовать на решение всех рассмотренных нами проблем. Мы считаем, что настоящая работа является лишь началом большого исследования, в течение которого должны быть изучены в деталях следующие сюжеты:

1. Информация, имевшаяся в России XVII в. о странах и морях восточной Азии: её происхождение, источники (как европейские, так и азиатские) и достоверность.

2. Картографическое использование иезуитских материалов по Китаю и Корее в начале XVIII в. в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и Правительствующем Сенате. Роль этих материалов в развитии российской традиции наименования морей.

3. Русские дипломатические контакты с китайцами в конце XVII – начале XVIII в. и их влияние на распространение географических представлений о рассматриваемом районе.

Литература

1. Атлас истории географических открытий и исследований. М., 1959.
2. Атлас, сочинённый к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг. Напечатано в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук. СПб., 1737.
3. *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948.
4. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Ред. А.В. Ефимов. М., 1964.
5. *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
6. *Кордт В.* Материалы по истории картографии Украины. Киев, 1931. С. 20–22.
7. Книга Большому Чертежу, 1627.
8. *Крузенштерн И.Ф.* Атлас Южного Моря. В 2 ч. СПб., 1826.
9. *Крузенштерн И.Ф.* Собрание сочинений служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря... В 2 ч. СПб., 1826. (материалы по нашей теме помещены во второй части этого издания).
10. *Лебедев Д.М.* География России Петровского времени. М.; Л., 1950. С. 254–256.
11. *Медушевская О.М.* Картографические источники XVII–XVIII вв. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957. С. 10–11.
12. *Попов С.В., Троцкий В.А.* Топонимика морей Советской Арктики. Л., 1972.
13. *Постников А.В.* Новые данные о российских картографических материалах XVIII – начала XIX в. во Франции // Архив истории науки и техники. М.: Наука, 2007. Вып. 3. С. 390–423.
14. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. Тобольск, 1701.
15. *Салищев К.А.* Собрание русских карт первой половины XVIII века в Париже // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1960. № 4. С. 104–110.
16. *Сарычев Г.А.* Правила, принадлежащие к морской геодезии... СПб., 1804.
17. *Сербина К.Н.* «Книга Большого чертежа» и её редакции. // Ист. зап. М., 1954. Т. 14. С. 129–147.

18. Книга Большому Чертежу / Ред. К.Н. Сербина. М.; Л., 1950.
19. *Свенске К.Ф.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Академией наук в 1745 году // Зап. Акад. наук. СПб., 1866. Т. 9, кн. 1. прил. 2. С. 85–86 (Письмо И.Д. Шумахера И.К. Кирилову обер-секретарю Сената).
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1964–1973.
21. Этимологический словарь летописных географических названий Южной Руси (на укр. яз.: Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985).
22. The Atlas of Siberia by Semen U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow / Ed. by Leo Bagrow. s'-Gravenhage, 1958. Pl. 4.
23. *Bernard-Maitre, Henri S.J.* Note complémentaire sur l'atlas de Kanf-his // Monumenta Serica. 1946. Vol. 11. P. 198–199.
24. *Brucker, Abbé J.* Communication sur l'exécution des cartes de la China par les missionnaires du XVIIIe siècle d'après documents inédits // IV Congrès international des sciences géographiques tenu a Paris en 1889. P., 1889. Vol. 1. P. 384–386.
25. China Cartographica. Chinesische Kartenschatze und Europäische Forschungsdokumente. B., 1983. S. 33–57.
26. Encyclopedia Britannica: A New Survey of Universal Knowledge. Vol. 13. P. 482.
27. *D'Anville.* Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise, et du Thibet: Contenant les Cartes générales & particulières de ces Pays, ainsi que la Carte Royaume de Corée: La plupart levées sur lieux par ordre de l'Empereur Canghi avec toute l'exacritude de imaginable, soit par les PP. Jésuites Missionnaires à la Chine, soit par Tartares du Tribunal des Mathématiques, & toutes revues par les mêmes Pères: Redigées par Mr. D'Anville, Géographe ordinaire de sa Majesté Très-Chrétienne,... (A La Hare, Chez Henri Scheurleer, MDCCXXXVII).
28. *Dehergne, Le P. Joseph.* La Chine du Sud-Est: Guangxi (Kwangsi) et Guangdong (Kuwangtung): étude de géographie missionnaire. Rome: Archivum Historicum Societatis Jesu, 1976.
29. *Du Halde, Jean-Baptiste S.J.* Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise: In 4 vol. The Hague, 1735.
30. *Foss Th.N.* A Western Interpretation of China: Jesuit Cartography // East Meets West: The Jesuits in China, 1552–1733 / Ed. by Ch.E. Ronan, B.L. Bonnie. Chicago, Ohio: Loyola Univ. Press, 1988. P. 209–259.
31. *Fuchs W.* Der Jesuiten-Atlas der K'anghsi-zeit. Seine Entstehungsgeschichte nebst Namensindices für die Karten der Mandjurei, Mongolei, Ostturkestan und Tibet. Peking, 1943.

32. *Harley J.B.* The Map as Mission: Jesuit Cartography as an Art of Persuasion // *Jesuit Art in North American Collections*. Milwaukee (Wis.): Patric and Beatrice Haggerty Museum of Art. 1991. P. 28–30.
33. *Isnard A.* Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale // Comité des travaux historiques et scientifiques. *Bulletin de la section de géographie*. P., 1915. T. 30. P. 254–256.
34. *La Perouse.* Voyage autour du monde. Atlas. P., 1797.
35. *McCune Sh.* Geographical Observations of Korea: Those of Father Regis Published in 1735 // *Journal of Social Science and Humanities*. Seoul, 1976. Vol. 44. P. 7–8.
36. *Needham, Joseph, Wang Ling.* Science and Civilisation in China // Mathematics and the Sciences of the Heavens and the Earth. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1959. Vol. 3. P. 583–586.
37. *Pospelov Ye.M., Postnikov A.V.* The history of Russian names for sea with the special reference on the development on the Korean (Japanese) sea presentation on maps (17th through 19th centuries // *The International Seminar on the geographical names of “East Sea”*. Seoul, 1995. Ses. 1. P. 35–57, maps.
38. *Wallis H.* Missionary Cartographers to China // *Geogr. Mag.* 1975. Vol. 47. P. 752.
39. *Wallis H.* The influence of Father Ricci on Far Eastern Cartography // *Imago Mundi*. 1965. Vol. 19. P. 38–45.

Раздел II

АСПЕКТЫ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ РЕЛЬЕФА ДНА МИРОВОГО ОКЕАНА

Г.В. Агапова

Географические названия (ГН) форм подводного рельефа составляют значительную часть наименований различных природных объектов Земли. В результате исследований и географических открытий на картах появляются вместе с изображениями новых форм рельефа их наименования. Географические названия рельефа дна присутствуют во всех публикациях научных работ о Земле, где они часто являются ключевыми словами в заголовках и проходят по всему тексту, содержатся в учебных, справочных, исторических и энциклопедических изданиях, официальных и юридических документах.

Основным носителем ГН являются карты, где названия представляют собой один из элементов содержания. В теоретической картографии ГН рассматриваются как специфический язык карт, который графически выражается буквенными, а не условными знаками [5; 10]. ГН состоят из собственного имени объекта и термина, определяющего его видовую принадлежность. Обе части несут свою информацию и используются на картах и в публикациях всегда вместе. Наименования рельефа дна, как и рельефа суши, выполняют различные функции; основными из них являются:

- адресная функция. А.А. Лютый [5] отмечает, что самим фактом своего расположения в поле карты ГН указывают на ареал или место расположения объекта и его соотношение с другими объектами. В текстах и речи ГН используются обычно вместо координат. В океанологических описаниях ГН занимают особое место, так как обеспечивают и упрощают привязку различных объектов и природных явлений, происходящих в океане, к конкретным формам и типам поверхности дна;

- содержательная функция ГН состоит в том, что имя собственное и термин заключают в себе общую информацию об объекте и его свойствах, помогают в интерпретации карт и чтении текстов;

- образовательная функция ГН способствует изучению и познанию Мирового океана;

- историко-познавательная функция ГН состоит в том, что в них заключены сведения о происхождении названий. Они свидетельствуют об истории исследований и приоритете географических открытий, что показано в работах И.П. и В.И. Магидовичей, Н.Н. Зубова Л. Багрова, А.В. Постникова. Наименования, содержащиеся на картах и в изданиях разных лет, представляют ценный материал для лингвистических и картографических исследований, что рассмотрено в трудах Э.М. Мурзаева [7], А.М. Комкова [3], Е.М. Поспелова [9].

В настоящее время возрастает геополитическое значение ГН в связи с рассмотрением территориально-правовых вопросов, а также возможностей изучения и использования ресурсов Мирового океана как в зонах юрисдикции прибрежных государств, так и в открытом океане. Большинство отечественных и зарубежных публикаций по географическим названиям дна Мирового океана посвящено вкладу различных стран в исследование номинации форм рельефа, происхождения наименований [Н.А. Бендер, 1948; И.П. и В.И. Магидовичи, 1953; М.А. Преображенская и Л.И. Дубровин, 1967; С.В. Попов и В.А. Троицкий, 1972, Б.Г. Масленников, 1973; Справочник по истории географических названий побережий СССР, 1986].

В связи с активным накоплением новых данных по рельефу и географическим наименованиям дна Мирового океана, развитием теоретических основ и методов картографирования дна океанов возникает необходимость в обобщении опыта номинации географических объектов и использования ГН на картах и в публикациях. Особенности названий и терминов дна Мирового океана, правила присвоения и использования наименований на картах и в публикациях рассматриваются в основном в специальной литературе [D.H. Wiseman, D. Ovey, 1954; А.Ф. Трёшников и др., 1967; R.L. Fisher, 1987, R.S. White, 1988; Г.В. Агапова, 2002; GEBCO History, 2003].

В предлагаемой работе в основном в историко-картографическом аспекте рассматриваются особенности топонимии подводного

рельефа, история формирования массива наименований и терминов, вопросы систематики и стандартизации географических названий рельефа дна.

Характерные черты топонимии дна Мирового океана определяются особенностями дна океана как объекта исследования, историей и методами его изучения и картографирования, что отражено в истории формирования и составе имён собственных и терминов, а также в правилах присвоения и функционирования наименований. Подводный рельеф недоступен непосредственному наблюдению, описанию, измерению. Формы рельефа дна существенно отличаются от форм рельефа суши по облику, разнообразию и происхождению, размерности, по характеру пространственного расположения. Основными методами изучения дна до сих пор остаются дистанционные, которые постоянно совершенствуются от морских до космических и дополняются натурными наблюдениями и съёмками с глубоководных обитаемых аппаратов (ГООА). История формирования массива географических названий Мирового океана тесно связана с развитием техники исследований, методов картографирования дна и степенью изученности подводного рельефа. Важной особенностью, определяющей черты топонимии рельефа дна, является международный характер исследований и картографирования дна Мирового океана. В изучение рельефа дна Мирового океана внесли вклад исследователи многих стран. *Основными чертами топонимии дна океанов являются:*

- многоязычность ГН, обусловленная международным характером изучения подводного рельефа. В связи со сложным языковым составом ГН возникают проблемы в использовании названий и терминов в картографических изданиях и в публикациях, в обмене информацией, передаче наименований с языка на язык;

- многовариантность имён собственных и терминов, что также обусловлено международным характером формирования массива ГН;

- историчность ГН, которая отражает вклад стран в изучение океана и приоритет географических открытий;

- постоянное увеличение числа ГН за счёт открытия новых форм рельефа, уточнения и замены устаревших наименований или не соответствующих правилам номинации; постоянное развитие и обновление понятийно-терминологического аппарата на основе новых данных;

- необходимость создания правил, регламентирующих при-
своение и функционирование названий и терминов в
национальных и международных изданиях.

История формирования топонимии дна Мирового океана свя-
зана с историей его изучения. Наименования и термины
подводного рельефа стали появляться вслед за географическими
названиями рельефа суши. Можно выделить два основных периода
в формировании ГН и терминологии рельефа дна, основываясь на
таких критериях, как изученность дна океанов, её отражение в
различных видах источников, особенно картографических, объёме
и составе топонимического массива и характере его функциониро-
вания.

Начальный, самый длительный период – время от освоения
древними «морскими» цивилизациями побережий, развития море-
плавания и морских промыслов – до организации
океанографических экспедиций в открытый океан в начале XIX в.
Все исследования рельефа дна в этот период были ограничены
пределами материковой отмели, так как не было средств для изме-
рения больших глубин и открытый океан долгое время оставался
белым пятном на карте Мира. Первые наименования были даны
объектам, представлявшим навигационную опасность, промысло-
вым объектам, а также элементам береговой линии, служившим
ориентирами в прибрежных плаваниях. Тогда же появились пер-
вые термины, определявшие вид объекта: *мель, банка, риф, губа,*
коса, скала. По мнению Э.М. Мурзаева, они относятся к
народным¹. Число терминов было невелико. До появления пись-
менности наименования хранились в памяти и передавались
изустно, отразились в мифах, легендах и «сказках» (например,
Геркулесовы столпы). Позднее, в X–XI в., названия вошли в руко-
писные лоции, а затем появились на "чертежах", порталанах и
морских картах. Число наименований постоянно увеличивалось,
особенно в период Великих географических открытий, когда стали
проводить описания вновь открытых земель. На картах появлялись
новые объекты и их наименования, одновременно происходила
замена уже существовавших местных названий, которые замеща-

¹ Не все из указанных терминов генетически народны в русской гео-
графической терминологии: *банка* < нем. *Bank* или голл. *bank*; *риф* < нем.
Riff или голл. *rif*. – Прим. ред.

лись другими именами с целью закрепления приоритета или же передавались на языке завоевателей и теряли свой первоначальный облик. Иногда на картах помещали оба названия, но со временем эта практика ушла. Сведения о названиях этого этапа содержались в лоциях, морских картах и атласах. Все наименования были связаны в основном с формами рельефа, расположенными в пределах прибрежной отмели, представлявшими опасность для мореплавания. В начале XVIII в. начались систематические инструментальные съёмки побережий и промер на мелководьях, на основании которых продолжал наращаться массив ГН в прибрежных водах.

Следующий (океанографический) период связан с развитием техники измерений и началом промеров в открытом океане в океанографических экспедициях первой четверти XIX в. Промер в открытом океане требовал остановки судна на несколько часов, и данные о глубинах накапливались крайне медленно. В середине XIX в. на основании немногочисленных измерений были составлены первые батиметрические карты открытого океана. Из них наиболее известна карта северной части Атлантического океана М.Ф. Мори, опубликованная в 1853 г.; на ней дано только одно название: *Grand Bank* (ныне *Большая Ньюфаундлендская банка*). В конце XIX в. появляются мелкомасштабные обзорные карты Мирового океана, составленные М.А. Рыкачёвым (1881), Д. Мерреем (1899) и А. Зупаном (1899). На них отражены обнаруженные поднятия и впадины, в том числе фрагменты срединно-океанических хребтов. Появляются первые наименования обнаруженных форм. Наименования и термины поднятиям и впадинам дна открытого океана присваивали на основании контуров, выделенных на батиметрических картах. На карте Д. Меррея оконтурено около 40 небольших впадин, получивших собственные наименования и определённых термином *deep* – «глубина, пучина». Фрагмент *Срединно-Атлантического хребта* определён как *Атлантический вал*. Каждая глубина получила на карте собственное имя, в основном мемориальное: *Зупана*, *Крюммеля*, *Мори*, либо связанное с исследовательским судном: *Тускарора*, *Дельфин*.

В выборе терминов основывались на терминах и определениях, используемых в географических и геологических науках для рельефа суши: *котловина*, *мульда*, *впадина*, *глубина*, *пучина*, *грабен*, *ложбина*, *вал*, *хребет*, *проход* и др. Как правило, термин сопровождался

ждался определением: *подводный хребет*, *подводная долина* и др. Со временем прилагательное перестали использовать сначала на картах, а потом и в научных публикациях.

Позднее для описания и обозначения на картах стали использовать около 10 терминов. Дно океана стали подразделять на три категории: *отмель*, *склон*, *ложе*. Тогда же наметились различия в определении одного и того же объекта. Для материковой отмели Н. Милл (1877) предложил термин континентальный шельф, А. Зупан (1901) обозначил её как *континентальную ступень*, А. Пенк (1902) – как *континентальную платформу*. Для того чтобы избежать дальнейших терминологических разногласий, вызванных как языковыми, так и смысловыми различиями, Н. Милл, О. Крюммель и адмирал В. Уортон на основе анализа опубликованных батиметрических карт и публикаций подготовили к VII Международному географическому конгрессу список с терминами и дефинициями подводного рельефа и предложили создать комиссию для разработки специальной номенклатуры для карт рельефа дна. На конгрессе было принято решение о подготовке Международной генеральной батиметрической карты океанов (ГЕБКО) и создан комитет по географическим названиям, первым председателем которого стал принц Монако Альберт I.

К первому изданию карты (1903) А. Зупан подготовил список из 18 терминов с дефинициями. В нём рельеф дна подразделялся в зависимости от размерности на два порядка: на впадины и поднятия, особо выделялись материковая отмель и склон. Скорее это был перечень форм, который отражал состояние представлений о рельефе дна к началу XX в. Комитет предложил при номинации форм рельефа в первую очередь использовать наименования, отражающие приоритет открытий и особенности расположения подводных объектов в океане. Топонимическая нагрузка первого и второго изданий ГЕБКО была невелика, так как данные о рельефе дна накапливались медленно. Однако вопросы согласования терминологии продолжали обсуждаться в ряде работ (Рамос да Коста, 1910; Зупан, 1915; Буэне, 1923; Раччиери, 1924), и развитие понятийно-терминологического аппарата в батиметрическом картографировании дна происходило в основном в рамках программы ГЕБКО.

В связи с появлением в 20-х гг. XX в. эхолотов резко возросло число измерений глубин. В 40-х гг. появились эхолоты-

самописцы, позволившие регистрировать профиль дна и перейти к изучению форм рельефа. Началось время основных географических открытий форм подводного рельефа. Новые данные показали, что необходимо привести терминологию форм в соответствие с новыми представлениями о рельефе дна. К третьему изданию ГЕБКО адмирал Н. Ниблак подготовил в 1924 г. список терминов, основанный на разделении форм на основные провинции дна: континентальные окраины и ложе и выделении положительных и отрицательных форм в их пределах. Термины были одобрены Международным гидрографическим бюро (МГБ) и использовались в третьем издании ГЕБКО и на других картах до 1948 г. После Второй мировой войны возобновились морские исследования, резко возрос объём данных. В это время были обнаружены и названы почти все крупные формы рельефа и определён орографический облик дна Мирового океана. Началось активное формирование топонимического массива открытого океана. Результаты исследований были представлены сначала на национальных региональных батиметрических картах краевых и внутренних морей (масштаба 1 : 2 000 000 – 1 : 5 000 000), а затем и на обзорных картах океанов (масштаба 1 : 5 000 000 – 1 : 10 000 000). Термины, появившиеся на картах, отражали новые представления о рельефе дна, и различные классификации, были разноязычны и нуждались в согласовании. У некоторых форм рельефа, открытых и исследованных в разное время разными странами, появилось несколько вариантов наименований. Всё это создавало трудности в присвоении и использовании ГН и терминов на картах и в публикациях.

В 1948 г. по решению VIII Ассамблеи Ассоциации физической океанографии была создана специальная Международная комиссия по номенклатуре подводного рельефа, которой было поручено обсудить с национальными группами принципы номинации и выбора терминологии для рельефа дна открытой части Мирового океана, подготовить рекомендательные предложения и список терминов. Во многих странах таких групп ещё не существовало и работы проводились в рамках ведомств, проводивших морские исследования. В Англии группа была создана в 1949 г., в США – в середине 50-х гг. В России рассмотрением и утверждением предложений о наименованиях занималась Топонимическая комиссия МФ ГО. Работа по сбору ГН на картах проводилась в Центральном

картографическом производстве Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны. Национальная рабочая группа была создана в СССР в 1974 г. при Межведомственной комиссии по географическим названиям Главного управления геодезии и картографии при Совете министров.

В 1951 г. английская группа под руководством адмирала Нэрса составила список из 23 терминов с дефинициями, он обсуждался на заседаниях Международной комиссии в Брюсселе и Международной гидрографической организации в Монако (1952) и был опубликован в 1953 г. [13]. В него вошли новые термины, такие как *гора*, *гайот*, *каньон*, *плато*, *уступ*, *терраса* и др. Были разработаны рекомендации по выбору терминов при картографировании дна океанов, а также для использования в публикациях. Рекомендации предполагали, что:

- термины должны быть простыми, в основном описательными, и органично входить в аппарат исследований и научных дискуссий;
- следует избегать генетических терминов, так как знания о рельефе развиваются быстро и даже лучшие гипотезы со временем изменяются;
- следует избегать использования неоднозначных терминов;
- термины должны легко передаваться на языки других морских наций;
- при номинации следует использовать для крупных форм рельефа названия по их географическому положению, а формам меньшего порядка давать мемориальные и другие типы названий.

Работа оказалась своевременной, и список был использован во многих картографических и научных публикациях.

В этот период создаются генетические классификации рельефа дна Мирового океана и образуются новые научные направления в исследовании дна океана. Их развитие сопровождается разработкой соответствующей терминологии, которая используется в научных работах и тематическом картографировании. При этом в качестве основы используется морфологическая терминология, а производные термины часто представляют собой сочетание базового термина и генетического определения, например: *гора вулканическая* или *глыбовая*, *хребет асейсмичный*. В создание генетических классификаций и разработку терминологии форм подводного рельефа внесли вклад многие отечественные и зарубежные исследователи. В 50-е гг. Г. Менард выделил в северо-восточной части Тихого океана несколько крупных разломов и дал им названия, а также выявил провинции абиссальных холмов и абиссальных равнин. Б. Хизен, М. Тарп, М. Юинг разработали

генетическую классификацию дна Атлантического океана и ввели такие термины, как *срединно-океанический хребет, рифтовая долина, рифтовые горы*.

В 1964 и 1971 гг. были опубликованы обновлённые списки МГБ, которые содержали 37 терминов. В список вошли такие термины и понятия, как *бордерленд, холм, горная цепь*. В 1970 г. Н. Черкис публикует «Словарь мировых батиметрических терминов», который включает 38 терминов на 27 языках, в том числе русском. Работа показала, насколько необходимо постоянное согласование терминов и понятий на международном уровне и в практике национального использования.

Особенно чётко проблема обозначилась при подготовке пятого издания ГЕБКО. На новой карте предстояло обобщить в единой методической системе свежие данные, содержащиеся на многочисленных картах разных стран. Для решения топонимических задач в 1974 г. в составе Руководящего комитета ГЕБКО был создан подкомитет по географическим названиям и терминологии форм подводного рельефа (SCFN). Ему предстояло обеспечить согласование существующих терминов и ГН, которые должны были войти в пятое издание, и выработать на этой основе обновлённые принципы номинации и список терминов. К завершению издания был обобщён опыт предшествующих работ и подготовлена публикация «Стандартизация наименований форм подводного рельефа» [11], в которую вошли:

- руководство по стандартизации наименований, содержавшее общие понятия и положения, принципы присвоения ГН и выбора видовых терминов, порядок присвоения имён собственных;
- стандартный формуляр предложения о наименовании, который должен содержать необходимые сведения о форме рельефа;
- список терминов и определений форм рельефа.

Чтобы эта публикация стала доступной и могла быть использована исследователями многих стран, она была составлена на двух языках. За основу взят английский язык, и параллельно приводится текст на одном из европейских или других языках. Кроме того, впервые был составлен международный газетир географических названий форм подводного рельефа, в который вошли наименования, помещённые в пятом издании ГЕБКО. Автор участвовал в подготовке этих изданий, их англо-русских версий (1983, 1990 гг.), которые были затем распространены в России.

Если в начале XX в. на обзорных батиметрических картах Мирового океана не насчитывалось в открытом океане и 100 наименований, то к 80-м гг. XX в. число учтённых названий превысило 1000. Часть названий осталась не выявленной или спорной, и они пока не попали на карты ГЕБКО и в газеттир. Работа по подготовке «Стандартизации...» и газеттира способствовала решению проблем стандартизации ГН и терминов рельефа дна океанов. Сведения о ГН и терминах содержатся помимо карт и газеттиров в научных публикациях, отчётах экспедиций, перечнях (списках) ГН, включённых в крупные тематические атласы, например, Морской атлас (1952), Физико-географический атлас мира (1964), Атлас Антарктики (1966), в Атлас океанов и ряд зарубежных атласов.

В это время топонимии Мирового океана стали уделять внимание в публикациях, где рассматривались история географических открытий и происхождение некоторых наименований. В середине XX в. термины подводного рельефа включены в энциклопедические издания и справочники. Появляются специальные издания: Навигационно-географическая терминология (1954), Словарь общегеографических терминов (1976), Термины и понятия, приложение к Атласам океанов (1980), Англо-американская навигационно-гидрографическая терминология (1971), Терминологический справочник: морская геоморфология (1980).

В 80-х гг. XX в. появились многолучевые эхолоты, позволявшие проводить сплошную крупномасштабную съёмку дна. Исследовать поверхность дна в пределах крупных форм рельефа позволили фото-, телесъёмки и натурные наблюдения с погружаемых аппаратов. Изучению, измерению и картографированию стали доступны формы и элементы рельефа, плановые и высотные размеры которых составляют метры. Были обнаружены и обследованы разнообразные по происхождению и облику формы, осложняющие поверхность морфоструктур. В результате детальных исследований выяснено, что они часто образуют характерные комплексы. В осевых зонах срединно-океанических хребтов в местах пересечения рифтовых долин и разломов выявлены угловые поднятия, нодальные впадины, приразломные хребты и трюги, медианные хребты и депрессии. Новые средства исследования позволили изучать сложную морфологию аккумулятивно-эрозионных форм рельефа: аккумулятивных гряд, валов, хребтов, оползней и шлейфов, русел суспензионных потоков и огромных по

протяжённости подводных долин. В научных публикациях появилось понятие «анатомия» форм.

Вновь обнаруженным формам и комплексам стали присваивать географические названия, и появились термины, определявшие малые формы рельефа. Особую категорию форм представляют гидротермальные постройки и рассольные впадины, обнаруженные с помощью погружаемых аппаратов. Располагаются они обычно группами, их определяют собирательным термином *поле* и собственным именем, например *поле ТАГ*, *поле Логачёва*, *Рейнбоу* и др. Помимо малых форм и полей стали выделять типы поверхностей, сформированные преобладающим рельефообразующим фактором, и определять их генетическими терминами. К таким типам относятся вулканические поверхности в рифтовых долинах: подушечные, шаровые, органные, плиточные типы лавовых покровов, типы коралловых и хемогенных построек на подводных горах, а также различные типы поверхностей на дне котловин, образованные железо-марганцевыми конкрециями, бентосными организмами, движением придонных вод.

Детальные батиметрические и специальные карты, содержащие сведения о малых формах рельефа и типах поверхностей, создаются в исследовательских организациях и публикуются в основном в научных изданиях. Масштабы карт различны, от 1 : 200 000 и крупнее, вплоть до планов и снимков. На многих картах приводятся новые термины и названия, а их количество постоянно увеличивается. В результате активно развивается понятийно-терминологический аппарат и формируется новая категория терминов и названий. Термины согласуются и редактируются в кругах специалистов, часть из них входит в оборот научного общения, попадает в словари и специальные справочники. Пока это развитие не регулируется особыми нормами и в целом следует общепринятым правилам. Однако ясно, что на картах разных масштабов могут быть отражены формы разного ранга и соответственно приведены наименования и термины разного порядка. Поэтому названия и термины форм разного ранга потребуют разработки специальных региональных и тематических газеттиров и справочников.

Типы географических названий рельефа дна разнообразны по происхождению и мотивам номинации. Основные тенденции в номинации наметились на ранних этапах изучения рельефа и сохранились до наших дней. Они сводятся к тому, чтобы отразить в

имени объекта характерные черты его облика, расположения, связи с другими формами рельефа. Среди них можно выделить несколько основных типов ГН:

- образные наименования, отражающие характерные черты морфологии и природы объекта: *банки Ракушечная, Промысловая, Медвежья, Пять пальцев; горы Подкова*. Многие названия этого типа обозначают навигационные опасности и промысловые объекты;

- названия, данные по принципу географического положения или сопряжённости с близлежащими одноимёнными объектами суши и дна. Они типичны для краевых океанических желобов (*Японский, Чилийский*), котловин (*Бразильская, Ангольская*), каньонов (*Конго*);

- мемориальные наименования представляют наиболее распространённый тип ГН, в которых отражена история открытий и исследований дна, вклад стран в изучение дна океанов. К ним относятся наименования, посвящённые путешественникам, мореплавателям, гидрографам, учёным и исследователям, непосредственно участвовавшим в открытии форм рельефа или внёсшим значительный вклад в развитие средств, методов исследования и картографирования дна, обобщение данных и развитие научных направлений и гипотез. К этому типу относятся названия гидрографических, научно-исследовательских, рыбопоисковых судов, подводных лодок и обитаемых аппаратов, на которых были проведены работы по изучению дна и совершены открытия; известных экспедиций, имевших собственные имена и внёсших значительный вклад в изучение рельефа дна: *хребет Нортунд, долина СП-28*; названия организаций, проводящих морские геолого-геофизические исследования и внёсших вклад в познание морского дна: *поднятия Морис-Джессуп и Карлсберг*;

- названия по профессиональному признаку: *горы Математиков, Картографов, долина Гидрографов*;

- событийные наименования, связанные со значительными памятными датами, чаще всего религиозными: *Пасхой, Рождеством, Вознесением*. Такие наименования особенно характерны для отмели, но встречаются и в открытом океане, где они чаще всего перенесены по признаку географической сопряжённости с островами: *разломы Св. Елены, Вознесения, Пасхи*;

- названия по видам животных: *разлом Кенгуру, Китовый хребет*;

- мифологические наименования: *горы Синдбад, долина Садко*;

- немногочисленные, в отличие от наземных и островных имён,

названия по династическому признаку: *горы Гримальди, Императорский хребет* и в память о выдающихся писателях: *гора Льва Толстого, разлом Сент-Экзюпери*.

В соответствии с правилами номинации не рекомендуется давать названия в честь государственных и общественно-политических деятелей или политических событий, а также пользоваться аббревиатурой. Но для некоторых давно названных форм в правилах предусмотрены исключения и сохранены несколько наименований, в том числе – *гора ЮАР, возвышенность ИОАН, котловина ТИНРО, горы Бонапарт и Жозефин*.

В общей топонимической классификации Земли названия подводного рельефа относятся к классу гидронимов, который включает все водные объекты – реки, озёра, болота, ручьи, океаны и моря [12]. Объединение столь разнородных и разномасштабных объектов в один класс давно устарело и не соответствует представлениям о различии поверхности материковой и океанической частей Земли. В 1917 г. Ю.М. Шокальский ввёл термин *Мировой океан*, подразумевающий единство и своеобразие процессов, происходящих в водах и на дне океанов. Мировой океан покрывает более 70% поверхности Земли. Формы рельефа дна морей и океанов отличаются от форм рельефа суши. Земная кора под континентами и океанами имеет различное строение. В классификациях рельефа Земли материка и океаны выделены как основные категории планетарного рельефа. Различны состав и структура вод океана и суши. Природу океанов изучают с помощью особых средств и методов исследований. Мировой океан имеет особый международный статус.

Множество разнообразных природных объектов Мирового океана имеют собственные имена, которые давно используются на картах, в научных публикациях, официальных документах. Формирование топонимического массива Мирового океана началось с присвоения названий акваториям, элементам береговой линии, объектам, представляющим навигационную опасность и промышленным местам, проливам, заливам, мысам, проходам, рифам, скалам, островам и архипелагам. В XIX в. стали определяться правила номинации рельефа дна и развиваться понятийно-терминологический аппарат. В XX в. получили наименования течения, геологические структуры, биогенные и хемогенные образования. Только ГН подводного рельефа в настоящее время

насчитывают несколько тысяч наименований, их число пополняется новыми названиями и терминами. В 50–60-е гг. в публикациях о географических названиях Мирового океана появилось понятие *морская топонимика* [6; 8]. В него авторы включают, кроме названий объектов подводного рельефа, названия мысов, бухт, заливов, проливов, островов и архипелагов, рифов и кос. Э.М. Мурзаев считает наиболее простым выделение топонимов в соответствии с объектами номинации.

Ранее Н.В. Подольская (1970) предложила выделить из среды гидронимов названия морей как самостоятельную категорию (пелагонимику), что является частичным решением проблемы.

Целесообразно топонимию Мирового океана в целом выделить в самостоятельную систему – так, как это имеет место в отношении астронимики и других разделов. Общее название *океанонимика* могла бы иметь вся сложная система в целом. Это понятие достаточно полно отражает объект исследования и область наук, его изучающих. В пределах системы уже давно определились группы наименований, связанных с различными разделами океанологии. Для наименования акваторий и их частей (заливов, проливов, бухт, фьордов), по мнению В.И. Магидовича, можно использовать понятие *понтонимика*, где определяющим словом является греческое слово *pontos* – «море». Наименования форм подводного рельефа могло бы объединить понятие *батунимика*, где определяющим словом является слово *bathys* – «глубина». Для наименований многочисленных островов, архипелагов, рифов, атоллов, мысов, кос возможно использовать понятие *терранимика*, от латинского слова *terra* – «земля», которое применяли древние мореплаватели, увидевшие неизвестные ранее берега; оно сохранилось в современных географических названиях, таких как *Северная Земля* и других. Для наименований течений и водных масс могло бы подойти понятие *акванимика*. Безусловно, предложение должно стать предметом обсуждения со специалистами разных областей знания.²

Стандартизация географических названий подводного рельефа представляет в настоящее время одну из актуальных проблем

² При этом важно обеспечить лингвистически точное функционирование терминов и не допускать смешение терминов, содержащих форманты *-ика* – *-ия*. – *Прим. ред.*

в связи с интенсификацией океанологических исследований, открытием новых форм, появлением новых названий и терминов, их использованием в различных областях деятельности. Чтобы обеспечить сотрудничество в картографировании дна и обмене информацией о ГН, требовался единый подход к присвоению и использованию ГН и терминов в национальных и международных изданиях. В отечественной топонимической литературе вопросы стандартизации (нормализации) ГН в картографических изданиях и научных публикациях рассматривали Э.М. Мурзаев, А.М. Комков, И.П. Литвин, Е.М. Поспелов, который ввёл специальный термин *картографическая топонимика*.

Необходимость стандартизации в формировании и использовании ГН и терминов рельефа дна обозначилась в конце XIX в. в связи с подготовкой первого издания ГЕБКО. Она была обусловлена особенностями рельефа дна Мирового океана как объекта исследования и международным характером его изучения и картографирования. Основными задачами стандартизации ГН подводного рельефа в настоящее время являются:

- создание правил номинации и порядка присвоения названий форм рельефа дна;
- определение терминов и понятий, используемых при картографировании дна;
- использование согласованных на национальном и международном уровнях правил передачи иноязычных названий и их написания на картах и в публикациях;
- сбор и систематизация существующих географических названий и терминов;
- создание руководств, словарей, справочников по географическим названиям и терминологии форм рельефа.

Стандартизация подразумевает использование на картах названий и терминов, соответствующих правилам номинации. Выбирать названия следует из картографических источников и справочников. Названия на картах не должны быть многословными и сложными, чтобы не перегружать содержание карт. Названия должны помогать восприятию основного содержания карт, поэтому их расположение, тип и размер шрифтов должны соответствовать принятым в картографии графическим приёмам.

Правила номинации подводного рельефа впервые были сформулированы при подготовке первого издания ГЕБКО и отражены

в спецификации карты, рассматривались на международной конференции в Брюсселе в 1899 г., позднее в 1967 г. в Женеве, в 1972 г. в Лондоне, в 1977 г. в Афинах. Вопросы стандартизации ГН подводного рельефа обсуждались на заседаниях группы экспертов ООН, ассамблеях Международной гидрографической организации и заседаниях Межправительственной океанографической комиссии. В специальном издании «Стандартизация наименований подводного рельефа» [11], разработанном подкомитетом ГЕБКО вместе с рабочей группой экспертов ООН по морским географическим названиям, сформулированы основные задачи и понятия, связанные с батиметрическим картографированием:

- разработка общих положений о наименованиях подводного рельефа в международных и национальных водах;

- установление принципов присвоения наименований и использования терминов при батиметрическом картографировании;

- определение порядка присвоения названий, разработка стандартной формы предложений о наименовании, содержащей необходимый перечень сведений об объекте; создание списка терминов, рекомендуемых к использованию на картах ГЕБКО и морских навигационных картах среднего масштаба;

- использование согласованных на национальном и международном уровнях правил передачи и написания географических названий на картах и в публикациях;

- сбор и систематизация существующих географических названий и терминов в соответствии с принятым стандартом;

- создание словарей, пособий и справочников географических названий и терминов.

Правила номинации относятся в основном к формам рельефа, расположенным полностью или не менее чем на 50 % в международных водах, вне зон юрисдикции прибрежных государств, и рекомендуются как для международного, так и национального использования.

Принципы номинации определяют выбор типа наименований и рекомендуют следующее:

- использовать выразительные, образные, предпочтительно короткие названия, например, *горы Подкова*, *Безлунные горы*;

- предпочтительно использовать названия, связанные с наименованиями близко расположенных объектов, например, *Алеутский хребет* и *Алеутский жёлоб*;

- наименования в память о людях и исследовательских судах, экспедициях и организациях следует присваивать только в тех случаях, если они внесли существенный вклад в открытие и исследование форм;

- прижизненные наименования в память о людях нежелательны, использовать их можно только в том случае, если эти лица внесли выдающийся вклад в изучение океанов;

- нежелательно использовать в качестве наименований аббревиатуры;

- группы однотипных форм могут быть названы одним общим именем, выбранным по определённому признаку: профессиональному (*горы Картографов*), династическому (*горы Гримальди*), по группам объектов: рыб, зверей, птиц (*горы Золотых райских птиц*).

Принимается во внимание, что:

- названия, использовавшиеся много лет, могут быть приняты, даже если они не согласуются с принятыми принципами;

- названия форм, располагающихся вне зон юрисдикции, одобренные национальными органами и соответствующие принципам номинации, должны быть признаны другими государствами;

- названия, используемые в пределах территориальных вод того или иного государства, должны быть признаны другими государствами; если объекту присвоено два названия, то сохраняется то, которое было дано первым. Если двум разным объектам присвоено одно название, то сохраняется то, которое было дано первым;

- в международных программах следует использовать те формы названий, которые применяются властями, ответственными за район;

- когда имеются традиционные наименования, то государства могут использовать те варианты, которые они предпочитают.

Порядок присвоения названий предусматривает, что лица и организации, предлагающие названия безымянным объектам в международных и территориальных водах, должны придерживаться изложенных выше принципов номинации. Предложение о наименовании представляется в подкомитет ГЕБКО в виде стандартного формуляра и графических приложений. В формуляре приводятся сведения об объекте: его местоположении в географических координатах, краткая характеристика и видовая

принадлежность формы рельефа, соотношение с близлежащими формами, картографические ссылки об изображении и наименовании объекта, данные о том, когда, на каком корабле, с помощью каких средств и методов была открыта форма, кем предложено наименование и повод выбора наименования. Формуляр должен сопровождаться оригинальными батиметрическими картами, схемой промера, ссылками на имеющиеся публикации. Предложения, одобренные сначала национальными властями, передаются на рассмотрение в подкомитет ГЕБКО по географическим названиям, обсуждаются на очередных сессиях, и, если предложение принято, название включается в газеттир ГЕБКО.

Два существенных пункта носят пока характер рекомендаций: предлагается давать в национальных периодических изданиях регулярные публикации о присвоении новых наименований; издателям морских карт и научных статей желательно иметь от авторов подтверждения о правомочности использования вновь предложенных наименований (имеется в виду, что названия утверждены национальными органами и приняты к международному использованию). Оба пункта в силу не обязательного, а рекомендательного порядка в России и других странах реализуются редко. Это увеличивает хаос в использовании наименований и создаёт конфликтные ситуации.

К сожалению, число предложений о наименованиях форм подводного рельефа в России за последние годы сократилось, так как сократилось число экспедиций. В то же время число зарубежных предложений увеличилось в связи с тем, что активизировались океанологические исследования во многих странах.

Передача географических названий с иностранного языка на русский язык и наоборот является одной из основных проблем стандартизации. В океанологических исследованиях она приобретает особое значение в связи с их международным характером. На картах и в научных публикациях нередко встречаются различные написания одной и той же формы рельефа. Основными способами передачи иноязычных ГН в картографических и других изданиях считаются транскрипция и транслитерация. Транскрипция используется при передаче с иностранного языка на русский, транслитерация – при передаче с русского языка на иностранный. Английский язык считается международным в научных и картографических изданиях. Существует несколько международных

систем транслитерации, используемых в разных сферах деятельности, их анализ выполнен [4]. Наиболее известны и близки к картографическим задачам Ливерпульская и Морская системы, используемые в гидрографии, и система ООН 1969 г. В 1972 г. Лондонская конференция ООН сочла, что могут быть использованы системы, принятые в отдельных странах. В СССР с 1951 г. использовалась система АН СССР, с 1978 г. система ЦНИИГАиК, разработанная в основном для наименований объектов суши и известная как ГОСТ-83, одобренная для международного использования в 1987 г. конференцией ООН по стандартизации ГН. Российская система в некоторых буквенных позициях не совпадает с другими в передаче отечественных названий на английский язык. В работе ГЕБКО это постоянно приводит к проблемам. Сравнительный анализ систем и рассмотрение правил транслитерации, выполненный в ЦНИИГАиК [2], показывают, что «добиться полного согласования систем практически невозможно». Видимо, выход из ситуации состоит в том, чтобы принять к использованию одну из рекомендованных специалистами систем и применять её в национальных и международных изданиях. При этом в спецификациях картографических изданий желательно указывать, какая система использована. В крупных национальных и международных картографических изданиях, особенно атласах, нужно приводить таблицу транслитерации, рассматривая её как систему условных обозначений в отношении ГН.

Ещё одним способом передачи ГН с языка на язык является перевод. Для ГН он считается наиболее информативным и запоминающимся и, по справедливому мнению А.В. Суперанской [12], особенно важен для мореплавателей. Среди названий объектов Мирового океана много наименований, связанных с мифологическими персонажами, событиями, названиями судов. Такие названия лучше приводить в их традиционном переводе, который сохраняет их общепринятый смысл. Примером названий, которые следовало бы дать в переводе, а не в транскрипции, могут быть такие, как *гора Геката* (мифологическое имя), которое на карте дано как *Хекате*, *разлом Океанограф* (в честь корабля), переданный на картах соответственно как *Ошеанографер*, *гор Подкова* как *Хоршу*.

Трудности, связанные с грамматическими особенностями русского языка, возникают при передаче русских названий в

международных изданиях. В России их написание регламентируется инструкциями. Эксперт ООН по ГН Р. Ренделл предлагает все русские наименования в иностранных изданиях приводить только в именительном падеже. Вопрос находится в стадии обсуждения, так как касается разнородных объектов, названия которых употребляются как на картах, так и в различных публикациях.

Правила, изложенные в «Стандартизации...» ГЕБКО, носят рекомендательный характер. Подкомитет ГЕБКО обычно отклоняет названия, не соответствующие правилам номинации. Чаще всего такие названия связаны с американскими предложениями о наименованиях в честь ныне здравствующих лиц, в основном чиновничьего ранга. По этому поводу даже бывший председатель подкомитета Р. Фишер опубликовал статью «Предложения скромности», но и она не повлияла на его соотечественников. Отечественное «Руководство по нормализации географических названий подводных объектов океана», изданное в 1986 г., рассматривается как обязательное для всех ведомств.

Систематизация сведений о ГН представляет важную часть стандартизации. Она включает сбор, учёт, анализ существующих наименований, проверку на соответствие правилам номинации и передачи с языка на язык. До начала XX в. основными документами, содержащими ГН, были отчёты экспедиций, карты, перечни в атласах, научные публикации и специальные издания по истории наименований, ведомственные картотеки. Полнее всего ГН представлены на крупномасштабных, особенно навигационных картах. Ведомственные карты, созданные по итогам морских исследований, содержат много наименований, однако такие карты не всегда доступны для общего пользования. Часть наименований не утверждена или не всегда соответствует правилам номинации. В отчётах экспедиций и научных статьях можно найти пожелания о присвоении того или иного имени вновь открытой форме рельефа. К сожалению, организация или её представители часто не выполняют всех необходимых процедур, связанных с присвоением наименования, и тогда вместе с предлагаемым названием может быть утрачен и приоритет открытия. Сбором сведений о ГН подводного рельефа занимаются национальные комиссии, которые стали создаваться в середине XX в.

С увеличением числа наименований потребовались новые формы систематизации и представления ГН – словари (газетти-

ры). Первый международный газеттир наименований подводного рельефа был издан в 1983 г., по завершении пятого издания ГЕБКО. Он включал наименования, сохранившиеся на листах ГЕБКО и международных навигационных картах среднего масштаба. Названия с терминами располагались в алфавитном порядке, приводились географические координаты, ссылки на номера карт, на которых названия расположены, и даты утверждения SCUFN. Работа по пополнению газеттира ГЕБКО продолжалась и после завершения пятого издания карты. В газеттир включали пропущенные ранее наименования и наименования вновь открытых форм, рассмотренные и утверждённые на сессиях SCUFN. Содержание следующих изданий газеттира стали дополнять краткими сведениями по истории наименований: кем и когда открыта форма рельефа, кем предложено название. К сожалению, история происхождения значительной части названий, особенно взятых со старых карт, остаётся неясной и пополняется медленно. В 2003 г., к 100-летию юбилею программы ГЕБКО, создана цифровая версия газеттира. Национальные газеттиры отдельных регионов изданы в Канаде (1987), а газеттир всего Мирового океана – в США (1980, 1990). После публикации Международной батиметрической карты Средиземного моря составлен газеттир Средиземного моря (1985). В 1993 г. по инициативе автора был подготовлен совместно с ЦНИИГАиК первый отечественный «Словарь географических названий форм подводного рельефа» [1], в который вошли в основном названия дна открытого океана. В рамках программы ГЕБКО систематизируются наименования форм, отражённых на региональных батиметрических картах масштаба 1 : 1 000 000. Видимо, с развитием регионального крупномасштабного картографирования дна наряду с общими газеттирами будут создаваться и региональные.

К концу XX в. собственные наименования получили почти все крупные орографические элементы подводного рельефа, за исключением некоторых разломов и подводных гор, о существовании которых известно, но они почти не обследованы. В связи с детальным крупномасштабным картографированием стал активно формироваться массив ГН и терминов малых форм, комплексов и поверхностей дна, расположенных как на отмели, так и в открытом океане. При присвоении имён собственных в основном руководствуются общими правилами номинации.

В развитии терминологии преобладают тенденции определять формы по генезису и структурной принадлежности. Значительную помощь в формировании терминологии ГЕБКО оказывают специальные, общегеографические, тематические и толковые словари по морской геологии, гидрографии, океанологии.

Литература

1. *Агапова Г.В., Виноградова Н.В., Кашиникова И.П.* Словарь географических названий форм подводного рельефа. М., 1993.
2. *Богинский В.М., Литвин И.П.* О действующих правилах транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита // ГК. 1995. № 10. С.36–41.
3. *Комков А.М.* Географические названия на карте. М., 1985.
4. *Литвин И.П.* К проблеме транслитерации русских слов знаками латинского алфавита // Ономастика и норма. М., 1976. С. 209–226.
5. *Лютый А.А.* Язык карты: сущность, система, функции. М., 2003.
6. *Масленников Б.Г.* Морская карта рассказывает. М., 1973.
7. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М., 1974.
8. *Попов А.И.* Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965.
9. *Поспелов Е.М.* Топонимика и историческая география. М., 1976.
10. *Салищев К.А.* Картография. М., 1972.
11. Стандартизация наименований подводного рельефа // Международное гидрографическое бюро. Монако, 1983; 2-е изд. 1990.
12. *Суперанская А.В.* Что такое топонимика? М.: Наука, 1985.
13. *Wiseman J.D.H., Ovey C.D.* Definition of features on the deep-sea floor // Deep-Sea res. L., 1953. Vol. 1. P. 11–16.

ЭТНОНИМ *БЕРЕНДЕИ* В РУССКОМ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Барандеев

Кочевое племя тюркского происхождения *берендеи* известно в русских летописях с XI в. Наиболее раннее упоминание о нём содержится в Лаврентьевской летописи, повествующей, в частности, о том, что князь Василько Ростиславич намеревался вместе с *берендеями* и другими племенными объединениями идти войной на ляхов и дунайских болгар. Под 1097 г. в этой летописи читаем: «<...> Приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ *Берендичи*, и Печенѣзи, и Торци <...>; на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядскую, и мышу Русьскую землю». Под этим же годом в летописном тексте упоминается личное имя *Беренди*: «<...> Торчинь, именовъ *Беренди*, овчюхъ [пастух овец. – А.Б.] Святополчъ <...>». Есть в Лаврентьевской летописи и другой пассаж: «Того же лѣта [1105 г.] пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ, и побѣди Торки и *Береньдѣѣ*» [29, с. 113, 119]. В целом в русских летописях этноним *берендеи* представлен достаточно широко, особенно в Ипатьевской летописи, включающей наиболее полные сведения об истории Южной Руси. В этих источниках этноним варьируется в формах *берендичи*, *береньдичи*, *берендѣичи*, *берендици* и др. Последнее летописное упоминание о данном этносе встречаем, наряду с другими летописями, в Лаврентьевской, где под 1206 г. сказано: «<...> Поиде съ ними [из Киева] Рюрикъ съ Ростиславомъ и Володимеромъ, и съ своими сыновци, и *Берендичи* идоша съ нимъ <...>» [29, с. 180].

Первую попытку осмысления и толкования названий древних этносов в контексте их участия в событиях истории Древней Руси предпринял В.Н. Татищев. Учёный-энциклопедист на основании изучения обширного корпуса разнообразных источников (летописных, исторических, географических, картографических, предметов материальной культуры), а также учёных сочинений отечественных и зарубежных авторов выразил своё понимание происхождения древних этнонимов. Несмотря на то что разыскания В.Н. Татищева получили противоречивую оценку в отечественной историографии уже начиная с Н.М. Карамзина,

современный исследователь должен их учесть и критически проанализировать, впрочем, как и любые другие научные сочинения безотносительно ко времени их появления. Свои соображения по этому поводу В.Н. Татищев изложил в 1-й и 2-й частях «Истории Российской»: «Торки, иногда учтиво торпеи, яко же берендеи и чернии клобуки, имянованы, <...> с половцы едиnorodны были. Сии торки частью сами поддавса, частью пленением по руским разным градом поселены, яко в Переяславли, Тмуторокани и пр. упоминаются, *но более по реке Роси свои собственные грады и князей имели под властию рускою* [курсив наш. – А.Б.]. Главный град их Торческ, ныне Карсунь. Их историки разное имянуют, яко торки, печенеги, козари, чернии клобуки и берендеи, мню, что разные смешаны были. По нашествии татар все сии имяна угасли, знатно татара к себе приобсчили. <...> Звание торки, может, сарматского языка, яко бога имянуют Тор, или славенское от проторча, или от древних турок произошедшие, для которых они от многих вместо торки турки имянованы <...>» [58, с. 274; 58, с. 74]. Безусловно, не все из этих соображений могут быть приняты современной наукой, но, как мы увидим далее, локализация поселений *берендеев* и других древних этносов, предложенная В.Н. Татищевым, оказалась абсолютно верной, как и определение их главного кочевого поселения («столицы»).

Основополагающими для установления этнической принадлежности *берендеев* и разработки этимологии этнонима явились разыскания Н.М. Карамзина, который обратил внимание на следующие факты: «Где в одних летописях говорится о Торках, Берендеях и Печенегах, там в других названы только Черные Клобуки <...>. Сие имя было для них общим и дано им, без сомнения, от черных шапок. То же значит имя нынешних Каракалпаков, некогда обитавших, по собственному их преданию, в России Восточной <...>. Сих же Черных Клобуков называли Черкасами <...>» [26, стб. 90; прим., стб. 90]. Наблюдения Н.М. Карамзина были частично конкретизированы историком И. Самчевским, заметившим, что «Чёрные Клобуки не были особенный какой-нибудь народ, отличный от Торков и Берендеев; <...> это название, равно как и название Черкасов, было общим названием и для Торков, и для Берендеев, и кроме того ещё и для Ковуев и Печенегов. Название Чёрные Клобуки было родовое по отношению к Торкам и Берендеям» [48, с. 88].

Соответствующие летописные контексты позволили историкам конца XIX – начала XX в. утверждать, что во 2-й половине XI в. *берендеи* вместе с торками и печенегами обитали в южнорусских степях, у границ Киевского и Переяславского княжеств, преимущественно в бассейне р. Роси, правого притока Днепра [6; 13; 14; 16; 32; 33; 41; 48].

Действительно, в русских летописях с конца XI в. сообщается о поселениях *торков* и *берендеев* в Поросье, по-видимому, наиболее крупных (рис. 1). Это, например, упомянутый в ПВЛ под 1093 г. *Торческъ (Търчьскый)*, который не без основания был определён И. Самчевским вслед за В.Н. Татищевым как главный город чёрных клобуков [48, с. 104]. Впрочем, Н.П. Барсов считал, что данный город «<...> мог возникнуть уже по смерти Ярослава, вследствие подчинения Торков Русским князьям, при Изяславе, и никак не позже 1084–1086 года [курсив наш. – А.Б.], ибо поучение Владимира Мономаха говорит о нём именно в изложении событий этого времени» [6, с. 139]. Сходное мнение, также с указанием более ранней датировки, было высказано Б.Д. Грековым: «Торческ в первый раз упоминается в Поросье как город под 1085 г. Но мы вправе высказать предположение, что он существовал и раньше, а может быть возник в связи с широким строительством укреплений южных границ государства» [15, с. 283]. В названии города несомненно отражён тюркский этноним *тёрки* (др.-русс. *търци*). Существование *Торческа* подтверждено археологически: обнаружено огромное городище Шарки XI–XIII вв. площадью около 90 га «в 38 км к востоку от Белой Церкви (древнего Юрьева) между сёлами Ольшаница и Шарки близ р. Роси <...>». По мнению Б.А. Рыбакова, отличному от предположений Б.Д. Грекова, «весь облик городища <...> со слабой недолговечной заселённостью очень хорошо согласуется с представлением о столице кочевников, используемой как *временное убежище лишь в момент редких нападений половцев*» [курсив наш. – А.Б.] [46, с. 243, 245]. Другим крупным городом *торков* и *берендеев* был *Заруб* (так же назывался брод-переправа через Днепр на его правом берегу) на месте существовавшего в прошлом села *Зарубинцы* (Каневский р-н Черкасской обл. Украины). И, наконец, следует назвать г. *Юрьевъ (Гюргевъ)*, располагавшийся на р. Роси при впадении в неё р. Рута (современная р. Рутец?) – современный р-н г. Белая Церковь Киевской обл. [24, с.48, 60–61, 162–163]. Наличие древнейших

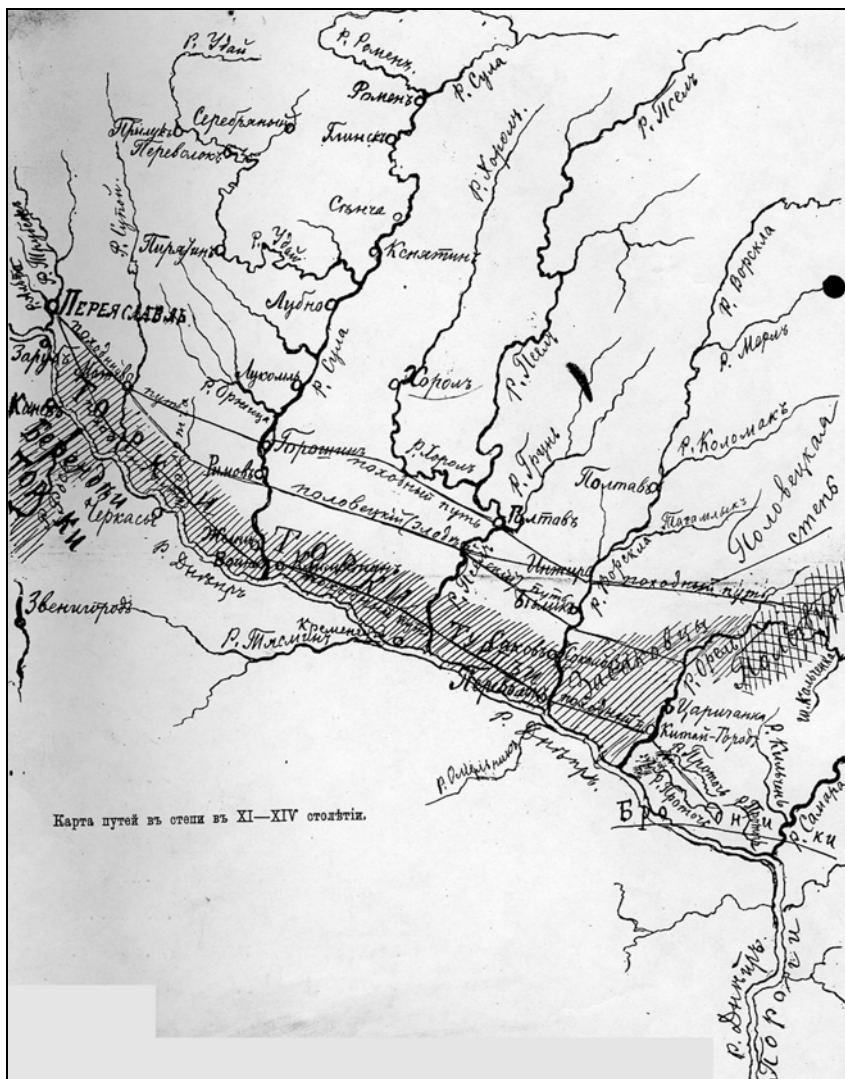

Рис. 1. Карта из работы В.Г. Ляскоронского [33]

поселений *торков* и *берендеев* в указанных регионах было подтверждено археологическими исследованиями, проведёнными в конце XIX в., в ходе которых, в частности, была выявлена специфика погребения представителей данных этносов [2; 56].

Примечательно, что в Ипатьевской летописи под 1177 г. сообщаются сведения о количестве «полоненных» берендеевских городов: «<...> Половци же взяша 6 городовъ *Берендиць* и поидоша к Ростовцю» [25, с. 408]. При этом необходимо учитывать, что локализация вышеназванных древних топонимов в трудах историков XIX–XX вв. отличается противоречивостью. Показательным примером является утверждение А.Н. Насонова о расположении *Торческа* на р. Торче, *правом* (!) притоке Роси. Однако на карте *Торческ* помещён в *левобережье* (!) Роси [34, с. 29, 64–65], что вполне подтверждено археологически. Кстати, верная локализация данного топонима была дана уже М.П. Погодиным, впервые предложившим полную сводку летописных известий о *торках, берендеях, печенегах, ковуях, каепичах и чёрных клобуках* [41, с. 181–194, 200]. В связи с этим локализация древних топонимов должна предполагать критическую оценку и нуждается в уточнении. Критически следует оценить и бездоказательные попытки обнаружить в некоторых сохранившихся топонимах берендеевский след. Например, М.С. Грушевский, справедливо отмечая связь топонимов *Берендьовичі* и *Торки* в Галицкой земле с древними этносами, включил в этот ряд топоним *Бердичів*, никак не обосновав механизма отражения этнонима в топониме, а лишь глухо указав, что некогда *Бердичів* имел форму *Берендичів* [16, с. 585]. Этот пассаж безо всякой критической оценки был механически воспроизведён в работе Б.Д. Грекова [15, с. 281]. Примечательно, что к настоящему времени топоним *Бердичев* не имеет вполне надёжных этимологий, в том числе подтверждающих его генетическую связь с этнонимом *берендеи*.

Исследования отечественных и зарубежных историков XIX–XX вв. позволили прояснить социальный статус *берендеев* в древнерусском государстве. По мнению И. Самчевского, если в междоусобицах русских князей *половцам* была отведена роль «союзников-наёмников», то *чёрные клобуки* выступали как «сподручники, более подвластные, чем наёмники» [48, с. 97]. Поэтому не случайно «замирённые» *берендеи* имели с Русью договорные отношения, а в 1146 г. вошли наряду с *торками* и *печенегами* в объединение племён, получившее название *чёрные клобуки*, и стали «подданными» Руси. Они участвовали в решении споров между русскими князьями, в походах киевских князей против *половцев*

использовалась берендеевская конница. Согласно летописным сведениям, хотя и несколько противоречивым, численность отрядов *берендеев* в Киевском государстве доходила до 1000, 1500, 2100 и даже до 30 000 воинов [43, с. 101; 44, с. 11–12].

Промежуточным итогом изучения социально-политической роли *берендеев* в истории Руси стали две достаточно обстоятельные для науки того времени статьи Д.А. Расовского [43; 44]. В первой из них на основании обобщающего анализа в основном летописных источников охарактеризованы функции *берендеев* в составе племенного образования *чёрные клобуки*, выявлен их статус. Во второй статье, привлекая обширный корпус отечественных и зарубежных исследований, автор рассмотрел этническую историю *берендеев* и показал с учётом топонимических данных регионы их расселения на Руси и за её пределами до и после XIII в. Используя материалы критико-этимологического словаря венгерского языка [64], автор констатировал: «Более сохранилось следов о пребывании в Угрии Берендеев. Больше всего их в Словакии, затем на восточном пограничье Угрии. Судя по следам их расселения, можно думать, что они проникали в Угрию через южные Карпаты и поселялись гл. обр. на северном и восточном её пограничье» [44, с. 33] (рис. 2).

По лаконичному утверждению «Советской исторической энциклопедии», «в связи с нашествием татаро-монголов на Русь в начале XIII в. часть берендеев ушла в Болгарию и Венгрию, остальные слились с населением Золотой Орды» [55, стб. 347]. После этого времени новых сведений о *берендеев* в русских письменных источниках нет. Столь краткое участие данного этноса в событиях истории Древней Руси обусловило появление множества загадок и легенд, неточностей и преувеличений, связанных с этим этносом.

Для преодоления недоразумений и выработки объективного взгляда на судьбу *берендеев* в русской истории небезынтересными представляются корректирующие выводы современного историка: «Отношения Руси со Степью складывались довольно сложно – прежде всего, из-за различий в образе жизни, языке, культуре. Тем не менее сформировавшиеся в последние два столетия стереотипы восприятия степняков как исконных врагов Руси не вполне отвечают представлениям о южных соседях, которые бытовали в Древней Руси. Для древнерусского книжника – в отличие от нашего современника – была не столь важна собственно этническая или языковая характеристика того или иного «народа незнаемого», сколько

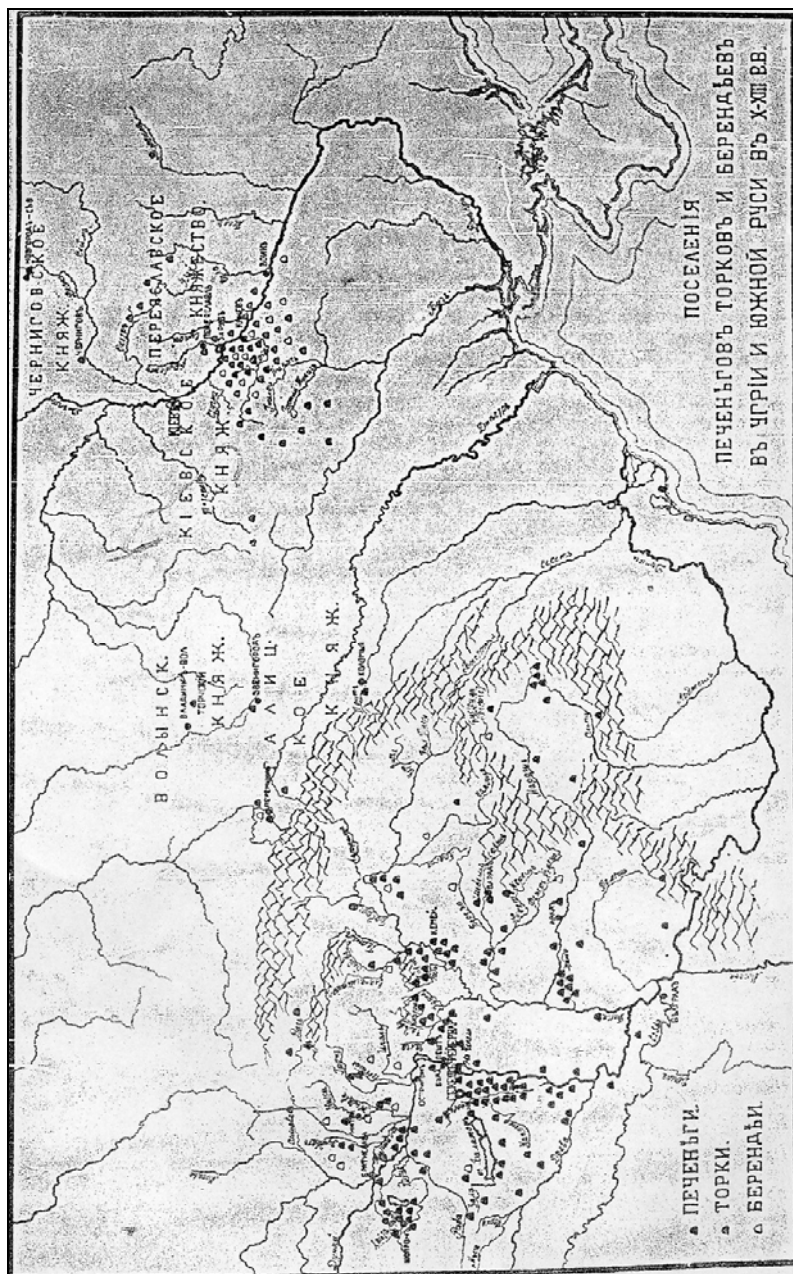

Рис. 2. Карта из работы Д.А. Расовского [44]

уяснение его «правильного» имени [курсив наш. – А.Б.] – с точки зрения, прежде всего, эсхатологической перспективы» [18, с. 64]. Поэтому целесообразно приблизиться к пониманию убедительной этимологии этнонима *берендеи*.

В работах лингвистов, историков, географов и краеведов интерпретация происхождения этнонима отличается противоречивым разнообразием, но естественно рассматривается в контексте статуса *берендеев* в древнерусском государстве. В конце XIX в. Н.А. Аристов, размышляя об этническом составе тюркских племён, заметил, что «у кара-киргизов есть отдел беш-бёрен, а у <...> кипчаков есть род кук-борон <...> или көк-бурун <...>, которого правильнейшее произношение будет, кажется, көк-бёрён. Ввиду этого можно думать, что берендеи были вошедшим в состав печенегов кипчакским родом. Род этот, вероятно, был многочислен и влиятелен, потому что имя его иногда распространялось на всех печенегов, даже когда уцелевшая часть этого народа находилась уже в Венгрии <...>» [3, с. 310–311]. Долгое время вне поля зрения исследователей оставалась квалификация, данная В.В. Радловым тюркскому глаголу «біріндір (v) [Kas., von бір+n+dір] – "заставить отдаться"» [42, стб. 1752] и способная прояснить этимологию этнонима *берендеи*. Тем не менее значительный вклад в разработку данной проблематики внёс венгерский учёный, библиотекарь Мадьярской АН Л. Рашоньи. В одной из своих работ, малоизвестной современным исследователям, он уверенно указал на тюркское происхождение этнонима, доказательно привлекая надёжный ономастический материал, отражающий базовое наличие этнонима в составе русских, чувашских и румынских фамилий, а также в составе венгерских и румынских топонимов.

В процессе доказательства тюркского происхождения этнонима *берендей* Л. Рашоньи проанализировал ряд «берендейских» личных имён, встречающихся в русских летописях. Среди них особого внимания заслуживает имя *Бастий* (*Бастии*, *Берендичи*, *Бастеева чадь*), возводимое к тюрк. *basty* – глагол 3 л. ед. ч. прош. вр. сов. в. < тюрк. *bas*- "давить, прессовать"; перен. «побеждать, господствовать». На этом основании имя *Бастии*, широко распространённое во всём тюркоязычном регионе, трактуется как «он победил, он поработил». По мнению автора, в структуре этнонима *берендей* следует выделить русский суффикс *-й* (*-Ъй*), как и в име-

нах типа *Кунтувд Ъй*, известных в русских летописях с конца XII в. В итоге имя *Беренди* интерпретируется как производное образование 3 л. ед. ч. прош. вр. сов. в. от возвр. гл. *beren-* (< общетюрк. *ber-*, каз. *bir-*, осм. *ver-*), имеющего значение "покориться, смириться, сдаться", т.е. *Беренди* – "он смирился, он покорился" (см. выше летоп. «Торчинь, именемъ *Беренди*»). Количество личных и родовых имён, включающих глагольный корень *ber-*, по утверждению Л. Рашоньи, достаточно велико, он мог бы процитировать из своего толкового словаря 4–500 имён типа *Берди*, *Берген*, *Бермиш*, *Берим*, *Бериш*, *Бергю*. Нужно по достоинству оценить и выявленную автором словообразовательную закономерность, отражённую в структуре имени *Беренди*, – «часто (регулярно) встречающееся употребление формы 3 л. прош. вр. глагола (или причастия) сов. в. в качестве личного или родового (племенного) имени» [65, с. 222–223].

М.Р. Фасмер, обобщив не без некоторых пропусков разыскания предшествующих исследователей, настаивал на тюркском происхождении этнонима *берендеи*, сравнив его, ссылаясь на статью голландского учёного, с тюрк. *bajindir* – «племя гузов» (огузов). При этом известный славист решительно отверг сарматское (иранское) происхождение этнонима, которое постулировал А.И. Соболевский [54, с. 10; 61, с. 155]. Точка зрения М.Р. Фасмера нашла отражение в современной исторической литературе, где бытует мнение о том, что *берендеи* выделились из тюркоязычного племенного объединения *огузов*, которые в VII–XI вв. занимали территории Центральной и Средней Азии. В середине XI в. часть *огузов* заселяла южно-русские степи, и в целом *огузы* могли сыграть важную роль в этногенезе ряда тюркских народов, в том числе *каракалпаков* (летописных *чёрных клобуков*?).

Проблемы этногенеза древних тюркских племён последовательно рассмотрены в ряде работ (1958–2003 гг.) С.А. Плетнёвой [37–40]. Однако примечательно, что если в статье 1981 г. историк предположительно неточно квалифицировал *берендеев* как «какую-то орду половцев» [38, с. 214], то в работе 1982 г. *берендеям* дана другая характеристика, так же нуждающаяся в лингвистическом уточнении и аргументации: «Помимо них [печенегов и торков. – А.Б.], в качестве вассалов Руси в летописях упоминаются берендеи. Род баяндур (берендеи в русском произношении) извест-

тен и у кипчаков, и у гузов. Очевидно, баяндурь входили в гузский союз, а после разгрома торков обособились от них и в большом количестве перешли на службу к русскому князю [какому? – А.Б.]. Их было даже больше, чем торков и печенегов вместе взятых. Во всяком случае упоминаются они чаще, а значит политически были много активнее. К середине XII в. все эти вассальные орды объединились в единый союз Чёрных Клобуков. Интересно, что новый союз, как и половцы, взял имя не самой влиятельной орды, а совершенно новое наименование – каракалпаки (по-русски – Чёрные Клобуки). При этом каждая из входящих в союз орд имела и собственное название» [39, с. 63] (рис. 3).

Вполне этнически убедительной и лингвистически аргументированной нам представляется концепция происхождения *берендеев*, выдвинутая в исследованиях Н.А. Баскакова [7–10]. В частности, он констатировал следующее: «Узы (~гузы~огузы),

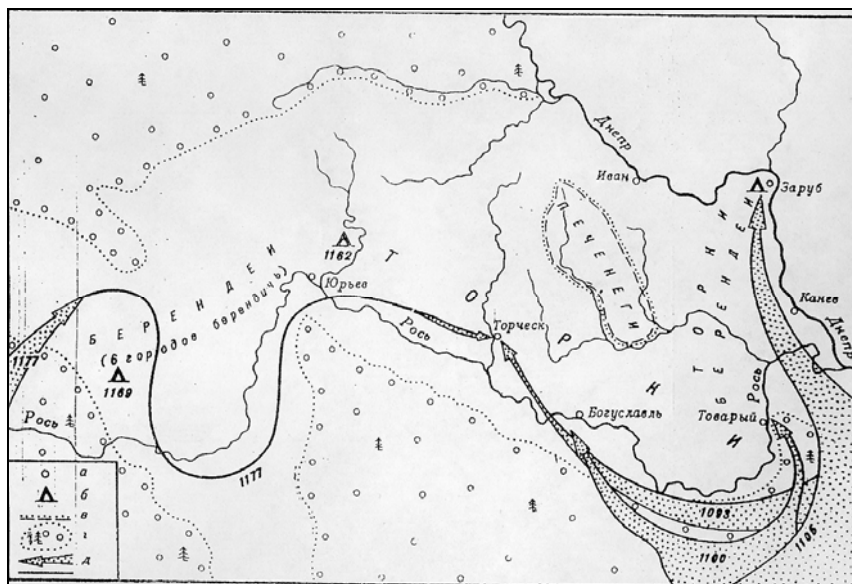

Рис. 3. Карта из работы С.А. Плетнёвой [37]

Поросье в XII в. (по археологическим данным и летописным сведениям)
 Условные обозначения: а – города Древней Руси; б – коченические вежи;
 в – земли печенегов по археологическим данным;
 г – лес; д – походы половцев

или торки, появились в Восточной Европе в IX–X вв. и основали довольно значительный племенной союз печенегов, который в столкновении со славянами и византийцами быстро распался, но некоторые из огузских племён и родов, известные по русским летописям под общим названием "чёрных клобуков", – узы, торки, берендеи, боуты~могуты, каепичи, ковуи и др. – ещё некоторое время, до слияния их с последующей волной кочевников – половцами, находились в союзе с русскими и участвовали вместе с ними в борьбе с половцами. Эти мелкие родоплеменные союзы огузов, обитавшие еще в X–XI вв. на Киевщине и Черниговщине, управлялись черноклобуцкими князьями, имена которых часто упоминаются в русских летописях» [8, с. 31–32].

Таким образом, лингвистический подход к этимологии этнонима *берендеи* должен базироваться на материале тюркских языков, начиная с вышеупомянутого ориентирующего указания В.В. Радлова. В этих языках содержатся лексемы, способные приблизить нас к реконструкции древнейших принципов номинации данного этноса, отражающих его социально-поведенческую роль в истории Древней Руси. Именно эта роль обусловила появление такого названия, которое могли дать другие тюркоязычные этносы *берендеям*, «покорённым», «замирённым» русскими князьями и ставшим их союзниками. По-видимому, не случайно Н.А. Баскаков предложил этимологию, указывающую на итог такого замирения: *Берендей* < *berin-* + *-di* – «преданный» [10, с. 149], и терминологически квалифицировал этнонимы типа *берендеи* как *аллоэтнонимы* – «варианты названий племени или народности, данные другими племенами и народностями», в отличие от *автоэтнонимов* – «самоназваний племён и народностей <...>» [7, с. 200]. Впрочем, уже венгерский тюрколог Д. Немет в работе 1930 г. отмечал, что семантически этноним *Берендей* относится к той древней группе родовых имён, которые «указывают на обстоятельства, связанные с генезисом соответствующего этноса, первым взаимодействием с другим народом и на важнейшие события в истории этноса» (цит. по [65, с. 224]).

М. Рясянен, указав на переход [b] > [p] в чувашском языке и предположительно определив его как «относительно позднее явление», приводит многочисленные примеры рефлексии общетюркского корня *ber-*: «чув. *par* "давать"; алт., тел., лебед., шор. *pär*; др.-тюркск., уйг., кум., чаг., хив., тар., караим. *bär*; кирг., казах.,

туркм., *ber*; тат., башк. *bir*; якут. *biär*» [47, с. 146]. Ср. также [20, с. 95]. Вполне убедительно семантическое содержание чувашского глагола *парӑн* (возвр. от *пар*) и родственных ему образований в других тюркских языках было раскрыто В.Г. Егоровым. Весьма примечательно, что во многих из этих языков (особенно в чувашском, киргизском, казахском и каракалпакском – языках контактных зон славян и тюрков) названный глагол сохранил генетически исходное значение "отдаваться в руки, сдаваться, покоряться, подчиняться". Ср. также: уйг. *берил*, башк., тат. *бирел* "предаваться, отдаваться; сдаваться"; узб. *берил* "быть отданным"; кирг., казах., к.калп. *берил* "сдаваться, поддаваться, быть преданным; предаваться чему-н., увлекаться"; уйг. *берилгән*, кирг., казах. *берилген*, башк., тат. *бирелгән* "преданный" [22, с. 143]. В этимологическом словаре Э.В. Севортяна констатируется употребление глагольных форм с корнем *ber-* "давать" как в прямом, так и в переносном значении во всех источниках, причем в сравнении с и.-е. *pär-* "(при)носить", "брать"? и с указанием отечественной и зарубежной литературы вопроса [49, с. 114–116].

Применительно к отдельному региону социально-этническая история *берендеев* и других близких к ним древних этносов удачно обобщена в статье И.О. Князького. Он сделал следующий вывод: «К середине XII в. в результате контактов древнерусского населения и тюркских кочевников (печенегов, торков, берендеев) в центре Днестровско-Прутского междуречья образуется своеобразная контактная этнокультурная зона. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют материалы раскопок и антропологических исследований. <...> Здесь по-прежнему сохраняется древнерусское, восточно-славянское население. С юга, из тех мест Нижнего Подунавья, где поселения Балкано-Дунайской культуры были разгромлены в конце X в., идёт переселение южно-славянского (болгарского) населения. В XI–XII вв. к русско-болгарскому земледельческому населению присоединяются тюрки – печенеги, торки, берендеи и половцы. Начинается мирное соседство и этнические контакты славян и тюрков, постепенно часть тюрков переходит к земледелию» [27, с. 31–34].

Вероятно, по причине нашествия монголо-татар начиная с XIII в. часть *берендеев*, традиционно занимавшихся скотоводством и ведших полукочевой образ жизни, мигрировала не только далеко на юг, но и далеко на север от древнерусского региона своего расселения,

приобщаясь к оседлому образу жизни. Об этом свидетельствуют «оседлые» названия населённых пунктов и административных единиц бывшего Дмитровского уезда, отражённые в памятниках русской письменности XIV–XVI вв.: *Берендеева слобода*, *Берендеево*, *Берендеевская волость*, *Берендеевской стан*. Например, в «Духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского» (1389 г.) читаем: «А се даю с(ы)ну своему, князю Петру, Дмитровъ со всѣми волостми, и съ селы <...>. А се Дмитровъскиѣ волости: Вышегород, *Берендѣева слобод(а)*, Лутосна с отъѣздцем <...>». В «Духовной грамоте князя галицкого Юрия Дмитриевича» (1433 г.) сообщается: «А Дмитрею с(ы)ну своему, даю волости Дмитровъскии: Ижво, Мушкова, Раменка, *Берендѣево* с слободкою с Кузмидемьянскою <...>» [21, с. 34, 74 и др.; 36, с. 753–756]. Топоним *Берендѣево* зафиксирован также в «Боярской книге 1556 г.» [11, с. 34, 38, 76], и некоторые из подобных названий сохранились к середине XIX в. Так, П.П. Семёнов-Тян-Шанский упоминает «казённое село *Берендеевское* (или Пятницкое) Московской губернии, Звенигородского уезда, в 40 верстах к северу от Звенигорода, при р. Истре, на дороге из Воскресенска [совр. г. Истра. – А.Б.] в Клин» [50, с. 246]. Архимандрит Леонид приводит другую форму топонима – село *Пятница Берендеева*, указывая на то, что в церкви этого села сохранилась рукопись «Археологический Берендеевский сборник», часть которого составляют исторические акты, относящиеся к местности, называвшейся в XIV–XVI столетиях «Берендеевой Волостью» (из числа Дмитровских волостей). По мнению архимандрита, в названии села отражено «напоминание о племени Берендеев» [4, с. 1–2]. Среди топонимов, существовавших в Дмитровском княжестве на момент его присоединения к Московскому княжеству, М.К. Любавским отмечены «*слобода Берендеева* на юго-западе, *Берендеевская волость*, *Берендеевский стан*» [31, с. 15, 63–65].

Этноним *берендеи* отражён и в другом разряде русской ономастической лексики – антропонимах, локализуемых по памятникам письменности XV в. в тех же северных регионах, что и вышеуказанные топонимы. Например, «*Парфений Берендеев*. 1433 г., Дмитров; *Берендей*, староста в Переяславском уезде, конец XV в.» [12, с. 36]. На южно-русской территории 1500 годом датируется употребление антропонима «*Берендей Пиманович*, землянин [зем-

левладелец. – А.Б.] киевский». Этноним фигурирует и в составе «отчество» представителей различных социальных слоёв русского населения 2-й половины XVI в.: «Мишко *Берендеевич*, черкасский мещанин, 1552 г.; Ждан *Берендин*, крестьянин, 1582 г.» [59, с. 47, 477]. Одно из последних упоминаний древнего имени встречаем в документе 1678 г.: «сотник немировский *Берендей*» [1, стб. 751, 753, 754].

Реликтовым топонимом, сохранившимся к настоящему времени и отражающим несомненную связь с древним этнонимом, следует считать название посёлка *Берендеево*. Он расположен в Переславском районе Ярославской области, в южной её части; там же находится одноимённая железнодорожная станция. Этот населённый пункт как рабочий посёлок был образован в 1944 г. в результате объединения посёлков Центральный и Красногорский Берендеевского торфопредприятия и селения при железнодорожной станции *Берендеево*. Впоследствии административно-территориальный статус населённого пункта *Берендеево* неоднократно изменялся (как и границы Ярославской области в течение всей истории её формирования) и стабилизировался в современном виде в 1965 г. [19; 63, с. 149]. Данное поселение расположено в болотистой местности. Географические источники XIX в. указывают на существование обширного *Берендеева болота*, располагавшегося «между деревнями Большие и Малые Вески, Погорелки, Новосёлки, Черницкое, Родионцево, Лаврово и Кондралихово. Длина болота до 10 верст, ширина от 4 до 5 верст» [50, с. 245]. Примечательно, что большинство из этих топонимов сохранилось и хорошо локализуется на современной карте [5, с. 120]. В северной части *Берендеева болота* берёт начало р. Трубеж, впадающая в Плещеево озеро у Переславля-Залесского, а в южной – р. Малый Киржач, правый приток р. Киржач. В целом вся южная часть Ярославской области насыщена многочисленными реками, озёрами, болотами, образовавшимися, по мнению географов, в послеледниковый период, – не случайно в начале XX в. в Ярославской губернии насчитывалось более 100 озёр. Примером такого образования может служить *Берендеево болото*, в далёком прошлом представлявшее собой озеро, подвергшееся впоследствии заболачиванию и торфообразованию [35]. К настоящему времени большинство болотных угодий, преимущественно на востоке, использовано для добычи торфа и название *Берендеево болото* обозначает только его южную часть.

Естественно предположить, что на берегах древнего *Берендеева озера* существовали поселения, некоторые из них со временем разрушались, по разным причинам оказывались заброшенными, превращаясь в городища. Одному из таких городищ в начале прошлого века дал описание краевед М.И. Смирнов. Оно известно под названием *Городок Берендеев* (местное население называло его *Григорово городище* и *Гридино городище*). Городище располагалось на северо-западном берегу *Берендеева болота*, на возвышенности, поросшей сосновым лесом (в районе современного посёлка сельского типа *Волчья Гора*), в двух с половиной верстах от железнодорожной станции *Берендеево*. Сохранились сведения о том, что *Городок Берендеев* после генерального межевания дач Переславского уезда под названием *пустошь Гридина* и *Городище* был пожалован Петром I семейству Н.П. Макарова и впоследствии сменил несколько владельцев.

М.И. Смирнов отмечал, что, поскольку возвышенность (гора), на которой расположено городище, состоит из песка и гравия, Северная железная дорога в 20-е гг. XX в. использовала её для своих нужд, проведя туда железнодорожную ветку. Вследствие этого была открыта значительная часть песчаного холма и, возможно, «при этом были уничтожены археологические ценности». Стен или земляных валов на месте городища в начале XX в. уже не было, однако судя по сохранившимся названиям низин (*Стены*, *Подстенье*, *Заднее Подстенье*), окружающих возвышенность с трёх сторон, они существовали в далёком прошлом. В начале XIX в. на месте городища находили остатки мостовой и высокого земляного вала, а по сообщениям жителей села Лаврова, были найдены красные и белые кирпичи, подсвечники и медные чаши [53]. Таким образом, археологические и топонимические данные как будто подтверждают местонахождение древнего *Городка Берендеев*, где, согласно народным преданиям, жил царь *Берендей*. По причине территориальной близости название поселения *берендеев* могло перейти на озеро (болото), а впоследствии аналогично стали именоваться расположенное северо-восточнее *Волчьей Горы* поселение *Берендеево* и станция Московско-Ярославской железной дороги в связи с открытием в начале 1870 г. движения между Сергиевым Посадом и Ярославлем.

Топоним *Берендеево*, восходящий к древнему этнониму, не одинок на Ярославской земле: в источниках 2-й половины XIX в.

фигурирует владельческое село *Берендяйка* (*Берендяки*), расположенное «по левую сторону большого тракта из г. Пошехони в г. Вологду» [62, с. 190]. Это село сохранилось к настоящему времени как посёлок сельского типа *Берендяки* в Пошехонском районе. Другой реликтовый топоним, по-видимому, также связанный с древним этносом, – *Половецкое*, он обозначает нежилой упразднённый населённый пункт сельского типа к северо-западу от посёлка *Берендеevo*. Примечательно, что севернее упразднённого *Половецкого* продолжает существовать одноимённый посёлок сельского типа.

К XIX в. в русском языке на базе этнонима *берендеи* путём его своеобразного переосмысления сформировалось определённое словообразовательное гнездо. Так, В.И. Даль в своём словаре приводит слово *берендэйка*, сопровождая его следующими синонимическими значениями (толкованиями) с этнографическими подробностями: «1) "бавушка, игрушка, бирюлька, точёная или резная штучка, фигурка, балаболка, набалдашник и пр.". В Троицкой Лавре, в 50 верстах от с. Берендеева, режут из дерева известные игрушки, людей, животных; их в торговле зовут *берендэйками*; 2) *пск.* "плетушка, плетёнка, зобница [корзиночка-лукошко. – А.Б.] для мякины"; 3) стар. "перевязь через левое плечо, к которой привешены были патроны, заряды <...>"; 4) стар. "особый род шапок" [возможно, это реминисценция этнонима *чёрные клобуки*. – А.Б.]. В данную словарную статью включены также слова *берендэить* – "берендейки строгать, заниматься пустяками, игрушками"; *берендэечник* – "игрушечник" [17, с. 83]. Показательно, что во 2-м из перечисленных выше значений в новгородских говорах до сих пор бытует слово *берендэечка* – "корзина для ягод". Следует учесть, что приведённое у В.И. Даля слово *берендейка* уже не является многозначным, а входит в ряд разных слов – омонимов (ср. родо-половое соответствие *берендей* – *берендейка*).

Рефлексы далёких событий русской истории, связанных с *берендеями*, получили отражение в фольклоре начиная с XVII в. В одном из старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок, собранных известным славистом П.К. Симони, содержится выражение «*щоки берендѣвы*» [57]. Однако ввиду отсутствия достаточного контекста дать этому выражению точное толкование затруднительно. Народные «известия» о *берендеях* привлекли

внимание А.Н. Островского, создавшего в 1873 г. весеннюю сказку «Снегурочка». По мнению В.Я. Лакшина, предания о *берендеях* драматург мог слышать в окрестностях Щелькова Костромской губернии, где отдыхал каждое лето, и в окрестностях Переславля-Залесского, мимо которого он неоднократно проезжал в 40-е – 50-е гг., направляясь в костромское имение отца, и, конечно же, знал о существовавших тогда *Берендеевом болоте* и селе *Берендееве* [30, с. 483]. Поэтому не случайно действие сказки происходит в доисторическое время в стране *берендеев*, которой правит мудрый, справедливый царь *Берендей*, и разворачивается, наряду с другими местами, вблизи *Берендеева посада* (столицы царя) и в заречной слободе *Берендеевке*. Жизнь подданных царя, *берендеев*, показана подчёркнуто идиллически, а сами они наделены эпитетами *беспечные, ленивые, весёлые, честные, счастливые, любимые богами* и, примечательно, – эпитетом «правая румяная щека».

История *берендеев* и *Городка Берендеева* продолжала волновать народное сознание и в начале XX в., вдохновляя отдельных авторов на создание поэтических произведений, стилизованных под старину. Примером может служить стихотворение С.Е. Елховского «Сказание о Берендеевом болоте». В нём повествуется о вдове Рогнеде, скорбящей о сыне *Берендее*, утонувшем в озере:

А втапоры во хоромах Рогнеда-вдова
Как поведала горе-злочастие,
Как услышала, не вынесла,
Прокляла она озеро.
И провалился город, как его не было,
И обернулась Рогнеда в бабу каменную,
И стало озеро уходить – зарастать,
И стало там болото великое
По прозванью Берендеево.
И живёт там сила нечистая <...> [23, с. 13–14].

Собственно этноним *берендеи* получил историко-этнографическое отражение в отечественной энциклопедической литературе в конце XIX в. – впервые он зафиксирован в «Русском энциклопедическом словаре», издаваемом И.Н. Березиным [45, с. 520]. Лексикографическая разработка этнонима в словарях современного русского литературного языка отличается предельной избирательностью, что обусловлено малоупотребительностью этнонима и его функционированием лишь в статусе историзма.

Слово *берендеи* и производные от него образования отсутствуют во всех толковых словарях, за исключением Большого академического (2-е изд.). Их употребление иллюстрируется доказательными цитатами из художественных произведений XIX–XX вв. [52, с. 493–494]. К сожалению, этноним *берендеи* не включён в словники издающихся в настоящее время исторических словарей русского языка.

В русских народных говорах этноним *берендеи* сформировал серию производных слов, осмысленных по линии народной этимологии. Например, *берендѣить* (Терск.) – "болтать, шутить"; *берендѣрить* (Влад.) – "бить"; *берѣндить* (Костр., Нижегород.) – "препятствовать, противоречить"; *берендѣть* (Пск.) – "то же"; *берендить* [удар.?] (Костром.) – "врать, лгать"; *берендѣться* (Яросл.) – "сниться; думать так же бессвязно, каким бывает сон". В иной огласовке: *барандá* (Онеж.) – "растяпа, неловкий, рассеянный человек"; *барандáй* и *барандáха* (Костр., Нижегород.) – "бестолковый, вздорный человек, болтун, пустомеля"; *бáрандаты* (Олон.) – "ворчать, ругаться; говорить вполголоса"; *барандѣть* (Ладож.) – "болтать, пустословить" [51, с. 105, 255].

Таким образом, как элемент мощного потенциала, накопленного русской ономастической системой в течение столетий, аллоэтноним *берендеи* представляет собой ценное отражение речевого поведения древних этносов. Ономастическая память языка не только сохранила аллоэтноним в существующих ныне реликтовых топонимах и действующих антропонимах (фамилии с огласовкой корня *Берендей-ев* / *Барандей-ев*, не учтённые в исследовании Б.О. Унбегауна [60, с. 292–300]). В ономастической системе русского языка последних десятилетий на фоне болезненно-обострённого внимания общества к событиям русской истории (в том числе в рамках надуманных построений пресловутой «новой хронологии») из ономастического запаса прошлого аллоэтноним *берендеи* извлечён для номинации новых географических объектов, отражающих иные социально-политические условия жизни русского этноса. Древний аллоэтноним, не утративший полностью своего экзотически-сказочного ореола в обыденном языковом сознании, а поэтому окказионально-эффектно пригодный, отражён в номинации нового коттеджного посёлка бизнес-класса *Берендеевка*, расположенного на Новорижском шоссе в 50 км от МКАД в «сказочно»-живописной местности.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России <...>. СПб., 1885. Т. 13.
2. Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. (Приложение к XV т. «Древности»). М.: Имп. Моск. археол. о-во, 1895.
3. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3/4. С. 277–456. (Отд. отд. – СПб., 1897. Напеч. по распоряж. ИРГО).
4. Архимандрит Леонид. Упразднённый Пятницкий Берендеев монастырь и акты, относящиеся до различных мест в бывшей «Берендеевой Волости» // Чтения в Имп. ОИДР при Моск. ун-те. 1871. Кн. 4. Окт.- Дек. С. 1–35.
5. Атлас Ярославской области, масштаб 1 : 100 000. М., 2002.
6. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. 2-е изд. Варшава, 1885 (1-е изд.: Варшава, 1873).
7. Баскаков Н.А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980. С. 199–207.
8. Баскаков Н.А. К этимологии собственных тюркских имён в русских летописях. Антропонимы узов (гузов) – чёрных клобуков // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 30–34.
9. Баскаков Н.А. Собственные имена древних тюрков Восточной Европы (стратификация болгарских, огузских и кыпчакских элементов) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988. С. 120–127.
10. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. 2-е изд. М., 1993.
11. Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1861. Кн. 3, отд. 2.
12. Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.
13. Голубовский П.[В.] Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. // Киев. универ. изв. 1883–1884.
14. Голубовский П.[В.] Об Узах и Торках // ЖМНП. 1884. Ч. 234. Июль. С. 1–21.
15. Греков Б.Д. Киевская Русь // Избр. тр. М., 1959. Т. 2.
16. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 2 (XI–XIII вік). Київ, 1992 (репринт 2-го изд. – Львів, 1905).
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.
18. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001.

19. *Дитмар А.Б.* Очерк истории административного деления Ярославского края // Краеведческие записки. Ярославль, 1957. Вып. 2. С. 209–232.
20. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
21. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
22. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
23. *Елховский С.Е.* Сказание о Берендеевом болоте (стихотворение) // Докл. Пересл.-Залес. науч.-просвет. о-ва (ПЕЗАН-ПРОБ). 1919. № 4. С. 13–14.
24. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.
25. Ипатьевская летопись // Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 11.
26. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. 1, т. 2. (Репринт 5-го изд.–СПб., 1842–1844).
27. *Князький И.О.* Контактная зона славян и тюрков в Пруто-Днестровском междуречье в XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье <...>. М., 1999. С. 29–34.
28. *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. М., 1948. (Зап. ВГО. Нов. сер. Т. 2).
29. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1.
30. *Лакшин В.Я.* Комментарии // Островский А.Н. Избранные произведения. М., 2005.
31. *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
32. *Ляскоронский В.[Г.]* К вопросу о Переяславльских Торках // ЖМНП. 1905. Ч. 4. Апр. С. 278–302.
33. *Ляскоронский В.[Г.]* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и Поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб., 1907. (Отд. отд. из ЖМНП за 1907 г.).
34. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: ист.-геогр. исслед. М., 1951.
35. *Нейштадт М.И.* Некоторые черты из послеледниковой истории Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии // Тр. Пересл.-Залес. ист.-худож. и краевед. музея. Переславль-Залесский, 1928. Вып. 8. Естественно-ист. сб. С. 3–19.
36. Писцовые книги Московского государства. XVI в. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1.
37. *Плетнёва С.А.* Древности Чёрных Клобуков // Археология СССР: Свод археол. источников. М., 1973. Вып. Е1-19.
38. *Плетнёва С.А.* Кочевники восточноевропейских степей в XI–XIII вв.: Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1981. С. 213–223.

39. *Плетнёва С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
40. *Плетнёва С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья, IV–XIII века. Воронеж, 2003.
41. *Погодин М.[П.]* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1857. Т. 5. С. 181–208.
42. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911. Т. 4, ч. 2.
43. *Расовский Д.А.* О роли Чёрных Клобуков в истории древней Руси // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. Вып. 1. С. 93–109. (Сб. ст. по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова).
44. *Расовский Д.А.* Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии // Сб. ст. по археологии и византиноведению, издаваемый Ин-том им. Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Вып. 6. С. 1–65.
45. Русский энциклопедический словарь, издаваемый <...> И.Н. Березиным. СПб., 1873. Отд. 1, т. 3.
46. *Рыбаков Б.А.* Торческ – город чёрных клобуков // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 243–245.
47. *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
48. *Самчевский И.* Торки, Берендеи и Чёрные Клобуки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1855. Кн. 2, 1-я пол. отд. 3. (Т. 2, ч. 1).
49. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на букву «б». М., 1978.
50. *Семёнов П.[П.]* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 1.
51. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966. Вып. 2.
52. Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд. М., 1991. Т. 1.
53. *Смирнов М.И.* Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края. (Материалы для её изучения) // Тр. Пересл.-Залес. ист.-худож. и краевед. музея. 1929. Вып. 11. С. 136–138.
54. *Соболевский А.И.* Русско-скифские этюды // Изв. ОРЯС АН. 1921. Т. 16. С. 10–11.
55. Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2.
56. *Спицын А.А.* Курганы киевских торков и берендеев // Зап. Имп. Рус. археол. о-ва. СПб., 1899. Т. 11, вып. 1, 2, кн. 4. С. 156–160.
57. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони // Сб. ОРЯС Имп. АН. СПб., 1900. Т. 66, № 7. С. 159.
58. *Татищев В.Н.* История Российская // Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 1.; М., 1995. Т. 4 (репринт изд. 1962 г.).

59. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2004. (1-е изд.: СПб., 1903).
60. *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989.
61. *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
62. Ярославская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб., 1865.
63. Ярославская область: Справочник по административно-территориальному делению, 1917–1967. Ярославль, 1972.
64. *Gombocz Z., Melich J.* Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae. Budapest, 1914.
65. *Rásonyi N.* Der Volksname Берендѣй // Сб. ст. по археологии и византиноведению, издаваемый Ин-том им. Н.П. Кондакова. Прага, 1933. Вып. 6. С. 219–226.

ТОПОНИМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ РУССКИХ ХМЕЛЬНЫХ НАПИТКОВ

Г.П. Бондарук

Многие названия вин происходят от топонимов (географических названий): в какой местности впервые произвели тот или иной хмельной напиток – так и назвали его. Общеизвестно, что *коньяк* был назван по городу *Коньяк*, расположенному на западе Франции, а *шампанское* – по её северо-восточной провинции *Шампань* и др.

А известно ли обратное? Нет ли топонимов, получивших названия непосредственно от интересующих нас напитков или опосредствованно, т.е. через антропотопонимы – личные имена, прозвища, фамилии людей?

На Руси с давних времен, ещё с XI столетия, были известны мёд, квас, вино, пиво, сикера и некоторые другие хмельные напитки. С течением времени менялась технология производства, появлялись новые виды хмельного питья, такие, например, как водка, а какие-то старинные напитки отходили в прошлое. Конечно, лишь небольшая их часть нашла отражение в географических названиях.

Брагин, Брагинов, Бражников... Эти антропотопонимы восходят к словам *брага, бражка*. Это домашнее хлебное вино крестьяне готовили из раствора муки с водой и солодом, в резуль-

тате получался крепкий хмельной напиток – *брага пьяная, брага винная*.

Одно из первых письменных упоминаний слова *брага* встречается в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466–72 гг.), и в «Домострое» (по списку Н. Коншина, относящемуся также к XV в.). У В.И. Даля мы читаем: «*бражник* – кутила, пьяница; *браговар* – тот, кто варит брагу».

На карте Московской губернии находились населённые пункты с названием *Бражниково*, образованные от фамилии, прозвища или дворового имени какого-либо лица. В списках «Населённых мест Российской империи», изданных в конце XIX столетия, в Можайском уезде упоминается село *Благовещенское*, прежнее название которого было *Бражниково*. На современной карте в Калужской области есть населённые пункты *Брагино* и *Бражниково*, в Брянской – *Бражино*, в Рязанской – *Бражкино*, а на Украине есть посёлок *Брагиновка*, этимология которого аналогична.

Понятие *вино* отразилось через его производные в фамилиях *Винокур*, *Винокуров*, в названиях населённых пунктов *Винокурово*, которые находятся в нескольких областях России. *Винокур* – мастер винокурного дела. *Винокурение* – производство спирта, водки из хлебных злаков или других крахмалистых и сахаристых продуктов. *Винокурня*, *винокурный завод* – завод по производству вина, позже – водочного спирта. Известны топонимы и антропонимы: д. *Винокурка* – в Кировской обл., д. *Винокурова* – в Пермской, *Винокурово* – в Тамбовской и Пермской, *Винокурня* – в Курской.

Само слово *вино*, вероятно, заимствовано из латинского языка – *vinum*. Идентичные термины встречаются во многих славянских языках: в болгарском, сербохорватском – *вино*; словенском и словацком – *víno*; польском – *wino* и др. Это свидетельствует о том, что заимствование происходило на ранней стадии развития славянских языков. В IX–XIII вв. слово *вино* обозначало только виноградное вино.

Вином называли алкогольный, преимущественно виноградный напиток, прошедший третью стадию брожения и получивший от этого «пьяное свойство». Кроме того, долгое время *вином* именовалась и собственно водка, имеющая совершенно другой технологический цикл и получаемая посредством перегонки. Всем известны знаменитые номерные столовые вина П. Смирнова, которые на самом деле представляют собой настоящую водку.

Водка – перегонное хлебное вино, крепкий спиртной напиток. Конечно, слово *водка* – производное от слова *вода*. В.В. Похлёбкин, исследовавший историю водочного производства в России, в своей книге «История водки» объясняет возникновение термина *водка* именно процессом изготовления этого продукта: полученный в результате перегонки спирт наполовину разбавляли водой. Такая смесь давала 41°–42°, а с 1902 г. подлинная московская водка имела крепость 40°.

С названием *водка* связана одна любопытная история. В 1977 г. ряд производящих водку фирм, в том числе и американских, стали оспаривать приоритет Советского Союза в изготовлении этого напитка и возражали против употребления термина *водка* российскими производителями. Несколько позже и Польша заявила о том, что рекламировать на внешнем рынке и продавать товар, называемый *водкой*, имеет право лишь Польша, считавшая, что в нашей стране водку изобрели позже. На Западе была развёрнута целая кампания по дискриминации и бойкоту ряда марок советской водки.

По международным правилам приоритет в наименовании того или иного товара и его продажи на внешнем рынке под этим названием принадлежит стране, в которой он был изобретён. Для этого требуется документальное или иное правовое исторически обоснованное доказательство, устанавливающее дату изобретения или первого вывоза (экспорта), или производства товара. Например, в соответствии с правилами международной торговли советское шампанское за границу отправляется под названием «Игристое». Кстати сказать, производство всех европейских крепких спиртных напитков имело фиксированную первоначальную дату.

Историк В.В. Похлёбкин на протяжении нескольких лет специально изучал вопрос: когда же началось производство водки в России, и была ли наша страна вполне оригинальной в изготовлении этого крепкого напитка или пошла по кем-то уже проторённой дорожке, хотя и не ведая о том. Результатом этих научных изысканий стало поистине замечательное событие – решением международного арбитража 1982 года за нашей страной был закреплён приоритет создания водки как русского оригинального алкогольного напитка и дано эксклюзивное право на рекламу и торговлю этим продуктом на международном рынке.

В связи с тем что термин *водка* появился позже и был однокоренным широко распространённому географическому термину *вода*, топонимов, содержащих основу *водк(а)*, нам не встретилось. Есть названия *Черноводка* во Владимирской, Ивановской и Ярославской областях, но это производное от словосочетания *чёрная вода*. Любопытно, что и фамилии типа *Водкин*, за исключением известного художника К.С. Петрова-Водкина, практически не встречаются.

Квас – русский напиток из квашеной ржаной муки – так характеризует его В.И. Даль. Слово употребляется во многих славянских языках, впервые упомянуто в Софийской первой летописи. Первоначально квасом, видимо, называли хмельной напиток.

В Закарпатской области на Украине находится железнодорожная станция *Квасы*. Но там же есть и географический термин – *квас*, обозначающий минеральный источник. По-видимому, он и лежит в основе названия станции. В Курской области расположено село *Квашино*, образованное от слова *кваша*.

Мёд – не только продукт пчеловодства, но и хмельной напиток, с давних времён распространённый на Руси. Кстати, это слово известно как славянскому, так и другим индоевропейским языкам, например, греческому. Мёд был обязательным напитком на княжеских пирах и, вероятно, одним из самых популярных хмельных напитков. Помните, в сказках А.С. Пушкина: «...мёд, пиво пил...». Мёд был варёный – его варили из медового сырья – и ставленный, который выдерживали 10–15 лет и более. Это был длительный процесс холодного естественного брожения мёда с добавлением сока брусники и малины. Производные от слова *мёд* – *медвяный*, *медовый*. *Медовина* – напиток из мёда и хмеля. Этот термин нашел отражение в следующих географических названиях: в Воронежской области расположена деревня *Медвенка*, в Волгоградской – разъезд *Медовый*, пос. *Медвенский* в Тульской обл. Конечно, установить, в каком смысле употребляется здесь слово мёд – сладком или хмельном – практически невозможно.

Пиво – образовано от глагола *пить* и первоначально означало всякое питьё. Несомненно, очень древнее слово, известное всем славянским языкам, позже стало обозначать хмельной напиток, вероятно, с XII–XIII вв. Это слово встречается даже в Новгородских берестяных грамотах (грамота № 3 – XIV в.). *Пивовар* – человек, занимающийся приготовлением пива. Именно в этом варианте термин *пиво* отразился в фамилии *Пивоваров* и топониме

Пивоваров, который отмечен в источниках XIX в. в Саратовской и Вятской губерниях; д. *Пивовары* – в Саратовской, д. *Пивовар* – в Новгородской и Тверской, д. *Пивовариха* – в Костромской.

Сикера, сикер – хмельной, пьяный, броженный напиток, кроме вина. Слово заимствовано из греческого языка. В.В. Похлёбкин полагает, что переводчики Библии и Евангелия в конце IX в. не нашли адекватного понятия в старославянском языке. В современном русском языке слово не употребляется, но зафиксировано в этимологических словарях и словаре В.И. Даля. В Рязанской обл. есть д. *Секирино*, название которой встречалось и в вариантах *Сикерино*, *Сикирино*. По-видимому, при составлении Списков Российской империи в XIX в., непонятное *сикера* было заменено более известным *секира*.

С алкогольными напитками связаны и два прилагательных: *пьяный* и *хмельной*.

Пьяный – «кто упился вином или иным хмельным напитком» (В.И. Даль). Слово известно всем славянским языкам, образовано от глагола *пить*. В Нижегородской области есть река *Пьяна*, левый приток р. Суры. Существует легенда о том, что в августе 1377 г. на этой реке перепившееся ополчение нижегородских, суздальских, ярославских и др. князей было разбито войском татарского царевича. В летописи, как об этом свидетельствует Н.М. Карамзин (История государства Российского), описаны подробности этого пьянства. Однако имеется и другое толкование: пьяными называли реки с очень извилистым течением. Река *Пьяна* отличается чрезвычайной извилистостью (течёт как пьяная): при длине в 436 км её исток отдалён от устья лишь на 30 км. Известно также понятие *пьяный лес* – искривленные деревья на оползнях; деревья, растущие с наклоном в разные стороны: *Пьяный лес* в Подмоскowie, в долине р. Истры.

Хмельной – пьяный, от слова *хмель* – вьющееся растение с длинным тонким стеблем, семена («шишки») которого употребляются в пивоварении и для изготовления других хмельных напитков. Первое упоминание о хмеле в «Повести временных лет» под 995 г. Слово известно всем славянским языкам. Антропотопонимы: населённые пункты *Хмельёвка* – в Оренбургской, Томской и Тюменской областях, а также в Белоруссии; разъезд *Хмельёво* – в Брянской области; ж.д. станция *Хмельники* – в Архангельской. Однокоренная фамилия *Хмельницкий*, сравни г. *Хмельницкий* на Украине.

«Изводишь единого слова ради тысячи слов словесной руды», – писал В.В. Маяковский. Так и автор этих строк: столько просмотрено справочников, содержащих географические названия, и как мало в них нашлось «питейных» топонимов.

ТОПОНИМИКА И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ (КАЗАНЬ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ)¹

И.Г. Добродомов

В топонимических словарях Е.М. Поспелова отобраны наиболее вероятные этимологические версии касательно происхождения важнейших топонимов, причём отбор этимологических версий более скупой, чем в предшествующем им «Кратком топонимическом словаре» В.А. Никонова [36]. Изложение версий при этом становилось всё более и более критическим, что хорошо видно из сопоставления словарных статей об одном и том же топониме *Казань* в двух словарях Е.М. Поспелова, в одном из которых читаем:

«В основе названия мусульманское личное имя *Хасан*. Имеются также объяснения, связывающие это название с тат. *казан* "котёл" или *казанлык* "котловина", с особенностями речки *Казанки*, которая по одной из версий якобы изобилует ямами и омутами (т.е. *казанами*), а по другой – получила название по тюркскому племени *каз*» [45, с. 80–81].

В более позднем словаре сведения оценены строже: «Город основан в XIII в. при впадении в Волгу р. *Казанки* (татар. *Казан*). Предложен ряд этимологий, из которых наиболее убедительны две: из этнонима *казан*, относящегося к одному из болгар. племён, или из тюрк. личного имени *Хасан*. Этимологии, связывающие название с татар. *казан* "котел", с *казанлык* "котловина", с особенностями реки *Казанки*, якобы изобилующей ямами и омутами, в настоящее время отвергаются как недостаточно обоснованные» [44, с. 178].

В менее критическом обзоре, насчитывающем 11 мнений [51; то же по-русски: 50], вопрос оставался нерешённым даже в пред-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-00482а.

варительном порядке, причём остались неучтёнными некоторые не вполне понятые обозревателем этимологии, выходящие за пределы одиннадцати учтённых [21; 22; 78].

Надо заметить, что в топонимических исследованиях лишь эпизодически используются данные исторических текстовых (нарративных и документальных) источников. В данном разыскании показана значимость такого рода редко используемого материала на одном примере топонима *Казань*, при анализе которого исторические материалы в их совокупности не использовались до сих пор.

Для освещения поставленных в заглавии данной статьи проблем целесообразно решить вопрос о старом географическом термине для города или крепости, бывшем в употреблении в Среднем Поволжье.

В языках Среднего Поволжья сейчас разным нарицательным названиям сельского поселения (тат., чув. *сала*, чув. и мар. *ял*, тат. *авыл* и др.) противостоит единое нарицательное название города, восходящее к арабскому *قلعة* *кал'а* "крепость" и представленное в рефлексах типа чув. *хула* (диал. *хола*, откуда мар. *ола* в составе *Йошкар-Ола* букв. "красный город" – калька со старого *Краснококшайск* ← *Царевококшайск*), тат. *кальга* "крепость", *кала* "город", наряду с персидским *шәһәр*, причем чувашско-марийское название *хула*, *ола* отражает совсем другую традицию передачи (точнее непередачи) арабского звука *ع* ('айн), чем татарский язык, передающий его как *г*.

Но арабизм *кал(г)а* в языках Среднего Поволжья представляет собой явную инновацию, вытеснившую почти утраченное старое тюркское название для города в Восточной Европе *кермен*, которое сохранилось в XX в. только в караимском (галич. *кермэн*, трак. *кермянь* "крепость, твердыня, замок", крым. *кэрман* "зámок") и чувашском тюркских языках (устар. *карман* "укрепление" [4, с. 102]), откуда оно проникло в марийский язык (*карман* "крепость" наряду с *ор*, *оркурык*; горн. *кәрмән* устар.).

На этот «факт некоторого распространения интересующего нас тюркского слова в тюркских и нетюркских языках Поволжья, ср. чувашское *карман*, откуда черемисское (марийское) *карман* [87, S. 256] ср., далее, марийское *Угарман* букв. "Новый город", калька русского названия *Нижний Новгород*» – было обращено особое внимание [62, с. 198–199]. К этому следует добавить и другое марийское название Нижнего Новгорода *Ошкарман*, букв. "Белый город" (*ош*

"белый"), а также горномарийское же название Козмодемьянска *Цәтәнкарман* (от *цәтән* "плетень"). См. об этом: [3, с. 149].

Термин *кермен* зафиксирован в средневековых тюркско-арабских словарях XIII–XV вв., причём уже старейший из них отмечает, что слово *кермен* менее известно, чем его синоним *шаһр* (персидское слово) [28, с. 142].

Особый интерес вызывает форма *кербен* (کربان) "крепость, стена" в труде араба-филолога Ибн Муханны [32, с. 060], где выражена контаминация с персидским *караван* کاروان *kārvān* "караван, обоз", что произошло, вероятно, в названии караван-сарая *سرائى کاروان* *kārvān sāyāi*.

Было слово *кермен* употребительно и в армяно-половецком языке (кыпчакском славянизированном языке польско-украинских армян) [73, р. 59]. В.В. Радлову оно известно из половецкого памятника начала XIV в. «Codex Cumanicus», к чему было в его «Опыте словаря» незаконномерно присоединено чагатайское слово для веретена: «*kārmān* [Dsch. Kom.] 1) (Z<enker>) کرمان веретено – die Spindel; 2) крепость, городъ – die Festung, Stadt: *ärür karmān māḡū ханның* это крепость Вѣчнаго Царя – das ist die Festung des ewiges Herrschers (С.С. 197, 9)» [47, стб. 1108].

Тюркский термин *кермен* рано проник и в древнерусский язык, приобретя в нем полногласную форму *керемь* и контаминировавшись с персидским словом *kārvān* کاروان, что началось ещё на тюркской почве, где уже упомянутый араб-филолог Ибн Муханна зафиксировал форму *кербен*. Правда, термину *керемь* (< *кермен*) в памятниках русской письменности не повезло: он встречается в «Записках Игнатия чернеца о путешествиях митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим» в неправильном прочтении: «*Тамо есть икеремь* <вместо: *и керемь*> *sarai поставлень недоходя Иерданя рѣки с пять версть*» [49, с. 180; 52, с. 106]. Это сохранено и в более позднем издании: «*Тамо есть икеремь сарай, поставлень не доходя Иордана реки съ пять версть* <..>» [66, с. 21]. Призрачное слово *икеремь* без толкования из этого источника попало в «Материалы для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [60, стб. 1087], хотя следовало бы поместить *керемь-сарай*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [55] нет ни этого слова, ни ошибочного *икеремь-сарай*. М. Фасмер в [63, т. 2, с. 224] извлекает из сложного

названия *керемень-сарай* лишь название *керемень* и приписывает ему значение "укрепление", что едва ли верно.

К сожалению, термин *керемень* (*кермен*) прочно контаминировался с термином *кервен*, т.е. "караван", отсюда его обычная фиксация в формах *кермасарай*, *кермесарай*, *кермосарай*, *кирмосарай* (и далее в ошибочной *карасамрай*) наряду с *каравань-сарай*, *карвасарай*, *корвань-сарай* [55, вып.7, с. 71, 73, 116].

«Некоторое проникновение тюркского термина *kärtän* имело место главным образом на древнерусском юге, начиная с известного *Аккермана* (Белгород-Днестровский) и кончая парой *Mankermen* "большая крепость, большой город", – название, данное степняками Киеву (на Руси не привилось) [76, Bd 4, S. 300–302; 85], и *Kermenčik* букв. "городок, малая крепость", которое сохранилось как остаточный коррелят с забытым *Mankermen*, ср. отсюда и сегодня город *Кременчуг* ниже по Днепру» [62, с.198].

Вместе с тем следует заметить, что термин *кермен* встречается преимущественно в топонимии Южной Руси (обзор их с анализом по турецким источникам см. [2]), причём иногда в русских источниках он передавался термином *городок*: *Перекоп* в татарских источниках именовался то *Ор* (обычно), то *Ферахкерман* (официально), татарские укрепления на месте нынешней *Каховки* именовались *Исламкерман* (в русских источниках *Ислам-городок*, *Ослам-городок*) или *Шахинкерман* (в русских источниках *Шахкерман*), укрепление у Таванской переправы на Днепре – *Газикерман*; *Очаков* именовался *Джанкерман*, т.е. "новый город" (как бы *Новгород*) [70, с. 25, 27, 28, 38]. Следует обратить внимание на противопоставление *Джанкерман* (букв. "новый город") и *Джанкой* (букв. "новая деревня").

Ограничение распространения термина *кермен* в топонимии только территорией «к западу от Дона» в связи с фиксацией *kermen* "stadt, civitas" в половецком памятнике «Codex Cumanicus» [67, с. 108] нельзя признать корректным, поскольку термин известен и в Среднем Поволжье.

В Крыму термин *кермен* принимает участие в формировании топонимии наряду с терминами *isar*, *qale*, *καστέλλι[ov]*, *καστρ[ov]* [11, с. 110]. Все последние представляют собой заимствованные термины.

И.Н. Березин обнаружил в «Сборнике летописей» (глава об «Истории царевичей Дешт-и-Кипчака») персидского историка начала XIV в. Рашид-ад-Дина (ум. 1318) тюркское название Киева,

взятого монголами в 1240 г., за написаниями которого *منكرفآن* или *منكرقان*, прочитанными им как *Минкерь-Фаанъ* или *Мангре-канъ*, он в соответствии со своей конъектурой увидел *Манкерман* и в котором выделил вторую часть *керман* со значением "город, крепость" [8; 61, с. 37, примеч. 17, 121, 179], опираясь на название Киева *Магромам* у А. Контарини, и восстановил тюркское название Киева *Ман-кермен*, которое было известно и в Европе: его, например, упоминает в своих записках о дипломатическом путешествии в Персию через Россию венецианский дипломат XV в. А. Контарини, именуя город двумя названиями *Chio over Magraman*, т.е. *Киев* или *Манкерман* [5, с. 211, 212, 236].

О. Прицак обратил внимание на топоним *Kerman Kiwa, Kiwamen Kermen, Kermen Keyibe* в «Сокровенном сказании монголов» и определил его как тюркское название Киева [85] вместе с тюркским географическим термином *кермен*.

О. Прицак также считает возможным видеть упоминание Киева в одном неясном месте описания путешествия по Восточной Европе испанского араба XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, который, повествуя о своём путешествии из Поволжья на запад, рассказывает о пребывании в городе *گور کومان* страны славян:

ووصات الى مدينة من الصقالب ، يقال لها غور كومان فيها من ابناء المغاربة الالوف ، عل صورة الأتراك

يتكلمون بكلام الترك ، يرمون بنشاب مثل الترك ، ويعرفون في تارك البلاد بحد

Для объяснения непонятного топонима издатели русского перевода сочинения Абу Хамида «Му‘риб ‘ан ба‘д ‘аджа‘иб ал-Ма.гриб» («Ясное изложение некоторых чудес Запада») воспользовались конъектурами чешского арабиста И. Грбека, не решившись, однако, внести в текст перевода свои соображения, где фигурирует *город Куяв*: «слово *گومان*, вероятно, искажено при переписке из *گوياو* – "Киев", который в таком написании неоднократно упоминается мусульманскими географами <...> слово *گور* передает "гор[од]" с мягким (украинским) произношением *г*» [10, с. 74, со ссылкой на: 77, S. 169–170].

«И прибыл я в город [страны] славян, который называют *Гор[од] Куяв*. А в нём тысячи "магрибинцев" по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]» [10, с. 37; ср. 71, р. 25 (арабский текст), р. 64 (испанский перевод)].

Совершенно не касаясь весьма рискованных соображений и конъектур И. Грбека, О. Прицак развивал идею последнего о том, что здесь речь идет о Киеве: начертание *غور .gūr* он отождествил с первой частью названия верховных правителей кара-китаев *گورخان گورخانов* (что возможно лишь в языках, не различающих *z* (غ) и *z* (گ)), приписав этим компонентам значение "большой, великий"; а начертание *کومان* он исправил на *کرمان*, опираясь на сходство начертаний букв *ū* (و) и *p* (ر). Получившееся сочетание *غور کرمان* (букв. "большой город") он сопоставил с названием Киева *Манкерман* (тоже букв. "большой город") [85, со ссылкой на: 80].

Обе конъектуры (И. Грбека и О. Прицака) не объясняют, почему в предполагаемом ими Киеве никого, кроме многочисленных тюрков, Абу Хамид не заметил. Для преодоления этих трудностей я предложил конъектуральную добавку точки в первой части *غوز .gūz* и оставил без изменения вторую часть *کومان* *к̄м̄ан*, связав их тюркскими этнонимами *гузы* "огузы" и *куманы* "половцы". Поскольку *гузы* на Руси именовались *торками*, то названный у Абу Хамида по двум народам город я отождествил с городом *Торческ* русских летописей [20, с. 128–129. Подробные сведения о городе *Търчъск(ый)* см.: 25, с. 162–163].

В моих соображениях была одна слабая сторона, аналогичная слабой стороне соображений О. Прицака: у последнего отождествлялись почти чётко различающиеся в арабском письме *غور .gūr* и *گور .gūr*, а у меня – загадочное *کومان* *к̄м̄ан* Абу Хамида и засвидетельствованное у ал-Идриси название половцев *قومان* *к̄ман*, что тоже было возможно лишь в языках, не различающих заднее и переднее *к*, т.е. *ق* *к* и *ك* *к*. Таковыми, вероятно, были язык болгар, среди которых Абу Хамид вращался неоднократно, и язык славян, в стране которых находился загадочный город. В связи с такими обстоятельствами этноним *قومان* *к̄ман* в этих языках приобрёл такой вид, что Абу Хамид воспринял его как *کومان* *к̄м̄ан*.

Впрочем, можно предполагать болгарский ротацизм в племенном названии *غور .gūr* в соответствии с зетацизмом *غوز .gūz* других тюркских языков: Абу Хамид в этот город *غور کومان* ехал из Волжско-Камской Булгарии. В таком случае мы должны иметь дело с точным написанием, которое не требует никаких конъектур, а нуждается лишь в объяснительной интерпретации.

Сейчас я также склонен объединить свою конъектуру в первой части загадочного топонима Абу Хамида (*غور* → *غوز*) с конъекту-

рой О. Прицака во второй (كومان → کرمان), благодаря чему название приобретает вид غوز کرمان *Гуз керман*, что точно соответствует летописному *Торчъск(ыи городъ)*.

Вероятно, это старейшее упоминание в памятниках письменности западного тюркского термина для города *кермен*.

В марийском названии Нижнего Новгорода *Угарман* (у "новый" + видоизменённый чувашизм *карман* → *гарман* "город, крепость"), представляющем кальку с русского (Нижний) *Новгород*, в качестве второй части этого слова фигурирует чувашская обработка того же тюркского термина *кермен*. Наряду с нормальной формой *кермен* в ходу была уменьшительная форма *керменчюк*, которая относилась к объектам меньшего размера. Она имела особую судьбу и по традиции применялась к поселениям, которые лишь впоследствии приобрели размеры гораздо большие, чем были в момент возникновения названия путём перенесения термина на объект в качестве собственного имени.

Тюркский топографический термин *кермен* в уменьшительной форме *керменчюк* весьма важен для анализа летописных сведений о походе на Булгарию в 1395 г. с упоминанием *Казани-керменчюка* и заслуживает особого рассмотрения, поскольку географические термины, на базе которых часто формируется топонимия, занимают как бы промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными.

Самое раннее упоминание *Казани* содержится в русских летописях под 1391 г., когда новгородские и устюжские ушкуйники, спустившись по Вятке, произвели опустошительный набег на Среднее Поволжье: «Въ лѣто 6899 <..> Новгородци Новгорода Великаго да и Устьюжане гражане и прочіи къ тому совокупившесе выидоша въ насадѣ[хъ] и въ ушькуехъ рѣкою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ, и пограбиша весь, и Казань, и пакы выидоша на Волгу и пограбиша гости всѣхъ, и тако поидоша прочь» [41, стб. 160–161; 42, с. 141. Далее: ПСРЛ с указанием тома и года издания].

Во втором раннем упоминании под 1395 годом фигурируют те же два города, но сильно варьирующиеся в летописях тексты были не вполне точно прочитаны и проинтерпретированы историками и в связи с этим остаются не очень понятными.

Из ранее считавшейся самой старой из летописей, говоривших о походе 1395 года, – Троицкой, которая погибла в Москве в 1812 г.

во время нашествия Наполеоновской орды, Н.М. Карамзин сделал множество выписок, в том числе и перечень городов, взятых во время похода 1395 г. (в Троицкой летописи под 1399 г.). Этот перечень взятых городов Булгарии вызывает некоторое недоумение, ибо после обобщающего слова *градъ* в единственном числе обычно читается перечень из четырёх наименований: «*взяша градъ Болгары, Жюкотинъ, Казань, Керемьчюкъ*» [46, с. 453. Проблема датировки похода вызвала дискуссию: 13; 29; 30].

Несогласованность единственного числа обобщающего слова *градъ* и перечня из четырёх конкретизирующих его названий ликвидируется при обращении к ещё более старой, чем Троицкая, Новгородской четвёртой летописи, если вместо обычно читаемого издателями текста по Строевскому списку: «*взяша градъ Болгары и Жюкотинъ и Казань, Керемьчюкъ*», – опираясь на возможное другое чтение, основанное на ином словоразделе: «*градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-керемьчюкъ*», то есть "город Болгарии (болгарский город) Жюкотин и Казань-крепостцу" с учётом тюркско-булгарского слова *кер(е)менчюк* "городок [40, с. 380. Далее: ПСРЛ], крепостца", уменьшительного от *кермен* "город, крепость".

Эта грамматически безупречная фраза в связи с наличием в ней непривычных и не всегда ясных топонимов и булгарского географического термина *керемьчюк* породила при переписывании большое количество переделок, не всегда чётких и логически точных, которые восходят к единому первоначальному тексту: «*взяша градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-керемьчюкъ*», – который для понимания не самый лёгкий, зато самый объяснительный. Чтение *взяша градъ Болгары и Жюкотинъ и Казань, Керемьчюкъ* Новгородской Карамзинской летописи (ПСРЛ, т. 42, СПб., 2002, с. 362), которая весьма близка хронологически и текстологически к Новгородской IV, вызывает сомнения, также обнаруживая противоречие между единственным числом обобщающего слова *градъ* и перечнем из трёх городов *Болгары и Жюкотинъ и Казань-керемьчюкъ* или четырёх – при чтении *Болгары и Жюкотинъ и Казань, Керемьчюкъ*, чего нет при чтении *взяша градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-керемьчюкъ* Строевского списка (XV в.) Новгородской IV летописи, где фигурирует всего два населённых пункта: *градъ Жюкотинъ* и *керемьчюкъ* ("крепостца, городок") *Казань* – и где единственное число слова *градъ* вполне оправдано.

В Софийской I летописи старшего извода (ПСРЛ, т. VI, вып. 1, 2000, стб. 513) перечень характеризуется попыткой его осмыслить путём дополнения текста повторением термина *градъ*: *взяша град Болгары Великие и град Жукотинъ, и градъ Казань, и градъ Керемчюкъ*, причём в последнем слове сделана ошибка, как и в младшем изводе: *взя городъ Болгары великые и градъ Жукотинъ, и градъ Керменчюкъ* (ПСРЛ, т. VI, 1851, с. 130).

В более поздних летописях под 1395 (6903) годом содержатся многочисленные редакции перечня, которые требуют дополнительного рассмотрения, поскольку древность рукописи не всегда совпадает с древностью летописного текста соответствующей рукописи. Например, Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского XVI века содержит чтение (весьма близкое к архаическому чтению Новгородской IV летописи по Строевскому списку): *взяша град Болгар, Жюкотин, и Казань(ь), Кеременчюкъ* (цитируется по: ПСРЛ, т. XLIII, 2004, с. 158).

В «Сокращённых летописных сводах 1493 и 1495 гг.» вставлен заключительный союз *и*: *взяша град Българы, Жукотин, Казань и Кеременчюкъ* (ПСРЛ, т. XXVII, 1962, с. 259, 337).

Любопытно, что в некоторых списках Никоновской летописи XVI в. в перечень не попал географический термин *кеременчукъ*: *взяша градъ Болгары и Жукотинъ и Казань (и Кеременчукъ)* (ПСРЛ, т. XI, 1897, с. 164), что можно истолковать как указание на осознанное редактирование: в XVI веке *Казань* уже была известным городом и географический термин *кеременчукъ* "крепостца" был при этом топониме неуместным.

Древнейшая русская форма болгарского географического термина имела полногласие – *кеременчукъ*, исходная же для неё тюркская *керменчукъ* была восстановлена позже под новым влиянием языка-источника, а форма *кременчукъ* (Софийская I летопись по списку И.Н. Царского – ПСРЛ, т. XXXIX, 1994, с. 134) появилась под влиянием слова *кремень*. Часто встречающиеся формы *Керемчукъ*, *Кермчукъ*, *Кърменьчюкъ* и т.п. следует рассматривать как результат ошибок при переписывании.

В памятнике XVI века «Казанская история» (гл. 8) летописные сведения, как и во многих других поздних источниках, выглядят довольно сбивчиво и не могут быть достоверны: *«В лѣто 6903-е посла князь великий Василей Дмитриевичъ з братом своимъ со княземъ*

Юрьемъ Дмитриевичемъ воя многи. И пошед к грады болгарския, по Волге стоящья; Казань, Болгары, Жукотинъ, Кеременчук и Златую Орду повоева по совѣту крымскаго царя Азигирея. И вся тѣ грады до основания раскопа и царя Казанскаго со царицами его въ ярости своей мечем уби, и всѣхъ срацын съ женами ихъ пресѣче, и землю варварскую поплени, и здравъ с побѣдою восвоися возвратися».

Последнее по времени популярное издание «Казанской истории» сопровождает этот текст со сбивчивым примечанием: «В данном рассказе, включая Казань в число завоёванных русскими городов, автор опирается на летописи. Однако, по мнению С.М. Шпилевского, Казань, основанная в 1401–02 гг., в летописях названа ошибочно вместо малоизвестного на Руси города Кашана, находившегося в низовьях Камы. Болгары – г. Булгар, столица государства волжских болгар, современное село Булгары-Успенье в Татарстане. Жукотин, Керменчук – города, расположенные в нижнем течении Камы, ближе к устью Вятки» [9, с. 268, 597]. Ср. более исправное издание по другому списку [43, с. 211].

Упоминание Казани в Новгородской IV летописи вместе с болгарским географическим термином *кермен* "крепость, город" [72; ср. более новые данные о термине: 69, с. 52–53] (в уменьшительной форме *керменчук*) *Казань-кеременчукъ* позволяет видеть здесь один топоним *Казань-крепостца (городец)*, что, однако, требует дополнительных разысканий. Это весьма показательно для нового топонима, который обозначал лишь только мелкий объект. Новое прочтение позволяет по-новому оценить возраст Казани в конце XIV в. как весьма скромный.

В этом отношении стоит вспомнить интересное наблюдение знатока золотоордынской географии: «В обстоятельных летописных рассказах о походах ушкуйников 1360, 1366, 1374, 1375 гг. также постоянно фигурирует Булгар, Казань же не упомянута ни разу» [24, с. 101] до 1391 и 1395 (1399?) гг.

Для опровержения приведённых здесь соображений следовало бы доказать, что названия территорий, образованных от этнонимов с помощью суффикса *-ия*, в XIV–XV вв. не были ещё в употреблении.

Новое прочтение летописного сообщения о взятии в 1395 г. *Казани-кер(е)менчука* позволяет считать беспочвенным отождествление мнимого города *Керменчука (Кременчука)* с городищем на правом берегу Камы у села *Русские Кирмени* Мамадышского рай-

она Татарии, сделанное С.М. Шпилевским и Е.Т. Соловьевым и поддержанное А.П. Смирновым [56, с. 268; 57; 68, с. 421].

Название села *Русские Кирмени* (*Русский Кирмень*) (есть *Средний Кирмень* и *Малый Кирмень* (*Баи-Кирман*)) не может соотноситься с уменьшительным термином *кеременьчюкъ*, а только с нормальным **кермен* (> тат. **кирмэн*, чув. устар. *карман* > мар. *карман*, *кәрман*), откуда и название реки *Кирменка*.

Город Северного Причерноморья *Кременчуг* (= тюрк. *Керменчүг*) соотнесён с парным ему тюркским названием Киева – *Манкермен* дословно "большая крепость". Географический термин *кермен* русскому языку чужд, но тюркское название меньшего города закрепилось в местной топонимии [2, с. 77–80, 89–91; 62, с. 198], лишь слегка изменившись.

Поволжские *Кирмени* в качестве пары имели *Казань-керменчукъ*, поэтому их нельзя отождествлять с мнимым городом *Керменчук*, которого в Поволжье, вероятно, не было.

Новое прочтение известия Новгородской четвёртой летописи 1395 г. о том, что московские войска «*взяша градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-кеременьчюкъ*», позволяет выявить неучтённое до сих пор древнерусскими словарями тюркское заимствование *кеременьчюкъ* "крепостца, городец" и учесть, что в конце XIV в. *Казань* (Старая или Новая?) была ещё маленьким городком, который не успел вырасти, будучи основанным лишь во второй половине XIV в. [24, с. 97–105]. Слово *кеременьчюкъ* не объяснено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [55].

Высказанные К.Г. Менгесом этимологические соображения о связи тюркского названия города *кермен* с греческим *кѣрацион* "черепица" в контаминации *акрѳпліς* "акрополь, цитадель" [81, S. 168 ff.] и далее в связи с ближневосточным (анатолийским) названием обожжённого кирпича, вызвали критику О.Н. Трубочёва, да и сам К.Г. Менгес, кажется, отказался от последней идеи после дискуссии с О.Н. Трубочёвым в 1984 г. [62, с. 198; 79, S. 45 ff.].

Соотносительное с русизмом *сала* тюркское слово *кермен* этимологически связывалось иногда с монгольским *керем* (совр. халха-монг. *хэрэм* "крепость, крепостная стена"; калм. устар. *керм*), к которому якобы присоединяется суффикс *-ен* (либо с собирательным [27, с.15–18], либо с уменьшительным значением [54, с. 172–173]). Р.Г. Ахметьянов [3, с. 149] говорит об увеличительном суффиксе *-ман* / *-мен*. Но здесь всё-таки нет ясности ни фонетической, ни де-

ривационной. Наиболее приемлемой оказывается исконная этимология, связывающая существительное *кермен* с глаголом *кер-*, среди значений которого представлено также "отгораживать, загораживать", благодаря чему в нём обнаруживается параллель к образованию русск. *город*, связанному с *городить* [69, с. 52–53].

Нельзя признать справедливым высказанное впервые, кажется, ещё И.Н. Березиным предположение о заимствовании русским языком из тюркского *кермен* (или его монгольского неполного соответствия *керем*) термина *кремль* [8, с. 106, примеч. 101. Это безосновательное предположение некритически повторяется до сих пор: [3, с. 149] с «заклинанием»: «не без основания», но последних не называют], чему мешают расхождения фонетического плана.

Что касается названий провинции и города *Керман* в юго-восточной части Ирана, то они восходят к персидскому этнониму *Γερμάνιοι* упоминаемому у Геродота [7, соч. т. 7, с. 140], и к тюркскому *кермен* отношения не имеют.

Между терминологией натурального и антропогенного ландшафта границы оказываются весьма зыбкими, поскольку первые зачастую формируют не только топонимию, но и этнонимию в сочетании со вторыми. В этом отношении весьма показательное рассмотрение первой части топонима *Казань-кеременчюкь*, без чего анализ этого материала был бы неполным.

В восточных источниках фиксация топонима *Казань/Казан* (название области) относится к ещё более позднему времени, чем в русских; во всеобщей истории «Нусах-и джахāн-ārā» – «Списки устроителя мира» (1564–65 гг.) Ахмада ал-Гаффārī *Казань* قزان упоминается в числе владений царей Синей Орды (*Кок-Орда*): «им принадлежали области правого крыла, как-то: урусы, Либқа, Укек, Маджар, Булгар и Казань (قزان)» [61, с. 211, 269].

В непосредственном источнике истории Ахмада ал-Гаффārī «Всеобщей истории» (1413) Му‘ин ад-Дūна Натанзū (Аноним Искандера) при перечислении этих областей Кок-Орды область *Казань* не названа: она стала широко известна значительно позже и попала в перечень только в XVI в. См. перечень областей у Тизенгаузена: Ибир-Сибир, Рус, Либқа, Укек, Маджар, Бул.гар, Баш.гирд и Сарай [61, с. 127, 232].

Уже в это время в литературе обнаруживается интерес к происхождению топонима.

Русское название города *Казань* входит в большой ряд топонимов с исходным *-ань* (обычно ударным), мягкость которого вызвала ряд литературы и по-прежнему остаётся необъяснённой [38; 39, с литературой; ср. также 33, с. 177].

Наблюдая над формами топонима *Казань* в разных языках Среднего Поволжья, можно выяснить последовательное изменение языковой ситуации в этом регионе.

Этимология географического названия *Казань* может дать много интересного, если отойти от первоначальных этимологических соображений, как они проявлялись уже в Средневековье.

Венецианский автор XV в. Иосафат Барбаро счёл нужным в сочинении «Путешествие в Тану» сообщить свои этимологические соображения о названии города *Казань*: «una terra, chiamata Cassan, che in nostra Lengua vol dire caldiera» («город, называемый Казань, что на языке нашем значит "котел"»). Это объяснение с вариациями повторялось в XVI в. у С. Герберштейна («Слово *казань* по-татарски значит "кипящий [медный] котел"») и в «Казанской истории» («царство срачинское, Казань по русскому же языку котел, златое дно») [5, с. 133, 158; 12, с. 170, 339; 26, с. 74, 128], повторяется до сих пор, правда, наряду с альтернативными этимологиями [18; 50], однако обращение к разным формам отражения топонима *Казань* в языках Среднего Поволжья показывает, что подобные поверхностные этимологии, опирающиеся исключительно на современные формы *Казань* (русск.) и *Казан* (тат.) в созвучии с названием котла *казан*, не выдерживают критики, поскольку они далеки от учёта древнейшей формы этого топонима, которая может быть выявлена на основе анализа разных форм этого названия в разных языках средневожского ареала. Гораздо больше, чем дают не очень глубокие письменные источники (в русских летописях *Казань* известна с 1391 г.), можно извлечь из анализа материала современных языков.

В современных языках Среднего Поволжья представлены следующие формы этого названия: русск. *Казань*; тат. *Казан*; чув. *Хузан* (орфографически *Хусан* с полувзвонким *с* между гласными), в верховом диалекте *Хозан*; удмурт. *Кузон*; мар.: горн. *Хазан*, *Азан*, *Озан*, луг. *Озан*, вост. *Озаң*, *Ожаң*.

Из них особый интерес представляют восточномарийские формы *Озан*, *Ожан*, обращающие на себя внимание архаичной

конечной частью, которая характеризуется наличием заднеязычного носового *-н*,. Последний не мог получиться из конечного *-н*: дело в том, что в марийском языке чётко противопоставлены согласные *н* и *н̄*, и ни один из них не чередуется с другим (они не переходят друг в друга). Огласовка первого слога и отсутствие в нём начального согласного с несомненностью указывают на происхождение этого топонима из чувашского языка с его огубленным (вторично) гласным начального слога (архаическое *о* верхового диалекта и более новое *у* в низовом диалекте) и начальным *х*-. При заимствовании чувашской формы топонима с начальным *х*- этот звук исчез в марийском его восприятии, поскольку звук *х* вообще чужд марийскому языку, и в заимствованных словах он довольно часто опускается. Зато отсутствующий сейчас в чувашском языке заднеязычный носовой согласный *н̄*, когда-то существовал в этом языке, а сейчас изменился в *н* или *м*. Следы былого существования в чувашском языке старого звука *н̄*, ещё не перешедшего в *н* или *м*, можно обнаружить в старых заимствованиях из чувашского в говорах соседних языков Среднего Поволжья, в том числе и в русских говорах.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля под словом *авдан-сыры* «чувашский праздник в исходе октября, род поминок и спожинок; в переводе "петушьё пиво"» назван и другой чувашский праздник перед пашнею *анга-сыры* или *анга-соарен*, в названии которого первым компонентом является слово *анга* "загон, участок пашни около 2/3 гектара", которое в современном чувашском языке уже звучит как *ана*, но в марийском сохранено старое звучание *ан, а* "полоса, участок земли около 2/3 десятины", горн. *айнга* "полоса пахотной земли; загон"; в удмуртском языке имеется колебание *ана* и *анга* "полоса пашни; загон" [64, с. 97; 87, S. 195]. Второй компонент связан с чув. *сăра* "пиво" и *сёрен* "старинный весенний праздник у чуваш".

Колебание *з/ж* в восточномарийских формах топонима связано с хронологией изменения *з > ж* в марийской фонетике: *ж* возникло из *з* и отражает более старый облик слова на марийской почве. Форма с *з* более новая, ибо в ней *з* не подверглось изменению в *ж*.

Итак, восточномарийские формы *Озаң, Ожаң* отражают древнечувашскую форму **Хазаң, Хозаң*, которая не сохранилась в современном чувашском *Хосан, Хусан*.

Этот же конечный согласный *ң* должен был ожидаться и в татарском языке, в котором согласные *н* и *ң* в конце слова чётко противопоставлены и не смешиваются. Но вопреки этому, татарская форма *Казан* имеет в конце фонему *-н*, а не *-ң*, как ожидалось бы. Такое несоответствие можно объяснить только тем, что в татарский язык название *Казан* попало из чувашского уже после того, как в чувашском *-ң* изменилось в *-н*. В качестве первоисточника может быть названа чувашская форма **Хасан* с уже изменившимся *-ң* в *-н*, но ещё с сохранившимся гласным *а* в начальном слоге, не перешедшим в *о* (верховой диалект) или *у* (низовой диалект).

Во время вхождения старочувашского названия **Хасан* в татарском языке, как и во многих тюркских языках, ещё не было звука *х* (который и сейчас в татарском языке присутствует преимущественно в заимствованных словах), поэтому он был подменён звуком *к*, сходным по месту, но иным по способу образования.

Чувашское происхождение формы *Кузон* в удмуртском языке, не имеющем исконного звука *х*, очевидно и в доказательстве восхождения её к форме *Хусон* не нуждается.

Следовательно, почти все названия *Казань* в языках Среднего Поволжья и Прикамья (тат. *Казан*, удмурт. *Кузон*, мар. *Хазан*, *Азан*, *Озан*, *Озаң*, *Ожаң*) восходят к разным обликам исторической эволюции чув. формы *Хосан*, *Хусан*, что было установлено ещё в начале XX в. [83; 90].

В русской форме топонима *Казань*, восходящей к татарско-мишарской *Казан*, не вполне ясным оказывается смягчение конечного согласного: ведь ничто не препятствовало заимствованию названия в той форме *Казан*, которая характерна для татарского языка. Но это явление объясняется особым вхождением топонима в русскую словообразовательную систему.

Дело в том, что в относительных прилагательных с суффиксом *-ский* перед этим суффиксом согласный *н* всегда твёрдый (исключение *июньский*), хотя в производящих существительных он может быть мягким.

От существительных с конечным мягким согласным *конь*, *деревня*, *крестьяне*, *пустынь*, *Рязань* и т.п. образуются прилагательные *конский*, *деревенский*, *крестьянский*, *пустынский*, *рязанский*, куда и было присоединено прилагательное *казанский*, из которого было вторично извлечено *Казань* по образцу:

<i>шампанский</i>	<i>Шампань</i>
<i>рязанский</i>	<i>Рязань</i>
<i>конский</i>	<i>конь</i>
<i>казанский</i>	?

где существительное с мягким исходом *Казань* хорошо вписалось в систему многочисленных топонимов на *-ань* (обычно женского рода).

Из предыдущего изложения следует вывод, что в распространении различных форм топонима *Казань*, *Казан*, *Кузон*, *Ожаң*, *Озаң*, *Озан*, *Азан*, *Хазан* и т.п. весьма заметную роль играл чувашский язык, который современные учёные считают потомком болгарского языка – основного языка Волжско-Камской Булгарии, но сейчас позиции этого языка в Среднем Поволжье оказались потеснёнными.

Как показывают многочисленные болгарские надгробные надписи (эпитафии) XIII–XIV вв., распространённые на территории Татарии и читающиеся по-чувашски [65; 86], область распространения чувашско-болгарского языка в указанное время была гораздо шире, но в XIV в. этот язык был потеснён кыпчакским тюркским языком – предком татарского языка, надписи на котором появляются в этом регионе в начале XIV в. (первая датированная кыпчакская надпись относится к 1307 г.), а во второй половине этого века они становятся доминирующими (последняя болгарская точно датированная надпись известна под 1358 г.).

Следовательно, при установлении происхождения топонима *Казань/Казан* нужно исходить не из современных форм, а из древнечувашской (болгарской) формы **Хазань*. В связи с такой постановкой вопроса оказывается неверной и самая древняя этимология, отождествляющая это географическое название с тюркским названием котла *казан*, которое, согласно законам тюркской сравнительно-исторической фонетики в чувашском языке звучит *хуран*, что никак не подходит для этимологии топонима.

Однако на чувашской почве название **Хазань* также не объясняется, поэтому вполне оправдано обращение к другим языкам, в том числе к осетинскому, предпринятое американским историком Э.Л. Кинаном, который считает, что болгары, будучи ещё обитателями Приазовья и Прикубанья, заимствовали у предков осетин-аланов и принесли на Среднюю Волгу географический термин со значением "излучина, изгиб", который и лёг в основу топонима [78].

С этими соображениями Э.Л. Кинана можно согласиться только частично: вполне закономерно обращение к алано-осетинскому источнику в виде осетинских существительных *къадзонæг* (мн.ч. *къадзонджытæ*) "крюк", *хадзонæг* "1) кривая, ломаная (*линия*); 2) крючок" [1, т. 1, с. 622; 1, т. 4, с. 159; 37, с. 267, 469], производных от прилагательного *къадз/къæдзæ* "кривой" и от существительного *хæдз/хæдзæ* "крюк" с помощью суффиксов *-он-* (из более старого *-ан-*) и *-æг* (с беглым гласным *æ*), но мысли о заимствовании термина с Кавказа и Предкавказья и перенесении его в Среднее Поволжье едва ли приемлемы: в чувашском языке нет следов существования этого термина в нарицательной лексике, зато доказанная аланская природа языка живших в Среднем Поволжье буртасов [16] позволяет видеть в этом топониме остаток буртасского субстрата, проявления которого следовало бы искать и в нарицательной лексике языков Среднего Поволжья [17; 19].

Аланское название **Хадзаң*, давшее на булгарско-чувашской почве **Хазаң*, обозначало место, где текущая на восток Волга и текущая на запад Кама при слиянии резко поворачивают на юг, и этот изгиб лёг в основу названия местности **Хазаң*, протекающей по этой местности реки (**Хазаң > Казан > Казанка*) и главного города в этой местности и на этой реке **Хазаң > Казан/Казань*.

Именно от наименования области *Казан* происходит старое название казанских татар *казанлы* (т.е. *казанцы*), употреблявшееся как уточняющее определение в составе двухсловного этнонима *казанские татары*, который ныне испытал стяжение и употребляется преимущественно как однословное *татары*.

Есть ещё одна возможность объяснить возникновение заднеязычного носового *-ң*: на стыке собственного имени *Казан* и географического термина *кермен(чюк)*; но этот более проблематичный путь представляется менее вероятным, чем предложенный вместе с буртасской этимологией топонима.

Последовательный комплексный анализ одного только топонима позволил обнаружить постепенное изменение языковой ситуации, где главенство перешло от аланов-буртасов, давших название местности–реке–городу, к булгарам-чувавам, от которых это название в фонетически трансформированном виде перешло к другим народам Среднего Поволжья, в том числе и к татарам-казанцам, от которых оно попало и в русский язык, где характер конечного

согласного изменился ещё раз, но уже в результате вхождения слова в мотивационно-деривационную систему русского языка.

Следовательно, при опоре на новое чтение *Казань-керемenchюкь* в Новгородской IV летописи выясняется, что в конце XIV в. *Казань* была ещё крепостцой (*керемenchюкь*) и не достигла статуса града (города).

Исконное тюркское название города *кермен* было характерно для западного ареала, а на востоке было в ходу другое исконное название – известное уже в древнетюркское время слово *baluq*, *balu*, *baluq*, которое в XI в. у Махмуда Кашгарского именуется уйгурским вместе с глаголом *baluqlan-* "строиться (о городе)" [23, с. 80, 81, 644]. Из современных тюркских языков оно известно лишь языку жёлтых уйгуров *палук/палык* "стена (из сырцового кирпича), загородь", что считается древнейшим значением (аналогичная семантическая модель обнаруживается у индоевропейских терминов типа русск. *город*, о чём см.: [62, с. 196–199]) этого тюрко-монгольского термина [35, с. 152, 213–214]: монг. *балгасун*, калм. *балхсн* и т.д. Эта параллель объясняется то как алтайское наследие [84, S. 122], то как результат заимствования монгольского слова из тюркского [76, S. 257–258, № 712]. Махмуд Кашгарский противопоставляет семантику слова *balik* "город, крепость" у тюрков-мусульман и уйгуров и "грязь" в языке огузов и аргу [74, р. 65]. Последнее значение позволяет постулировать семантическое развитие: "глина" > "глиняная стена, дувал" > "окружённное такой стеной место" = "город" [54, с. 59]. Семантическая аналогия представлена в древнетюркском *toj* "глина" > *toj* "ставка, резиденция; город" [6, т. 3, с. 362; 6, т. 5, с. 492; 58, с. 485; 89].

В центральном распространении тюрков с некоторым тяготением к западу и сейчас употребительно слово *кор.ган* "крепость, цитадель" (каз., ккалп., баш., тат.), зафиксированное уже в тюрко-арабском словаре XIII в., причём с указанием, что большей известностью пользовался синонимичный ему иранизм *hussar*, благодаря чему устранялась многозначность слова, которому были также свойственны значения "могила, курган; кумир, идол, образ, истукан" (для передачи этого круга значений был синоним *сын*) и "конюшня, стойло, хлев" (синонимы: загадочное *азбар* и иранизм *ахур*) [28, с. 168]. Эта многозначность термина *кор.ган* (огласовку *кур.ган* А.К. Курышжанов даёт под влиянием турецкого языка, где это слово испытало влияние со стороны глагола *кур* "строить"),

обусловленная смешением разных тюркских диалектов, чем вызвано наличие большого числа синонимов (к разным значениям), что и отражено в исследовании словарного состава одного древнего словаря:

«*қур.ган* (قرغان) = *hissar* "крепость, цитадель". По РКП. вторая форма более известная, Абу Х., СС., ТЗ. *қур.ган*; БМ. *қорган*, *қурган*; тат., башк. *қурган*; кк., каз. *қорган*.

қур.ган (قرغان) = сын "1) могила, курган; 2) кумир, идол, образ, истукан". СС. *қурган*;

қур.ган (قرغان) = *азбар* = *ахур* "конюшня, стойло, хлев". Каз. *қор.ган* (диал.)» [28. Сокращения относятся к средневековым тюркским словарям.].

В русский язык слово *қор.ган* проникло не только в сохранившемся и сейчас значении "большой надмогильный холм; древнее захоронение", но и в исходном для нас значении "крепость" [55, вып. 8, с. 136].

В топонимии термин *қор.ган* получил отражение в татаризованном фонетическом облике в Сибири и Средней Азии: *Курган*, *Галды-Курган*, *Ката-Курган* и т.п. [34, с. 316–317].

Термин *қор.ган* относится к числу исконных, будучи связанным с богатым корневым гнездом, куда входит и глагол *қор.г-* "охранять, защищать, окружать (*стеной*)" [58, с. 486–487; 69, т. 6, с. 52–53].

Эндемичный характер западно-сибирского локализма имеет исконно тюркское название *тура* (от глагола *тур-* "стоять"), которое в алтайском языке употребляется наряду с русизмом *город*: алт. *тура* "1. дом, изба; 2. город" и в топонимии: *Дьаш-Тура* "Бийск" (от *дьаш* "молодой", т.е. "новый"); *Том-Тура* "Томск"; *Ойрот-Тура* старое название до 1949 г. Горно-Алтайска. В хакасском языке *тура* "дом, изба" в устаревшем употреблении может обозначать "город".

О былом более широком употреблении слова свидетельствует его распространение в сибирской топонимии, а также его заимствование в древнерусский как название осадного орудия (во мн. числе *туры*) и в персидский язык [75, S. 288–302; 76, Bd 2, S. 608–611; 76, Bd 4, S. 448].

Современное русское разговорное название шахматной фигуры ладьи – *турá* связано не с латинским *turris* "башня", а с тюркским *турá*, о чем свидетельствует ударение [31].

Особое место занимает печенежское наименование крепости *катай*, которое Ю. Немеет выделяет в составе названий заброшенных печенежских крепостей *Ту.н-Қатай*, *Қарақ-Қатай*, *Салма-Қатай*, *Сақа-Қатай*, *Йайу-Қатай* в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении государством» (X в.) в сопоставлении с чагатайским *ката.г* "шанц, барьер, укрепление" [47, стб. 279; 82, S. 50–51]. Сюда относится первая часть московского старого топонима *Китай-город*, перенесённого из *Китай-городов* Украины [48].

Рассмотренные здесь некоторые тюркские нарицательные названия города показывают, насколько были преждевременны имеющиеся по поводу этих слов предварительные общие соображения: «Историку и этнографу тюркских племён полезно будет задуматься над тем, что все термины, обозначающие город и деревню в этих языках, заимствованные: *кала* (араб.), *шехир* > *шехер* > *шахар* > *шар* (перс.), чув., тат., крым. и даг. *сала* 'деревня' (хазар.)» [14, с. 5; 15, с. 506]. Солидарность проявляет Э.М. Мурзаев [35, с. 151].

К этому следует добавить, что во многих тюркских терминах населённых мест противопоставление «город» – «село» не выражено чётко, к тому же содержание понятий «город» и «село» чрезвычайно подвижно, меняясь хронологически и территориально.

Взятое Н.К. Дмитриевым противопоставление *село* – *город* в реальности может в значительной степени осложняться, поскольку эти два понятия зачастую покрываются понятием типа русского *населённый пункт*, *селение*, *поселение*, *посёлок*, а также каждое из этих понятий может осложняться, как это происходит, например, в русском языке, в котором в XIX в. сельские поселения делились на *село* (селение с церковью), *сельцо* (селение с усадьбой помещика, но без церкви), *деревня* (селение без церкви и без помещичьей усадьбы); отдельной была терминология для инородческих сельских поселений: *аул*, *улус*, *кишлак* применительно к тюркским и другим народам. Есть ещё специфическое название типа *хутор*, *заимка*, *мыза*, *ферма*. Понятия *город* и *крепость* могли совпадать, но могли и противопоставляться, кроме того, для мелких городков Юго-Западной и Западной России (Украина и Белоруссия) в ходу было польское название *местечко*.

Учёт подобных деталей на тюркской почве в данном обзоре возможен лишь частично. Полное описание динамики терминологии поселений возможно при дальнейшем рассмотрении лексики

отдельных тюркских языков с учётом социальной истории, материала письменных памятников и топонимии, а также материала соседних языков, где могли сохраниться уже утраченные слова тюркских языков.

Приведённый Н.К. Дмитриевым список далеко не окончательный и легко может быть дополнен как материалами, подтверждающими мысль учёного, так и материалами попыток создания терминов из собственно тюркских средств. Но последние носят сейчас чаще всего чисто локальный характер местных архаизмов и инноваций, зачастую перекрываемых новыми заимствованиями.

Попытка проанализировать некоторый более обширный материал сделана мною в разделе «Типы поселений. Историческая эволюция» коллективного труда [59, с. 438–454].

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1.; Л., 1989. Т. 4.
2. *Абрамович З.* Старая турецкая карта Украины с планом взрыва Днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. 2. М., 1969. С. 76–96.
3. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1934. Т. 6.
5. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
6. *Бартольд В.В.* Балык // Сочинения. М., 1965. Т. 3.; М., 1968. Т. 5.
7. *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903; То же // Бартольд В.В. М., 1974. Соч. Т. 7.
8. *Березин И.Н.* Нашествие Батгя на Россию // Журн. М-ва народного просвещения, 1855. Май. С. 106, примеч. 101, с. 27–28 отд. отд.
9. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10: XVI век.
10. *Большаков О.Г., Монгайт А.Л.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
11. *Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003.
12. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
13. *Горский А.А.* Датировка похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2004, № 4 (19). С. 82–93.

14. *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3. С. 3–47.
15. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.
16. *Добродомов И.Г.* Буртаский язык — исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // *Uralo-indogermanica: Балто-славянские языки и проблемы урало-индоевропейских связей: Материалы 3-й балто-слав. конф. 18–22 июля 1990 г.* М., 1990. Ч. 2. С. 64–70.
17. *Добродомов И.Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // *Сов. тюркология*, Баку, 1980, №2. С.21–29.
18. *Добродомов И.Г.* Казань: (Этимологический этюд) // *Топонимика СССР*. М., 1990. С. 45–53.
19. *Добродомов И.Г.* Некоторые осетинско-чувашские параллели // *Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье*. Чебоксары, 1988. С. 78–84.
20. *Добродомов И.Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // *Тюркологический сборник*, 1975. М., 1978. С. 102–129.
21. *Добродомов И.Г.* Роль этимологии в локализации старых названий географических объектов // *Проблемы исторической географии России*. М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России. С. 81–98.
22. *Добродомов И.Г., Кучкин В.А.* Этимология и старые географические объекты // *Вопросы географии*. М., 1979. Сб. 110: Топонимика на службе географии. С. 157–163.
23. *Древнетюркский словарь*. Л., 1969.
24. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
25. *Етимологічний словник літописних назв південної Русі*. Київ, 1985.
26. *Казанская история*. М.; Л., 1954.
27. *Кононов А.Н.* Показатели собирательности множественности в тюркских языках. Л., 1969.
28. *Курьшжанов А.К.* Исследования по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
29. *Кучкин В.А.* О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV века // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2006, № 3 (25). С. 106–132.
30. *Кучкин В.А.* О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // *Норна у источника судьбы: Сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой*. М., 2001. С. 214–221.
31. *Маковский М.М.* Шахматы // *РР*. 1976. № 3. С. 151–152.
32. *Мелиоранский П.М.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
33. *Менгес К.Г.* Восточные элементы «Слова о полку Игореве». Л., 1979.
34. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
35. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.

36. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
37. Осетинско-русский словарь. 3-е изд. Орджоникидзе, 1970.
38. *Отин Е.С.* Из этимологических исследований Донской гидронимии (имена с исходным *-ань*: *Лебедянь, Птань, Форостань, Холань, Лугань, Потудань, Усмань* и др.) // Язык, стиль, культура. Донецк, 1992. С. 6–22.
39. *Отин Е.С.* Избранные труды по языкознанию. Донецк, 1999. Т. 2.
40. Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. 4: Новгородские летописи, ч. 1., вып. 2.
41. Полное собрание русских летописей, издаваемое Государственною археографическою комиссиею Российской Академии наук. 2-е изд. Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.
42. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению имп. археографическою комиссиею. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись.
43. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению имп. Археографическою комиссиею. СПб., 1903. Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец).
44. *Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топоним. слов. М., 1998.
45. *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. М., 1988.
46. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
47. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. 2.
48. *Романова Г.Я.* О названии Китай-города в Москве // Учён. зап. Моск. обл. пед. ин-та. М., 1964. Т. 148, вып. 10. С. 434–441.
49. Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1788. Ч. 4.
50. *Саттаров Г.Ф.* Происхождение полисонима *Казань* // Сов. тюркология. Баку, 1985. № 5. С. 34–43.
51. *Саттаров Г.Ф.* Унберенче караш // Казан утлары. 1982. № 2. С. 176–184.
52. *Сахаров И.П.* Сказания Русского народа. СПб., 1849. Т. 2, кн. 8.
53. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
54. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. <т. 2> Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «б». М., 1978.
55. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. М., 1980. Вып. 7; М., 1981. Вып. 8.
56. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951.
57. *Соловьёв Е.Т.* Где был болгарский древний город Керманчук // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1889. Т. 7. С. 1–17 (разд. паг.).
58. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997.
59. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа: Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

60. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1.
61. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.
62. *Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингв. исслед. М., 1991.
63. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
64. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары, 1968. Ч.1.
65. *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
66. *Хождение Игнатия Смольянина 1389–1405 гг.* / Под ред. С.В. Арсеньева // Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 4, вып. 3 (12).
67. *Шапошников А.К.* Старый добрый болгарский Коктебель. Симферополь, 1999.
68. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
69. Этимологический словарь тюркских языков. <т. 5> Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы *к-қ*. М., 1997; <т. 6> Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву *қ*. М., 2000.
70. *Abrahamowicz Z.* Historia Chana Islam Gereja III. W-wa, 1971.
71. *Abū Hamid el Grenadino* y su relación de viaje por tierras eurasiáticas por César E. Dubber. Madrid, 1953.
72. *Benzing J.* Das bulgarisch-türkische Wort kermän ‘Befestigung, Stadt’ // Orientalistische Literaturzeitung. 1942. Bd. 14. S. 145–147.
73. *Deny J.* L’arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604–1613). Wiesbaden, 1957.
74. «Divanü lûgat-it-Türk» tercümesi. Çeviren B. Atalay. Cilt 1. Ankara, 1939.
75. *Doerfer G.* Russ. *tury* ‘Schanzkörbe’ // Ztschr. slav. Philol. 1960. Bd. 29. S. 288–302.
76. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd. 2, № 712.; Wiesbaden, 1975. Bd. 4.
77. *Hrbek I.* Nový arabský prameň o východné a středné Európe // Československá etnografie. Pr., 1954. R. 2, № 2. S.157–175.
78. *Keenan E.L.* Kazan’ – «The Bend» // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his 60th birthday by his colleagues and students. / Ed. by I. Ševčenko, F. E. Sysyn with assistance of U.M. Pasicznyk. Cambridge (Mass.), 1980. Pt 1. P. 484–496 (Harvard Ukrainian Stud.; Vol. 3/4).
79. *Menges K.H.* Das Problem der «gelehrten Volksetymologie»: Einige slavische und altaische Etymologien // Die slavischen Sprachen. Salzburg, 1984. Bd. 6.

80. *Menges K.H.* Der Titel گورخان der Kara-Kitaj // Ural-altaische Jahrbücher. 1952. Bd. 24, H. 3/4. S. 84–88.
81. *Menges K.H.* Kalmykischen-russische Lehnbeziehungen // Kalmyk-Ojrat Symposium. Philadelphia, 1966. 168 f.
82. *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Bp., 1932.
83. *Paasonen H.* Der Name der Stadt Kazan // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors; Leipzig, 1906. Bd. 4. S. 111–114.
84. *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. I. Wiesbaden, 1960.
85. *Pritsak O.* Eine altaische Bezeichnung für Kiew // Der Islam. 1955. Bd. 32. S. 1–13.
86. *Róna-Tas A., Fodor S.E.* Epigraphica Bulgarica: A volgai-bolgár török feliratok. Szeged, 1973.
87. *Räsänen M.* Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte // Finnish-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. 29. S. 190–201.
88. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
89. *Sinor D.* The Origin of Turkish Balıq ‘Town’ // Central Asiatic J. 1981. Vol. 25.
90. *Wichmann Y.* Etymologisches aus den permischen Sprachen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors; Leipzig, 1901. Bd. 1. S. 104–108.

ТОПОНИМИЯ МАЛОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КОЛЬЦА МОСКВЫ

Т.П. Соколова

Названия железнодорожных станций всегда вызывали живой интерес у Евгения Михайловича Поспелова, и он поддерживал наши изыскания в этой области, делился своими соображениями, «подбрасывал» новые материалы. Именно Е.М. Поспелов поддержал идею включения в топонимический словарь современной Москвы [7; 29] названий станций Московской Окружной железной дороги, которая в настоящее время используется лишь для грузовых перевозок.

Московская Окружная железная дорога (Малое кольцо Московской железной дороги) – это уникальная транспортная развязка, не имевшая аналогов в мировой практике. Первый проект Московской Окружной был предложен в 1869 г. московским

купцом Сушкиным, затем в 1872 г. появился проект инженеров А.Н. Горчакова и А.А. Пороховщикова: линия Окружной дороги длиной 25 верст должна была пройти примерно по Камер-Коллежскому валу, т.е. по границе города. Далее в проектировании Окружной дороги приняли участие общества Московско-Курской, затем Ярославской, Рязано-Уральской железных дорог – потребность обеспечить передвижение грузов по городу не гужевым транспортом, а по кольцу железной дороги с возможностью передачи на разные ж.-д. направления была велика.

В 1897 г. с проектом Окружной дороги выступил инженер А.И. Антонович, который предлагал строить широкое кольцо, ибо оно «пройдёт по недорогим землям, оттянет на себя промышленность и рабочее население, производящее скученность и антисанитарные условия жизни» [4; 15]. После правительственных изысканий был принят проект инженера П.И. Рашевского, строительство продолжалось с 1902 по 1907 г. [15].

Это кольцо длиной около 51 версты (54,4 км) опоясывало город, шло лесами, болотами, проходило по районам фабрик и заводов, по дачной местности, а также вблизи исторических районов Москвы. На схеме (выполненной на основе источников [1; 6; 15]) видно, как далеко за пределы города выходит ж.-д. кольцо, особенно на севере и северо-западе: по замыслу Рашевского, рабочие и малосостоятельные люди могли нанять квартиры в предместье и выгадать. Дорога была предназначена для грузовых перевозок, а также для перевозки пассажиров, в том числе для экскурсионных поездок вокруг столицы. Через Москву-реку было сооружено 4 моста – одни из лучших транспортных сооружений начала XX в. Николай II начертил на титульном листе проекта: «Дорога должна иметь сообразный первопрестольной столице вид». Под руководством архитекторов А.Н. Померанцева и Н.В. Марковникова были построены 17 вокзалов в едином стиле модерн – из красного кирпича с белой отделкой, а также дома для персонала станций, столовые, казармы, кузницы, мастерские; многие имели оригинальное архитектурное решение. В зданиях были установлены голландские и русские печи, точные часы фирмы «Павель Буре» [15]. К настоящему времени сохранилась часть построек.

В 1908 г. дорога перешла в ведение Николаевской ж. д., и с 20 июля 1908 г. было открыто регулярное движение поездов. В

сутки проходило четыре поезда. Схема движения была такова: поезда выходили с Николаевского вокзала, отправлялись через Московско-Брестскую дорогу на станцию *Пресня* Окружной дороги. До этого места каждый поезд шел двойной тягой. Здесь его разъединяли: один паровоз ехал «по часовой стрелке», другой – в противоположную сторону; каждый тащил за собой состав из трёх вагончиков. Обогнув кольцо, оба поезда опять возвращались на *Пресню*, здесь объединялись в один и возвращались на Московско-Брестскую дорогу [4; 24]. В 1908 г. вышел «Альбом сооружений Московской окружной железной дороги», составленный А. Померанцевым, в 1909 г. «Печатня С.П. Яковлева» выпустила «Путеводитель по Московской Окружной железной дороге» без указания автора текста, а в 1912 г. появился путеводитель по Окружной железной дороге, составленный первым начальником службы движения дороги Н.М. Останковичем. Полное название книги подчёркивает экскурсионную роль дороги: «Путеводитель по Московской Окружной железной дороге с историей Москвы и описанием исторических памятников и торгово-промышленных заведений, находящихся в окрестностях Москвы и прилегающих к кольцу дороги с 22 рисунками и картой г. Москвы и Окружной железной дороги» [14]. Из этого источника и сегодня можно почерпнуть много топонимической информации: названия окрестных сёл и деревень, рек, ручьёв, прудов, парков, имений, церкви, монастырей, фабрик и заводов, улиц.

В 1916 г. Окружную включили в состав Московско-Курской железной дороги, а в 1934 г. она была выделена в самостоятельную железную дорогу, но в 1956 г. утратила самостоятельность в связи с образованием Московской железной дороги и стала использоваться только для грузовых перевозок. Но внимание к Малому железнодорожному кольцу ослабевает гораздо раньше – в тридцатые годы. Путеводитель П.В. Сытина «Вокруг современной Москвы (по Окружной железной дороге)», выпущенный в 1930 г., отражает «новую жизнь» железнодорожного кольца в новых границах города от 23 мая 1917 г., но содержит гораздо меньше топонимической и краеведческой информации: вид из окна – «однообразное поле», пересечение с шоссе (без названия), фабрики (без названий), «почти ничего, кроме леса, не видно» [28, с. 18–19]. Если Н. Останкович с увлечением описывает достопримечательности даже весьма на тот момент удалённого от города

северного участка кольца от начала дороги (1-я верста отсчитывается от места пересечения линии Николаевской ж.д.) на пяти страницах, подробно останавливаясь на истории сёл – *Владыкина, Останкина, Леонова, Медведкова, Свиблова*, с описанием церквей «замечательно красивой архитектуры», подчёркивая, что «при живописной местности здесь и воздух замечательно чистый и здоровый» [14, с. 15–31], то П.В. Сытин рассказ о тех же местах, но уже в границах Москвы начинается с антирекламы: «Пейзаж к северу – однообразные поля...» [28, с. 15].

Информация в две неполные страницы вряд ли привлечёт экскурсантов. Из путеводителя исчезли упоминания о многих церквях и имениях, порой утрачена связь названий с историческими местами (так, вместо музея 1812 года в Кутузовской избе (см. ст. Кутузово) «развёртывается лыжная станция Общества пролетарского туризма») [28, с. 31].

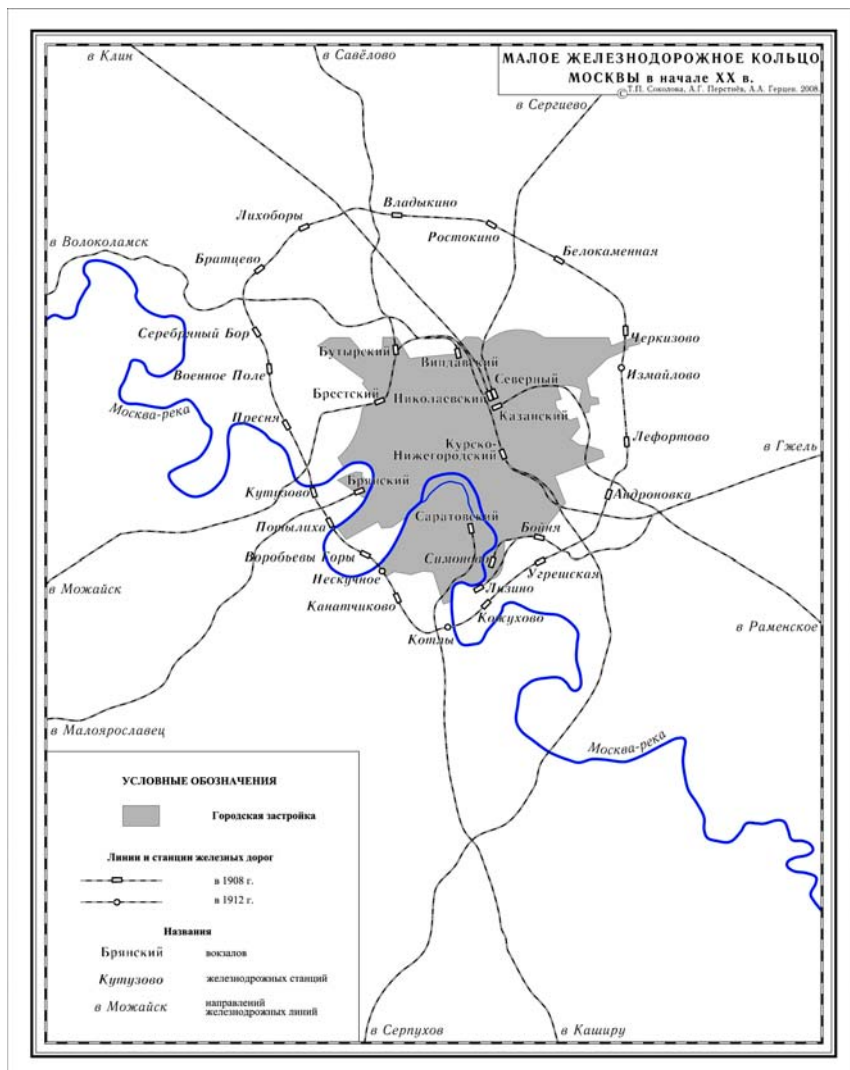
При локомотивном депо «Лихоборы» ныне находится музей Окружной дороги, в основном освещающий советский период её истории. Большую роль сыграла эта ж. д. во время Великой Отечественной войны, на средства рабочих и служащих Московской Окружной был построен бронепоезд «Москва» для Красной армии (именно этот бронепоезд показан в кинофильме «В шесть часов вечера после войны») [4].

В конце 1980-х гг. было решено реставрировать сохранившиеся здания ж. д. и впоследствии возобновить перевозку пассажиров по Московской Окружной ж. д., в 2001 г. появился проект реконструкции дороги, предполагавший превращение её в скоростную трассу с возможностью пересадок на линии метрополитена и ж.-д. линии разных направлений. Это предложение ныне активно обсуждается в Правительстве Москвы. В связи с этим анализ топонимов Малого железнодорожного кольца Москвы приобретает особую актуальность.

Большинство станций получили названия смежных сёл, деревень, усадеб.

Андроновка (на 19-й версте) названа по деревне *Андроновка* (возможно, от имени *Андрон*, сокращённого от *Андроник*). Первое упоминание относится к 1798 г.: на землях крестьян дер. *Андроновки* «в версте от Камер-Коллежского вала и в 250 саженях от Владимирской дороги» купец Благушин держал собственные бойни (теперь здесь Микояновский мясокомбинат); в списке населённых мест Мос-

ковской губернии 1862 г. значится как *Андроновка Новая*, на «Плане пригородов гор. Москвы» 1911 г. – *Ново-Андроновка*, известна также как *Новая деревня*. *Андроновка* была крупнейшей станцией Московской Окружной ж. д., здесь сохранились вокзал, два жилых дома, водочапка и сторожка. В 30-е гг. XX в. по станции было названо *Андроновское шоссе* (официально название закреплено в 1950 г.).

Станция **Братцево** (на 47-й версте) открыта как телеграфный пост, названа по усадьбе *Братцево* (вблизи села Братцево, известного с начала XVII в.). Усадьба появилась благодаря помещикам Строгановым в конце XVIII в. (находится около Светлогорского проезда). В 1813–15 гг. здесь по проекту архитектора А.Н. Воронихина (бывшего крепостного Строгановых) был построен новый усадебный дом классического стиля, окружённый пейзажным парком. Сохранилась беседка-ротонда А.Н. Воронихина на высоком обрывистом мысе. Пейзаж и крестьяне усадьбы запечатлены на полотне художника И.И. Шишкина «Полдень. Окрестности Москвы. Братцево». В 1995 г. название села возвратилось на карту Москвы в имени *Братцевской улицы*.

Станция **Владыкино** (на 2-й версте) названа по селу *Владыкино*, известному с XIV в. как *Вельяминово* (по владельцу – боярину Вельяминову). В 1653 г. оно вошло в число сёл, принадлежавших патриарху (*владыке*) Никону, и стало именоваться *Владыкино*. Здесь располагался «становой» двор патриарха, сюда приезжал юный Пётр I, однако после смерти патриарха Адриана царь упразднил патриаршество, и село постепенно пришло в упадок. Некоторое возрождение его в 20–30-е гг. XVIII в. связано с деятельностью архиепископа псковского и нарвского Феофана Прокоповича, которому *Владыкино* было отдано по указу Петра I и приговору Синода в 1722 г. После кончины Феофана село отписано в Казённое ведомство. В 1859 г. на средства московского купца Гавриила Матвеевича Толоконникова здесь построена новая церковь – *Рождества Богородицы во Владыкине* (храм не прекращал действовать все годы советской власти). В конце XIX в. рядом с селом возник дачный посёлок – *Новое Владыкино*, где в течение многих лет жила семья актрисы Марии Николаевны Ермоловой. В 1919 г. *Владыкино* вошло в черту Москвы. Вблизи станции появились *Владыкинское шоссе* (ныне в составе Ботанической улицы), четыре *Нововладыкинских проезда* (упразднены, но название перенесено на новый проезд от Алтуфьевского шоссе), в 1991 г. имя села закрепилось в названии станции метро *Владыкино*.

Станция **Канатчиково** (на 31-й версте) названа по *Канатчиковой даче*. В начале XIX в. это было имение Бекетовых, в середине XIX в. *Бекетова дача* была куплена купцом *Канатчиковым*, и хотя он владел имением недолго, местность продолжали называть

Канатчикова дача или *Канатчиково*. В 1894 г. здесь на средства, собранные городским головой Н.А. Алексеевым, было построено здание психиатрической больницы, которая стала называться *Алексеевская*. В 1904–07 гг. больницей заведовал известный русский психиатр Пётр Петрович Кащенко (1858–1920), и с 1922 по 1994 г. больница носила его имя. В настоящее время – психиатрическая больница № 1 им. Н.А. Алексеева (неофициальное название – «Канатчикова Дача»).

В начале XX в. название ж.-д. станции тоже связывалось с *Канатчиковой Дачей*, «громадным домом умалишённых» [15; 20]. Здесь сохранились вокзал (три больших зала – 1-го, 2-го и 3-го классов), два жилых дома, сторожка, будка централизации, пакгауз. У вокзала установлен памятник железнодорожникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В 1990 г. проезд вблизи станции получил название *Канатчиковский*.

Станция **Кожухово** (на 26-й версте) названа по деревне *Кожухово* (*Кожуховка*) – от неканонического имени *Кожух* или фамилии *Кожухов*: под 1489 г. упомянут митрополичий дьяк Родион *Кожух*, его сын Яков *Кожухов* был митрополичьим дьяком в 1499–1501 гг. Деревня известна с XVI в. как владение митрополита Крутицкого; вошла в историю как место *Кожуховских маневров* Петра I осенью 1694 г. В XIX в. выделились выселки – *Малое Кожухово*, а прежнее селение стало называться *Большое Кожухово* (в 1923 г. включены в состав Москвы). В 1929 г. здесь введена в эксплуатацию *Кожуховская станция аэрации*, которая работала до 1970 г., а деревня исчезла в 1940-е гг. Но название деревни сохранилось в именах *5-й – 7-й Кожуховских улиц*, *1-го – 3-го Кожуховских проездов*, *затона*, *пруда*, *моста*. Ст. *Кожухово* выходила в сосновую *Тюфелеву рошу*, место загородных прогулок москвичей. Сейчас вокзал станции теряется на фоне построек ЗИЛа.

Станция **Лихоборы** (на 50-й версте) названа по деревням *Верхние* и *Нижние Лихоборы*, между которыми и прошла ж.-д. линия (деревни получили название по реке *Лихоборка*, а та в свою очередь – по урочищу *Лихой Бор*: так назывался участок глухого леса, в котором, по преданию, «лихие люди» грабили путников; думается, народная этимология лишь усилила негативную семантику слова

лихой – «приносящий зло, грозящий бедой».¹ Уцелели станционные здания вдоль пр. Черепановых: на фасаде бывшего дома начальника участка тяги в небольшой нише между двух окон символ мудрости – фигурка совы, далее хорошо сохранившийся вокзал. При локомотивном депо «Лихоборы» находится музей Окружной дороги.

Остановочный пункт **Потылиха** (на 35-й версте) назван по дер. *Потылиха* (слобода при впадении р. Сетунь в Москву-реку известна с XVII в.), в начале XIX в. *Потылиха* стала дачной местностью, в 1967 г. название закрепилось в имени улицы.

Станция **Ростокино** (на 6-й версте) названа по селу *Ростокино* (упоминается в 1447 г. как *Ростокинское*, владение боярина Михаила Борисовича Плещеева, переданное им Троице-Сергиеву монастырю; в 1584–86 гг. и позднее – как *Ростокино/Ростокино* (возможно, от личного неканонического имени *Росток/Ростока*). Сохранилось здание вокзала. С 1935 г. село вошло в черту Москвы, здесь был построен студенческий городок, где было проложено 6 улиц и 9 проездов (ныне все упразднены или переименованы, например, *5-й проезд Ростокинского Городка* стал *Ростокинской улицей*).

Станция **Черкизово** (на 12-й версте) названа по селу *Черкизово* (известно с 1378 г., получило название по имени выходца из Золотой Орды царевича Серкиза (Черкиза), которому село и было пожаловано при крещении и поступлении на службу к великому князю Дмитрию Донскому). С 1917 г. село вошло в черту Москвы и дало названия многочисленным Черкизовским улицам (ныне сохранились Большая, Малая и 3-я Черкизовская), пруду, а в 1990 г. – станции метро *Черкизовская*.

Станция могла получить название и по более удалённому от неё объекту. Так, ст. **Угрешская** (на 23-й версте) была открыта в месте пересечения железной дороги с Николо-Угрешским (Перервинским) шоссе и названа по *Николо-Угрешскому монастырю*, расположенному к юго-востоку от станции за пределами Москвы. В начале XX в. вокруг станции были поля орошения, старые городские бойни, свалки, холерное кладбище, Сукино болото. Через ст. *Угрешская* шла ветка Московско-Казанской ж. д. от ст. Перово к ст. *Бойня*, на более поздних схемах – *Городские бойни* (здесь

¹ См. комплекс значений слова *лихой* в исторических словарях русского языка. – *Прим. ред.*

располагались городские бойни, куда привозили скот) и далее к ст. *Симоново* (по Симоновой слободе и монастырю) и ст. *Лизино* – по *Лизиному пруду*, который появился благодаря повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: писатель любил гулять за Симоновской заставой, где находился *Сергиев пруд* (по преданию, вырытый при участии Сергия Радонежского), и именно в этом пруду «утопил» свою героиню; с тех пор окрестности пруда стали местом загородных прогулок влюблённых. В 1930-х гг. пруд был засыпан, в 1950-х гг. ст. *Лизино* демонтирована. В 1955 г. улица и проезды вблизи станции были названы *Угрешскими*.

Московская Окружная железная дорога предназначалась не только для грузовых перевозок, но и для экскурсий (как отмечал в путеводителе Н. Останкович, дорога проходит по окрестностям, богатым историческими памятниками, причём со многих пунктов открывается прекрасный вид на Москву), и наименования станций должны были привлекать пассажиров. Так появилось описательное название **Белокаменная** (в 1928 г. по станции, открытой на 9-й версте, названы шоссе и два проезда), закрепились исторические названия. Остановочный пункт **Военное Поле** (на 42-й версте) назван по прилегающему *Военному полю* – артиллерийскому полигону на Ходынском поле, где в XIX – начале XX в. располагался военный Ходынский лагерь Московских войск. Специально для обслуживания воинских частей на 43-й версте Московской Окружной железной дороги и был открыт пассажирский остано-вочный пункт (в настоящее время платформа демонтирована).

Станция **Кутузово** (на 36-й версте) находится вблизи бывшей *Кутузовской Слободы*, по которой и получила название. Эти места связаны с событиями Отечественной войны 1812 года, в одном из домов слободы М.И. Кутузов проводил военный совет, на котором была решена судьба Москвы. Во второй половине XIX в. здесь образовалась улица *Кутузовская Слобода*. Позже сформировался целый комплекс мемориальных названий, связанных с именем главнокомандующего русской армией Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова: *Кутузовский проезд* (с 1912 г.), *Кутузовский проспект* (с 1957 г.), станция метро *Кутузовская* и многие другие.

Станция **Лефортово** (на 17-й версте) названа по историческому р-ну Москвы, где располагалась Лефортовская солдатская слобода.

Франц Яковлевич Лефорт (1655–99), выходец из Швейцарии, был сподвижником Петра I, адмиралом, командовал полком, расквартированным в этом районе. Ныне название *Лефортovo* носит и район ЮВАО.

Узловая станция **Пресня** (на 39-й версте) названа по историческому району Москвы *Пресня* (где протекает река *Пресня*), хотя расположена на значительном расстоянии к западу от него. Только здесь сохранился не только вокзал, но и навес над выходом для пассажиров на платформу, а также жилой дом, казарма, водонапорная башня и две будки централизации.

Предполагалось, что внимание пассажиров Окружной дороги привлекут и названия станций, связанные с излюбленными местами гуляний москвичей. Это прежде всего **Воробьёвы Горы**, станция (на 33-й версте), расположенная в виду *Воробьёвых гор* на территории бывшего Вавилонского сада, принадлежавшего Новодевичьему монастырю. Некоторое время от него сохранялся «Вавилонский колодезь», принадлежавший церкви Тихвинской иконы Божьей Матери, что в Малых Лужниках. На крутом берегу Москвы-реки находилось село Воробьёво (известно с XV в., название от неканонического имени Воробей), по селу местность стала называться Воробьёвы кручи, позже Воробьёвы горы, которые в начале XX в. получили известность как место народных гуляний, сюда можно было переправиться на лодках со стороны ж.-д. станции, причём на вокзале было предусмотрено помещение для буфета, единственного на всем ж.-д. кольце.

К 1912 г. был открыт и остановочный пункт **Нескучное** (между ст. Воробьёвы Горы и ст. Канатчиково, на 33-й версте), названный по *Нескучному саду*. Усадьба «Нескучное» («Нескушное») принадлежала в XVIII в. Трубецким, в начале XIX в. Шаховскому, а затем вместе с усадьбами Голицыных и Орловых приобретена в казну для императорской фамилии. После преобразований *Нескучный сад* был открыт для публики и стал популярным местом гуляний москвичей, особенно после создания здесь «Воздушного театра».

Между ст. Черкизово и ст. Лефортovo (на 16-й версте) против Измайловского зверинца появился и остановочный пункт **Измайлово** – по селу *Измайлово*, известному с XV в. (название от тюркского имени *Измаил* (*Исмаил*); возможно, владельцем был воевода Лев Измайлов, сподвижник московского князя Ва-

силія Тёмного). С XVI в. *Измайлово* стало вотчиной бояр Романовых, позднее – царской подмосковной усадьбой, а к началу XX в. дачной местностью.

Между ст. Канатчиково и ст. Кожухово (на 29-й версте) был открыт остановочный пункт **Котлы** – по селу, известному с 1380 г. как *Котёл* (по одноименной реке, которая в свою очередь получила название от географического термина *котёл* – "омут, глубокое место водоёма"), как *Верхние и Нижние Котлы*. Все три платформы «второй очереди» были спроектированы как пассажирские, и строительство их отложено [15]. В связи с малым использованием дороги для перевозки пассажиров эти платформы пришли в запустение (П.В. Сытин лишь вскользь упоминает полустанок *Измайлово* на пересечении ж.-д. кольца с Измайловским шоссе, а на схемах и планах города эти полустанки не показаны [2, с.15; 10; 11; 16; 26; 27; 28]).

Станция **Серебряный Бор** (на 43-й версте) была открыта в составе основного кольца в 1908 г. Названа по возникшему в конце XIX в. дачному посёлку, унаследовавшему в свою очередь имя известного с XVI в. лесного массива, который простирался от Троице-Лыкова до Рублёва. *Серебряный бор* – термин для обозначения сосняков особого типа. Таких лесных участков в Москве было несколько, но как собственное имя сохранился лишь *Всехсвятский Серебряный Бор* (близ села Всехсвятского). Из построек станционного ансамбля сохранились лишь будка централизации на углу улиц Панфилова и Алабяна и казарма на улице Панфилова.

Четыре моста через Москву-реку имеют собственные имена. **Алексеевский мост** (перед ст. Канатчиково, на 28-й версте) назван в честь наследника престола цесаревича Алексея Николаевича. Этот мост создан по проекту выдающегося инженера Николая Аполлоновича Белелюбского и в то время считался одним из самых красивых в Москве. В советский период мост был переименован в **Кожуховский** (см. выше ст. Кожухово).

Андреевский мост (за ст. Канатчиково, на 32-й версте) имел проектное название мост **Императора Николая II**, но после убийства террористом Каляевым в 1905 г. московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича (который принимал деятельное участие в строительстве Окружной ж. д., а

летние месяцы проводил в Нескучном дворце) мост получил имя **Сергиевский**. В 1920 г. мост был переименован в **Андреевский** – по расположенному поблизости *Андреевскому монастырю* (Преображенский мужской монастырь основан в XVII в., здесь сохранилась надвратная церковь Андрея Стратилата). Мост построен по проекту инженеров Л.Д. Проскурякова и П.Я. Каменцева и архитектора А.Н. Померанцева. В 1999 г. мост был передвинут на 1,5 км вниз по течению Москвы-реки и стал основой пешеходного Пушкинского моста. На месте старого Андреевского моста был построен новый на трассе Третьего транспортного кольца.

Мост Императора Николая II был сооружен через Москву-реку перед ст. Потылиха (на 35-й версте) по проекту Л.Д. Проскурякова. Известен как Арочный мост Императора Николая II. После 1917 г. в ходе борьбы с «царскими названиями» мост был переименован в **Краснолужский** – по урочищу *Красный Луг*. *Красный* (в значении «тёплый») *луг* располагался на южном склоне приречной возвышенности.

Дорогомиловский мост (сооружён по проекту Г.П. Передерия и Л.Д. Проскурякова за ст. Кутузово, на 37-й версте) сохраняет название *Дорогомиловского перевоза* – по *Дорогомиловской ямской слободе*, куда в конце XVI в. переселились с левого берега выходцы села *Дорогомилова*, вотчины боярина *Ивана Дорогомилова* (XIII в.).

Таким образом, названия станций Малого кольца образуют подсистему, вторичную по отношению к системе названий Большой Москвы, но сохраняющую старые названия сёл, деревень, слобод, местностей, которые, за исключением *Белокаменной* и *Нескучного*, возникли в результате естественной номинации. Об этом свидетельствует и форма имён: из 20 названий 17 однословные, преобладают типичные для сельских ойконимов модели с топоформантами *-ово (-ево)*, *-ино* (9 топонимов). Все топонимы (кроме описательного названия *Белокаменная*) появились в результате метонимического переноса закрепившихся в речи старых названий Москвы и её окрестностей. С 1958 г. названия станций Малого кольца выходят из сферы широкого употребления (на общих схемах и планах Москвы уже не указываются) и используются в замкнутой системе профессиональной речи железнодорожников, но эти топонимы уже стали базой для номинации смежных линейных объектов. Возможно и возвращение названия в сферу активного употребления: рядом с забытой ж.-д. станцией

Владыкино появилась одноимённая станция метро – и название в старой форме вошло в новую систему. Если проект модернизации Малого железнодорожного кольца будет осуществлён, то сами названия станций станут естественными ориентирами в Большой Москве.

Литература

1. Альбом сооружений Московской Окружной железной дороги 1903–1908 гг. М., 1908.
2. Альбом схем железных дорог СССР по данным на 1 января 1940 г. М., 1940.
3. Географические названия в Москве: Вопросы географии. Сб. № 126 / Под ред. Е.М. Поспелова. М., 1985.
4. Железнодорожное дело. 1997. № 1–4.
5. Железные дороги России. СПб., 1912.
6. Железные дороги России. СПб., 1913.
7. Имена московских улиц: Топоним. слов. М., 2007.
8. История московских районов: Энциклопедия / Под ред. К.А. Аверьянова. М., 2006.
9. История сёл и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1992–1995. Вып. 1–11.
10. Москва: План-схема. М., 1980.
11. Москва: Схематический план. М., 1970.
12. Москва: Энциклопедия. М., 1998.
13. Окрестности Москвы: Карта. СПб., 1912.
14. *Останкович Н.М.* Путеводитель по Московской Окружной железной дороге. М., 1912.
15. Отчет по постройке Московской Окружной железной дороги 1903–1908 гг. М., 1910.
16. *Петунников А.Н.* Пути сообщения в г. Москве по высочайше утверждённому плану регулирования. М., 1915.
17. План города Москвы, составленный по новейшим официальным источникам. СПб., 1912.
18. План города Москвы с показанием Московской окружной железной дороги. М., 1908.
19. План города Москвы с пригородами. Изд. А.С. Суворина, 1910-е гг.
20. План города Москвы с пригородами. С проектируемой сетью лечебных заведений в пригородном кольце... 1910-е гг.
21. План гор. Москвы с указанием границ районов по новому районированию. М., 1931.
22. *Поспелов Е.М.* Сельская топонимия Москвы // Отечество: Краевед. альм. М., 1997. Вып. 10.

23. *Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
24. Путеводитель по Московской Окружной железной дороге. М., 1909.
25. Списки населённых мест Российской империи, XXIV: Московская губерния. СПб., 1862.
26. Схема московской железной дороги. М., 1961.
27. Схематический план сети Московских гор. железных дорог на 15 июня 1925 г. М., 1925.
28. *Сытин П.В.* Вокруг современной Москвы (по Окружной железной дороге). М., 1930.
29. Улицы Москвы: Старые и новые названия (Топоним. слов.-справочник). М., 2003.
30. *Хавский П.В.* Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда. М., 1939.

АНТРОПОНИМИЯ В ТОПОНИМИИ

А.В. Суперанская

Антропонимы служат одним из источников происхождения топонимов, причём их взаимные проникновения бывают столь глубокими, что порой невозможно понять, что первично, а что производно. Во время одного из молодёжных фестивалей в России гостей приветствовала Катя *Купина* из села *Купина* Белгородской области. Все пришли в восторг, и никто не задумался, почему это так. *Куна* – один из многочисленных народных вариантов имени *Куприян* (церковная форма этого имени *Киприан*). Очевидно, кто-то из предков Кати носил имя *Куприян*, и он же основал село. Там, где люди подолгу живут на одном месте, неоднократно наблюдались такие явления, когда названия поселений и фамилии жителей образованы от одной и той же основы. Обычно это имя личное первопоселенца.

Вениамин Александрович *Курятков* родился в деревне *Курятковской* Архангельской области. Он объездил полмира, но нигде не встретил своих однофамильцев. Он и не мог встретить их по следующей причине. Архангельская область, наряду с Карелией, – один из районов ранней христианизации населения России. Христианство пришло туда в XII в., когда формы имён в церковных книгах существенно отличались от

современных. В частности, имена *Кир*, *Кирик*, *Кирилл*, *Кирьян* тогда произносились и писались *Кур*, *Курик*, *Курил*, *Курьян*. Каждому из этих имён могла соответствовать сокращённая разговорная форма *Куря* с дальнейшей деривацией *Курята*, *Курято*, *Курятко*. Название деревни образовано от формы *Курято* – *Курятковская*. Фамилия нашего корреспондента обнаруживает дальнейшие ступени словообразования: *Курятко* – сын человека по имени *Курято*, а *Курятков* – сын человека по имени *Курятко*.

В более южные районы страны, в частности, в Тульскую область, где сейчас живёт Вениамин Александрович, христианство пришло позже. Как известно, в XVII в. списки церковных имён были пересмотрены и исправлены. Имена, начинавшиеся на *Кур-*, стали начинаться на *Кир-*. Следовательно, вместо *Куря* стали говорить *Киря* с дальнейшим преобразованием *Кирята*, *Кирято*, *Кирятка*, *Кирятко*. А те формы имён, от которых образованы фамилия нашего корреспондента и название его родного села, оказались оторванными от современных церковных форм.

По данным уральского краеведа А.Г. Мосина, во время переписи населения Приуралья в 1623 г. был учтён крестьянин *Ивашка Захарьев сын Смертков*, живший в починке *Смерткове* на речке Игуме. Опять здесь исходный антропоним. Существует церковное имя *Мертий*. Под влиянием народной этимологии оно превращается в *Смертий*, откуда разговорная форма *Смертко*. Известная фамилия *Смертин*, по-видимому, происходит от другой разговорной формы этого имени – *Смертя*. Изредка встречающаяся фамилия *Смертюков* образована от ещё одной формы этого имени.

В Курской области есть ландшафтный заповедник Стрелецкая степь, один из участков которого называется *Букреевы Бармы*. Есть там и деревня *Букреевка*. Оба названия свидетельствуют о том, что должно было быть и имя *Букрей*. Подтверждением этого служит то, что в Москве в конце XX в. жило свыше 50 семей с фамилией *Букреевы*. Но ни в одном русском и, шире, – славянском словаре нет ничего похожего на слово или имя *Букрей*.

К югу от Оки русские жили в тесных контактах с тюркоязычным населением. Обращаясь к тюркологии, находим тюркское родо-племенное название *Букры*. Кочевое общество

структурировалось таким образом, что каждая мельчайшая ячейка его, связанная родственными отношениями, имела своё родовое имя, которое бережно хранилось. Смешанные браки приводили к тому, что тюркские родовые имена попадали в русские семьи. В результате русификации, становясь именем одного человека, *Букры*, воспринимавшееся русскими как плюраль, могло превратиться в *Букрей*.

Многие тюркские родовые имена были образованы от имён или прозвищ родоначальников. В тюркских языках слово *бѳкре* / *бюкри* значит "горбун". В 1590 г. в Мещёре жил русский помещик по имени *Богдан Беляев Букреев*. В Пермской области в 1623 г. отмечен крестьянин *Ондрюшка Дмитриев сын Букрей*, а в 1678 г. – *Гришка Смирнов сын Букреев*. Е.Н. Полякова допускает возможность образования имени *Букрей* от областного слова *букорь* "застенчивый человек".

Вернёмся к красивому названию *Букреевы Бармы*. *Бармами* в старину называли наплечные и нагрудные украшения великих князей или священников, оплечье, напоминавшее отложное ожерелье. Было и древнерусское имя *Барма*. В частности, *Бармой* звался строитель храма Василия Блаженного в Москве в XVI в. В 1378 г. отмечен митрополичий боярин *Невер Бармин*. В 1545 г. упоминается новгородский крестьянин *Барма*; в 1649 г. – *Федка Барма*, архангельский подьячий.

По семантике слово *барма* приближается к *раменка*, *раменок*, *раменье*, где в основе лежит понятие "плечо" с дальнейшим переносом на особенности ландшафта. У В.И. Даля: «*рамѣнка*, *рамѣнок* 'оплечье, оплечек, часть рубахи и иной одежды, кроющая плечо'; *ра́ма*, *ра́мка* от *ра́мо*, *раменá*, *обра́менье* 'окраина пашни, росчисть в лесу'; *ра́менье* 'лес, окружающий поле'. В Калужской губернии лес нередко зовётся *краем*, т.е. закраиною поля, *раменьем*, а *край* и *рама* – одно и то же». *Букреевы Бармы* представляют собой участки дубового леса, чередующиеся с полями и лугами, со степью.¹

¹ Семантическая близость терминов *барма* и *раменье* весьма сомнительна или нуждается в более развёрнутой и убедительной аргументации. См.: *Барандеев А.В.* Раменское // РЯШ. 2005. № 4. С. 87–91; *Добродомов И.Г.* И ещё раз к этимологии рус. рамень(е) // Этимология 2003–2005. М., 2007. С. 51–73; *Куркина Л.В.* Ещё раз к этимологии рус. рамень(е) // Этимология 1997–1999. М., 2000. С. 77–87. – *Прим. ред.*

Таким образом, анализ имени *Букрей* приводит к выявлению не засвидетельствованного словарями обозначения типа ландшафта *бáрма, бáрмы*.

Виктор Геннадьевич *Ившин* из Вятского края в поисках происхождения своей фамилии обнаружил деревню *Ившины*. И фамилия, и топоним происходят от имени *Ивша* с характерным новгородским суффиксом *-ша*, что совершенно естественно, поскольку колонизация северо-восточных земель шла из Новгорода. Имя *Ивша* – это народная форма таких церковных имён, как *Иван (Иоанн), Иов, Иона, Иоиль*. Показательно и следующее: название деревни *Ившины* имеет форму множественного числа. В суровых условиях Севера обосноваться одному человеку было трудно: выживали крупные семейные ячейки; одиночки примыкали к большим семьям на правах работников, нередко числились под общим семейным именем. Названия поселений отражали именно множественность поселенцев, составлявших единое целое.

Другой пример названия деревни Вятского края – *Фалёнки*. То же множественное число. Так же топоним восходит к антропониму: *Фалёнок* – младший сын или внук человека по имени *Фаля*, которое является домашней формой православного имени *Фалалей*. *Фалёнки* – потомки Фалалея.

Вблизи Санкт-Петербурга есть поселение с изящным названием *Шушары*. Оно столь эмоционально насыщено, что вошло во многие стихотворения, а Алексей Николаевич Толстой дал крысе из сказки «Золотой ключик, или приключения Буратино» кличку *Шушара*. В тех же местах встречается фамилия *Шушарин*, что укладывается в ту же модель: и фамилия, и географическое название образованы от одного и того же имени, в данном случае – *Шушара*.

Возможны разные объяснения этого имени. При этом не следует забывать, что исконное местное население региона – финно-угорское, а в их языках звук *с* произносится мягко и шепеляво, напоминая мягкое *ш*. *Шушара* может быть производным от имени *Шуша* – сокращённой формы женского церковного имени *Шушаника* (иначе *Сусанна*). Впрочем, у М.Н. Тупикова отмечено и мужское имя *Шушаник*: *Семень Шушаникъ, полоцкый сельчанин*, 1601 г. *Шуша / Шушара* может быть производным от старого церковного мужского имени *Сухий / Исухий*, современное *Исихий*.

Наконец, имя *Шушара* может быть не церковным, а светским: М. Фасмер приводит в своём словаре слово *сусара* – медленно и невнятно говорящий человек.

А вот с гидронимами дело обстоит как раз наоборот: кажущийся в их основе антропоним часто оказывается мнимым. На территории нашей страны существует несколько речек с названиями *Терешка* или *Терёшка* (по письменным источникам определить невозможно из-за упрямого нежелания печатать *ё* в топонимах). Первая ассоциация названия – с именем *Терентий* и его разговорными формами *Тереша* / *Терёша*, *Терешка* / *Терёшка*. Но откуда взялось столько Терентиев, давших своё имя рекам, одна из которых (правый приток Волги, впадает выше Саратова) достаточно большая? В разных местах страны существует несколько населённых пунктов с названиями *Терешки* / *Терёшки*, *Терешкино* / *Терёшкино*, *Терешковка*, *Терешково*. Здесь образование названия поселения от имени первопоселенца естественно. Но по названиям поселений именуется только небольшие речки.

В словаре Э.М. Мурзаева толкуется гидронимический элемент *терек*. В ряде тюркских языков слово *терек* значит "тополь". Но едва ли большие реки назывались по нескольким тополям, росшим на их берегах. Есть другая тюркская лексема, похожая на эту, – *тера* / *тере* / *терей* / *терек* со значением "живой, подвижный", что ближе к гидронимической семантике – вода в реках живая, подвижная. Существуют тюркские родо-племенные названия *терек* и *кереш*. В ряде русских говоров мягкое *к* легко переходит в *т*, т.е. *кереш* может стать *тереш*. Дальнейшая русификация с помощью суффикса *-ка* даёт форму *Терешка*. Народная этимология сближает название реки с русским именем *Терентий*.

Названия рек тесно связаны с родо-племенными названиями. Кочевое общество, жизнеспособность которого обеспечивалась наличием скота, селилось по берегам водоёмов, главным образом рек. Если река была хорошо известна и имела своё название, поселившаяся на ней родо-племенная общность могла получить своё индивидуальное название по этой реке. Наоборот, если река не имела общеизвестного названия, она могла получить его по имени разместившейся на её берегах родо-племенной структуры.

По-видимому, нечто подобное произошло с реками Терешками, названными по именам родо-племенных подразделений *терек* / *кереш* / *тереш*. Русско-тюркское двуязычие, русификация и народная этимология довершили процесс вхождения непонятных, а потому видоизменённых гидронимов в русскую топонимическую систему.

Литература

- Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882; переизд. М., 1978–1980.
- Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий. Т. 1–2. М., 1994.
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. Т. 1–2. М., 1999.
- Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.
- Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987.

ЗВЕНИГОРОД, БЕЛГОРОД, НОВГОРОД, ВЫШГОРОД

А.Л. Шилов

Звенигород

Звенигород – город на Москве-реке к западу от Москвы. Ранние его письменные упоминания содержатся в завещаниях Ивана Калиты 1336 г. и его сына Ивана 1359 г. [6, с. 7, 15] и списке «А се имена всем градом руским далним и ближним» 1375 г.¹ [1]. По летописям известен с 1382 г. (в связи с разорением татарским ханом Тохтамышем) [18, Т. 25, с. 209].

В XIV в. *Звенигород* представлял собой поселение на высоком левобережном холме в излучине Москвы-реки с укреплениями, состоявшими из рва, вала и бревенчатой стены с башнями (сейчас это место называется *Городок*). В XIV–XVI вв. он являлся важным опорным пунктом на западных подступах к Москве. В 1339–1492 гг. был центром Звенигородского удельного княжества. Расцвет города приходится на 1389–1434 гг., период княжения второго сына князя Дмитрия Донского – Юрия Дмитриевича, при котором Звенигород был обнесён мощными оборонительными

¹ Датировка неточна. Относительно последней даты см.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С.87, 357–359. – *Прим. ред.*

валами и дубовыми стенами; в нём был выстроен Успенский собор (1399 г.). В 1398–99 гг. в 1,5 км западнее *Городка* на Сторожевой горе был основан Саввино-Сторожевский монастырь. В царствование Алексея Михайловича монастырь использовался как его загородная резиденция. Городом *Звенигород* утверждён в 1781 г. при образовании Московской губернии.

В исторической, краеведческой (особенно) и топонимической литературе до сих пор популярно мнение Б.А. Рыбакова о возникновении Звенигорода в середине XII в. в результате градостроительства Юрия Долгорукого, «когда в Суздальской залесской стороне возникали Переяславли и Вышгороды, а реки получали южные имена (Трубеж, Лыбедь и др.)» [23, с. 125] (позднее эта мысль была повторена им в монографии «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII в.» [24, с. 549]).

Некоторые авторы даже обосновывают гипотетическую дату постройки *Звенигорода* конкретными историческими обстоятельствами. Так, говоря о нападении волжских булгар в 1152 г. на «Суждальскую землю», Ю.А. Лимонов пишет: «Этот поход вызвал вновь усиление строительства городов, их украшение и укрепление. Характерно, что именно в этот период заложены такие крепости, как Звенигород на Москве-реке, Кидекша, прикрывавшая княжескую резиденцию – Суздаль, Юрьев Польский – опорный центр ополья...» [11, с. 21–22]. Но какая связь могла существовать между постройкой Звенигорода и болгарской угрозой, если в 1107 г. булгары Клязьмой дошли лишь до Суздаля, где и были разбиты, а в 1152 г. – Волгой до Ярославля (с тем же исходом). Вообще нападавшей стороной чаще были не булгары, а русские [9]. Кстати, сам же Лимонов ниже (с. 24) пишет о превращении в 1153 г. Москвы в *пограничную* крепость, в форпост *на границе* со Смоленской землёй. Это согласуется с исследованиями Насонова [13, карта между сс. 160–161], который не только не показывает Звенигорода, но и проводит западную границу Ростово-Суздальской земли по Москве-реке *восточнее* будущего Звенигорода. Не мог же Юрий строить крепость на земле, ему не принадлежащей!

Дату 1152 г. приводят и В.А. Никонов [16, с. 146], и Е.М. Поспелов [19, с. 11]. Впрочем, впоследствии Е.М. Поспелов [20, с. 100–101] отказался от этого, указав, что в письменных источниках название Звенигорода до XIV в. не встречается.

То, что значительное поселение здесь существовало и раньше, сомнению не подлежит, об этом однозначно говорят археологические данные [2, с. 207; 3]. Но вот то, что город с таким *названием* был основан Юрием Долгоруким в середине XII в., ничем не подкрепляется. Напротив, в летописных сообщениях о татарском нашествии (Батый, Неврюева рать, Дюденева рать), тщательно фиксирующих названия разорённых татарами городов, *Звенигорода* нет, а есть лишь волжские *Волок Ламский*, *Дмитров*, *Тверь* и окские *Коломна* и *Козельск*. В XIII в. источники не называют вообще каких-либо населённых пунктов между *Москвой* и *Волоком Ламским* [8; 10] (в географическом указателе к [18, Т. 39] *Звенигород киевский* известия 1187 г. ошибочно соотнесён со *Звенигородом московским*). Так что городок с именем *Звенигород* возник, видимо, не ранее рубежа XIII–XIV вв.

А если так, то в воздухе повисает и весьма популярная версия о перенесении этого названия из Южной Руси (для XIV в. такое предположить затруднительно, если не невозможно). Впервые эта версия была выдвинута в середине XVIII в. В.Н. Татищевым [27, с. 44]. Аналогичным образом высказался В.И. Даль в статье 1852 г. [5, Т.1, с. XLVII]. Он ставил *Звенигород* в ряд с названиями *Переяславль*, *Владимир*, *Галич*, *Стародуб*, перенесение которых с юга, по его мнению, сомнения не вызывает (заметим, однако, что сомнений не вызывает лишь перенесение ойконимов *Переяславль Рязанский* и *Переяславль Залесский*, каждый – со «своей» речкой *Трубеж*). Это мнение разделяют многие современные исследователи (В.П. Нерознак [14], Е.М. Поспелов [19, с. 12; 20, с. 101; 21, с. 90]). Но заметим, что схожие названия различных местностей и населённых мест могут возникать и от сходных природных условий или обстоятельств их возникновения. Укажем же иные *Звенигороды* в древнерусских землях (присвоив подмосковному Звенигороду № 1):

2. *Звенигород киевский* (ниже Киева по Днепру), известный по летописям с 1097 г. [18, Т. 2, с. 234].

3. *Звенигород* (у Карамзина подчас – *Дзвиноград* [7, с. 62], ср. с № 5) *галицкий* (Червенский) на р. Белке в левобережье верховьев Днестра к юго-востоку от Львова. Известен с 1086 г. [18, Т. 1, с. 206].

4. *Звенигородка* – село на р. Гнилой Тикич в левобережье Южного Буга. В.А. Никонов указывает с. *Звенигородка* в

Правобережной Украине рядом с горой *Звенигора*, а В.П. Нерознак – *Звенигородку* у р. *Звенигородка* в басс. Южного Буга. Похоже, что это один и тот же объект.

5. *Звенигород* (в польских источниках – *Dzwinogrod*) на р. *Звинячка* (*Дзвинячка*) меж Серетом и Збручем – левыми притоками Днестра. Видимо, этот пункт указан в списке [1] в числе «польских» городов. Раскопками здесь вскрыто древнее славянское поселение.

6. *Звенигород* – бывшее поселение близ г. Бережаны Тернопольской обл. на р. Золотая Липа – левый приток Днестра.

7. *Звенигород* – с. близ г. Бучач Тернопольской обл. на р. Стрыне – правый приток Днестра. О последних трех объектах см. [2, с. 209–211].

Известен ещё *Звеньгород* в Болгарии. Реконструкцию же польск. *Zmigród* > *Żmigród* (*Жмигруд*) на р. Барич, правый приток Одры к северу от Вроцлава) в форме **Zwnigród* [31] С. Роспонд считает ошибочной [22, с. 52].

Но даже в случае перенесения (сомнительного, как мы видим) названия из Руси Киевской на Русь Залесскую (Ростово-Суздальскую), а не использования устоявшейся архаичной модели для именованя нового города исходное название *Звенигород* требует разъяснения. Фактически все исследователи усматривали в первом компоненте названия того или иного рода производные от *звенеть*. «Внешняя форма топонима вполне прозрачна: он образован соединением двух корней – *звен-/звон-* и *город*, что послужило поводом для закрепления его «звонкого» образа в народно-поэтическом сознании... Действительно, в названии города слышится звон, но мы пока не знаем откуда он» [2, с. 205]. Многие учёные (В.А. Никонов, С. Роспонд, М. Фасмер, В. Ташицкий, [16; 22; 28; 31]) здесь усматривали именно звон как таковой (равно как и авторы гербов Звенигорода 1781 г. и второй половины XIX в., изобразившие на них колокол). Полагалось, чтобы в момент приближения врагов в городе звонили колокола, извещая окрестное население об опасности. Кстати, лишь В.А. Никонов [15, с. 94–95] обратил внимание на то, что форма *Звенигород* (не от *звон*, а от *звенеть*) в этой версии подразумевает императивную конструкцию, вообще крайне редкую в славянской ойконимии – особенно если исключить поздние отымённые топонимы типа *Урвихвост*, *Залейвода* и учесть этимологическую неясность образований типа

Деригород, Стремигород на Украине, *Згориград* в Болгарии. В.А. Никонов задаёт вопрос: как и почему из императива смогли возникать топонимы и что они означали, и высказывает осторожное предположение, что императив выполнял здесь функцию определения.

К этому добавим, что всякий древнерусский город имел церкви с колоколами, и непонятно, почему именно тем или иным городам (Звенигородам) была приписана функция сторожевого звона. Не удивительно, что некоторые исследователи (В.П. Нерознак, Е.М. Поспелов, А.В. Барандеев) критически относятся к звеняще-колокольной версии, не находящей аналогий в русской топонимии. В.П. Нерознак полагает, что название *Звенигород* было связано с названием реки с основой *Звен-* [14, с. 76–77]. Е.М. Поспелов [21] считает, что в основе ойконима может лежать личное имя (*Звенислав, Звенимир*) или же гидроним (ср. реки *Звинеч, Звиняка, Звенига*). А.В. Барандеев склоняется к гидрографической версии: «Как известно, во многих случаях древнерусские города получали свои имена по названиям рек, на которых они “ставились”, или по особенностям гидрорельефа местности. Звонкий, шумный характер течения рек вполне мог отразиться в названиях городов, что

Звенигород московский. Успенский собор на Городке. Фото А.А. Герцена

хорошо согласуется с предметно-конкретным мышлением наших далёких предков» [2, с. 213].

По поводу этих версий мы можем сказать следующее. Названия древнерусских городов от личных имён образовывались исключительно с помощью суффикса *-ъь* (а не сочетанием со словом *город*), ср. *Всеволож*, *Володимерь*, *Дорогобуж*, *Дорогожич* (< *Дорогожит*), *Перемышь* (< *Перемысл*), *Ярополч* (< *Ярополк*), *Збыраж* (< *Збырад*), *Домагощ* (< *Домагост*), *Переяславль*, *Богуславль*, *Дедославль*, *Мстиславль*, *Ярославль* и т.п. Впрочем, название г. *Миргород* (возникновение относят к XVI в.) на р. Хорол (правый приток Псла, левый приток Днепра) также возводят к двусловному имени типа *Мирослав* [21, с. 121]. Но почему, опять-таки, не *Мирославль*?

В России «именные» ойконимы с компонентом *город* стали спорадически возникать лишь с конца XV в. Так, *Иван-Город* на Нарве основан Иваном III в 1492 г. и назван его именем. Существовал также *Ивангород* (*Себеж*) в Псковской обл. Название поселения *Себеж* (по озеру) известно с 1414 г. В 1535 г.

Звенигород московский. Саввино-Сторожевский монастырь.
Фото К.А. Добрынина

в нём была заложена крепость с церковью Усекновения главы Иоанна Предтечи. При освящении церкви город был назван *Иван-город-на-Себеже* (в честь Ивана IV), но это название не прижилось. С 1551 г. был известен и *Ивангород* в Поволжье (также в честь Ивана IV), ныне Свияжск. Изначально *Василь-городом* назывался Васильсурск (ныне *Василь*): «При слиянии Волги и Суры государь Василий [Василий Иванович, сын Ивана III – *А.Ш.*] воздвиг крепость и назвал её по своему имени Васильгородом» [4, с. 90].

Теперь о городах с «речными» именами. В восточнославянской ойконимии для отгидронимных образований характерны были модели с нулевым суффиксом (*Олонец, Москва, Тула, Кемь*), либо с заменой финали *-а* на *-ъ* (морфологическое согласование по роду с географическим термином *город*: *Пскова – Псковъ*), либо с суффиксом *-ескъ* (*Курск, Витебск, Полоцк*) [22], но никак не с компонентом *-город*. Кроме того, близ *Звенигорода* нет никакой реки со «звонящим» названием.²

Итак, как «именная», так и «речная» версии оказываются несостоятельными, вступая в противоречие с принципами номинации древнерусских городов. Для решения вопроса, по нашему мнению, вначале следует обратиться к типологии древнеславянских названий с компонентом *-город*. Таких по сути дела имеется всего три, причем они характерны практически для всех славянских стран.

Белгород

Значение названия прозрачно – «белый город», но его мотивировка во многих случаях остаётся невыясненной. Наряду с названиями, мотивированными цветом городских укреплений (из известняка), возможны и названия, в которых *белый* означает «свободный (от тех или иных податей)» или даже «западный» (в восточной системе цветовых обозначений стран света). На Руси были известны:

1. *Белгород рязанский* – к востоку от Старой Рязани, на месте с. Городище при р. Кишне – левый приток Оки [13, с. 182]. Со-

² Ср. нашу аргументацию в [2, с. 213]. – *Прим. ред.*

гласно [7], в Никоновской летописи упоминается под 1155 г. (с. 338); под 1208 г. – Всеволод сжег Рязань и Белгород (с. 423); под 1237 г.: татарами разорены до основания Пронск, Белгород, Ижеславец (после чего взята Рязань) (с. 508).

2. *Белгород тульский*. Нерознак отождествляет его с Белгородом – городом в Рязанской земле, упоминаемым в летописях под 1208 г. [14], что явно ошибочно (летопись, конечно же, говорит о Белгороде Рязанском, № 1). Тульскому Белгороду, согласно Нерознаку, соответствует с. Белгородище бывшего Веневского уезда Тульской обл.

3. *Белгород волжский (смоленский)*. Упоминается в летописях под 1375 г. (Белгород, Белгородок) [18, Т. 39, с. 116], наряду с Зубцовом и Старицей.

4. *Белгород курский* на Северском Донце. Основан в 1596 г. на *Белгородье*, т.е. на месте бывшего города с тем же названием [20].

5. *Белгород киевский* – на р. Ирпень близ Киева. В летописях с 980 г. [17, с. 129]. Ныне Белгородка.

6. *Белгород-Днестровский*. В русских летописях под именем

Белгород-Днестровский. Фото А.Г. Перстнёва

Белгород известен с 1482 г. [14]. Согласно [21], основан в IX в. У венгров был известен (в начале XIII в.) как *Фехервар* «белая крепость», по-молдавски *Четатя-Албэ* (XV в.), по-турецки – *Аккерман* «то же» (в 1484–1944 гг.).

7. *Белгород нижегородский*. В 1404 г. была известна *волость Белгородская*.

Новгород

Значение ясно – «новый город» (как таковой или по отношению к какому-то иному городу).

1. *Новгород Великий*. В летописях впервые назван под 862 г., что выглядит интерполяцией летописца в более ранние времена (о времени возникновения города и его названия см. [30, с. 7–15]).

2. *Новгород-Северский* в Черниговской области Украины (*Новгородъ Святополчь*) – *Новый Город* в 1095 г., *Новагород* в 1146 г. [14].

3. *Нижний Новгород* на Волге, с 1221 г. [14].

Новгород Великий. Юрьев монастырь. Фото А.Г. Перстнёва

4. *Новоград-Волынский* (1257 г. – *Возвягель*) – с 1796 г. Житомирская обл. Украины [21].

5. *Новгородок на Осетре* (XIV–XV вв.), ныне Зарайск [1; 20].

6. *Новъгородокъ Литовский* 1225 г. [14] – летописный *Новый городок Литовский* (1116 г.) в Польше, ныне – райцентр Гродненской области Белоруссии *Новогрудок* [21].

Название *Новгородок* мы встречаем также в списке [1] в перечне Залесских городов. Русские названия *Новгородокъ* (с добавлением *немецкий*) известны также из летописей как кальки названий *Нейгаузен на Пивже* (1370 г.) и *Нейшлосс* в Финляндии (1377 г.). *Новгородам* подчас (хотя и не всегда) соответствуют парные *Старгороды*, ср. *Нова-* и *Стара-Градишка*, *Нови-* и *Стари-Град*, *Стари-Градац* в Хорватии, *Старгард* в Польше, *Нове-* и *Старе-Место* в Чехии, *Старгород* на Украине.

Вышгород

С. Роспонд [22, с. 51] отмечает, что это одно из самых частых «культурных» названий со значением «город, расположенный на холме, чаще над рекой». Е.М. Пospelов [19, с. 23] определяет его как «верхний замок, крепость, детинец», т.е. резиденция феодала, находящаяся на горе. Исторический словарь русского языка для слов *вышегородъ*, *вышеградъ* указывает значение "крепость на возвышенности или вблизи города" [25, вып. 3, с. 276]. Таким образом, слово *вышгород* стало географическим термином. См. употребление слова *вышгород* в летописях по отношению к крепостям (кремлям) нерусских городов.

Новогрудок. Фото А.А. Герцена

1. *Вышгород (Выжгород) рязанский* – на правом берегу Оки при впадении Раки близ Старой Рязани [13, с. 182].

2. *Вышгород протвинский* на р. Протва. Известен с 1351 г. [18, Т. 39], ныне – дер. Нарофоминского р-на [20]. Упомянут в списке [1].

3. *Вышгород яхромский*. В [19, с. 23] говорится, что поселение существовало в IX–XI вв., а ныне от него осталось лишь городище. Но Вышгород на Яхrome упоминается в документах 1389, 1481 и 1486 гг. [6, с. 34, 272, 315]. Кстати, Яхромский и Протвинский Вышгороды подчас не различаются историками [12, прим. 39].

4. *Вышгород тверской* – ныне деревня на р. Осуга (пр. пр. Тверцы).

5. *Вышгород волжский* – ныне дер. на Волге в Селижаровском р-не Тверской обл.

6. *Вышгород псковский* – на р. Лодь. Основан в 1476 г.

7. *Вышгород новгородский* – на р. Уза, приток Шелони. Назван в списке [1]; в IV Новгородской летописи упомянут под 1404 г. По косвенным данным основан в 1239 г.

8. *Вышгород днепровский (киевский)* – княжеская резиденция на Днестре, выше Киева. В летописях с 946 г. [18, Т. 1, с. 60; 17, с. 113]. Назван как *Вусеград* в сочинении (ок. 952 г.) византийского императора Константина Багрянородного.

Справедливости ради назовём некоторые позднейшие названия, образованные по той же модели. *Буйгород* (*буй* – "открытое, высокое место"): *Буйгород Волоколамский* – село в Волоцком уезде 1497 г. [6, с. 349] на Бугородке – притоке Сестры; *Буйгород Костромской* на р. Векса. *Райгород* – название ряда населённых пунктов в Польше, Подолии, на Волыни; ср. слав. – *рай* "сад" [16, с. 349].

Итак, в большинстве случаев первым компонентом подобных названий являлось прилагательное, реже – существительное, но никак не отглагольное образование. В древности же первый компонент названий с элементом *-город* содержал исключительно прилагательные: *новый, белый, вышний*. Так, может быть, существовало и **звеньи*? Мы полагаем, что в случае *Звенигорода* выйти из заколдованного круга может помочь отвлечение от глагола *звенеть* (и производных *звон, звонкий*). Обратим внимание на слово *звено*.

М. Фасмер приводит [28, с. 86–87]: *звено* "член, часть чего-либо", укр., болг. *звено*, польск. *dzwono*, в.-луж. *zwyjono*, н.-луж.

zweno, полаб. *zvenii* "обод (колеса)", польск. *dzwona* "кольца змеи". К этому приведём польский гидроним в басс. Вислы *Dzwoŋny Rów* "круглый ров (проток)". В [25, с. 349–350] слово *zweno* определяется следующим образом:

1. Кусок крупной рыбы во всю её толщину [т.е. круглый кусок – *А.Ш.*] 1587.

2. Кусок, часть чего-либо 1683.

3. Моток пуха, шерстяной пряжи (?) 1642.

4. Звено цепи, связи 1589.

5. Часть стены, забора между двумя столбами или башнями 1662.

6. Часть (участок) засеки 1685.

7. Часть рыболовного угодья: *zweno реки Воронежа да звено реки Дону* 1615. (Думается, что здесь имелись в виду излучины, ибо прямые речные участки именовались *плёсами*).

Словарь [26, с. 1142–1143] для слова *zweno* (среди иных прямых и переносных значений) даёт значение "отдельная составная единица в цепи; **кольцо**". Из всего этого мы можем извлечь значение "кольцо, нечто округлое по форме".

Следует напомнить, что топонимия (как и народная географическая терминология) – это особая область лексики, в которой те или иные лексемы могут выступать не в основном своём значении, а в переносном (метафорическом). Приведём лишь несколько примеров из географической лексики Русского Севера: *толстик*, *толстой мыс* (м. *Толстик*, м. *Толстый наволок*) "высокий мыс с приглубой водой"; *топорня* (г. *Топорная*, оз. *Топорное*) «земля на месте вырубленного леса»; *спорная вода* (пор. *Спорный*) "место встречи, сбива струй (на пороге, в устье притока)"; *сковорода* (руч. *Сковородный*, пор. *Сковородка*) «плоская подводная мель»; *голомя* (о. *Голомянный Борщевец*, *Голомянные луды*) "водное пространство вдали от берега"; *река* (о. *Речной*) «пролив между островом в озере и материковым берегом» [29].

Таким образом, и слово *zweno* в составе ойконимов могло сохранить (или развить) устойчивое значение округлости. Посему мы полагаем, что название *Звенигород* (< **Звеный город*) могло означать "город на холме округлой формы (или находящийся в петле реки)" или же "город, укрепления которого образовывали округлую (а не угловатую) фигуру". Даже сейчас видно, что первому варианту отвечает холм, на котором находился *Городок* –

предшественник современного подмосковного *Звенигорода*. Типологически сравните со *Звенигородом* (от *звено* «кольцо, петля») названия городов: *Выру* в Эстонии – из эст. *võru* "кольцо" [21, с. 69], столицы Латвии *Rīga*, по-литовски – *Ringa*, от *ringe, ringis* "излучина, речная петля" (излучина бывшей реки Ригасупе) [20, с. 154], американского города *Сёркл* – от *circle* "круг".

Иное дело, что со временем эта модель могла быть забыта в силу утраты словом *звено* исходного значения (даром что мы позже не видим новых *Звенигородов*, хотя видим всё новые *Новгороды*, *Белгороды*, *Вышгороды*) и соответствующие названия стали в народном (а затем и в учёном) сознании ассоциироваться с понятием звона.

Литература

1. А се имена всем градом рускым, далним и ближним // НПЛ. № 17. С. 475–477.
2. *Барандеев А.В.* История с географией в терминах. М., 2005.
3. *Бояр О.П., Краснов Н.А., Краснов Ю.А.* Звенигород. М., 1974.
4. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3; М., 1993. Т. 5.
8. *Кучкин В.А.* Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 95–112.
9. *Кучкин В.А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой трети XIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975.
10. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
11. *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
12. *Назаров В.Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география России, XII – начало XX в. М., 1975.
13. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб., 2002.

14. *Нерозник В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
15. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.
16. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
18. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.; СПб., 1908. Т. 2; М.; Л., 1949. Т. 25; М., 1994. Т. 39.
19. *Поспелов Е.М.* Названия подмосковных городов, рек и озёр. М., 1999.
20. *Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
21. *Поспелов Е.М.* Историко-топонимический словарь России. М., 2000.
22. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
23. *Рыбаков Б.А.* Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12.
24. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII в. 2-е изд., доп. М., 1993.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.
26. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1955. Т. 4.
27. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1995. Т. 3, ч. 2.
28. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2.
29. *Шилов А.Л.* Топонимический заповедник // РР. 1996. № 4. С. 92–97.
30. *Шилов А.Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
31. *Taszycki W.* Nazwa miejscowa *Żmigród* // Język polski. 1947. Т. 27.

Раздел III ПРИКЛАДНАЯ ОНОМАСТИКА

О ПОЛЬЗЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ ПРАВИЛ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ ДЛЯ ОРФОГРАФИИ ТОПОНИМОВ

А.В. Барандеев

Эффективность прагматического функционирования топонимов в современном социуме предъявляет к ним вполне конкретные требования (чёткая адресность, негромоздкость, прозрачность внешней формы, эстетическая благозвучность и др.), среди которых социально значимым является требование стабильной орфографии, адекватно согласуемой с действующими языковыми нормами. Поэтому не случайно проблемы орфографии топонимов неоднократно обсуждались в отечественной лингвистической литературе, особенно активно в начале 60-х гг. XX в., в период намечавшейся, но так и не состоявшейся, к сожалению, реформы русского правописания [13; 16; 22; 23]. Деятельность Орфографической комиссии ИРЯ АН СССР в 60-е гг. была достаточно продуктивной, о чём убедительно свидетельствуют подготовленные ею конструктивные «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» (М., 1964) и «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)» (М., 1965). Эти предложения до сих пор не утратили своей актуальности и возможностей практической реализации.

По мере развития литературных языков периодически возникает объективная потребность в изменении отдельных написаний, отражающих прошлое состояние языка и тем самым противоречащих современным нормам, что затрудняет практическое освоение родного языка и тем более – иностранного. Особую актуальность данная проблема приобретает для языков, в орфографии которых ведущим является традиционно-исторический принцип, например, в английском и французском. Естественно, общество в целом и его

отдельные представители могут по-разному реагировать на предлагаемые изменения: принимать их полностью, частично или не принимать вообще. Так, в последнее десятилетие внесены изменения в немецкую и французскую орфографии [4; 5; 8; 14; 18, с. 27–29; 20; 25], причём представители старшего поколения немецкого общества оценили нововведения резко негативно.

В целом орфографические изменения затрагивают преимущественно сферу нарицательной лексики, хотя в отдельных случаях им подвержены некоторые пласты лексики ономастической. Примечательно, что достаточно безболезненно в недалёком прошлом в русском языке была изменена орфография некоторых иноязычных топонимов, согласованная с действующими транскрипционными нормами: *Амударья*, *Сырдарья* (вместо прежних *Аму-Дарья*, *Сыр-Дарья*); *Лос-Анджелес* (вместо прежнего *Лос-Анжелос*).

Последние во времени транскрипционно-орфографические изменения в структуре топонимов заключаются в следующем: *залив Кызылагъдж* (Каспийское море, Азербайджан) – с 1991 г. (вместо старого *Кызы'л-Агъч*); г. *Алматы'* (вместо старого *Алма-Ата*), г. *Кызылорда* – с 1997 г. (вместо старого *Кзыл-Орда*), аналогично – *Кызылординская обл.* Форма топонима *Таллинн*, принятая в 1989 г. Эстонией на своей территории для всех русскоязычных изданий, справедливо отвергнута в современном русском языке, для которого нехарактерно удвоение согласных в конце слов. Поэтому в русской топонимической системе топоним продолжает функционировать в традиционной форме – *Таллин*. Ср. также: г. *Страсбу'р* (ист. обл. Эльзас, Франция) < совр. фр. *Strasbourg*, но под влиянием немецкого языка топоним в русском языке также употребляется в традиционной форме – *Страсбург* < нем. *Strasburg*, восходящей к пушкинской эпохе. В тексте романа «Евгений Онегин» фигурирует название модного французского кушанья «Страсбурга пирог нетленный» (1-я гл., XVI стр.), а в послании «К Щербину [М.А.]» (1819 г.) – оттопонимное прилагательное «страсбургский пирог».

К сожалению, транскрипционно непоследовательными продолжают оставаться формы отдельных иноязычных топонимов, функционирующих в современном русском языке, поскольку такие формы базируются то на переводе, то на транскрипции. Например, г. *Франкфурт-на-Майне*, г. *Франкфурт-на-Одере* (Германия); но г. *Стратфорд-он-Эйвон* (на р. Эйвон, Великобритания),

г. *Сток-он-Трент* (на р. Трент, там же). На наш взгляд, для топонимов данного типа традиционно предпочтителен перевод, позволяющий системно соотнести их с русскими топонимами, образованными по древнерусской модели *город-на-реке*, законсервированно представленной и в современной русской топонимии [3, с. 215–220]. Примечательно, что в авторитетном «Новом англо-русском словаре» В.К. Мюллера (14-е изд. М., 2007. С. 923) даны и переводная форма – *Стрэтфорд-на-Эйвоне*, и транскрипционная – *Стрэтфорд-он-Эйвон*.

В 2006 г. опубликована новая редакция (действующих! – нон-сенс) «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., оформленная в виде полного академического справочника, который подготовлен Орфографической комиссией РАН и заодно ею же, как указано на титульном листе, одобрен – без участия независимых экспертов-рецензентов. Логичнее было бы ожидать на титульном листе указания на то, что правила в новой редакции общеобязательны для всех пишущих на современном русском литературном языке. На обороте титульного листа указаны шесть авторов новой редакции, но не указано, какой раздел «отредактирован» каждым из них.

Непрофессиональная организация обсуждения проблем правописания в СМИ, в частности в виде беспомощных телешоу, отсутствие принципиальных дискуссий в филологических изданиях – всё это не способствует адекватному пониманию сущности новой редакции «Правил...» в обществе в целом и даже в среде филологов. Некоторые из них наивно полагают, что произошла реформа русского правописания, или считают новую редакцию новым сводом «Правил...» [19]. Запоздалые комментарии слабо проясняют сущность проблемы [6].

В процессе подготовки новой редакции «Правил...» не была всесторонне учтена лингвистическая литература, посвящённая нерешённым вопросам орфографии топонимов [1; 2; 3, с. 194–204; 7 и др.], вследствие чего формулировки некоторых правил в новой редакции оказались противоречивыми и неубедительными, лишёнными логики. По этой же причине отдельные справочники по правописанию, вышедшие после новой редакции «Правил...», продолжают тиражировать ошибки. Например, в новейшем издании справочника Д.Э. Розенталя приводятся необоснованные написания «ложных» географических терминов со строчной буквы:

«<...> *Кузнецкий мост, Земляной вал* (улицы), *Никитские ворота* (площадь) <...>» [17, с. 20], что противоречит установкам новой редакции «Правил...» (§ 169, прим. 1) [15, с. 172].

К сожалению, правописание топонимов не выделено в новой редакции «Правил...» в специальный раздел, а рассеяно среди правил слитного, дефисного, раздельного написания и правил употребления прописных и строчных букв [15, с. 131–134, 171–176]. Тем не менее в лингвистической литературе неоднократно указывалось на целесообразную необходимость наличия такого раздела со ссылкой на обоснованный прецедент в «Українському правописе» (Київ, 1960) [12, с. 50; 1, с. 83; 2, с. 14]. Следовало также учесть удачный опыт компактно-систематизирующей подачи правил орфографии топонимов в некоторых действующих справочниках для работников печати [21, с. 40–46].

Неудачной представляется не только структура подачи правил орфографии топонимов в новой редакции, но и трактовка некоторых из них. Абсолютно нелогичным, на наш взгляд, является примечание к п. 2 § 125, в котором постулируется правописание топонимов с первыми компонентами *Старо-*, *Ново-*, *Верхне-*, *Нижне-* и т.п. Согласно данному примечанию, «первая часть *Ново-* может писаться в таких названиях как слитно, так и через дефис, напр.: *Новомосковск, Нововязники*, но: *Ново-Переделкино, Ново-Косино, Ново-Огарёво*» [15, с. 131], хотя ранее авторами новой редакции «Правил...» в данном случае предлагалось *только слитное* написание [11, с. 242]. Остаётся неясным, на основании какого критерия топонимам, приведённым в качестве примеров (а значит, и всем подобным?), дана привилегия быть написанными как слитно, так и через дефис. Такое примечание (исключение?) в итоге расшатывает единое устоявшееся правило, требующее только слитного (цельнооформленного) написания топонимов указанного типа во всех источниках, в том числе на географических картах с 1960 г.

По-видимому, в формулировке данного примечания отражено активное, но беспочвенное стремление отдельных авторов новой редакции «Правил...» «умягчить [*устар. и разг. – А.Б.*] нравы русской орфографии», поскольку, по их мнению, «они до фанатизма жёстки». Для этого бездумно предлагается широко внедрить варианты написаний, что якобы «поможет избавиться от проявления «самодурства» ревнителей строгой орфографии» [10, с. 406, 411; 9].

Не лучше ли в таком случае следовать рекомендациям В.К. Третьяковского, предлагавшего писать «по звонам»? Тогда получится совсем просто: «как слышим, так и пишем». Некорректно рассматривать современную орфографию по признаку строгости / нестрогости, поскольку орфография строга к полуграмотным носителям языка, грамотные почти не задумываются над написанием слов, доводя процесс письма до автоматизма или полуавтоматизма. Необходимо понимать логику правил орфографии и уметь их осознанно применять, чему и нужно качественно учить в школе и вузе, не забывая квалификации, данной М.В. Пановым русской орфографии: «И всё-таки она хорошая!»

Согласно § 175 «Правил...», «названия станций метро, остановок наземного городского транспорта заключаются в кавычки <...>» [15, с. 175]. В этом нет никакой необходимости, учитывая, что кавычки в непунктуационной функции используются как знак привлечения дополнительного внимания к словам, употреблённым в несвойственном им значении или в особой функции (подробнее об этом см. [24]). Против употребления кавычек в данной категории топонимов свидетельствует и тот факт, что однотипные с ними названия наземных железнодорожных станций пишутся без кавычек (ср. ж.-д. ст. *Москва-Пассажирская*, ст. метро *Проспект Мира*), что последовательно отражено в топонимическом словаре-справочнике «Улицы Москвы. Старые и новые названия» (М., 2003) и в топонимическом словаре «Имена московских улиц» (М., 2007).

Следует также учесть, что употребление кавычек в топонимах указанного типа приводит к их загромождению, усложнению и создает неудобство для их подачи на картах и схемах, указателях и табло. Если следовать рекомендациям § 175, то в орфографической практике окажется закреплённым абсолютно ничем не обоснованное противопоставление написаний названий железнодорожных станций и станций метрополитена: ж.-д. ст. *Электрозаводская* – ст. метро «*Электрозаводская*», ж.-д. ст. *Выхино* – ст. метро «*Выхино*». Письменное возражение против употребления кавычек в таких названиях Топонимическая комиссия МЦ РГО в своё время направила в адрес Орфографической комиссии РАН, однако возражение не было принято во внимание без какой-либо аргументации.

В п. 2 § 126 содержится правило о дефисном написании двухкомпонентных топонимов, состоящих из существительного и

постпозитивного прилагательного, например, *Москва-Товарная* [15, с. 132]. При этом совершенно неясно, как писать трёхкомпонентные названия железнодорожных станций и двухкомпонентные названия станций метрополитена типа *Москва (-) (Т,т)оварная (-) (К,к)иевская; Белорусская (-) (К,к)ольцевая, Белорусская (-) (Р,р)адимальная*, поскольку соответствующие правила в справочнике отсутствуют, хотя он претендует на полноту и академизм.

Лишено нормализующего воздействия прим. 5 к § 169: «Слова, обозначающие участки течения рек, пишутся со строчной буквы, если не входят в состав названий, напр.: *верхняя Припять, нижняя Березина*, но: *Верхняя Тура, Нижняя Тунгуска* (названия рек)» [15, с. 173]. Носители языка не в состоянии без специальной подготовки понять, входит или не входит определение в состав гидронима. Поэтому, учитывая важную ориентирующую функцию определений *Верхняя, Нижняя* и т.п., их следовало бы писать с большой буквы как полноправные компоненты названий данного типа, тем более что предлагаемое нами написание органично согласуется с действующей картографической практикой. Ср. р. *Верхняя Ангара*, р. *Нижняя Таймырка*, г. *Нижний Новгород*, г. *Верхний Тагил* и т.п.

Сфера применения буквы *ё* в топонимах рассмотрена в п. 3 § 5, озаглавленного «Употребление буквы *ё* в текстах разного назначения» [15, с. 20–21]. Однако, к сожалению, случаи топонимического употребления этой вполне законной буквы русского алфавита имеют в данном параграфе выборочно-рекомендательный, а не строго обязательный характер, что может привести к ошибочному употреблению топонимов как в устной, так и в письменной речи.

Вполне очевидно, что в целях успешной коммуникации употребление буквы *ё* в русских и заимствованных топонимах должно быть строго обязательным, реализованным и орфоэпически, и в текстах различного функционального назначения, в том числе на географических картах. В противном случае неизбежны коммуникативные помехи и сбои, хотя в целом пласт таких топонимов в современной русской топонимии немногочислен. Например, *Чёшская губа* (Баренцево море), но *Чешский Лес* (горы в Чехии и Германии); *мыс Дежнёва* (Чукотский п-ов), г. *Белёв* и г. *Венёв* (Тульская обл.), г. *Очёр* (Пермский край), пгт *Мстёра* (Владимирская обл.), р. *Оленёк* (Оленёкский зал. моря Лаптевых); г. *Гёйтепё* (Азербайджан), г. *Гётеборг* (Швеция), г. *Гёттинген* (Германия), г. *Чёске-Будеёвице* (Южная Чехия) и др. Последовательное упот-

ребление буквы *ë* в подобных названиях позволит чётко отграничить их от топонимов, пишущихся с *e*, а не с *ë*: г. *Алчэвск* (Луганская обл., Украина), г. *Гудермес* (Чечня), г. *Мёленки* (Владимирская обл.); г. *Дёбрецен* (Венгрия), г. *Дёнвер* (США), г. *Грёнинген* (Нидерланды) и т.д.

Поскольку соответствующие правила в §§ 126–127 отсутствуют [15, с. 132–134], абсолютно неясно, как писать двухкомпонентные топонимы типа *Александр()Селькирк* (о-в в архипелаге Хуан-Фернандес, Тихий ок., влад. Чили), *Робинзон()Крузо* (о-в, там же) – раздельно или через дефис? Как писать топонимы типа *Ерофей()Павлович* (пгт, Амурская обл.), *Лев()Толстой* (пгт, Липецкая обл.), а также названия административно-территориальных единиц типа *Лев()Толстовский район* – раздельно или через дефис?

Рассмотренные формулировки и содержание правил в разделах, посвящённых орфографии топонимов, убеждают в том, что авторы (автор?) этих далеко не полных разделов новой редакции «Правил...» не довершили своей услуги, предлагая пишущим пользоваться несовершенными правилами, допускающими орфографический произвол и тем самым снижающими прагматическую эффективность функционирования топонимов в современном социуме.

Литература

1. *Барандеев А.В.* Нерешённые вопросы орфографии топонимов // РЯШ. 1983. № 6. С. 80–86.
2. *Барандеев А.В.* Трудные случаи правописания географических названий. М., 1989.
3. *Барандеев А.В.* История с географией в терминах. М., 2005.
4. *Бахирев Ю.Г.* Коротко о новых правилах французской орфографии. М., 2000.
5. *Богатов А.А., Кудинова В.И.* Немецко-русский словарь: Новое правописание. М., 2001.
6. *Борунова С.Н., Валгина Н.С., Еськова Н.А.* и др. Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации». М., 2007.
7. *Бужчина Б.З.* Орфография некоторых образований, производных от географических названий // Жизнь языка. М., 2001. С. 387–390.
8. *Гак Б.Г.* Французская орфография. 2-е изд. М., 2005.
9. *Кузьмина С.М.* Орфографическая комиссия 90-х годов и новая редакция Свода правил русского правописания // Язык: Изменчивость и постоянство. М., 1998. С. 185–192.

10. *Кузьмина С.М.* Об умягчении нравов русской орфографии: (К проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. М., 2001. С. 405–411.
11. *Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К.* Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: Орфогр. слов. М., 2002.
12. *Нерешённые вопросы русского правописания.* М., 1974.
13. *Орфография собственных имен.* М., 1965.
14. *Петроченкова М.А.* Новая немецкая орфография: Учеб. слов.-справочник. М., 2007.
15. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник.* М., 2006.
16. *Проблемы современного русского правописания.* М., 1964.
17. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. 12-е изд. М., 2007.
18. *Россихина Г.Н., Ульянова Е.С.* Новые правила правописания немецкого языка: Справ. пособие. М., 2005.
19. *Синичкина Н.Е.* О новом своде правил в контексте методики русского языка будущим учителям-словесникам // РЯШ. 2007. № 3. С. 101–103.
20. *Словарь нового написания слов в немецком языке. Обязательно к изучению с 1 авг. 1998 г.* М., 2001.
21. *Справочная книга редактора и корректора.* 2-е изд. М., 1985.
22. *Топономастика и транскрипция.* М., 1964.
23. *Транскрипция географических названий.* М., 1960.
24. *Шварцкопф Б.С.* О факультативных случаях употребления кавычек // *Нерешённые вопросы русского правописания.* М., 1974. С. 190–214.
25. *Ярцев В.В.* Коротко о новых правилах немецкой орфографии. М., 1999.

Корректурные дополнения

- Домашнев А.И.* Новая немецкая орфография // ВЯ. 1999. № 1.
- Мильчин А.Э., Чельцова Л.К.* Справочник издателя и автора. 2-е изд. М., 2003.
- Пахомов В.М.* Употребление кавычек в собственных наименованиях // РЯШ. 2007. № 5.
- Шварцкопф Б.С.* Современная русская пунктуация: система и её функционирование. М., 1988.

НАЗВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ МОЛДАВИИ

А.А. Герцен

Названия политических регионов в самом широком смысле, т.е. государств и их административно-территориальных единиц (АТЕ), а также конфедераций следует считать разновидностью ойконимов. Топонимистами уделено значительное внимание самым главным из этих категорий – названиям государств. Имена стран, существующих либо существовавших ранее, издавна привлекали внимание исследователей, изучавших этимологию и эволюцию этих названий. Однако большой интерес в этой сфере представляют как объединения этих государств в форме конфедеративных союзов или международных организаций, так и территориальные подразделения разных порядков внутри самих стран, каждое из которых получает имя собственное.

Изучая эволюцию административно-территориального деления (АТД) Молдавии, мы заинтересовались названиями её АТЕ. С одной стороны, как и всякому государству, Молдавии свойственны уникальные особенности исторического процесса, индивидуальные черты современной политико-географической структуры, неповторимое топонимическое наследие. С другой стороны, в первую очередь в силу своего стратегически важного географического положения в Северо-Западном Причерноморье, на стыке крупнейших природных и цивилизационных зон, данная страна представляет собой весьма репрезентативный пример региона давнего освоения, на протяжении многих столетий имевшего ключевое значение для всего евроазиатского пространства, его исторического, этнокультурного, политического и экономического развития. Во многом Северо-Западное Причерноморье (Молдавия прежде всего) и сегодня продолжает играть важнейшую геополитическую роль на региональном и макрорегиональном уровне, имеет узловое значение для Центральной, Восточной Европы, Балкан.

Современное административно-территориальное деление Молдавии

В начале XXI в. административно-территориальное деление Молдавии предстаёт в следующем виде (см. рис. 1). Фундаментом системы являются 1689 населённых пунктов, из которых 1614 – сельские поселения, а 75 – городские. Общины населённых пунктов (одна или несколько) формируют сельские и городские советы, управляющие АТЕ: насчитывается 917 сельских советов (коммун) и 68 городских. АТЕ второго порядка представлены районами республиканского (32) и автономного (8) подчинения, муниципиями и самоуправляющимися городами (*Бельцы, Бендеры, Дубоссары, Комрат, Рыбница, Тирасполь*), а также секторами Кишинёва (*Ботаника, Боюканы, Рышкановка, Чеканы, Центральный*).

Особое положение занимают субъекты Молдавского государства высшего (первого) порядка – автономные АТЕ – Гагаузия (гаг. *Gagauz Yeri*, молд. *Găgăuzia*) и Приднестровье (молд. *Nistria*, приднестровский вариант – *Нистрения*, рум. *Transnistria*, укр. *Придністров'я*), де-факто и де-юре представляющие собой соответственно автономную область и автономную республику.

Так называемая *территориально-автономная единица Гагауз-Еру* (офиц. молд. *Unitatea teritorială autonomă Găgăuzia*) включает в себя 3 административных района – *Комратский, Чадырлунгский* и *Вулканештский* и Комратский муниципий. Отношения с Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР; молд. *Republica Moldovenească Nistreană*, приднестровский вариант – *Република Молдовеняскэ Нистрянэ*, укр. *Придністровська Молдавська Республіка*; офиц. молд. *Unitățile administrativ-teritoriale din Stînga Nistrului* – *Административно-территориальные единицы Левобережья Днестра*) в течение более полутора десятилетий остаются напряжёнными. Автономия не подчиняется Республике Молдове (молд. *Republica Moldova*), региональные власти не признают юрисдикцию Кишинёва, однако считают возможным сохранение единого Молдавского государства в формате, приемлемом для обеих сторон. На левобережье Днестра ПМР объединяет 5 административных районов (*Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский*) и 3 самоуправляющихся города (*Дубоссары, Рыбница* и *Тирасполь*).

Субъектами, наиболее сильно осложняющими систему административно-территориального устройства страны, являются так называемые «белые пятна». Это территории населённых пунктов на берегах Днестра в зонах кровопролитных боёв 1992 г. Региональное законодательство определяет их частью ПМР; согласно законам РМ они должны подчиняться центральным властям. Так, ПМР претендует на сёла *Васильевка, Дороцкое, Коржево, Кочиеры, Кошница, Магала, Новая Моловата, Погребя, Пырыта, Роги*, входящие в состав *Второго Дубоссарского района* (под управлением РМ). Сёла *Загорное, Кицканы, Меренешты* подчиняются *Слободзейскому району* ПМР, *Кременчуг – Тираспольскому*, а *Гыска – Бендерскому горсоветам*. В то же время в Кишинёве их рассматривают как часть *Каушанского района*. Приднестровские сёла *Копанка* и *Варница* находятся под юрисдикцией РМ соответственно в *Каушанском* и *Новоаненском районах*. Главным «камнем преткновения», конечно же, остаётся сам правобережный город *Бендеры*, управляемый ПМР, и образуемый им муниципий.

Ещё одной негативной особенностью АДТ Молдавии является сильная «расчленённость» административных субъектов. В структуре АДТ имеются более 10 анклавов – территорий, изолированных от основной части субъекта, что чрезвычайно затрудняет социально-экономическое развитие регионов.

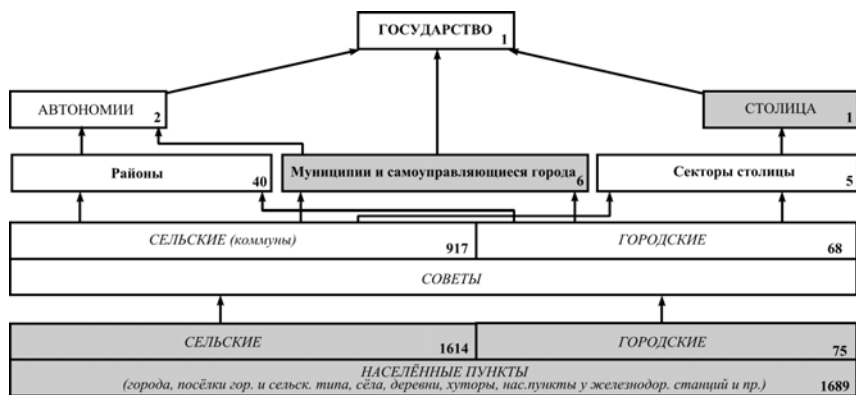

Рис. 1. Схема административно-территориального устройства Молдавии, 2006 г.

Числа указывают количество административно-территориальных единиц.

Тёмным фоном выделены населённые пункты.

Стрелки обозначают административное подчинение

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ КАРТА МОЛДАВИИ

© А.А. Герцен, 2008.
Юж.-Бге

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Значение населённых пунктов

- столица Молдавии
- ◎ столицы автономий
- районные центры
- прочие населённые пункты

Виды населённых пунктов

- Бендеры**
 - муниципий, города
 - республиканского подчинения
- города
- посёлки городского типа
- посёлки сельского типа

Границы

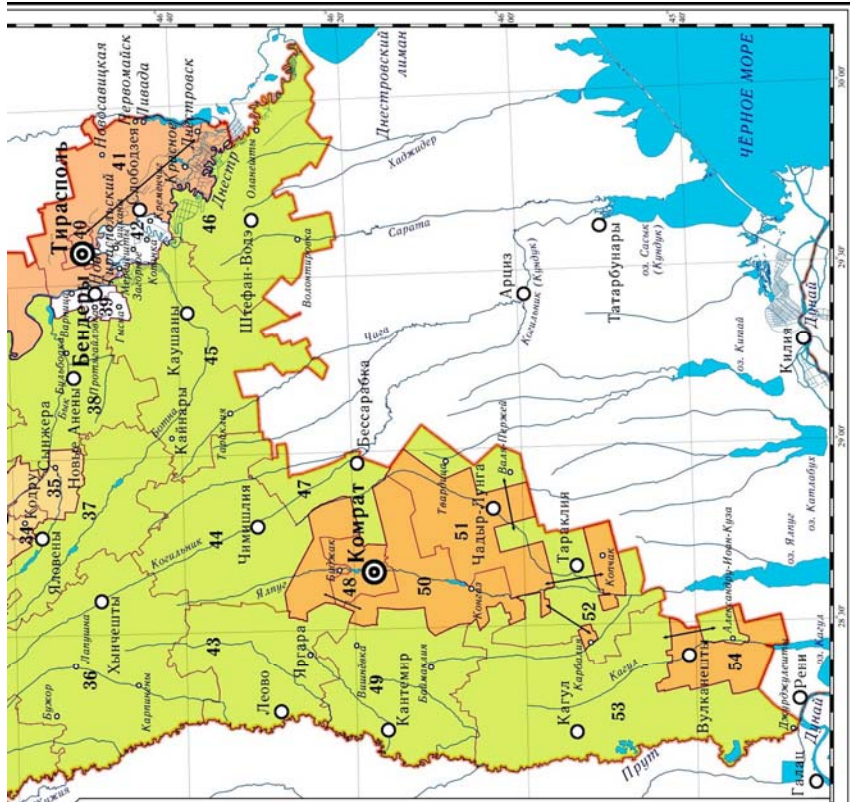
- государственные
- автономий
- административных районов

Автономные территории

- Кишинёвского муниципия
- Гагаузии (Гагауз Ери)
- Приднестровья (ПМР)
- "белые пятна"

Цифрами обозначены АТЕ 2-го порядка (см. Таблицу-приложение).
Административно-территориальное деление Молдавии дано на январь 2006 г.

МАСШТАБ 1 : 1 250 000

**Таблица. Административно-территориальное деление Молдавии, 2006 г.
Приложение к Политико-административной карте Молдавии**

№	Район	Центр	Число городов и пгт, + коммуны и сельсоветы	Обозначение на карте
Муниципий и районы республиканского подчинения			44 + 801	-
1	Бельцкий муниципий	Бельцы	1 + 2	9
2	Бессарабский	Бессарабка	1 + 6	47
3	Бричанский	Бричаны	2 + 26	1
4	Глодянский	Глодяны	1 + 18	10
5	Дондюшанский	Дондюшаны	1 + 21	4
6	Дрокиевский	Дрокия	1 + 27	5
7	Дубоссарский-II	Кочиеры	5	22
8	Единецкий	Единцы	2 + 30	3
9	Кагульский	Кагул	1 + 36	53
10	Каларашский	Калараш	1 + 27	20
11	Кантемировский	Кантемир	1 + 26	49
12	Каушанский	Каушаны	2 + 24	45
13	Криулянский	Криуляны	1 + 24	28
14	Леовский	Леово	2 + 23	43
15	Ниспоренский	Ниспорены	1 + 22	26
16	Ново-Аненский	Новые Анены	1 + 24	38
17	Окницкий	Окница	3 + 18	2
18	Оргеевский	Оргеев	1 + 37	21
19	Резинский	Резина	1 + 24	18
20	Рышканский	Рышканы	2 + 26	10
21	Сорокский	Сороки	1 + 34	6
22	Страшенский	Страшены	2 + 25	27
23	Сынжерейский	Сынжереи	2 + 24	16
24	Тараклийский	Тараклия	1 + 14	52
25	Теленештский	Теленешты	1 + 30	17
26	Унгенский	Унгены	2 + 31	20
27	Фалештский	Фалешты	1 + 32	15
28	Флорештский	Флорешты	3 + 37	9
29	Хынчештский	Хынчешты	1 + 38	36
30	Чимшилийский	Чимишлия	1 + 22	44
31	Шолданештский	Шолданешты	1 + 22	12
32	Штефановодский	Штефан-Водэ	1 + 22	46
33	Яловенский	Яловены	1 + 24	37

Автономии			30 + 104	-
1	Кишинёвский муниципий	Кишинёв	7 + 12	-
1	Сектор Ботаника	гор. район Ботаника	1 + 1	35
2	Сектор Боюканы	гор. район Боюканы	2 + 3	31
3	Сектор Рышкановка	гор. район Рышкановка	1 + 3	32
4	Сектор Чеканы	гор. район Чеканы	1 + 5	33
5	Центральный сектор	Центральный гор. район	1	34
2	Гагаузия	Комрат	3 + 23	-
1	Вулканештский	Вулканешты	1 + 2	54
2	Чадырлунгский	Чадыр-Лунга	1 + 9	51
3	Комратский	Комрат	12	50
4	Комратский муниципий	Комрат	1	48
3	Приднестровье	Тирасполь	20 + 69	
1	Григориопольский	Григориополь	5 + 14	30
2	Дубоссарский-I	Дубоссары	9	23
3	Дубоссары	Дубоссары	1	25
4	Каменский	Каменка	3 + 12	7
5	Рыбница	Рыбница	1	14
6	Рыбницкий	Рыбница	1 + 23	13
7	Слободзейский	Слободзея	7 + 11	41
8	Тирасполь	Тирасполь	2	40
«Белые пятна»			1 + 12	-
1	Бендерский муниципий	Бендеры	1 + 3	39
2	Кицканский полуостров	-	3	42
3	Кошницкий полуостров (с прилегающей территорией)	-	3	29
4	Моловатский полуостров (с прилегающей территорией)	-	3	24

В итоге АТД Молдавии выглядит очень сложным, трудным для понимания и малоэффективным для управления, что нарушает основную целевую функцию всякого административно-территориального устройства (АТУ). Основными причинами такой деформации являются неразрешённость приднестровского конфликта, а также отсутствие полноценного научного подхода к проблемам АТУ. Единственным способом устранения отрицательных черт современной системы является разрешение политических проблем и проведение реформирования АТД.

Возможны два основных варианта административной реформы – кардинальный и модификационный. Первый подразумевает формирование всей системы власти и как следствие – АТУ по принципу федерализма, второй – сохранение унитарности большей части государства при предоставлении широких полномочий автономиям. Некоторое время в Бендерах функционировала Совместная конституционная комиссия, созданная по инициативе президента РМ В.Н. Воронина, выдвинувшего три основных принципа формирования пятой Молдавской Республики – *единство территории (целостность), федеративное государственное устройство и демократические основы общества*. Несмотря на приостановку работы комиссии, суть проблемы не исчерпана, а сформулированные фундаментальные принципы сохраняют свою актуальность. Каким бы путём ни развивались события, власти обязаны учитывать весь комплекс проблем, с которыми сталкиваются государство и общество, и привлекать авторитетных учёных и опытных специалистов для их эффективного решения.

Значение названий АТЕ и центров АТЕ для политико-географической структуры государства

Наряду с изучением современной политико-географической структуры государства большую роль играют исследования эволюции АТД с момента его зарождения, т.е. с момента возникновения самого государства [1]. Однажды возникнув, АТЕ с течением времени не раз меняет не только свой политический статус, но и основные морфологические характеристики (размеры, очертания): граница – одна из наиболее изменчивых (но не неустойчивых!) географических категорий. Более

прочный исследовательский фундамент представляют другие базовые признаки АТЕ – *центр* и *название*. По сути изучение политико-географической истории государства, его АТД сводится к вычленению центров АТЕ, определению их взаиморасположения и взаимодействия, воссозданию территориальных структур различных исторических эпох, реконструкции их эволюции. В отличие от количественных характеристик АТЕ и даже их центров более устойчивыми чаще выступают их названия. Фактически зачастую именно топонимический анализ приобретает первостепенное значение.

Несмотря на то что давно признаны древность и повышенная стабильность гидронимии по отношению к ойконимии, а также более распространённая смена названий населённых пунктов, комплексный топонимический анализ может дать достаточно достоверные сведения для эволюции АТД, всей политико-географической истории. В Молдавии наиболее наглядным примером в этом отношении может служить *Лапушна*. В результате одной из административно-территориальных реформ последних лет (1998 г.) были созданы уезды, объединившие бывшие районы республиканского подчинения. Одним из уездов (к юго-западу от Кишинёва) стал *Лапушнянский*. Ни размеры новой АТЕ (границы практически полностью унаследованы от трёх районов советского периода – *Котовского*, *Леовского*, *Чимишлийского* и в меньшей степени *Бессарабского*; старый *Лапушнянский край* не включал в себя многие из этих территорий, как и *Лапушнянский уезд*, существовавший в румынский период), ни сам её центр (*Лапушна* ещё в позднем средневековье уступила свою как политическую, так и экономическую роль в регионе сначала *Оргееву*, затем *Кишинёву* и, наконец, в XIX–XX вв. – *Ганчештам*, в советские годы переименованным в *Котовск*, позднее вновь переименованным в *Хынчешты*, которые и стали центром нового уезда) не соответствовали историческим реалиям. Однако название древней области, расцвет которой приходится на XV–XVI вв., оказалось настолько устойчивым и приемлемым, что данный вопрос не вызвал никаких дискуссий ни во властных структурах, ни в широких кругах общества.

Эволюция и преемственность АД, изменчивость и устойчивость названий, самоидентификация и политическая культура

В Молдавии, как и во многих странах мира, самое значительное влияние на формирование названий АТЕ оказывают населённые пункты, которые непосредственно «организуют» данные политические регионы. Проследить эволюцию политических ойконимов представляется возможным на примере АТЕ первого и второго порядков. АТЕ третьего порядка, безусловно, являются «фундаментом» всего АТУ, однако в силу их многочисленности и практически полного соответствия наименованиям своих центров не представляется возможным и целесообразным проанализировать эти ойконимы на протяжении даже отдельного периода эволюции АД. В то же время АТЕ высших порядков представляют повышенный интерес для исследований.

Так, в разные периоды в составе Молдавии изменялось количество АТЕ первого и второго порядков. Современная структура АД сложилась в начале 90-х гг. XX в. вследствие серьёзнейших общественно-политических изменений в стране, регионе и во всём мире. Если в послевоенный – советский – период число АТЕ второго порядка колебалось от 63 (в 1944 г.) до 20 (в 1963 г.), а автономные АТЕ отсутствовали в принципе, то в 90-е гг. последних образований оказалось 3, а число АТЕ второго порядка составило 52 (в том числе 4 «белых пятна»).

Первые АТЕ в истории Молдавии – древнегреческие города-колонии *Тира* и *Ахиллея* – современные города *Белгород-Днестровский* и *Килия* (Одесская область Украины). Первыми политическими регионами, сформировавшимися на территории современной Молдавии, очевидно, следует считать гетский город в *Старом Орхее*, торговавший с греческими колониями Причерноморья (в особенности с *Тирой*), а также античные города на берегах Днестра: *Эракт*, *Тунгаты* (?), *Альхиония*, *Клепадава*, *Метониум* и др. Собственно молдавские АТЕ стали возникать в средневековье в IX–XII вв.: *Страна Болоховян*, *Берладское*, *Тиверское (Чёрн)*, *Уличское (Пересечен) княжества* и др. Особой АТЕ в составе *Золотой Орды* был *Шехр-ал-Джедид* = *Янги-Шехр (Старый Орхей)*.

На территории современной Молдавии в средневековую эпоху (до конца XVIII в.) располагались 29 волостей (*околов* – по-

молдавски), входивших в состав 6–8 краёв (*цинутов* = «держав»). «Основные» – *Хотинский, Сорокский, Ясский, Орхейский, Лапушнянский* (долгое время – единый *Лапушнянско-Орхейский*) и приграничные *Кодрский* и *Греченский* (ранее – единый *Кигечский*) и *Хотарничанский* края.

В отличие от «резиденциального» принципа наименования АТЕ в новое время и последовавшие за этим эпохи, в средние века «исповедовался» исключительно «топографический» принцип, причём с колоссальным «гидрографическим креном»: *Ботнинская, Быковецкая, Днестровская, Икельская, Когильникская волости* и др.; *Верхняя, Средняя, Нижняя, Верхне-Реутская, Верхне-Чугурская, Нижне-Днестровская волости, Волости Кымпуду-де-Жос, Кымпуду-де-Сус, Фаца-Быкулуй* и др.

В новое время АТУ предусматривало деление Бессарабской губернии на уезды и волости. Такими уездами являлись *Хотинский, Сорокский, Белецкий, Оргеевский, Кишинёвский, Бендерский, Аккерманский*, а также *Измаильский* и *Кагульский*. Подобное деление было характерным для всей Российской империи, частью которой стала Восточная Молдавия в 1812 г. В то же время само АТД губернии находит чёткие параллели в своей эволюции с АТД средневековой Молдавии.

В книге «Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник», подготовленной сотрудниками газеты «Бессарабецъ» под редакцией П.А. Крушевана и изданной в 1903 г. в Москве, приводится список населённых мест губернии по семи уездам с привязкой к волостному делению. Очевидно, составление списка имело место во второй половине XIX в., так как вследствие поражения в Крымской войне с 1856 по 1876 г. Кагульский и Измаильский уезды были возвращены Россией Порте и находились под юрисдикцией Молдавского княжества, являвшегося автономией Османской империи. В списке упоминается 101 волость, каждая именуется по названию центрального местечка или села.

В первой половине XX в. АТД Молдавии было инкорпорировано в румынскую политическую систему и адаптировано ею, однако территориальная структура в целом сохранялась, унаследовав губернскую модель, кроме непродолжительного предвоенного периода (1938 г.), когда было изменено всё АТУ Румынии.

Советская система АТУ, общая для всех союзных республик, подразумевала три уровня политического деления территории. Низовой уровень составляли городские, поселковые и сельские советы, управлявшие одним или несколькими населёнными пунктами (в основном в зависимости от их размера). Низовые советы подчинялись районным советам, а те в свою очередь – областным. Последние отсутствовали в наименьших по площади республиках – Армении, Молдавии и в Прибалтике. По национальному принципу в составе союзных республик в зависимости от числа жителей формировались округа, области или республики, наделённые политической и культурной автономией. Некоторые населённые пункты переподчинялись более высоким по рангу органам власти. Решающую роль в данном случае играло повышенное значение этих населённых пунктов. Так, в Молдавии в 1990 г. на 11 городов районного подчинения приходилось 10 городов республиканского подчинения. Кроме того, существовало 48 посёлков городского типа, находившихся в подчинении районных советов. В целях эффективного управления крупнейшие города Советского Союза разделялись на административные районы. В Кишинёве таких районов было 5.

Самые существенные изменения АТУ Молдавии произошли в середине 1990 г., когда политико-культурную автономию провозгласили Гагаузия (19 августа) и Приднестровье (2 сентября). Юридически АТУ Молдавии определяется законодательно: основы – конституцией (статьями 110 и 111), особенности – органическим законом. В современной истории страны таких законов было принято уже три. Первый – 7 декабря 1994 г. через полгода после принятия конституции [4]. Этот закон в целом сохранил АТУ Молдавии, действовавшее в советское время. Он предусматривал основные положения, устанавливал основные понятия, применяемые в этой сфере, а также механизм образования и упразднения АТЕ и изменения их границ. Приложения – неотъемлемые части закона – регламентировали собственно АТД республики.

Основным нововведением закона стало разделение понятий «сельский совет» и «коммуна», а также замена статуса городов республиканского подчинения статусом муниципиев, который предоставлен четырём крупнейшим городам: *Кишинёву*, *Тирасполю*, *Бельцам* и *Бендерам*. Вводился ценз для образования

самостоятельной АТЕ – 1000 жителей, и определялись собственные финансовые возможности для содержания аппарата мэрии и учреждений социальной сферы. Общее число коммун составило 924. Также закон регулировал порядок наименования АТЕ на государственном – молдавском языке.

Первые изменения в законе были приняты уже в июле 1995 г., когда сначала была упразднена *Дрождянская коммуна Ниспоренского района*, а село, её формировавшее, передано в состав коммуны *Шишканы*, позднее внесены существенные изменения, связанные с урегулированием гагаузского конфликта. В текст закона введено новое понятие «автономное территориальное образование с особым статусом», толковавшееся как АТЕ, «состоящая из населённых пунктов, объединённых общими экономическими и социально-культурными связями, созданная в целях сохранения национальной самобытности, обогащения языка и национальной культуры». В результате юридически были закреплены существенные качественные и количественные изменения АТУ Молдавии – образование Гагаузии и связанный с этим переход ряда коммун из одних районов в другие. Прочие поправки конца 1995 – начала 1997 гг. касались в основном переименования населённых пунктов либо изменения их статуса. С 17 декабря 1997 г. в вопросе ценза для образования самостоятельной АТЕ предусматривалось исключение для населённых пунктов с числом жителей от 500 до 1000 при условии наличия соответствующих финансовых возможностей и «по просьбе большинства жителей, обладающих избирательным правом».

Следствием напряжения во взаимоотношениях автономий и центра было усложнение схемы АДТ страны. Де-юре единые *Каменский, Дубоссарский* и *Слободзейский* районы, расположенные на обоих берегах Днестра, де-факто были разделены на две части, подчинявшиеся соответственно Приднестровской Молдавской Республике и Республике Молдове непосредственно. После образования Гагаузии возник и *Второй Вулканештский район*.

12 ноября 1998 г. вступил в силу новый закон об АТУ Молдавии [3]. Этот документ ознаменовал собой начало самой значительной реформы АДТ со времени обретения республикой государственной независимости. Суть реформы сводилась к созданию более крупных, чем районы, АТЕ – уездов. Таких уездов было создано девять: *Бельцкий, Единецкий, Кагульский, Кишинёвский,*

Лапушнянский, Оргеевский, Сорокский, Тигинский и Унгенский. Закон провозглашал двухуровневую иерархию АТЕ: сёла и города составляли первый уровень, уезды и автономии – второй. Выросло число муниципиев, этот статус был предоставлен ещё десяти городам: *Дубоссарам, Единцам, Кагулу, Каушанам, Комрату, Оргееву, Рыбнице, Сорокам, Унгенам и Хынчештам.* Значительное повышение ценза численности населения для образования самостоятельной АТЕ – до 2,5 тысяч привело к сокращению на треть числа коммун. Исключения в этом вопросе разрешались только процедурой принятия парламентом отдельного органического закона.

Отличительной особенностью нового закона об АТУ стало то, что он не регламентировал внутреннее деление автономий. Районные структуры были сохранены как в Приднестровье (5 районов), так и в Гагаузии (3 долая), а также в Кишинёве (5 секторов), особое положение которого было закреплено специальным органическим законом ещё весной 1995 г. [5]. Территории автономных регионов и составляющие их города и коммуны приводились под следующими формулировками: «Муниципий Кишинёв и АТЕ, входящие в его состав», «АТЕ, входящие в состав Территориальной автономной единицы Гагаузии» и «АТЕ левобережья Днестра, которым могут быть предоставлены особые формы и условия автономии». Несмотря на декларирование идентичности понятий «уезд» (введённого новым законом) и «район» (закреплённого конституцией), фактически и уезды сохранили районное деление: в каждом из них в свою очередь выделялись секторы, в основе которых были предыдущие районы.

Самые существенные изменения в новый закон были внесены уже через полгода после его вступления в силу – 22 октября 1999 г. вследствие контроля конституционным судом конституционности некоторых положений закона и принятия соответствующего постановления конституционной палатой. В результате схема АТД Молдавии «пополнилась» одним уездом и одним муниципием. Произошло это по причине значительной активизации гражданского общества *Тараклийского района*, не согласившегося с ликвидацией своей АТЕ второго порядка и включением региона в состав *Кагульского уезда*. Дело в том, что две третьих населения этого района представлено болгарским этносом, более двух веков компактно проживающим в Центральной

Бессарабии – *Буджаке*. Сохранение отдельной административной структуры призвано было обеспечить его культурную автономию. Оперативное мирное решение обострившегося конфликта, вызванного реформой АТУ, можно считать одним из высочайших достижений демократии всего молдавского общества и важнейшей вехой в эволюции АД современной Молдавии, поскольку прецедент привёл к определению конституционным судом формулы о том, «что вопрос об административно-территориальном устройстве может быть рассмотрен только через призму основных принципов местного публичного управления», предусмотренных Конституцией республики и Европейской хартией о местном самоуправлении [8]. Остальные изменения касались переименования населённых пунктов и изменения их статуса и подчинения.

Политические элиты ряда бывших районов вслед за коллегами из Тараклии стали добиваться аналогичного статуса для своих АТЕ. Особенно интенсивно обсуждалась возможность создания *Дрокиевского уезда* на севере страны. Серьёзная реформа АТУ, организованная правительством, не была подготовлена достаточным образом, не была обоснована научно, вызвала определённое напряжение в обществе и чуть не привела к новому локальному конфликту на юге республики. Кардинальное изменение политической обстановки в республике после парламентских выборов в начале 2001 г. отразилось на политико-административной карте Молдавии. 27 декабря 2001 г. был принят третий, ныне действующий «Закон об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» [6]. Пройдя аналогичную предыдущей процедуру контроля конституционности [7], он вступает в силу только после проведения местных выборов 25 мая – 8 июня 2003 г. Основным изменением, привнесённым новым законом, стало упразднение уездных надструктур. Большинству секторов уездов был возвращён их районный статус. Возросло число коммун, так как был снижен ценз для образования самостоятельной АТЕ с 2,5 до 1,5 тысячи жителей. Изменение границ коснулось 260 АТЕ.

Переход к районному делению не означал точного возврата к предыдущей схеме АД. По сравнению с началом 1998 г. границы многих воссозданных районов сильно изменились: площади увеличились у *Единецкого, Дрокиевского, Кагульского, Каушанского, Оргеевского, Сорокского, Страшенского, Флорештского, Хынчештского, Чимишлийского, Яловенского районов, Бельцкого* и

Кишинёвского муниципиев. В то же время сократились в размерах *Глодянский, Дондюшанский, Криулянский, Ниспоренский, Окницкий, Резинский, Рышканский, Штефанводский* районы, а *Кайнарский, Второй Каменский и Второй Вулканештский* восстановлены не были.

Ещё до вступления нового закона в силу в феврале–марте 2003 г. парламент принял ряд поправок с уточнением схемы АД, а 23 октября внёс изменения в Положение о порядке решения вопросов АТУ РМ от 20 февраля 1996 г.

Важным этапом эволюции АД Молдавии стало принятие 17 июля 2002 г. закона об АТУ ПМР [2]. Наряду со стабилизацией юридических вопросов автономии в рамках развития демократического процесса и регионального законодательства данный документ наметил сложнейшие проблемы политико-административного устройства страны, выражаемые в претензиях ПМР к РМ по ряду населённых пунктов.

Основной формой наименования АТЕ является составное название, в большинстве случаев первое слово в его составе – имя собственное, выраженное прилагательным, производным от названия административного центра, а второе – имя нарицательное, отражающее разновидность политического региона. Например: *Орхейская волость, Орхейский край, Оргеевский уезд, Оргеевский район; Бендерская райя, Бендерский уезд, Бендерский район, Бендерский муниципалитет; Кишинёвский район, Кишинёвский округ, Ленинский район, Центральный сектор, Кишинёвский муниципалитет.* Реже, наоборот, за нарицательным именем АТЕ следует его собственное название в форме существительного: *Волость Кымпулуй, Район Штефан-Водэ, Сектор Ботаника, Сектор Рышкановка, Сектор Чеканы.*

Исследование названий политических регионов облегчает возможность эффективного поиска самих объектов исследования. Все они отражают юридически оформленные реалии общественной организации власти, а потому строго зафиксированы в документах с момента возникновения реалий. Однако далеко не все из возникающих политических регионов и соответственно их названий долговечны. Некоторые существуют несколько десятилетий или даже лет. Другие переживают сами формы государств, сменяющие друг друга на одной территории в ходе истории общества. Многие

политические регионы обнаруживают прочную связь с историко-географическими областями, что напрямую отражается в названиях последних. Большинство исторических областей долгое время выполняли и продолжают выполнять политико-административные функции: *Лапушна, Орхей, Тигина, Сорока, Липник, Чорна, Тигеч, Ясская, Бельцкая земли; Подолия, Новороссия.*

Литература

1. *Герцен А.А.* Административно-территориальная единица как географический объект // Сб. науч. тр. геогр. фак. 2006 г. М.: МПГУ, 2007. С. 7.
2. Закон ПМР № 155-3-III от 17 июля 2002 года "Об административно-территориальном устройстве Приднестровской Молдавской Республики" // Приднестровье. Тирасполь, 2002. 19 июля.
3. Закон РМ № 191 от 12 ноября 1998 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» // Официальный монитор РМ № 116-118/705 от 30 декабря 1998 г.
4. Закон РМ № 306 от 7 декабря 1994 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» // Официальный монитор РМ № 3-4/40 от 14 января 1995 г.
5. Закон РМ № 431-XIII от 19 апреля 1995 года «Об уставе муниципия Кишинёв» // Официальный монитор РМ № 31-32/340 от 9 июня 1995 г.
6. Закон РМ № 764-XV от 27 декабря 2001 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» // Официальный монитор РМ № 16/53 от 29 января 2002 г.
7. Постановление Конституционного суда о контроле конституционности Закона РМ № № 764-XV от 27 декабря 2001 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» № 12 от 5 марта 2002 года // Официальный монитор РМ № 40-42/7 от 21 марта 2002 г.
8. Постановление Конституционной палаты о контроле конституционности некоторых положений Закона РМ № 191-XIV от 12 ноября 1998 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова» № 50 от 5 октября 1999 года // Официальный монитор РМ № 112-114/59 от 14 октября 1999 г.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ РОССИЙСКОЙ ПРИКЛАДНОЙ ОНОМАСТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ИИЦ «ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ»)

М.В. Горбаневский, В.О. Максимов

Важно, чтобы топонимисты при выполнении своих исследований не ограничивались научными публикациями, излагаемыми зачастую в усложнённой терминологии, а доводили их результаты до популярных изданий, доступных краеведам и показывающих возможности топонимики, её прикладное значение.

Е.М. Поспелов [6, с. 73]

Ныне, когда закладывается фундамент здания обновлённой России, от каждого из нас (включая лингвистов, географов, историков, этнографов, культурологов, представителей других научных дисциплин, занимающихся исследованиями в области ономастики) зависит, каким оно будет. В нашем Отечестве идёт нелёгкий процесс государственного переустройства, отличительной особенностью которого является возвращение общества к своим духовным истокам и национальной культуре, восстановление исторически присущих ему нравственных ценностей и идеалов. Богатейшая история Родины, запечатлённая в том числе в топонимических и антропонимических памятниках, даёт законный повод для гордости и для глубоких раздумий. Россиянам даровано великое прошлое, которое благодаря их общим трудам и заботе должно стать и залогом великого будущего.

Действительно, после многих лет испытаний, выдавшихся нашему Отечеству в конце XX – начале XXI в. после длительного периода многих утрат и крушения прежних противоречивых или ошибочных аксиологических систем, на смену которым с трудом приходит новая система ценностей, пытающаяся опираться на весь исторический опыт России и Святой Руси, мы стали особенно остро ощущать, что родное русское слово есть не просто неотъемлемая часть нашей культуры, а особая, базовая часть нашего национального самосознания.

Все мы – независимо от возраста, образования, профессии, вероисповедания, национальности – увереннее осознаём себя ныне

членами одного большого историко-культурного сообщества и одновременно обладателями собственного национально-культурного и духовного наследия. Другими словами, к началу XXI в. мы и – что особенно важно! – наши дети и внуки стали вновь учиться гордости за нашу Большую Родину Россию и нашу Малую Родину – родной край (город, село, хутор, аул, район, область и т.д.). Это чувство медленно, но верно становится более сильным, более действенным, благодаря успехам, творческим удачам и неравнодушию тех людей, кого мы вполне оправданно можем назвать современными просветителями-подвижниками: краеведов, работников музеев и библиотек, школьных учителей и работников других образовательных структур, представителей научно-общественных организаций (примерами могут служить, в частности, Общество любителей российской словесности, Русское географическое общество) и др. Нисколько не умаляя важности *фундаментальной науки*, мы хотим подчеркнуть то особое значение, которое в начале XXI в. приобретает деятельность профессиональных, высококвалифицированных и неравнодушных *популяризаторов научных знаний*. К их числу относился и Евгений Михайлович Поспелов, талантливый и трудолюбивейший русский топонимист, Учёный с большой буквы, многочисленные научно-популярные статьи, брошюры и многофункциональные словари, справочники которого как раз и являют собой яркие образцы труда и подвига Просветителя! Склоняя голову перед памятью этого выдающегося деятеля российской ономастической и географической науки, просвещения и – шире – отечественной культуры, мы хотим в этой небольшой статье изложить свои представления о некоторых актуальных задачах российской прикладной ономастики, основанные как на нашем понимании основных тенденций развития отечественной науки в контексте её роли и места в современном российском социуме, так и на нашем собственном многолетнем опыте научно-исследовательской и просветительской работы, в том числе – в Информационно-исследовательском центре «История Фамилии» [2, с. 2], функционирующем с 1996 г., а с 2006 г. перешедшем в новую, принципиально активную фазу научной и просветительской деятельности¹.

¹ Информационно-исследовательский центр (ИИЦ) «История Фамилии» – негосударственная структура, основанная в мае 1996 г. Владимиром Олегови-

Это сделано нами в форме кратких тезисов, очередность представления которых читателю статьи (см. ниже) носит сугубо произвольный характер и никак не связана с большей или меньшей значимостью того или иного тезиса.

1. Отстаивать национальное достоинство, патриотизм и толерантность

Мы находимся на этапе возрождения славянского и русского национального самосознания, возрождения национального самосознания десятков больших и малых народов России, чему в немалой степени способствуют серьёзнейшие исторические, археологические, лингвистические, этимологические, ономастические исследования. Даже просвещённая Европа (культура народов которой насчитывает тысячи

чем Максимовым, который является его бессменным генеральным директором, и занимающаяся на основе самокупаемости прикладной ономастикой: изучением происхождения разнообразных имён собственных, в первую очередь фамилий, исторически относящихся к русскому языку, а также к языкам народов России и СНГ. Значительное внимание сотрудники центра уделяют просветительской деятельности. Доктор филологических наук, профессор Михаил Викторович Горбаневский, в течение ряда лет консультировавший программы Центра, с февраля 2006 г. является его официальным научным руководителем. Подробнее о всех аспектах деятельности Центра, его научном опыте и прикладных программах, о научных и информационных партнёрах Центра, о его представительствах в городах России и СНГ вы можете прочитать на веб-сайте Фамилии.Ру (www.familii.ru) и в издающейся Центром с апреля 2006 г. научно-популярной ежемесячной газете «Мирь имён и названий», все номера которой также представлены в бесплатном доступе на веб-сайте Центра. По мнению ряда ведущих ономастологов России, например А.В. Суперанской, В.И. Супруна, А.В. Барандеева и др., газета «Мирь имён и названий» наряду с полезными интернет-ресурсами (например, наряду с нашим сайтом Фамилии.Ру и сайтом молодого воронежского учёного С.А. Попова www.onomastika.ru) и фундаментальными специализированными научными изданиями (в первую очередь – наряду с екатеринбургским ономастическим журналом «Вопросы ономастики» и некоторыми другими проектами) уже сейчас стала полезным инструментом для расширения и упрочения контактов российских и зарубежных специалистов в области антропониимики и топонимики, для повышения их статуса в современном российском обществе. Об этом же свидетельствует и обширная почта редакции газеты.

лет, а не всего два с лишним века, как у США, намеренно и агрессивно осуществляющих по всему миру аксиологическую экспансию своих весьма сомнительных ценностей и своей, пусть нам простят невольный неологизм, "фаст-культуры", столь же вредных евразийской душе, как и "фаст-фуд" организму живого человека), повторяем, даже просвещённая Европа, пытающаяся построить некий "общеевропейский дом", вовсе не намерена отказываться от национальных традиций и национальной картины мира каждого из народов этого нового дома, национальных историко-культурных, семиотических, фольклорных и мифологических традиций.

Десятки лет концептуальная картина мира русских была полузапретной темой в советской гуманитарной науке, в том числе и в филологии, несмотря на чудовищные и лживые обвинения в адрес русского народа в гегемонии и русификации национальных культур народов СССР. Положение начало изменяться с конца 80-х – начала 90-х гг., однако и позже новые власти не только не способствовали возрождению русского национального самосознания и превращению базовых концептов и исторических традиций русской культуры в аксиологическую схему, как воздух необходимую для духовного спасения страны, но, наоборот, полностью открыли шлюзы мутным потокам иноземной эрзац-культуры на телевидении и радио, в системе образования, в книгоиздательской политике, в музыкальной культуре, в СМИ и т.д.

Напомним справедливые и точные слова академика РАН О.Н. Трубачёва из его широко известной статьи «Славяне, язык и история», получившей большой резонанс как во всей гуманитарной науке, так и в нашем обществе в целом: «...Прекрасный лозунг "мы за сотрудничество" у нас подчас понимают и используют слишком широко. Для нас, в нашей науке о языке, где идеи и проблемы тесно переплетены с историей общества, с вопросами национальной чести, престижа и достоинства, с необходимыми общечеловеческими критериями, безусловно, очень важно изживать психологическую напряжённость, насаждать и поддерживать международное и межнациональное взаимопонимание. Но проверкой всему должен оставаться этический критерий...» [9, с. 323–324].

Многолетняя научно-исследовательская практика ИИЦ «История Фамилии» ещё раз подтвердила, что многонациональная и многоязыкая Россия – это уникальный сплав древних культур, а фамилии – своеобразные памятники этих культур, часть нашего

общего наследия. Изучение российских фамилий, как наглядно показывает опыт работы ИИЦ «История Фамилии», даёт ценный материал для исследований в разных областях знания: лингвистике, истории, этнографии, религиоведении, литературоведении. В российских фамилиях переплелись древние традиции и фольклор, быт и профессиональные занятия, мифы наших пращуров и реалии их жизни. Это в полной мере относится как к фамилиям русского народа, так и к фамилиям более ста его братьев – других народов, проживающих на территории Российской Федерации и говорящих на тюркских, финно-угорских, кавказских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и иных языках.

Российские учёные-ономатологи, топонимисты и антропонимисты, особенно представители нового поколения исследователей, должны осознавать свою важную патриотическую миссию, которая состоит в действенной помощи всем народам Российской Федерации связать разорванные нити, идущие к нам из прошлого, передать их потомкам, оберегая от посягательства сил, отказывающихся наследовать историко-культурное достояние наших предшественников, ибо исторические названия и весь богатейший мир имён и названий – это культурообразующие скрепы между прошлым, настоящим и будущим.

2. Развивать интердисциплинарный характер ономастических исследований

Обновляющийся мир требует и новой социальной практики, и новой гуманитарной теории. В этом на первый взгляд аксиоматичном суждении, тем не менее ещё не ставшем важным стержнем лингвокультурологии и социолингвистики начала XXI в., нам видится один из наиболее существенных ключей к выявлению и пониманию специфики исследуемого ономастологами языкового материала.

Современный этап развития российской лингвистической науки характеризуется, несмотря на все объективные трудности, глубоким интересом к природе филологического познания, его особенностям и единству с научными дисциплинами, изучающими историческое прошлое народа, его материальную и духовную культуру. Если для работ в области нарицательной лексики подоб-

ный интерес в целом может быть: а) центральным, б) одним из нескольких, в) второстепенным (факультативным), то для работ в области онимической лексики он должен быть практически всегда определяющим: такова специфика имён собственных в целом, а также географических названий и именовании людей, в частности. Ср. точное и справедливое определение Г.Д. Томашина: «Топонимы – неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данного языка и культуры: в них, как в зеркале, отражаются история данного народа, история заселения и освоения данной территории. Поэтому именно эта часть лексики издавна привлекает внимание не только филологов, но и историков, этнографов, географов» [8, с. 84].

Имя собственное (топоним, антропоним, эргоним) не есть лишь условный знак объекта, идентифицирующий его в череде однотипных объектов. Используя некоторые идеи русского философа Семена Людвиговича Франка, можно предположить, что важнее противопоставление не апеллятива и онима (условно "мы" и "я"), а двух или более онимов (условно "я" и "ты") при том, что налицо "соборное бытие" в нашей речи апеллятивов (условно "мы"), имеющих с онимами общий денотат; в той же степени, как человек немислим иначе как в качестве члена общества, так и любой топоним существует в сознании и жизни человека лишь как член реальной системы (подсистемы) названий, обладающих *общей* лингвистической судьбой, но *собственной* историко-культурной биографией [1, с. 268].

Одним из точных, проверенных временем камертонов деятельности современных ономатологов, в первую очередь топонимистов (в частности, членов Топонимической комиссии Московского центра Русского географического общества, долгие годы руководимой профессором Е.М. Поспеловым), на наш взгляд, могут служить строки из предисловия академика Д.С. Лихачёва, председателя Советского фонда культуры, к сборнику тезисов научно-практической Всесоюзной конференции «Исторические названия – памятники культуры», прошедшей в Москве в апреле 1989 г.: «Понятие наследие духовной культуры народа вбирает в себя всё многообразие созданных на протяжении веков памятников, от произведений великих мастеров до безымянных образцов народного творчества. Исторические названия, создаваемые в разные эпохи, как культурно-исторические свидетельства своего времени, также должны быть отнесены к памятникам. И как таковые они нуждаются в собирании, каталогизации и изучении...» [3, с. 3].

Необходимо подчеркнуть, что академик Д.С. Лихачёв (с которым одному из авторов статьи посчастливилось работать по программе возрождения исторической топонимии народов СССР) придавал особое значение прикладной ономастике (в первую очередь, топонимике и антропонимике), указывая на её социальный и междисциплинарный характер, теснейшие её связи как с системой ценностей демократического общества, так и с другими научными дисциплинами: историей, краеведением, географией, социолингвистикой, культурологией, литературоведением, археологией и др.

3. Развивать исследования имён собственных в аспекте языковой картины мира

В век высоких информационных технологий и Интернета, в век максимального технического обеспечения практически любых сторон общества (от так называемых пластиковых денег и до бескровной коррекции зрения лазером, от межпланетных космических полётов и до создания из обыкновенной нефти совершенных продуктов питания), явившихся как большим благом для мировой цивилизации, так и предвестием глобальных трагедий и катастроф, в том числе и экологических (вспомним ужас Чернобыля), тема бесценной связи *homo sapiens* с общим культурным фоном изобретённых им языковых знаков, связи, подобной материнской пуповине, стала особенно актуальной для нового историко-культурного осмысления человеком мира видимого и невидимого, для сознательного возвращения человека к базовым философским концептам мировой цивилизации.

Перед нами, отечественными учёными-гуманитариями, жизнь действительно поставила ныне актуальную и сверхсерьёзную задачу: задачу дальнейшего глубокого и всестороннего изучения и частично – возрождения русской языковой и аксиологической картины мира через национально-культурные концепты.

Такие исследования уже успешно ведутся не первый год в ряде регионов России (Екатеринбург, Тамбов, Москва и др.), однако они нуждаются, на наш взгляд, в серьёзной интенсификации, поскольку установлено, что имя собственное является особым кодом концептуализации и познания мира: оно служит средством досту-

па к единой информационной базе человека, к хранилищу опыта взаимодействия индивида с окружающей его средой, в именах человек моделирует, классифицирует и интерпретирует мир [11, с. 96–98].

4. Помогать россиянам в обретении иммунитета к антинаучным изданиям

К сожалению, в ходе неумелых (а порой и преступных) российских реформ последнего десятилетия XX в. огромный ущерб был нанесён и отечественной науке, в том числе – делу популяризации её достижений.

В области гуманитарных наук (особенно в истории, а также и в ономастике, в антропонимике) стали ощутимы тенденции к замещению квалифицированных научно-популярных публикаций откровенными пародиями на представленные российской общественности результаты серьёзных исследований, тенденции к появлению и назойливому распространению огромными тиражами лженаучных «работ», преследующих лишь получение прибыли. Такие брошюры, книги и даже словари откровенно вводят наших сограждан в заблуждение, приводят к профанации самой идеи научного объяснения интереснейших фактов нашей культуры и истории.

Научное же сообщество в силу своей разобщённости и ряда других причин до сих пор, увы, не в состоянии оказывать эффективное противодействие подобным тенденциям и процессам, связанным с коммерческими интересами авторов-авантюристов и их издателей. Между тем мы глубоко уверены в том, что ныне сама жизнь настоятельно требует гораздо более активных действий представителей гуманитарных наук для ужесточения борьбы с псевдонаучным зомбированием населения нашей страны.

Начало XXI в. ознаменовано появлением немалого числа псевдонаучных организаций, предлагающих каждому желающему заново написать историю своей семьи, красиво интерпретировать её судьбу, а в контексте семейной истории – исторические судьбы всего народа. В ономастике одними из зачинателей этого «движения» были создатели так называемых «фамильных энциклопедий», представляющих собой на самом деле компиляции книг других ав-

торов. Собственные же дополнения и комментарии «энциклопедистов» вызывают у настоящих учёных порой просто гомерический хохот... Однако истинные «шедевры» появились с возникновением множества генеалогических или родословных агентств и обществ. Являясь обычными изготовителями сувенирной продукции, их создатели взяли на себя смелость популяризации практически всей исторической, а вкупе с нею и филологической науки. Вот лишь одна цитата из их «творений»: «Русских фамилий около 15 000. ...Большинство русских фамилий произошло от татарских слов, или же родоначальниками были татары, перешедшие на службу русскому царю и проживавшие среди русских». Такая вот предлагается абсурдная и ложная «новая хронология» или, говоря иначе, «новейшая фамильная история»!

В головах массовых и нередко маргинализированных эпохой потребителей таких завиральных сочинений в итоге складывается не просто «своеобразная», а ложная картина истории нашего Отечества. После подобной «обработки» легко «проглатываются» и сочинения небезызвестного Бориса Хигира, «в результате многолетних исследований обнаружившего» непосредственное влияние имени, фамилии и отчества человека на его умственные способности, здоровье, характер и судьбу, и на всё, что хотите... Подчеркнём, что 10-летний опыт антропонимических исследований, ведущихся в нашем Центре, включающий и тестирование самих носителей имён и фамилий, убедительно свидетельствует, что никакой непосредственной связи между ФИО конкретного человека и упомянутыми его качествами, а тем более его судьбой, не существует.

Отрадно, что крупные российские ономатологи не только осознали всю опасность научного шарлатанства хигиров и им подобных, но и аргументированно и открыто начинают их развенчивать, как это сделал, например, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания УрГУ им. А.М. Горького А.К. Матвеев в своей программной статье «Апология имени»: «...Магия имён продолжает жить. Более того, во времена культурной деградации она получает широкое распространение в паранаучной форме. В красиво изданных книгах с названиями вроде «Тайна имени», а также многочисленных журнальных и газетных статьях не только содержатся традиционные объяснения имён, но и утверждается, что имя

определяет судьбу человека. В этом особенно преуспел психолог Б.Ю. Хигир, который по имени, отчеству и дате рождения характеризует человека и прогнозирует его будущее. Эта лингвистическая астрология может показаться безобидной игрой. Но манипуляции с именами подаются в научной упаковке, подобно «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко <...> Вопрос о паранауке в ономастике сейчас весьма актуален, ведь то, что можно простить наивному дикарю или суеверному средневековому крестьянину, которые давали своему потомству разного рода профилактические имена, в наше время следует квалифицировать только как шарлатанство или глубочайшее заблуждение» [4, с. 10–11].

Ещё один пример. На книжные развалы массовым тиражом попал «труд» и вовсе загадочной Натальи Шейко, рискнувшей (несмотря на действующую в России уголовную ответственность за плагиат) в 2005 г. под своим именем издать книгу под названием «Русские имена и фамилии», включив в неё – без каких-либо ссылок на источник, без кавычек и пр. – фактически полный текст статьи В.О. Максимова, написанной ещё в 1998 г. для интернет-альманаха «Соборная сторона», а также незакавыченные выдержки из книги А.В. Суперанской и А.В. Сусловой «Русские фамилии» (также, разумеется, без указания истинных авторов текста, украденного г-жой Шейко). Ужасно и то, что эта «антропонимистка с большой дороги» договорилась в своей книжке до того, что судьбу всё же следует определять, сочетая знания ономастики и нумерологии (!).

Как нам думается, главная задача многих авторов современных псевдонаучных книг-скороспелок, как и фальшивых «фамильных дипломов», не столько удовлетворение собственных амбиций и нереализованных надежд на успех в настоящей науке, сколько элементарное получение прибыли.

Настоящий «шедевр» историко-ономастического «исследования» нам в Центре предъявил гражданин, который, позвонив по телефону, указанному в спам-письме, получил от «псевдоакадемиков» такой диплом, в котором сообщалось, что его курско-воронежская фамилия восходит к некоему польскому князю, открывшему, по утверждению авторов данного «исследования», в XV в. границу между Украиной (!) и Польшей. Подобный обман есть самое настоящее преступление! Оно ведёт к тому, что получатели таких «исторических документов» всерьёз начнут верить в

созданную для них проходимцами от науки картину своего прошлого и общей истории народов России.

Масштабы подобных фальсификаций за последние годы достигли столь больших размеров, что это явление стало предметом обсуждения в Академии наук. 17 сентября 2007 г. в здании Президиума РАН состоялся Круглый стол «Фальсификации источников и национальные истории». Приведём цитату из заявления организаторов этой дискуссии: «Причины подделок многообразны: здесь и личные амбиции "непризнанных талантов", и просто стремление заработать на кусок хлеба, и желание обосновать права на наследство или высокий статус <...> Нас должны интересовать не только сами подделки или их создатели, чаще всего остающиеся за кадром, а и то, кто и почему заинтересован в их популяризации, как на это реагирует общественное мнение, и почему в ряде случаев общественность встречает такие документы с поразительным доверием и не соглашается видеть в них фальсификации, каковыми они на самом деле являются» [12]. Большую пользу в борьбе с паранаукой принёс и выход в свет в 2005 г. «антифоменковской» книги известного российского историка и общественного деятеля, академика РАО, профессора С.О. Шмидта [10].

Отрадно то, что диалог учёных на тему научных фальсификаций начат. Удручает другое. Сегодня следует уже обсуждать не причины появления таких фальсификаций, а способы противодействия им. Читателей фальшивой «научно-популярной литературы» – десятки тысяч, а число посетителей сайтов, публикующих подобные «учёные записки», превышает сотни тысяч человек в месяц! Получается, что ныне в нашей стране популяризация гуманитарных наук, в том числе истории и ономастики, во многом «откуплена» людьми, не имеющими к этим наукам никакого отношения. Ими активно распространяются книги и словари фантастического содержания, которые приводят к профанации самой идеи научного объяснения интереснейших фактов нашей культуры и истории. Выход в печать даже большого числа добротных, но малотиражных научных изданий настоящих учёных никоим образом не может изменить печальную тенденцию: процесс псевдонаучного зомбирования населения нашей страны идёт полным ходом. Владельцы псевдопросветительских сайтов, совмещая развлекательную и познавательную информацию, нимало не заботясь о достоверности публикаций, всегда превзойдут тиражи книг

авторов добросовестных научно-популярных изданий. И никакая серия «Антифоменко», героически выпускаемая энтузиастами, не способна изменить ситуацию. Продолжая опираться на традиционные методы популяризации научных данных, даже всё научное сообщество не сможет противостоять этому зомбированию!

В новом веке требуются и новые технологии решения вопросов популяризации науки. В области истории и ономастики уже сегодня усилия разобщённых исследователей следует объединить на нескольких добротных тематических просветительских сайтах, информационное наполнение которых должно координироваться и контролироваться специально организованной для этого группой представителей научной общественности, возможно, под эгидой РГНФ. Только при новом подходе мы имеем шанс добиться того, чтобы интерес россиян к своей истории и культуре не оказался лишь последним модным «интеллектуальным» всплеском в нашем обществе.

5. Диверсифицировать формы и жанры прикладной ономастики

Заметим, что о «прикладном» характере ономастики при её возникновении справедливо писала А.В. Суперанская в монографии «Общая теория имени собственного», показав, как ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину: «Деление наук на "чистые" и "прикладные" условно, поскольку оно отражает не столько проблематику самих наук, сколько темы, над которыми работают отдельные учёные. Ономастика возникла как прикладная наука, необходимая историкам, географам, этнографам, литературоведам, и не выходила за рамки "вспомогательной научной дисциплины", пока ею занимались представители этих специальностей. Когда к изучению данной проблематики подключились лингвисты, принёсшие с собой методы структурного и семантического анализа, ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину, анализирующую лингвистический материал лингвистическими методами» [7, с. 7 и далее до с. 36].

Однако в конце XX – начале XXI в. уже сама ономастическая наука, одной из главных целей которой должна быть, как мы уже отметили выше, активная популяризация научных знаний, пришла к необходимости диверсификации форм и жанров собственных

исследований: от научно-популярных статей и брошюр к увлекательным и интересным радио- и телесюжетам, программам, от многофункциональных словарей и справочников к некоторым особым видам интеллектуальной продукции.

Одной из востребованных современным российским обществом разновидностей такой интеллектуальной продукции являются специальные фамильные дипломы, подробные и многокрасочные, скрупулёзно составляемые научными сотрудниками ИИЦ «История Фамилий» на основе нашей уникальной гипертекстовой компьютерной базы данных (описание которой станет темой одной из наших будущих научных публикаций), аналогов которой в России не существует. За истекшее десятилетие (центр, как отмечалось, существует с 1996 г.) эти дипломы для десятков тысяч российских семей стали бесценной крупницей истории их рода и источником знаний об истории родной речи, об истории страны, а также удачным, «умным» подарком к разнообразным праздникам и по сути – новой семейной реликвией! Эта работа, как свидетельствуют сотни отзывов наших сограждан, публикации в прессе, отзывы представителей законодательной и исполнительной власти, негосударственных и общественных организаций, работников сферы педагогики и просвещения, имеет осязаемое просветительское и патриотическое значение, ибо развивает в наших согражданах чувство патриотизма и любви к Отечеству, интерес и уважение к родной речи, к истории собственной семьи – важнейшего кирпичика в фундаменте Державы Российской (о разновидностях и типах дипломов см. подробнее на сайте www.familii.ru).

Ниже читателям нашей статьи предлагается пример контента фамильного диплома ИИЦ «История Фамилии», являющегося результатом лингвистического и историко-культурного исследования фамилии *Поспелов*.

Представители этой фамилии могут гордиться своими предками, сведения о которых содержатся в различных документах, подтверждающих след, оставленный ими в истории России. Фамилия *Поспелов* происходит из центральных областей древнерусского государства и входит в число старинных русских фамилий, первые упоминания о которых относятся к XVI в. Конечно, в настоящее время представители этой фамилии могут жить и в других исторических областях.

Происхождение фамилии *Поспелов* связано с двумя явлениями в истории русской культуры.

В старину на Руси каждый человек имел два имени. К имени, полученному ребёнком при крещении, добавлялось второе, называемое мирским, или нецерковным: *Шило, Медведь, Ворона, Зуб, Осока* и т.д. Все они, как правило, не отражали каких-либо качеств их носителя, а были обычными именами, обособленными от своего первоначального значения. Наличие второго имени было своеобразной данью древней славянской традиции двуимённости, требовавшей сокрытия основного, главного имени и употребления в быту другого, «ненастоящего» с целью защиты человека от «нечисти» и «злых сил», которые не должны были узнать его истинного имени.

Большой популярностью пользовалось и мирское имя *Поспел*. Об этом говорят многочисленные примеры из старинных грамот: *Поспел* Юрьевич Зевалов, 1585 г., Тверь; *Поспел*, 1578 г., Арзамас; *Поспел* Лебедев, Московский боярский сын, 1526 г.; *Поспел* Нечков, Сольвычегодский своеземец, 1629 г. О причинах появления многих древнерусских имён сегодня можно только догадываться. К числу таких загадок принадлежит и имя *Поспел*. Оно могло пониматься нашими предками близко к своему значению, т.е. "созрел", "готов к будущей жизни". Не исключено, что такое имя давали и как указание на тот факт, что рождения этого малыша ожидали с огромным нетерпением; возможно, оно указывало на первенца или первого сына в семье, в которой раньше рождались только дочери.

Мирские имена существовали на Руси до окончательного их запрещения церковью в конце XVII в. Неудивительно, что и семейное прозвание потомков часто записывалось не от крестильного, а от более понятного древнерусского имени родоначальника. Так, например, в «Актах Юридических» записаны Дружинка *Поспелов* сын Босова, Московский отчинник, 1586 год и Гаврило *Поспелов*, Белозерский посадский, 1613 год.

Некоторые представители этой фамилии получили её при других исторических обстоятельствах. В XVIII–XIX вв. в российских духовных училищах и семинариях ученики, ранее не имевшие фамилий, получали их распоряжением руководства училищ. Нередко фамилии указывали на возраст семинариста. Совсем юным давались, например, фамилии *Младов, Детский, Сосунов, Птен-*

цов, более зрелым – *Поспелов, Зрелов, Зреликов* и др. Дети священнослужителей, как правило, получали весьма неплохое образование, поэтому уже в XIX в. «семинарские» фамилии нередко встречаются среди российских учёных, писателей и, разумеется, известных служителей церкви. Так, например, в XIX в. известны воспитанники Московской духовной академии: Иаков *Поспелов* (умер в 1896 г.), настоятель Кирилло-Белозерского монастыря и Семён Михайлович *Поспелов* (1816–87), протоиерей, писатель.

О былой популярности этих традиций свидетельствует и такой факт: по данным за 2000 г., только в Москве проживает более 400 семей *Поспеловых*. Нередка эта фамилия и в других русских землях. Тем важнее и интереснее для потомков сохранить память о происхождении их фамилии, являющейся замечательным памятником русской культуры, соединившей древнерусские обычаи и традиции, принятые в православном духовенстве.

И с т о ч н и к и: *Туников Н.М.* Словарь древнерусских личных имен. СПб., 1903. *Шереметевский В.В.* Семейные прозвища великорусского духовенства. СПб., 1908. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М., 1998. © Исследовательский центр «История фамилии», 1996–2007.

Основная интеллектуальная продукция ИИЦ «История Фамилии» оказалась не просто весьма востребованной современным обществом, о чём свидетельствует множество заказов, постоянно поступающих в ИИЦ из самых разных городов и весей России, из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, а также необходимость открытия представительств Центра в других городах (первым стал филиал Центра в г. Ялта, Украина) в 2007 г. Сама жизнь потребовала от сотрудников ИИЦ «История Фамилии» диверсифицировать формы наших прикладных ономастических исследований: с декабря 2007 г. по инициативе наших постоянных партнёров мы принимаем заказы на создание и топонимических дипломов, наглядно представляющих этимологию и «биографию» конкретных географических названий: мы начали эту работу на материале городской топонимии Москвы, поскольку научный руководитель Центра профессор М.В. Горбаневский является одним из наиболее известных и признанных российских специалистов в этой области.

Ниже читателям нашей статьи предлагается пример контента топонимического диплома ИИЦ «История Фамилии», являюще-

гося результатом лингвистического и историко-культурного исследования названия *Белокаменное шоссе*.

Наименования улиц и площадей, переулков и бульваров, проспектов и местностей матушки-Москвы служат действенным ключом к познанию истории великого города и родной русской речи. Каждый старинный топоним является не менее важным памятником истории языка, традиций и отечественной культуры, чем архитектурный памятник, рукописная книга или старинная былина. Так же ценно для нас и наименование *Белокаменное шоссе*.

Белокаменное шоссе проходит в Восточном административном округе Москвы (муниципальный район Сокольники), между Яузской аллеей и улицей Богатырский Мост.

Биография топонима *Белокаменное шоссе* началась в 1928 г., когда шоссе получило официальное название – по станции *Белокаменная* Московской окружной железной дороги (МОЖД). Станция была открыта в 1908 г. Наименование *Белокаменная* было выбрано не случайно, поскольку МОЖД предназначалась не только для грузовых перевозок, но и для экскурсий, поэтому названия станций должны были привлекать пассажиров-экскурсантов. На станции *Белокаменная* до нынешних времён сохранились старинные здания вокзала, двух жилых домов, здание водоснабжения начала XX в.

Слово *Белокаменная* в истории Руси и русской культуры навсегда связано именно с Москвой. Выражение *Москва белокаменная* ещё с XIV в. ассоциируется с образами древнерусского зодчества. На фоне того, что в Москве, как и повсюду на Руси, преобладала деревянная застройка, величественные белокаменные стены Московского Кремля времён Дмитрия Донского и древние кремлёвские православные храмы и монастыри – Чудов и Вознесенский монастыри, Благовещенский, Успенский, Архангельский соборы, церковь Рождества Богородицы и Спаса на Бору, Спасский собор Андроникова монастыря давали нашим предкам основания для такого поэтического эпитета. Белокаменное строительство началось в землях Владимиро-Суздальского княжества с середины XII в. Успенский и Дмитровский соборы во Владимире, церковь Покрова на Нерли – эти чудо-храмы складывались из блоков привозного известняка, добывавшегося в каменоломнях у подмосковного села Мячково на реке Пахре.

Мячковский известняк и есть знаменитый «белый камень». Для московских белокаменных построек также использовался именно он. В 1366 г. сын Ивана Калиты молодой московский князь Дмитрий Иванович (будущий Дмитрий Донской), как сообщает летопись, «со всеми бояры старейшими сдумаша ставити город камен Москву, да еже умылиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камене к городу». Добывали (в старину говорили «ломали») белый мячковский известняк летом, а доставляли к Кремлю зимой, по санному пути. Подсчитано, что на строительство белокаменной кремлёвской стены было израсходовано 14370 кубометров тёсаного камня. В 1367 г. строители «начаша делати град камен беспрестани», и в том же году строительство белокаменной твердыни было завершено. Крепостная стена с девятью башнями, длиною около двух километров, высотой в 3 метра, толщиной в 2-3 метра была возведена за один сезон. Таких огромных строительных работ Русь до этого не знала.

Каменный Кремль был гордостью Руси и упомянут в «Задонщине», поэме о Куликовском сражении. Так постепенно сложился постоянный эпитет Москвы – *белокаменная*. И хотя белокаменные стены Кремля в конце XV в. в царствование Ивана III были заменены кирпичными, эпитет *белокаменная* не только оставался за Москвой, но с годами и веками ещё более укреплялся. Этому способствовало также и то, что в Москве и в более позднее время широко использовался белый камень, как для строительства храмов, так и в светском строительстве – от Грановитой палаты в Кремле до военного госпиталя в Лефортове и больницы имени Склифосовского на Сухаревской площади.

И с т о ч н и к и: *Снегирёв И.М.* Москва: Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1865–1873. Т. 1–2; *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1888–1891. Т. 1–2; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. М., 1950–1954. Т.1–2; *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1992; *Горбаневский М.В.* Москва: кольца столетий: Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. М., 2007. © Исследовательский центр «История фамилии», 1996–2007.

6. Шире использовать уникальные возможности интернет-технологий

Сейчас, когда именно компьютерные технологии помогают, например, научным оппонентам по филологическим диссертациям, гуманитариям за короткое время составить и оформить свои отзывы, статьи, подготовить монографии, послать свои тезисы на международную конференцию и т.д., многие из нас уже не представляют себе жизни (авторы статьи могут сказать это о себе вполне определённо) ни без персонального компьютера, ни без сети Интернет. Это большое приобретение. Одновременно это и большая проблема. Мы стоим на пороге возникновения на Земле глобального информационного общества. И сеть Интернет представляется нам естественной реализацией того, что начиная с 20-х годов XX в. Леруа, Тейяр де Шарден и наш академик Владимир Вернадский – каждый немного по-своему! – видели в феномене *ноосферы*, единой системы, в которой деятельность человека не противоречит развитию природы и в которой произойдёт единение людей независимо от национальной и религиозной принадлежности. Это величайший скачок вперёд в развитии цивилизации. Но прав был в своих опасениях и мудрый академик Никита Моисеев, писавший в книге «Судьба цивилизации: Путь разума»: «Представим себе, что вся та грандиозная информационная система, которая уже создана на нашей планете и мощность которой возрастает экспоненциально с каждым десятилетием, окажется однажды в руках небольшой группы людей, преследующих собственные корыстные интересы. Последствия предугадать нетрудно – это постепенное усвоение миллиардами людей неких новых стандартов мышления, оценок происходящего и восприятия действительности, выгодных этой одиозной группе лиц. В подобной ситуации произойдёт глобальное зомбирование планетарного человечества. Это будет изощрённый информационный тоталитаризм, который страшнее любых форм тоталитаризма, известных человечеству, хотя он и будет носить вполне "цивилизованный" характер» [5, с. 136].

Отчасти именно эти процессы мы и наблюдаем сегодня во всемирной информационной паутине. И, как мы видим, в них всё активнее вовлекаются и данные ономастики. Наглядным доказательством понимания российским интернет-сообществом той

важности, которую представляют собой, в частности, ономастические (антропонимические и топонимические) словари, является то, что на конец ноября 2007 г. ведущий справочно-поисковый ресурс Рунета Яндекс в своём базовом разделе «Словари» среди 62 электронных версий справочников и словарей предлагал пользователям полные тексты (нужным образом адаптированные к интернет-технологиям) четырёх достаточно известных ономастических лексикографических изданий:

- Имена московских улиц. Топонимический словарь. (Авт.: *Агеева Р.А., Бондарук Г.П., Поспелов Е.М., Соколова Т.П., Шилов А.Л.*, М.: Издательство «ОГИ» 2007): <http://slovari.yandex.ru/dict/mostoponim>;

- Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика (Справочник-путеводитель) / Полный свод названий за три века. (Авт.: *Алексеева С.В., Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д.* и др. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Информационно-издательское агентство "ЛИК", 1997): <http://slovari.yandex.ru/dict/petertoponim>;

- *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии: популярный этимологический словарь. (6-е изд., испр. М., 2006): <http://slovari.yandex.ru/dict/fedosjuk>;

- *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. (Сост. *Е.Л. Крушельницкий*; Предисл. *Р.Ш. Джарылгасиновой*. М.: Школа-Пресс, 1993): <http://slovari.yandex.ru/dict/nikonov>.

С одной стороны, замечательно, что упомянутые работы стали доступны миллионам читателей. Однако не следует и чрезмерно переоценивать положительную сторону этого факта. Во-первых, далеко не всё благополучно в случае таких интернет-публикаций с соблюдением авторских прав учёных – авторов данных книг: отчасти по причине их юридической неграмотности (эти вопросы каждый автор решает самостоятельно, в то время как их было бы несложно обеспечить в рамках единой общественной структуры, которая могла бы собирать и обобщать опыт подобного сотрудничества исследователей с интернет-сообществом и консультировала бы начинающих авторов). Во-вторых (что очень существенно!), научному сообществу нужно уметь и прогнозировать дальнейшие события, которые будут сопутствовать увеличению и всё большему вовлечению ономастических работ в сферу интересов коммерческих интернет-проектов. В действительности это несложно. Условия рыночной конкуренции объективно требуют постоянного увеличения «ассортимента продукции». В данном случае мы говорим о публикациях, которые вызывают интерес

читателей-клиентов. Естественным следствием этого является стремление создателей таких интернет-проектов к увеличению числа публикаций, разнообразию их тематики. При этом в едином разделе «Словари» будут соседствовать и научные, энциклопедические работы, и откровенно бредовые, полуфантастические сочинения. Их соседство, в свою очередь, «работает» на авантюристов, в некотором смысле легитимизируя их «творчество», накладывает отпечаток «научности». Легко представить, какое возмущение в кругах учёных вызвал бы факт включения в научный сборник, например этнографический, статьи какого-нибудь современного «учёного», развивающего тему этногенеза украинского народа от «древних укров». А между тем украинский Интернет уже давно без особых проблем объединяет под сенью разных сайтов и в особенности организованных при них форумов и «живую речь» древних укров, и цитаты, например, из Карамзина, Грушевского или современных историков и лингвистов.

Такая же участь ждёт и большинство работ российских ономастологов, которые были включены в этот круг. Сейчас этот круг мал. Но через год-два, может быть, через пять, число словарей достигнет сотен – и тогда владельцы сайтов будут вынуждены создавать рубрикаторы, которые и объединят, наконец, книги Федосюка, Никонова и Хигира «под одной рубрикой» – «Антропонимика». И будут, увы, правы. Сортировать справочники по принципу «верю, не верю» – не их обязанность. Это задача самих учёных.

Однако суть наших рекомендаций коллегам-ономастологам отнюдь не связана с мрачными прогнозами, имеющими, впрочем, полное право на существование. Суть состоит в необходимости учёта той особой роли, которую Рунет (так называют российский сегмент сети Интернет) уже играет в процессах развития и функционирования русской речи, в первую очередь речи молодых людей, в процессах социокультурной самоидентификации немалой части носителей русского языка, в обновляемом таким образом соотношении языка и культуры, в просветительской функции Рунета, имеющей самое непосредственное отношение к повышению роли и значения прикладной ономастики.

Как нам представляется, отечественные учёные-ономастологи должны и сами максимально использовать все те возможности просветительской деятельности, которые им предоставляет ныне всемирная сеть Интернет. На первом этапе необходимо выработать

новые и единые правила отношений научной общественности с таким новым явлением, как сетевые СМИ и другие интернет-ресурсы. Задача вовсе не из разряда тривиальных. Слишком стремительно изменяются информационное пространство и диктуемые им «правила игры». Публикация научной или научно-популярной работы в интернет-ресурсе коренным образом отличается от привычной публикации в традиционном печатном издании. Здесь уже «переиздание» невозможно. Тогда как публикация в Интернете может годами «работать» на владельца данного ресурса, принося ему прибыль. Сформулировать правила, при которых владельцы интернет-ресурсов будут согласны заключать с авторами научно-популярных публикаций договоры, определяющие допустимый срок использования предоставленных материалов, можно только при объединении усилий всех представителей научной общественности.

Разумеется, мы далеки от мысли полной коммерциализации просветительской деятельности. Это касается исключительно отношений научного сообщества с коммерческими интернет-структурами, что позволит интенсифицировать данную работу.

Одновременно с этим следует коренным образом перестроить и деятельность тех некоммерческих организаций, которые уже ведут просветительскую работу в сети Интернет. Нам видится разумным использование методов, схожих с устройством библиотечных коллекторов. Для этого необходимо создать единую информационную сеть ономастических ресурсов, которая позволит интересующимся через систему ссылок переходить от одного ресурса к другому. Причём научное содержание всех сайтов участников данного проекта на всех его уровнях будет гарантироваться организованным научным сообществом.

Коренное отличие данной схемы от приведённого нами примера (библиотечных коллекторов) заключается в возможности двустороннего движения внутри объединённого ресурса. Например, через тематические сайты желающие смогут легко обращаться к региональным ресурсам, вплоть до сайта, посвящённого истории одной конкретной деревни (такие уже есть). И, наоборот, жители любого района и даже посёлка смогут с сайта (точнее, с его раздела, посвящённого истории данного района или населённого пункта и местной ономастике) без труда «перейти» на ресурсы, дополняющие исследования краеведов или

дающие «общий план», не блуждая в дебрях заведомо ненаучных публикаций. Эта «деталь» совсем не маловажна, если вспомнить о том, что владельцы сайтов, публикующих псевдонаучные, но увлекательные по своей природе материалы, используют методы агрессивной и далеко не всегда «законной» рекламы (мы вынуждены употреблять в данном случае кавычки, так как всеобъемлющего законодательного регулирования Интернет-сообщества в настоящее время ещё не существует). Причины, почему подобные публикации привлекают внимание, уже давно объяснены (известная истина: чем масштабнее ложь, тем больше в неё верят). Тем сильнее воздействие таких «работ», когда они «открывают» читателю факты поистине фантастические, доказывают, что всё, ранее написанное – ложь и «от народа скрывалось».

Технически организация такой системы ссылок не представляется слишком сложным делом. Значительно сложнее обеспечить контроль за соответствием контента каждого из включённых в эту систему ресурсов со стороны научного сообщества. В качестве одного из наглядных примеров позитивного решения такой задачи на региональном уровне (хотя участие в нём принимают учёные из разных регионов) назовём интернет-альманах «Соборная сторона» (www.russa.net), официально зарегистрированный как электронное СМИ в Минпечати РФ и издающийся на благотворительных началах с 2000 г. Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (председатель правления – профессор М.В. Горбаневский). Альманах посвящён древнему городу *Старая Русса* (Новгородская область), городу-музею, городу-курорту, городу-труженику, городу Ф.М. Достоевского, и носит выраженный историко-культурный характер. В альманахе есть среди 20 разделов специальные разделы «Судьбы названий» и «У нас так говорят», в которых широко представлены топонимические и антропонимические материалы по Старой Руссе, Южному Приильменью и Новгородскому краю, а в электронной библиотеке «Книги: Виртуальный читальный зал» в открытом доступе представлены два топонимических издания, выпущенных при организационно-финансовом участии Гильдии и редакции альманаха:

- *Старая Русса: Тайны имени древнего города.* (Авт.: *Агеева Р.А., Васильев В.Л., Горбаневский М.В.*). М.: Мельгир, 2002. 128 с.

- Улицы Старой Руссы: История в названиях. (Авт.: Горбаневский М.В., Емельянова М.И.). М.: Медя, 2004. 384 с.

Параллельно с этим полезный просветительский топонимический и антропонимический материал периодически выкладывается в разделе «По страницам газет и журналов», а также в новостной ленте интернет-альманаха «Соборная сторона». Ниже читателям нашей статьи предлагается пример контента заметки в разделе «Новости» интернет-альманаха «Соборная сторона», посвящённой истории топонима *Леохново*, поводом для публикации которой послужила круглая дата в истории Леохновского монастыря. 23.10.2006.

Разгадка названия *Леохново* Комментарий лингвиста

В этом году исполняется 450 лет со дня основания знаменитого Леохновского монастыря – православной святыни Южного Приильменя и всей Земли Новгородской, возрождаемого соборным трудом под ежедневным руководством и попечительством выдающегося подвижника – иерея Александра Муринсона.

Архиепископ Новгородский и Старорусский Лев назначил празднование на 30 октября – день памяти прп. Антония. В этот день после богослужения в *Леохнове* состоится конференция, концерт духовного пения и торжественная трапеза.

Заранее поздравляю всех рушан и новгородцев с этим радостным праздником!

В интернет-альманахе «Соборная сторона», которым я руководжу вот уже шесть лет по ранее полученному благословению архимандрита Агафангела, есть странички, рассказывающие и о Леохновской обители, которые я от души советую посетить всем, кто имеет доступ в Интернет:

- «Леохновская колокольня»

http://www.russa.net/almanakh/road_to_temple/kolokolnaj.htm

- «Преподобный Антоний Леохновский (Новгородский чудотворец). Житие и описание Леохнова монастыря» (с новой иконографией и новыми фотографиями обители!)

<http://www.russa.net/books/leox.htm>

В связи с предстоящим празднованием 450-летия Леохновской обители многие люди и в Старой Руссе, и в Москве, зная, что в лингвистической науке я многие годы занимаюсь ономастикой – изучением происхождения и значения разнообразных имён, наименований, фамилий людей и географических названий, просят объяснить загадочное, с их точки зрения, географическое название *Леохново*.

Поэтому сегодня я пользуюсь возможностями печатной и электронной прессы, чтобы, отвечая на этот интересный и оправданный вопрос, сделать ответ на него максимально доступным широким кругам читателей и моих братьев и сестёр во Христе.

Известно, что с крещением Руси в 988 г. в систему личных имён древних русичей влились мощные потоки так называемых крестильных имён. Значительная часть русских фамилий и географических названий образована от христианских имён, содержащихся в церковном календаре – святцах. Церковь определяла, чтобы ребёнка называли в честь того или иного святого, почитаемого в строго определённый день года. Христианство пришло на Русь в X в. из Византии. Византия заимствовала его у Римской империи, в Рим же оно проникло с Ближнего Востока. Поэтому большинство личных имён в наших святцах, т.е. имён христианских, заимствовано из древнееврейского, древнегреческого и латинского языков.

Так, например, имя *Пётр*, от которого образованы фамилия *Петров* или название деревни *Петровка*, в переводе с древнегреческого языка означает "камень, скала". Имя *Пётр* вошло в православный именник в честь носивших это имя святых: апостолов, святителей, священномучеников, мучеников, преподобных, праведников. Память этих святых празднуется в год более 30 раз – в разные дни и месяцы. Фамилия *Петров* – одна из 10 самых распространённых в России: на некоторых территориях проживает до 6-7 *Петровых* на тысячу человек. Фамилии, образованные от полной формы крестильного имени, имели в основном знать или же семьи, пользовавшиеся в данной местности большим авторитетом, представителей которых соседи уважительно звали полным именем – в отличие от других сословий, звавшихся, как правило, уменьшительными, производными, обиходными именами. Так могли образоваться через отчества, например, фамилии *Петин*,

Петрейкин, Петренко, Петрюк, Петрухин, Петрунин, Петровых, Петрыкин, Петрик, Петрягин, Петрищев, Петяшин и многие другие.

Разве кто-нибудь будет сейчас сомневаться, что нашему языку, русскому именику не присуще имя *Иван*? Однако по происхождению оно не русское и даже не славянское, а пришло на Русь вместе с христианством в X в. из греческого языка, где имело иной облик – *Иоанн*. В греческий же имя попало из древнееврейского языка, в котором употреблялось в форме *Иоханан*. Этот антропоним представлял собой целую древнееврейскую фразу, которую можно перевести на русский язык предложением: «бог благоволит». Антропоним *Иоханан* – *Иоанн* попал не только в русский язык, но и во многие другие языки мира, и главную роль в этом сыграла церковь, христианство. У русского имени *Иван* по всему свету разбросано множество родственников: английское имя *Джон*, немецкое *Йоханнес, Йоганн*, французское *Жан*, итальянское *Джованни*, шведское *Юхан*, датское *Йенс*, испанское *Хуан*, арабское *Юханна*...

Назвать имя *Иван* русским нам полностью позволяет то, что оно прошло в нашей речи все ступени адаптации иноязычного слова. Во-первых, оно освоено фонетической системой русского языка: мы произносим его по правилам русской фонетики, используя только звуки, свойственные русской речи. Во-вторых, оно освоено грамматической системой нашего языка, например, изменяется по падежам так же, как и существительные мужского рода второго склонения. В-третьих, уже на русской почве оно дало целый ряд производных – народные и уменьшительные формы *Ваня, Ванюша, Ванятка, Ивашко, Иванище, Ивка, Ваньтяй*... Таких форм в старинных документах мы находим более ста! Соответственно более ста фамилий, восходящих фактически к имени *Иван*, были от них образованы через отчества: *Ванин, Ванюшин, Ваняткин, Иванищев, Ивкин, Ваньтяев*, даже *Янковский* и десятки других.

Диалектные особенности русской речи приводили к тому, что, например, иноязычное (и потому непривычное уху нашего предка) греческое имя *Александр*, означающее «мужественный», могло приобрести в русской речи такие народно-разговорные (и при этом – очень широко употреблявшиеся!) формы, как *Санец, Санин, Санько, Сахно, Сахнович, Сашенков, Сашнев, Сашнюк* (варианты имени или даже варианты образованных от них фамилий).

Российские учёные (в частности, доктор филологических наук В.Л. Васильев из НовГУ) установили, что сложный и древний кирпичик-формант *-ХНО* (т.е. «строительный» элемент, при помощи которого образовывались диалектные варианты личных имён – и исконно славянских, и календарных христианских имён) сохранял продуктивность в Земле Новгородской минимум до XVIII в.: *Григорий*→*Грихно*, *Степан*→*Стехно*, *Жирослав*→*Жирохло* и т.д. В теоретической лингвистике такие имена называют сложным термином «гипокористические имена», то есть такие, которые имеют сокращённую форму основы или одну полную основу вместо двусложной формы. Гипокористические именованья людей (в переводе с греческого – «уменьшительные или ласкательные имена») могут быть суффиксальными (с нейтральным суффиксом) и бессуффиксальными. Вот наиболее простые и понятные примеры подобных форм имён: *Валя* вместо *Валентина*, *Коля* вместо *Николай*, *Слава* вместо *Вячеслав*, *Гостята* вместо *Гостомысл* и *Милогость*...

Такова же судьба и имени *Леохно*! Это не что иное, как сокращённая, уменьшительная, ласкательная новгородская форма крестильного христианского имени *Леонид*, имеющего очень древние корни. Оно сложилось в греческом языке, где имело форму *Leonidas* и означало «подобный льву». Антропоним *Леохно* с очевидностью лежит в основе названия села *Леохново*, поименованного так в честь либо первопоселенца в этих местах, либо более позднего владельца селения. Тут уже лингвистам должны помочь старорусские историки и краеведы и попробовать выяснить, кем же был этот некий человек (в крещении – *Леонид*, а в быту – *Леохно*), который жил в этих местах и, возможно, владел тем самым селением *Леохново*, где 450 лет назад появился Леохновский монастырь.

С приближающимся праздником, братья и сестры!

Ваш богомолец, доктор филологических наук, профессор М.В. Горбаневский

7. Создавать действенные научно-общественные объединения

Сейчас, в заканчивающемся первом десятилетии XXI в., мы обязаны серьёзно подумать о будущем российской ономастики, ибо в ней идёт смена поколений, а общее состояние науки и выс-

шей школы в нашей Федерации продолжает вызывать и тревогу, и озабоченность. В связи с этим мы, руководители ИИЦ «История Фамилии», предлагаем уважаемым коллегам-ономатологам в обозримой перспективе реализовать ещё одну программу, имеющую самое непосредственное отношение к судьбе как фундаментальной, так и прикладной ономастики. Для обеспечения успешного функционирования российского образования, науки и культуры и дальнейшей их оптимизации, для дальнейшего эффективного развития и укрепления российской ономастики, для разработки более эффективных механизмов изучения и популяризации, а также освоения богатейшего историко-культурного потенциала и содержания многомиллионного пласта российских онимов существенное значение, на наш взгляд, будет иметь деятельность независимого и высокопрофессионального сообщества – новой общественной организации «Межрегиональное ономастическое общество им. В.А. Никонова» (МООН).

Среди основных целей независимой научно-общественной структуры нам видятся: 1) упрочение и расширение связей, консолидация и объединение усилий учёных-ономатологов, 2) эффективная помощь научно-практическому изучению онимов многонационального сообщества народов России как важнейшего историко-культурного звена, связывающего поколения россиян, 3) использование для этого современных компьютерных технологий, 4) содействие сохранению, развитию и защите русского языка и языков народов России.

В числе приоритетных задач членов Межрегионального ономастического общества им. В.А. Никонова (МООН), которое будет названо именем выдающегося советского учёного, одного из основоположников отечественной ономастики, неумолимого организатора связей и контактов представителей отечественной ономастической науки Владимира Андреевича Никонова (29.07.1904, Симбирск – 13.03.1988, Москва), нам видятся следующие задачи:

- участие в освоении научного наследия выдающихся советских и российских учёных-ономатологов, в обработке и публикации их архивов, активное введение лучших достижений советской ономастической науки в научный оборот;

- организация, финансирование и проведение научно-практических конференций (включая эффективные интернет-

конференции) исследователей из РФ, Ближнего и Дальнего Зарубежья, встреч по обмену опытом, семинаров по ономастике и близкой лингвистической, историко-культурной и этнографической проблематике;

- содействие контактам учёных в планировании и разработке актуальной тематики ономастических исследований, включая диссертационные исследования;

- оптимизация существующей ономастической терминологии;

- организационное и финансовое содействие издательской деятельности российских ономастологов;

- создание компьютерных гипертекстовых баз данных российских антропонимов и топонимов;

- реализация общедоступного интернет-проекта по составлению постоянно обновляемой полной отечественной библиографии по ономастике;

- освоение и изучение исторических архивов переписи населения СССР и России и изучение функционирования личных именований людей (фамилий, отчеств, имён, псевдонимов и др.) в семье, обществе и государстве, включая СМИ, в контексте новых современных реальностей в условиях историко-культурной общности полиэтнической России;

- содействие распространению информации в российских СМИ о положении русского языка, языков народов РФ и ономастики в семье, обществе и государстве, о ситуации с нормами и культурой употребления русских и иноязычных антропонимов, топонимов, эргонимов, имён собственных в наружной и медийной рекламе и т.д.;

- активное участие в реализации издательско-просветительского проекта «Российская научно-популярная газета «Мирь имён и названий» (регр. свидетельство Росохранкультуры ПИ №ФС 77-24176);

- содействие проведению научных консультаций и лингвистических экспертиз по вопросам передачи русских антропонимов в иностранных текстах и иноязычных антропонимов в русских текстах;

- экспертная деятельность в области возвращения на карту России и её географических объектов исторических наименований, а также в области оптимизации действующего в России законодательства и подзаконных актов, касающихся отечественной топонимии;

- содействие совершенствованию системы среднего и высшего образования через базовые курсы и спецкурсы (спецсеминары,

факультативы) по ономастике (включая курсы по исторической ономастике, антропонимике, топонимике, по деловой антропонимике, по языку рекламы, по стилю и содержанию деловых документов и т.д.);

- содействие повышению эффективности работы органов ЗАГС;

- участие в решении различных социальных проблем, возникающих у профессиональных и самодеятельных исследователей-ономастологов по месту жительства, работы или учёбы в связи с их исследовательской или просветительской деятельностью;

- помощь государственным и общественным организациям в деле воспитания толерантной и этнокультурной молодежи, включая её осознанное уважение истории своего Рода, своей Фамилии, своей Малой Родины на основе знаний, прошедших научную апробацию;

- ряд других задач.

* * *

Отношение к нашему богатейшему материальному и духовному историко-культурному наследию за последние годы изменилось – и разительным образом! Исторические традиции сегодня обретают вторую жизнь, идеи национального единства и соборного согласия, спасшие Россию во время смуты XVII в., после чего наша Отчизна поднялась, окрепла и стала могучей державой, переживают второе рождение. Эти традиции и идеи становятся политической и культурной реальностью нашего времени.

Сейчас крайне важно восстановить связь времён – на деле, а не на словах, вернуться к системе ценностей исторической России, восстановить их преемственность и определяющую роль в жизни каждого человека, семьи и общества в целом. Правы те политологи и общественные деятели современной России и Русского Зарубежья, которые считают, что нужна новая позиция: не посередине между "правыми" и "левыми", а по ту сторону, впереди. Реформам нужно патриотическое обоснование, а патриотизму нужен решительный отказ от недавнего идеологического наследия и шовинизма.

Слава Богу, россияне ещё не утратили интереса к истории Большой и Малой Родины – России и своего края. Такой интерес связан со стремлением посмотреть в историческое зеркало, уви-

деть себя, собственные черты в своих предках и предшественниках, обнаружить сходство и понять различия. Российские ономатологи обязаны помочь своим согражданам и землякам обнаружить это зеркало, в том числе и через новые эффективные проекты в области прикладной ономастики – прикладной топонимики и антропонимики.

Мы искренне надеемся, что этим российская ономастическая наука не только поможет возрождению таких проверенных веками понятий, как долг, вера, честь, трудолюбие, нравственность, справедливость, человеколюбие, но и внесёт свой вклад в достижение в России общественного согласия. Ведь ономастика, по нашему убеждению, входит в важнейшую комплексную гуманитарно-историческую систему познания и понимания прошлого России с точки зрения исторической системы ценностей, дающую возможность каждой личности стать причастной к настоящему и будущему Отечества.

Литература

1. *Горбаневский М.В.* Противопоставление *nomina propria* и *nomina appellativa* в контексте идей С.Л. Франка о соотношении "я" и "мы" // Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М., 1996. С. 268–276.
2. Информационно-исследовательский центр «История Фамилии» / Сост. М.В. Горбаневский, В.О.Максимов. М., 2007.
3. *Лихачёв Д.С.* Исторические названия – наследие духовной культуры народа // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры», 17–20 апреля 1989 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 3–4.
4. *Матвеев А.К.* Апология имени // ВО. 2004. №1. С. 7–13.
5. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации: Путь разума. М., 2000.
6. *Поспелов Е.М.* Топонимика и краеведение // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры», 17–20 апреля 1989 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 72–73.
7. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
8. *Томахин Г.Д.* Топонимы как реалии языка и культуры (на материале географических названий США) // ВЯ. 1984. № 4.
9. *Трубачёв О.Н.* Славяне, язык и история // Писатель и время: Сб. док. кум. прозы / Сост. В.П. Стеценко. М., 1986.

10. Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественно- исторического сознания. М., 2005.
11. Щербак А.С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов, 2006.
12. http://www.ivran.ru/news_events/details.php?id=139&oldnews=yes

ПРОЦЕДУРА ПРИСВОЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ НАЗВАНИЯМ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

М.Н. Морозова

В соответствии с пунктом «р)» статьи 71 Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., наименования географических объектов находятся в ведении Российской Федерации. Статьей 65 Конституции Российской Федерации определён состав Российской Федерации. В случаях изменения наименований субъектов Российской Федерации, а также принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации соответствующие изменения подлежат включению в статью 65 Конституции Российской Федерации. Образование в составе Российской Федерации нового субъекта и установление данному географическому объекту наименования осуществляется в соответствии с Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6–ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации».

В целях ускорения социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, а также повышения уровня жизни населения на основании федеральных конституционных законов в составе Российской Федерации в результате объединения граничащих между собой субъектов образованы новые субъекты Российской Федерации и установлены их новые наименования. На основании федеральных конституционных законов внесены соответствующие изменения в статью 65 Конституции Российской Федерации: *Пермский край* – вместо объединённых Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа; *Красноярский край* – вместо объединённых Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа; *Камчатский край* – вместо объединённых Камчатской области и Корякского

автономного округа; *Иркутская область* – вместо объединённых Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа; *Забайкальский край* – вместо объединённых Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа (соответственно Федеральные конституционные законы от 25.03.2004 № 1–ФКЗ, от 14.10.2005 № 6–ФКЗ, от 12.06.2006 № 2–ФКЗ, от 30.12.2006 № 6–ФКЗ, от 21.06.2007 № 5–ФКЗ).

В связи с изменением наименований субъектов Российской Федерации, на основании Указов Президента Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации включены новые наименования субъектов Российской Федерации: *Республика Ингушетия* – вместо наименования Ингушская Республика; *Республика Калмыкия* – вместо наименования Республика Калмыкия – Хальмг Тангч; *Республика Северная Осетия–Алания* вместо наименования Республика Северная Осетия; *Чувашская Республика* – *Чувашия* вместо наименования Чувашская Республика – Чаваш республики; *Ханты-Мансийский автономный округ–Югра* – вместо наименования Ханты-Мансийский автономный округ (соответственно Указы Президента Российской Федерации от 09.01.1996 № 20, от 10.02.1996 № 173, от 09.01.1996 № 20, от 09.06.2001 № 679, от 25.07.2003 № 841).

В соответствии со статьёй 76 Конституции Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации. Во исполнение Конституции Российской Федерации был принят Федеральный закон от 18 декабря 1997 г. № 152–ФЗ «О наименованиях географических объектов» (далее – Федеральный закон), вступивший в силу 24 декабря 1997 г. на всей территории Российской Федерации. Федеральным законом установлены правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также нормализации, употребления, регистрации, учёта и сохранения наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации.

В целях реализации Федерального закона принят ряд постановлений Правительства Российской Федерации, определивших законодательную базу деятельности в области наименований географических объектов:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1998 г. № 177 «Вопросы реализации Федерального закона «О наименованиях географических объектов». Федеральная служба геодезии и картографии России определена специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в области установления, нормализации, употребления, регистрации, учёта и сохранения наименований географических объектов.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 1999 г. № 273 «О Межведомственной комиссии по географическим названиям». Утверждены Положение о Межведомственной комиссии по географическим названиям и её состав.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 мая 1999 г. № 554 «О мерах по реализации Федерального закона «О наименованиях географических объектов». Определены порядок утверждения и введения в действие нормативных правовых актов Российской Федерации, определяющих единые требования, нормы и правила в области наименований географических объектов, утверждён Порядок рассмотрения Федеральной службой геодезии и картографии России предложений о присвоении наименований географическим объектам и переименовании географических объектов. В соответствии с данным постановлением Правительства Российской Федерации Роскартографией подготовлен и утверждён Перечень документов, материалов и сведений, необходимых для проведения экспертизы предложений о присвоении наименований географическим объектам и переименовании географических объектов.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 3 июля 2000 г. № 487 «Об утверждении Положения о регистрации и учёте наименований географических объектов, издании словарей и справочников наименований географических объектов, создании и ведении Государственного каталога географических названий». Утверждено Положение, устанавливающее порядок регистрации и учёта наименований, издания словарей и справочников наименований географических объектов, а также создания и ведения Государственного каталога географических названий.

За прошедший почти 10-летний период действия Федерального закона «О наименованиях географических объектов» и практического его применения возникла необходимость уточнения

отдельных положений статей Федерального закона «О наименованиях географических объектов».

В соответствии с решением Правительства Российской Федерации по вопросу «О повышении эффективности геодезической и картографической деятельности в Российской Федерации» и концепцией законопроекта, утверждённой Комиссией Правительства Российской Федерации по законопроектной работе, разрабатывается проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О наименованиях географических объектов». Одновременно постановления Правительства Российской Федерации, определившие законодательную базу деятельности в области наименований географических объектов, требуют внесения соответствующих изменений.

В связи с изменением системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» Федеральная служба геодезии и картографии России, определённая постановлением Правительства Российской Федерации как специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в области наименований географических объектов, упразднена, и образовано Федеральное агентство геодезии и картографии (Роскартография).

В соответствии с Положением о Федеральном агентстве геодезии и картографии (Роскартография), утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2004 г. № 386, Роскартография организует создание и ведение Государственного каталога географических названий, работу (в пределах своей компетенции) по установлению, нормализации, употреблению, регистрации, учёту и сохранению наименований географических объектов, а также рассмотрение в установленном порядке предложений органов государственной власти субъектов Российской Федерации о наименованиях географических объектов и проведение экспертизы наименований географических объектов. Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере наименований географических объектов, является Министерство транспорта Российской Федерации.

Межведомственная комиссия по географическим названиям, осуществлявшая межотраслевую координацию деятельности в области наименований географических объектов, упразднена (по постановлению Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2004 г. № 215 «Об упорядочении состава координационных, совещательных, иных органов и групп, образованных Правительством Российской Федерации»).

В целях координации работ в области нормализации, употребления, регистрации, учёта и сохранения наименований географических объектов, для обеспечения согласованных действий заинтересованными органами исполнительной власти при решении задач в области наименований географических объектов распоряжением Министерства транспорта Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № ИЛ–13–р образована Комиссия по географическим названиям. Указанным распоряжением утверждены Положение о Комиссии по географическим названиям и состав Комиссии по географическим названиям. В Положении изложены основные задачи Комиссии по осуществлению координации работ в области наименований географических объектов, определены её полномочия и установлено, что решения, принимаемые Комиссией в пределах установленной компетенции, являются обязательными для представленных в Комиссии федеральных органов исполнительной власти. В состав Комиссии по географическим названиям входят представители федеральных органов исполнительной власти и научных организаций. Организационно-техническое обеспечение деятельности Комиссии возложено на Федеральное агентство геодезии и картографии.

За время действия Федерального закона «О наименованиях географических объектов» с учётом положительного экспертного заключения Роскартографии по рассмотренным предложениям (по состоянию на 1 сентября 2007 г.) общее количество принятых нормативных правовых актов о присвоении наименований географическим объектам и переименовании географических объектов составляет 77 (5 федеральных законов и 72 постановления Правительства Российской Федерации), включающих в себя 812 предложений о присвоении наименований географическим объектам (609 предложений) и о переименовании географических объектов (203 предложения). При этом число поступивших предложений о присвоении наименований географическим объектам и

их переименовании на экспертизу значительно больше принятых, что связано с отрицательным заключением.

Наибольшее количество предложений о присвоении наименований географическим объектам и их переименовании за прошедший период было внесено субъектами Российской Федерации в 2002 и 2003 гг., что связано с проведением в 2002 г. Всероссийской переписи населения. Во исполнение Федерального закона «О Всероссийской переписи населения» постановлением Правительства Российской Федерации «Об организации Всероссийской переписи населения в 2002 году» органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления было рекомендовано не проводить в 2002 г. административно-территориальных преобразований и переименований географических объектов.

Вместе с тем, как показывает практика, существует множество населённых пунктов с наименованиями, официально не установленными, поэтому в связи с проводимой переписью в целях упорядочения употреблений наименований поступило множество предложений о присвоении наименований населённым пунктам и их переименовании.

Правительством Российской Федерации приняты соответствующие решения, при этом органам исполнительной власти, вносившим предложения, было рекомендовано приступить к проведению организационно-технических мероприятий по реализации постановлений о присвоении наименований населённым пунктам и их переименовании в 2003 г.

В соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» предложения о присвоении наименований географическим объектам или переименовании географических объектов могут вноситься органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также общественными объединениями, юридическими лицами, гражданами Российской Федерации. При этом предложения о присвоении наименований географическим объектам или переименовании географических объектов Российской Федерации направляются в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации, на территории которых расположены эти объекты, а предложения о

присвоении наименований географическим объектам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, а также географическим объектам, открытым или выделенным российскими исследователями в пределах открытого моря и Антарктики и их переименовании направляются в специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в области наименований географических объектов.

Наименования, присваиваемые географическим объектам, должны соответствовать требованиям статей 7 и 8 Федерального закона «О наименованиях географических объектов».

Присвоение наименований географическим объектам

Предложения о присвоении наименований географическим объектам, по которым приняты соответствующие решения в соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов», включают в себя присвоение наименований следующим географическим объектам:

1. Природные (физико-географические) объекты Российской Федерации, географические объекты континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, а также географические объекты, открытые или выделенные российскими исследователями в пределах открытого моря и Антарктики. Данным географическим объектам присвоены в основном имена лиц, непосредственно принимавших участие в открытии, изучении, освоении или основании географических объектов, а также имена выдающихся государственных и общественных деятелей, представителей науки и других лиц, имеющих заслуги перед государством.

Остров Рожкова – в память о Герое Российской Федерации А.Н. Рожкове (западное побережье острова Северный остров Новая Земля); *гора Гумбольдта, гора Лепёхина, гора Палласа* – увековечение памяти выдающихся учёных и исследователей Урала; *пик Георгия Жукова* – увековечение памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (Северо-Чуйский хребет, Республика Алтай); *коса Филипповича* – в память о бывшем главе администрации Шмидтовского района Чукотского автономного округа А.Н. Филипповиче (песчаная коса на побережье Чукотского

моря); *мыс Латкина* и *мыс Скверского* – увековечение памяти российских исследователей Арктики; *остров Лысенкова* – в память о Г.А. Лысенкове (остров на реке Обь); *озеро Молодёжное*, расположенное в городе Уренгой (Ямало-Ненецкий автономный округ) и др.

Пик Билибина, *гора Болдырева*, *гора Вознесенского*, *гора Флёрова*, *пик Танкистов* – в память о геологах, исследователях Северо-Востока России, а также о танкистах – участниках Великой Отечественной войны, жителях города Магадана (вершины Верхнеколымского нагорья, Магаданская область) и др.

Гора Федосеева, *перевал Уликиткана* – в память о геодезисте и писателе Г.А. Федосееве, его проводнике С.Г. Трифонове (Уликиткане) (Становой хребет, Амурская область); *гора Куваева* – в память о геологе и писателе О.М. Куваеве (вершина Чукотского нагорья, Чукотский автономный округ); *бухта Чичерина* – в память об участнике Великой Отечественной войны, военном моряке П.А. Чичерине (бухта расположена в южной части Охотского моря, ограниченная мысами острова Танфильева Малой Курильской гряды) и др.

Гора Адмирала Кузнецова (подводная гора в Тихом океане), *пролив Алексеева* (Карское море), *пролив Баранова* (Баренцево море), *пролив Архангельского* (Карское море), *камни Анучина* (скалистый подводный риф в Авачинском заливе Тихого океана), *гора Деменицкой* (подводная гора в Атлантическом океане) – в целях увековечения памяти выдающегося деятеля российского Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецова и российских исследователей Арктики, Тихого и Атлантического океанов; *горы Рассохо* – в память о военном моряке и гидрографе, адмирале А.И. Рассохо (подводные безымянные горы в Северном Ледовитом океане на хребте Гаккеля); *банка Добровольского* и *банка Мамаева* – увековечение памяти учёных-океанологов (подводные объекты в проливе Шокальского Карского моря) и др.

Гора Николая Волкова, *гора Гордиенко*, *гора Острекина* (массив Вольгат Земли Королевы Мод, Антарктида), *мыс Сидорова* (залив Трёшников моря Дейвиса) – в память об исследователях Арктики и Антарктики; *гора Жукова*, *гора Святого Владимира*, *гора Святых Бориса и Глеба* (хребет Красовского, массив Вольгат Земли Королевы Мод, Антарктида) – в память об участнике Великой Отечественной войны, Маршале Советского Союза

Г.К. Жукове, русских князьях Владимире, Борисе и Глебе, канонизированных Русской православной церковью; *тик Ямал* (массив Винсона, Антарктида) и др.

2. Города и другие поселения.

Предложения о присвоении названий данным географическим объектам составляют основную часть поступающих предложений. Правительством Российской Федерации приняты решения о присвоении наименований городам, хуторам, деревням, сёлам, посёлкам сельского и городского типа, починкам, железнодорожным станциям (как населённым пунктам) и др.

Федеральным законом от 26 декабря 2000 г. № 149–фз установлено наименование *Магас* – столице Республики Ингушетия (наименование *Магас* образовано от названия столицы средневекового Аланского государства, означающего «город солнца»).

Посёлок городского типа Курловский во Владимирской области был преобразован в город с присвоением наименования *город Курлово*; *посёлок городского типа Чегем-Первый* в Кабардино-Балкарской Республике был преобразован в город с присвоением наименования *город Чегем*.

Наименования, присваиваемые населённым пунктам, соответствуют требованиям Федерального закона «О наименованиях географических объектов»:

- Наименования, отражающие наиболее характерные признаки географических объектов, местности, в которой расположены, особенности жизни и деятельности населения соответствующей территории.

Посёлок Армейский (Московская область), *посёлок Энергетик* (Республика Башкортостан), *посёлок Дорожный* (Костромская обл.), *деревня Славянская Слобода* (Удмуртская Республика).

Деревни Пузаково, Хретьень, Демидково (Пермская область), *хутора Суходол, Жерпатер, Утиный* (Саратовская область), *деревни Губановка, Куновка, Карпово* (Калужская область), *деревни Мартьяново, Умлянда, Глухая Лохта, Шапша, Коштуги, Мегра, Сяргозеро, Палтога* (Вологодская область), *посёлок Весёлый Кут* (Республика Коми), *деревни Лапушицы, Хочуни, Уверская Плотина* (Новгородская область).

Посёлок Сосновый Бор (Республика Татарстан) и *посёлок Роцинский* (Самарская область) – по близлежащим лесным массивам; *населённый пункт Куромба* (Красноярский край) – по названию реки

Курамба, на которой расположен населённый пункт; село *Аркыт* (Республика Алтай) – по названию реки *Аргут* (нормализованное наименование Аркыт), деревня *Комаришка* (Пермская область) – по названию реки *Комаришка*, деревня *Колоколенки* (Челябинская область) – расположенные рядом скальные останцы имеют коническую форму, напоминающую форму колокола.

Хутор Крутенький и *хутор Кулацкий* (Саратовская область) – соответственно по названиям расположенных рядом лимана *Крутенький* и лимана *Кулацкий*.

Посёлок Станция-Мясельга (Республика Карелия), железнодорожная станция (населённый пункт) *Шушкодом* (Костромская область) – по названиям железнодорожных станций.

Деревня Крестопклонная (Ивановская область) – населённый пункт расположен вблизи возрождающегося храма *Животворящего Креста*; посёлок *Казачьи Лагери* (Ростовская область) – по названию расположенного вблизи железнодорожного остановочного пункта *Казачьи Лагери*.

Аул Мафэхабль (Республика Адыгея) – в переводе с адыгейского «счастливый аул», предложено жителями населённого пункта, адыгейцами по национальности, прибывшими на этническую Родину из югославского края Косово в период военных действий в 1998 г.

- Населённые пункты, которым присвоены имена лиц, непосредственно принимавших участие в освоении или основании населённых пунктов.

Хутор Григорьевский (Саратовская область) – по имени основателя крестьянского хозяйства *О.А. Григорьева*; *хутор Бухаровский* (Свердловская область) – по имени основателя населённого пункта *М.А. Бухарова*; аналогично, *посёлок Вадимово* в Амурской области, *деревня Бечковская* в Кировской области, *село Бархатово* в Республике Алтай.

Населённый пункт Николаев Посад (Пермская область) – в честь почитаемого святого *Николая Чудотворца*. *Село Невское* (Московская область) – в 2004 г. построен храм в честь *Александра Невского*.

3. Районы, волости и подобные им объекты.

В ряде субъектов Российской Федерации взамен категорий «район, волость, сельсовет» принимаются такие понятия, как *сельские округа, округа, улусы, наслеги, сомоны, сумоны* и т.д. При

этом присвоение наименований муниципальным образованиям осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Наименования административно-территориальных единиц являются в основном производными от наименований их административных центров:

Наумкинский сельсовет с административным центром в деревне Наумкино Республики Башкортостан; *Боголюбовский сельский округ* с административным центром в посёлке Боголюбово Владимирской области; *Среднехарлунский сомон* с административным центром в улусе Средний Харлун Республики Бурятия; *Юловский сельсовет* с административным центром в посёлке Юловский Ростовской области; *Армакский сельсовет* с административным центром в селе Армак и *Среднехарлунский сомон* с административным центром в улусе Средний Харлун Республики Бурятия; *Лебедевский сельский округ* с административным центром в селе Лебедевка Саратовской области и др. *Лескенский район* с административным центром в селе Анзорей (Кабардино-Балкарская Республика); *административно-территориальное образование Город Шахмат* (Республика Калмыкия, территориальное образование с особым статусом, в пределах которого размещаются объекты 33-й Всемирной шахматной олимпиады).

4. Железнодорожные станции, морские порты и подобные им объекты.

Географическим объектам железнодорожного транспорта присвоены в основном имена лиц государственных и общественных деятелей и других, имеющих заслуги перед государством: *железнодорожный разъезд Генерала Омельченко* (Ленинградская область) – в память о генерале-лейтенанте В.Г. Омельченко; *железнодорожная платформа Партизанская* (Ленинградская область) – в память о партизанах, сражавшихся в период Великой Отечественной войны в Ленинградской области; *остановочный пункт Родионовская* (расположен в Тверской области на 318 км перегона Бологое-Березайка Октябрьской железной дороги) – в целях увековечения памяти почётного железнодорожника И.И. Родионова.

Географическим объектам морского транспорта присвоены наименования по наименованиям близлежащих географических

объектов: *морские торговые порты Усть-Луга и Приморск* (строящиеся на побережье Финского залива в Ленинградской области) – по названиям населённых пунктов Усть-Луга и Приморск; *морской торговый порт «Пассажирский порт Санкт-Петербург»* (расположен на Васильевском острове); *морской порт «Большой порт Санкт-Петербург»* (расположен на специально отведённых территориях и акваториях в Невской губе Финского залива); *порт Сторожинец* (расположен на внутренних водных путях РФ на побережье Чудского озера Псковской области) – по названию населённого пункта Сторожинец; *морской порт Тамань* (расположен в районе мыса Железный Рог Таманского полуострова, Краснодарский край).

Переименование географических объектов

Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» определены случаи, допускающие переименование географических объектов. Необходимо отметить, что при переименовании географических объектов определяются расчёты затрат на переименование, в частности на изготовление и установление дорожных указателей, внесение изменений в различные документы, изготовление печатей, штампов для юридических лиц и частных предпринимателей, изготовление вывесок. При этом население соответствующих территорий должно быть проинформировано о необходимых затратах, связанных с переименованием.

В соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов», в целях возвращения географическим объектам наименований, широко известных в прошлом и настоящем, принято 4 федеральных закона о переименовании городов:

- *город Скалистый* Мурманской области в *город Гаджиево* (город Скалистый был преобразован из посёлка Гаджиево, имя которому было присвоено в честь Героя Советского Союза моряка-подводника М.И. Гаджиева);

- *город Новгород* административный центр Новгородской области в *город Великий Новгород*;

- *город Беднодемьяновск* Пензенской области в *город Спасск* (в 1663 г. было основано село Богданово, которое позднее стало называться село Ново-Спасское, в 1779 г. по указу императрицы

Екатерины II село переименовано в уездный город Спасск, в 1925 г. решением ВЦИК город Спасск переименован в город Беднодемьяновск);

- *город Красногвардейское* Белгородской области в *город Бирюч* (город Бирюч был основан по Указу Петра I в 1705 г., в 1919 г. город Бирюч переименован в Будённый, в 1958 г. – в Красногвардейское).

Правительством Российской Федерации по представлениям государственных органов законодательной власти субъектов Российской Федерации приняты решения о переименовании:

1. Географических объектов, обозначенных аббревиатурой, номером или словосочетанием, выполняющими функции наименований, но в действительности ими не являющимися.

Расположенных в Ростовской области *посёлка Отделение 1-е Целинского зерносовхоза* в *посёлок Лиманный*; в Агинском Бурятском автономном округе *сельского поселения Ононский участок* в *село Баян-Булак*; в Тамбовской области *посёлка СПТУ-10* в *посёлок Георгиевский*; в Московской области *посёлка рыбхоза «Лотошинский»* в *посёлок Большая Сестра*, *посёлка дома отдыха «Лесные Поляны»* в *посёлок Лесные Поляны*, *посёлка учебного хозяйства «Ситники»* в *посёлок Ситники*; в Пермской области *посёлка Усадьба 105 конезавода* в *посёлок Азинский*; в Астраханской области *посёлка Заготскота* в *посёлок Солнечный*, *посёлка совхоза «Пробуждение»* в *посёлок Пробуждение*; в Республике Мордовия *посёлка Пенькозавод* в *посёлок Пеньково*; в Нижегородской области *посёлка санатория ВЦСПС* в *посёлок Городецкий* и т.д.

2. Если два или более однородных географических объекта в пределах территориального образования имеют одно и то же наименование, что затрудняет осуществление хозяйственной или иной деятельности.

Переименование расположенных в Новгородской области *деревни Заозерье* в *деревню Малое Заозерье* и *деревни Борок* в *деревню Малый Борок*.

В 1989 г. произошло объединение двух сельсоветов – Березовикского и Лапустинского, в один Березовикский сельсовет. В результате чего на территории Березовикского сельсовета существуют деревни с одноимёнными наименованиями – две *деревни Заозерье* и две *деревни Борок*. Существование деревень с одноимёнными названиями создаёт определённые трудности, внося

путаницу при оформлении документов (прописка граждан, регистрация прав на недвижимость, на земельные участки и т.д.).

Переименование расположенных в Новгородской области *деревни Заречье в деревню Заречье-Сивцевское* и *деревню Усадье в деревню Усадье-Сивцевское* (Любытинский район Сивцевский сельсовет), *деревни Заречье в деревню Заречье-Шарьинское* (Шарьинский сельсовет) и т.д.

Несовпадение наименований административно-территориальных единиц и их центров создаёт также определённые неудобства и путаницу в наименованиях при осуществлении хозяйственной или иной деятельности.

Переименование расположенного в Ростовской области *Егорлыкского сельсовета* с административным центром в хуторе Изобильный в *Изобильный сельсовет*; в Краснодарском крае *Ленинского сельского округа* в *Чамлыкский сельский округ* с административным центром в станице Чамлыкская; в Республике Мордовия *Олевского сельсовета* в *Малокузьминский сельсовет* с административным центром в селе Малое Кузьмино; в Пермской области *Уральского сельсовета* в *Басимский сельсовет* с административным центром в посёлке Басим; в Пензенской области *Беднодемьяновского района* в *Спасский*.

3. В целях возвращения отдельным географическим объектам наименований, широко известных в прошлом и настоящем.

Переименование расположенных в Егорьевском районе Московской области рабочих *посёлков Вождь Пролетариата* в *Верейка* и *Красный Ткач* в *Шувое*, *села Горное* в *село Спас-Дощатое*; в Пензенской области *села Междуречье* в *село Столыпино*; в Псковской области *деревни Николаево* в *деревню Феофилова Пустынь*; *острова Расторгуева* в *остров Колчака* (Таймырский залив Карского моря) и др.

Переименование расположенного в Ярославской области *села Свободное* в *село Николо-Царевна*. Данное село с наименованием *Николо-Царевна* было образовано в начале XVIII в. В селе находился храм, и, по преданию, указанное наименование селу было дано в честь святителя Николая Чудотворца и царевны Софьи Алексеевны. В 1918 г. село было переименовано в Свободное. Наименование села Николо-Царевна употребляется в литературоведческих и исторических публикациях.

Государственный каталог географических названий

В соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» в целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления в Российской Федерации наименований географических объектов и их сохранения создаётся Государственный каталог географических названий (далее – Каталог). Официальная информация о наименованиях географических объектов, содержащаяся в Каталоге, необходима также для обеспечения потребности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, средств массовой информации и граждан.

Работу по созданию и ведению Каталога выполняет Федеральное агентство геодезии и картографии. Каталог ведётся в форме систематизированного перечня наименований географических объектов с указанием дополнительной информации, отражающей различные характеристики объектов. Государственный каталог географических названий включён в Перечень регистров, реестров, классификаторов и номенклатур, отнесённых к учётным системам федеральных органов государственной власти, который утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.04.2006 № 584–р.

ТОПОНИМ НАХАБИНО. ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О.Н. Соколова

Для меня эта история началась с грозного призыва кадрового офицера запаса. Обращался ветеран с трибуны отчётного собрания Главы Нахабинской территориальной поселковой администрации: «Пора кончать с позорным прошлым. Надо менять название посёлка. Сколько лет хотим, чтобы город носил имя известного и уважаемого Героя Советского Союза, доктора военных наук, генерал-лейтенанта инженерных войск Д.М. Карбышева». «Давайте, давайте!» – кричали с мест. Под громкие аплодисменты выступавший сошёл со сцены. Администрация, не проронив ни слова,

продолжала собрание, и было непонятно, что думает об изменении названия наша Управа.

Наш город будто наступил на сельскую местность. Не успев освоиться, а верней опомниться, жители, как говорится, «столкнулись в лоб» с десятками тысяч переселенцев. Сегодня нас вместе с гостями примерно более 30 тысяч человек. Счастливо избежав деления на местных и неместных, мы сообща наблюдаем, как городское поселение *Нахабино* (с 2006 г.), вобрав в себя несколько деревень, превращается в мегаполис из стекла и бетона.

Возможно, этот период в жизни Московской области историки назовут «строительной горячкой», которая началась и продолжается уже несколько лет. Во всём Подмосковье, не только у нас, исчезают поля, рощи, холмы, вырубается лес, сливаются населённые пункты, изменяется их статус. Вместо посёлков, деревень образуются городские поселения с микрорайонами, новыми улицами. Появляются мосты, остановки, то есть городские географические объекты, требующие наименования. В результате этих изменений часто возникают вопросы о значении старых, неясных имён, да не в каждом словаре можно найти на них ответы. Поэтому, обращаясь не к опыту цивилизации, а к собственной духовности, в поисках лучшей доли, иногда управленцы и население, опираясь на федеральный закон, решают судьбы названий так, как их понимают. Изобретают странные способы для наименований улиц, путаются в понятии «патриотическое воспитание» и ничего не знают или не хотят знать о задачах экологии в области топонимической культуры. Почти всегда, когда не удаётся постичь, а значит, и оценить языковое наследие прошедших времён, имена Земли – богатство и достояние Подмосковья – утрачиваются. Нередко похожие по звучанию имена жители приспособливают к своей жизни, слагая сказания о своей истории, делают ошибочные выводы.

Данная статья посвящена истории изучения топонима *Нахабино* и истории борьбы местных краеведов за сохранение этого древнего названия. Речь идёт здесь и о том, какую большую помощь оказала нам в решении важного для нас вопроса Топонимическая комиссия Московского центра Русского географического общества (МЦ РГО). Но сначала необходимо привести некоторые сведения об истории самого посёлка *Нахабино* и о том, почему вообще появилось предложение его переименовать.

Нахабино территориально разделено железной дорогой Москва – Рига на две части. Строительство её началось в 1897 г. по высочайшему Указу Николая II. Линия этой магистрали Москва – Виндава (названная по имени портового города Виндава = Вентспилс в Прибалтике) была проложена по упрощённому проекту, в обход всех естественных преград. Направо в северной части от станции *Нахабино*, в 0,5 км вдоль Воскресенской (Волоколамской) дороги, протянулось село *Нахабино*. Слева в южной стороне, примерно в 1,5 км находилась деревня *Болдино*. Прилегающая к станции территория была значительной по площади и заболоченной. В 1917 г. на ней сошлись 12 тысяч человек – проводили первомайский митинг. При советской власти свободные земли северной стороны разделили на земельные участки и раздали колхозникам и рабочим. Здесь жители ещё долго собирали клюкву. Южная в 1921 г. отошла военному ведомству. В 1938 г. *Нахабино* и *Болдино* объединились в рабочий посёлок, но считаются и сегодня двумя самостоятельными частями.

В создавшейся городской среде менялся уклад жизни людей. Возникли проблемы, связанные с коммунальным хозяйством. Серьёзным испытанием для поселенцев стала разбитая дорога строящегося микрорайона, жители отказывались по ней ходить и пробирались через сельское кладбище. Земля наша глинистая, заболоченная, и дожди бывают чаще, чем у соседей. В распутицу только и слышно было, как вскрикивали прохожие, черпая носками ботинок нашу хлябь: «Не *Нахабино* – сплошная ухабина, похабина и т. д.». К ж.-д. станции до конца XX века не подходили, а подплывали. Только теперь впервые за 100 лет нам дороги отремонтировали по-настоящему.

Почему, собственно, предлагают нам назвать рождающийся город именем Д.М. Карбышева? Почему название *Нахабино* стало предметом ожесточённой дискуссии? Желая разобраться в возникшей проблеме, я после собрания в поселковой администрации стала обращаться к соседям, знакомым, опрашивала людей в очередях и заметила: жители рассказывают одну и ту же историю, и заканчивалась она так: «...место наше было разбойным, заросшее лесом, находилось в стороне от дороги, которую прозвали *клятая* – проклятая, значит, а людей – грабителей, насильников, что на ней промышляли, звали *нахалами*, *похабниками*, *нахабами*. Потом

и место стали называть *Нахабино*. При этом все ссылались на церковную книгу и учителей школы. Потом обратилась к уважаемому ветерану – всю свою жизнь он проработал у нас школьным учителем. Педагогическое образование получил до войны. Прибыл к нам из Сибири с однополчанами в 1941 г. Прямо с парада на Красной площади и гнал немца от *Нахабина* до самого Берлина. Не раз его вызывали в Кремль – вручали награды Родины. Будучи на пенсии, много занимался патриотическим воспитанием детей, помогал учителям организовывать школьные музеи. Представьте себе, когда он начал, посмеиваясь, отвечать на мои вопросы, слово в слово повторяя сообщения предыдущих рассказчиков, я подумала: люди наши будто заговорённые, кого ни спроси – все одно и то же отвечают. К учителям не было дальше смысла обращаться. Один круг замкнулся.

Пошла в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке *Нахабино*. «Нет ли каких сведений об истории нашей?» – спрашиваю я. Продали мне очень недорого книгу, написанную в 1899 г., переизданную в 2001 г. Автор её И.С. Орлов описал личные впечатления и сделал наброски от поездки, которую совершил на один день в Нахабино, под видом паломника, чтобы лично удостовериться в чудесах исцеления алкоголиков с помощью молитв и обета св. прав. Сергию Радонежскому в храме Покрова Пресвятой Богородицы.

Итак, выясняется, что в 1891 г. после открытия общества трезвости, организованного священником отцом С. Пермским, *Нахабино* стало пунктом паломничества алкоголиков, съезжавшихся к нам со всей Руси. Название посёлка оказалось знаковым, а *нахабинцами* стали теперь насмешливо называть всех алкоголиков и каждого, кто направлялся в Нахабино. Причиной же такого бедствия, катастрофы для населения явилось то, что о. С. Пермский считал репутацию села позорной и взялся за исправление последствий этой репутации путём воспитания пьяниц могучим даром слова.

События 1905 г. тоже оставили след в истории Нахабина. В дни, когда в Москве бушевало вооружённое восстание, рабочие железнодорожной станции Подмосковья (теперь Красный Балтиец) отправили по ж.д. поезд, на котором более 300 фабричных рабочих должны были привлечь к революционному движению новые предприятия. Однако по прибытии в Нахабино они начали

не с фабричного предприятия, а с казённой винной лавки, находившейся в центре села. Дело кончилось тем, что борцы против царской власти, закрыв «монополю», долго ещё тянулись гуськом на протяжении версты по дороге от села до станции с котелками, банками и прочей посудой. А тем временем арестованный ими на станции солдат сбежал за подмогой в Павловскую слободу, где находился артиллерийский полк. В итоге пришлось срочно уезжать, отказавшись от похода на фабрику «Биллион», чтобы остановить её.

Конечно, такое явление не могло не отразиться на жизни села. Организовывалось общество трезвости для повышения нравственности, а стало быть, культуры нахабинцев. В результате название села стало визитной карточкой не для артистов с культурной программой и не для научных конференций, а для алкоголиков всей России.

А между тем переизданная книга И.С. Орлова тиражом в 15 тыс. экземпляров в 2001 г. оказалась единственным «достоверным» источником знаний о культуре *Нахабина* для жителей-переселенцев. Однако автор составил её с целью пропаганды деятельности о. С. Пермского. Его интересовала популярность села, а не культурные достижения в эволюционном развитии наших жителей. В ней много интересной, полезной информации, собранной за один день пребывания у нас, да и написана она талантливо.

В действительности к началу XX в. мы находим сведения о том, что наше население свои исторические этапы прошло гармонично. После перехода вотчины Троице-Сергиевой лавры в ведомство Государственной коллегии экономии крестьяне *Нахабина* оказались в лучшем положении, чем закреплённые за помещиками. Так, из крестьянской среды к середине XIX в. выделились ремесленники-краснодеревцы, достигшие высокого искусства в изготовлении мебели, в резьбе по дереву. Труд ремесленников носил промышленный характер. Предметы изготавливались для элитных мебельных салонов г. Москвы. Одним из заказчиков нахабинских мастеров был Императорский Большой театр. Из зажиточных ремесленников выделились фабриканты. После отмены крепостного права, когда открылся доступ к получению высшего образования, стала образовываться разночинная интеллигенция, занимавшаяся интеллектуальным трудом. У нас появились инженеры, учителя, врачи, конторщики, артисты

Большого театра. Процесс этот был сложным, подчас трагичным, так как образование не обеспечивало работой, то есть не было социальной защищённости, а оторванность от семейного бизнеса грозила потерей прав на наследство, землю, семью. Но отчаянная молодёжь вступала в смешанные браки без родительского благословения, образуя свободную от пережитков творческую прослойку населения. В начале XX в. у нас числилось грамотным 56% мужского населения и 25% женского. Таких показателей грамотности Россия достигнет только в 1926 г. 1917-й и последующие годы разрухи, перестрелок за власть уничтожили то, что было создано крестьянской средой, частную собственность – экономику страны, мастеров высокой культуры, мещан, разночинцев. Краснодеревцы, изготовлявшие мебель для высшего сословия, были не нужны и, видимо, опасны для нового режима. Мастеров этих высылали вместе с семьями, не пощадили даже школьного учителя В.И. Стклянкина. Сегодня пока неизвестно, сколько «врагов народа» было расстреляно в соседних лесах. Говорить об этом ещё больно.

В 1927 г. промысел был уже уничтожен, а созданная артель изготовляла табуретки, столы и другой ширпотреб. Пока в разорённой Северной стороне люди буквально пытались выжить, спасая своих от голода, болезней, страшной расправы, в Южной части обустроивали полигон Главного военно-инженерного управления РККА. Размещали опытные мастерские, которые начали свою трудовую деятельность в условиях разрухи. Сегодня это 542-й завод инженерного вооружения. Впоследствии Военно-инженерный полигон был преобразован в Научно-исследовательский институт инженерной техники. В развитии полигона принимал непосредственное участие генерал Д.М. Карбышев, назначенный в 1923 г. председателем инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА. В 1951 г. имя героя-учёного было присвоено институту, парку на ул. 11 Сапёров, где был установлен бюст Д.М. Карбышева; построенный в 1952 г. стадион также носит его имя. В 1970 г. по инициативе преподавателей и учащихся – юных карбышевцев – сооружён ещё один памятник к 90-летию со дня рождения героя на территории школы № 2, с 1960 г. по инициативе учительницы Евгении Александровны Власенко в этой школе открыт первый всесоюзный музей им. Д.М. Карбышева. Собранные её полевой

группой материалы стали основой для книги о генерале. В 1995 г. в *Нахабине* проходил 15-й слёт юных карбышевцев. По инициативе Е.А. Власенко появились названия улиц имени Карбышева, Панфилова, 11 Сапёров.

* * *

Настоящая работа по исследованию названия началась, когда удалось найти заинтересованных людей, любителей истории. К счастью, у нас во время последней перестройки уцелело единственное учреждение культуры – библиотека, неброское с виду отдельно стоящее здание 70-х гг. В контрасте с закрытыми, попавшими на многие годы в забвение клубами она поражала своим внутренним убранством. Помню, пригласила сюда директора возрождающегося клуба. Войдя в библиотеку, та замерла и выдохнула: «Как? На какие деньги всё это: ремонт, мебель? Красота!» Правда, красота и гармония. Этим мы обязаны талантливому управлению центральной библиотечной системой Красногорска. Здесь я нашла умную и духовную единомышленницу, зав. библиотекой Л.В. Галкину.

«Представляете, Ольга Николаевна, – говорит мне Людмила Васильевна, – у нас четыре школы, много студентов, и все идут в библиотеку за краеведческим материалом по истории посёлка, а мне предложить нечего. Нет ни одной книги, посвящённой Нахабину. Что касается происхождения названия, то существует только легенда о хапугах, её и рассказывают учителя в школах на своих уроках. Но читательница-москвичка, однажды посетив библиотеку, сказала, что значение его "болото"». Теперь в область культуры чаще приходят хозяйственники, политики. Редко кто из них имеет хотя бы начальное профессиональное образование в области искусства. Наконец об этом начало говорить Правительство. А ведь топонимика тоже не на «асфальте» существует. Судьбу такой важной для жизни людей области знаний решают население и чиновники. А как? Об этом и рассказ.

Оказавшись в изоляции с 2001 по 2004 г. накануне административно-территориальных изменений Московской области, мы всё же сумели собраться в круг любителей истории и обсудить вопрос о проблеме, связанной с названием посёлка. С нелёгким трудом преодолев эмпирический этап, мы окончательно утонули в схоластике. Как потом выяснилось, это закономерное явление возникает из-за неоднозначности краеведческих знаний. Помимо индивиду-

альных особенностей личности, мешающих или помогающих двигаться в освоении практического и теоретического материала, в нашем случае отрицательным фактором стала «автономия» – начальный этап развития структуры краеведческого движения. В таком периоде много противоречий, трудностей, иногда приводящих к конфликту из-за отсутствия опыта.

Главным стимулом действий нахабинских краеведов стало желание в первую очередь разобраться в науке топонимике. Исследование, связанное с названием местности, повлияло на духовную жизнь общества, вызвало новое социальное явление в посёлке и районе: интерес к краеведению. В ходе дальнейших поисков возникла вторая версия о происхождении названия. В результате расхождения мнений ядро любителей истории разделилось на две группы. Далее каждая группа самостоятельно готовила свои аргументы и факты. Первой и главной оставалась версия антропонимического происхождения названия, она доминировала в клубе «Досуг». Инициатива принадлежала Е.Е. Смоленскому, известному в районе краеведу, автору заключительной рубрики «Портреты и биографии» в историко-краеведческом альманахе. Будучи топографом, фотографом, он много занимался изучением жизни незаурядных людей и положил начало этой области краеведческих знаний в районе. Собирая материалы об именах, фамилиях землевладельцев, он абсолютно был уверен в том, что в составе топонима *Нахабино* прозвище.

Собирая всё, что связано с корнем *хаб*, изучая карты современные и прошедших веков, члены историко-археологического объединения «Реликтопоиск», возглавляемого президентом А. Барановым, сумели выявить путаницу в названиях речки *Нахабинки* и её притока р. *Грязёвой*, возникшую в 40-х гг. XX в. Также удалось найти несколько рек с аналогичным названием в ближайшем районе. Убедившись в гидрографическом происхождении топонима, мы обязаны были рассказать о своих находках остальным жителям посёлка. Перед нами возникли трудности в изложении материала, связанные с отсутствием базовых топонимических знаний. Мы даже излишне увлеклись ложно-этимологическими объяснениями названия *Нахабино* с помощью мировой мифологии.

Вскоре вышла брошюра «Название нашего посёлка Нахабино», в которую мы также поместили историческую справку, составлен-

ную по книге М.В. Горбаневского «Имена земли Московской». В качестве примера сослались на аргументы Е.М. Поспелова, связанные с рекой Яхромой. По мере распространения брошюры жители получили возможность поговорить не только о достижениях Южной стороны, но и о своей истории без чувства вины и стыда – это оказалось очень важным для многих. Появилась надежда сохранить название. Первой «взорвалась» наша культурно-краеведческая среда. Оппоненты, географы и топографы по образованию, не смогли этого пережить и забросали нас профессиональной терминологией, составили литературно-полемическую заметку, в которой тоже, сославшись на Е.М. Поспелова, прошлись по книжкам других краеведов, по библиотеке, присвоили мне звание «неутомимый краевед». Вскоре полемика переросла в открытый конфликт с переходом на личности. Произошло так из-за предвзятого подхода к теме исследования со стороны оппонентов.

Это был тяжёлый период яростной полемики. Вскоре в районной газете «Красногорские вести» появилась статья «Название посёлка – предмет полемики». В ней была отражена точка зрения доктора технических наук, профессора, главного научного сотрудника 15-го ЦНИИ Министерства обороны РФ Б. Кононыхина. В своей статье он лаконично изложил аргументы и предложил переименовать посёлок: «...желательно назвать именем Д.М. Карбышева. С этим светлым именем сама жизнь посёлка приобретёт иной смысл и содержание. Примечание: В XVI–XIX вв. Нахабино славилось как самое разбойное место на тракте от Москвы до Волоколамска. А слово «нахап» означает налётчик (грабитель), нахапывающий товар у обозчиков, то есть то же, что и вор в современном языке». В этой статье была приписка: «Обсуждение названия и истории посёлка продолжится. Администрация посёлка намерена организовать краеведческую конференцию, на которую пригласят научных работников».

Почему к топонимике обыватели относятся как к полемике? В сущности, населению предлагалось принять участие в пустословии. Топонимистам известно о том, что иногда географические названия отражают ложную, народную этимологию, а это означает, что любые мнения жителей, в нашем случае их удалось проследить за 200 лет, так или иначе связывают топоним с хапугами, ворами, похабниками. Более того, в XX в. стали появляться

новые подробности о местонахождении хапуг с учётом жаргона воровского мира, уже не под мостом на речке, а в Малиновке. Но это понятно не каждому. Полемика как форма воинствующего спора в конечном итоге привела к конфликту, хотя мы обоюднo пытались этому противодействовать: задача была общая, но методы разные. Я возражала в редакции: название местности не может быть предметом полемики. Оно может быть элементом фольклора, темой для сочинений, конкурсов, объектом научных исследований. Меня не услышали, не поняли. Возражение восприняли как запрет на свободу мнений других читателей газеты.

Полемика в обществе вызвала агрессию у старожилов. Вспомнились старые обиды. Оказывается, в 30-х гг. в военторг, что стоял на полигоне (так называли территорию Южной стороны), не пускали даже нахабинских ребятишек за сладостями. Им приходилось хитрить, наряжаться в магазин как на праздник, чтобы сойти за офицерских детей.

Вопросы организации конференции обсуждались четыре года на разных встречах, в том числе и в администрации. Там интересы наши не совпали. О.Н. Кравец, главная по вопросам образования в посёлке, предложила провести конференцию на базе школьного краеведения, без участия учёных, с учётом возрастных особенностей школьников. Краеведам и населению нужна была наука, но в этом вопросе администрация не брала на себя обязательств, а только способствовала развитию творческого потенциала населения, оказывала посильную помощь и принимала участие во всех культурных мероприятиях, что вызывало у людей уважение и поднимало авторитет нахабинцев за пределами посёлка. Более того, любое собрание в тот период без вмешательства учёных могло только обострить противоречие: когда народ волнуется, всё идёт в ход. Такова была сила духовной потребности населения докопаться до своих корней.

За время своего правления, изучая нашу жизнь, администрация собрала немало исторического материала и издала первую книгу об истории *Нахабина* за все века. Успев уже получить разные отзывы о своём труде, нашу «войну мнений» встретила с пониманием. Однако, занятая наведением порядка в коммунальной сфере, она сама нуждалась в помощи населения. Не имела свободного бюджета, даже 5000 рублей на счёте, чтобы оплатить копии документов Архиву древних актов, которые заказала по инициати-

ве народа. Поэтому народу самому пришлось согласовывать свои интересы с политиками, воплощать их в жизнь, на что ушёл один год. Потом оказалось, что деньги попали к хозяйственнику, потратить их можно было только на материальные нужды. Этот вопрос уже решался обоюдными усилиями на уровне начфина района, на что ушёл ещё один год. Копии документов мы получили благодаря большим стараниям депутата А.А. Шалыгина, минуя конфликты в *Нахабине* и неизбежный позор перед известным всему миру учреждением. Правда, в результате такого всеобъемлющего краеведческого движения мы очень подвели Е.Е. Лыкову – начальника отдела научной информации и публикации документов архива, но это случилось через год, а тогда мы имели долг перед архивом, бесплодную полемику, внутренний раскол, обещание организовать конференцию и не имели ни малейшего представления о том, где найти доктора каких-нибудь наук, так как в нашем случае весомость титула и звание, желательное воинское, заменяют многим самостоятельное мышление. Более того, *Нахабино* считается центром военно-инженерной мысли страны. Населённый пункт с мировой известностью. Очевидный перевес в пользу учёного воинства, по мнению жителей, давно решил судьбу названия с тёмным прошлым. Приговор, можно сказать, был у каждого на устах. Если к устах в Москве требуют приложить документ, то у нас на проверку слуховых галлюцинаций рассчитывать не приходится. Поэтому жители приготовились...

Видя, что дело принимает нежелательное направление, Е.Е. Смоленский, не имея намерения расставаться пусть с грубым, но родным именем, начал искать мира, сошлись на том, что о названии посёлка больше не говорим, только о речке. Но всё-таки дискуссия продолжалась:

– Вот приезжие, как и ты, тоже интересуются нашей историей. Один спрашивает меня: «Нахаб – тюркское имя»? Нет, отвечаю я, турки у нас недавно появились, когда Новый городок строили, оттого и назвал его народ Турецким, а администрация всё не соглашается сделать это название официальным, а сами про себя Турецким называют. А когда следующий микрорайон построят, этот старым станет? А мне нравится, что Турецкий, историю развития города отражает и необычно. У всех в Подмосковье городки новые, а у нас Турецкий! – Так он теперь Турецким и останется. – Так тебе и поверили!.. Ты насчёт речки запрос на проверку соста-

вишь? Я у геодезистов в 60-х гг. несколько раз сам проверял карты, всё понять не мог, откуда здесь *Грязёва* взялась.

Повезло многим москвичам в 2000 г. приобрести «Топонимический словарь Московской области» Е.М. Поспелова, но о существовании этой книги мы узнали значительно позже. Для нас, жителей Подмосковья, этот труд учёного можно сравнить с родником, утоляющим жажду познания. Словарь является первой попыткой научного анализа географических названий области, источником для развития научного мировоззрения населения; подводит к пониманию духовных, экологических проблем общества, культурных ценностей уникального региона. Вопрос о значении топонима *Нахабино* является не единственным, но ярким примером важности топонимической науки для жизни населения.

А в 2004 г. у нас «топонимические страсти» разгорелись на весь район. Потом уже мне передали вырезку из «Народной газеты» 1994 г., где в рубрике «Как имя твоё» И. Голубков, член Русского географического общества, пишет: «Название известного посёлка Нахабино обязано своим происхождением тому, что селение располагалось на речке Хабине, которая в настоящее время носит название уже по селению – Нахабинка, название же селения означает Селение-на-Хабине». Очень жаль, что до нашего посёлка не дошла эта заметка. Когда собирали материал, изучали реки Подмосковья, искали с ругательными названиями. Нашли единственную *Хамиловку*. Несколько раз специально в архив ездили изучать карты XVIII в. Дмитровского р-на, название этой речки читается с трудом, затёрлось: карта большая, зато в работе В.С. Кусова, доктора географических наук, профессора МГУ, «Земли Московской губернии в XVIII в.» прочитать и увидеть речку на картах теперь может каждый. Называется она *Хотиловец*. В XX в. она уже стала *Хапиловец* – *Хапиловка* – *Хамиловка*. Ошибка картографа в XX в. уничтожила такое красивое название. И при этом возникла ложная этимология гидронима: «Стояла на Язуе мельница, а мельник, работавший на ней, был страшный хапуга, взимал за помол зерна безбожную плату – вот и прозвали мельницу Хапиловкой, а от неё получила название и речка».

* * *

Держась за имя, как за путеводную нить, нахабинцам удалось связаться с Московским центром Русского географического обще-

ства. Нас сразу проконсультировали. Назначили встречу на ближайшее заседание Топонимической комиссии. Наступил томительный, тревожный период ожидания. Отдать имя своё на суд профессионала самой высокой квалификации тяжело. У нас была угроза исчезновения имени посёлка, у нас были страшные заблуждения, тяжёлые, до сих пор не осознанные последствия. В преддверии встречи страсти уже полыхали – заговорили читатели газеты. Прогулка по посёлку в магазин и обратно стала занимать у меня несколько часов, так как у читателей был не живой, а жизненный интерес.

В Центр поехали делегацией. Небольшой по численности коллектив (бюро Топонимической комиссии) встретил нас тепло. Суть нашей проблемы излагал Е. Завьялов. В ходе обсуждения нас информировали о том, что происхождение названия пос. *Нахабино* неоднократно обсуждалось на заседаниях Топонимической комиссии. По этому вопросу возможно провести экспертизу и получить обоснованное заключение. Вежливо предупредили о том, что заключение комиссии не всегда совпадает с желаниями обратившихся. Мы с пониманием согласились. Евгений Михайлович Поспелов назначил экспертов – Р.А. Агееву, своего заместителя, и члена бюро А.Л. Шилова. Посетовали мы и на преждевременность объявления о краеведческой конференции, и здесь пошли нам навстречу. В связи с важностью событий решили провести расширенное заседание Топонимической комиссии для жителей посёлка, на котором запланировали выступления экспертов с докладами и обсуждение разногласий во мнениях жителей, тем более что каждая сторона ссылалась на авторитетное мнение Евгения Михайловича. В ходе заседания было объявлено, что учёные весь объём своего труда выполняют бесплатно, даже по устной договорённости, но добавили: «Если стремление к знаниям у населения и управленцев совпадают, то целесообразней составить официальное обращение».

Позже администрация Нахабина перепроверила все данные по телефону и составила запрос в МЦ РГО на имя Е.М. Поспелова. Ответа ждали недолго: с 25.02 до 13.04 – это дата появления обоснованного заключения в местной печати. Правда, заключение напечатали без адресата; в примечании, выделенном в отдельной колонке жирным шрифтом, сообщалось: «Публикации, посвящённые происхождению названия п. *Нахабино*, вызвали живой

интерес». Далее редакция перечислила способы обращений жителей: «...даже приходили с требованиями прекратить обсуждения этого вопроса, мотивируя тем, что только их точка зрения верна. Интересующимся мы объяснили, что полемика по данному вопросу на страницах газеты прекратится, когда в редакцию перестанут поступать письма с новыми версиями о происхождении названия *Нахабино*, или поступит официальное заключение от соответствующих научных учреждений». Затем упоминались права читателей и указывалось, что задача редакции – точно донести высказанную точку зрения обратившихся. Было опубликовано заключение МЦ РГО:

«1. Название пос. *Нахабино* происходит от названия реки Нахабинки.

2. Оно не имеет отношения к диалектному слову *нахаб*, имеющему значение "вор", "нахал", "разбойник".

3. Название пос. *Нахабино* древнее, восходит по крайней мере к началу XVI в. (а название реки ещё более раннее) и имеет культурно-историческую ценность.

Нам известно, что в настоящее время обсуждается вопрос о переименовании посёлка. По единодушному мнению членов Топонимической комиссии, название *Нахабино*, безусловно, должно быть сохранено. Материалы, подготовленные экспертами, прилагаются».

Первый отзыв получили от Е.Е. Смоленского. Прочитав статью, он пришёл к выводу, что название посёлка теперь защищено, и выразил горячую и искреннюю благодарность всем учёным. Очень радовался за рост объединения «Реликтопоиск», подарил нашему музею свои находки по этнографии. Я получила предложение приступить теперь к совместному изучению его дневников, в которых находятся истинные сведения о значении названия посёлка.

На конференцию в МЦ РГО приехало человек 20 нахабинцев, желающих основательно разобраться во всём. Были в нашей среде и переселенцы-нахабинцы. Представительство возглавила О.Н. Кравец. Работников культуры представляла заведующая Нахабинской библиотекой Л.В. Галкина, неожиданно появились ученики школы № 4 из Турецкого городка со своей учительницей и заведующей школьным краеведческим музеем И.К. Шведцовой; под пристальными взглядами нахабинцев деловито вошёл офицер М. Макарин – из рода тех самых краснодеревцев. От творческой интеллигенции *Нахабина* и Красногорска присутствовали

Г. Паверина и М. Ногтева; расположился в центре зала добровольно возложивший на себя ответственность за союз Творческих сил Северо-Западного направления В.В. Одинцов, позже ставший директором этого объединения; из коренных нахабинцев была самая многочисленная семья Частяковых: бабушка Надежда Андреевна, её дети и внуки, самому младшему два месяца.

Открыл и провёл заседание Е.М. Поспелов. В своём приветствии подчеркнул значимость встречи для всех участников заседания. Отметил, что из-за экстренной работы комиссии ему пришлось отложить поездку в Петербург для участия в заседании Учёного совета РГО, далее сделал небольшое вступление, в котором кратко рассказал об истории РГО, выдающихся членах общества, его задачах, коснулся некоторых политических обстоятельств, способствовавших его развитию в XIX в. Рассказал об этапах формирования структуры общества, работе Топонимической комиссии. Не забыл упомянуть об архитектурной достопримечательности здания в Петербурге. Перед тем как приступить к повестке дня, по моему заявлению меня торжественно приняли в члены МЦ РГО: проголосовали «за» не только члены общества, но и жители Нахабина, что было неожиданно, смешно и, наверное, правильно.

Доклады слушали продолжительное время внимательно, чему способствовали яркие, красочные примеры, приведённые даже из любовных писем славян XI в. В прениях произошёл обмен мнений, В.В. Одинцов перечислил все объекты, носящие имя Д.М. Карбышева, и подчеркнул: «В нашей местности память о Д.М. Карбышеве представлена во всевозможных внутригородских названиях достаточно широко». М.В. Ногтева процитировала известных современников по поводу переименований объектов, которые древнее, чем письменна; последним привела довод, важный для хозяйственников, – о материальной стороне этого вопроса. Заслушали мы и предложение члена бюро МЦ РГО аспиранта Андрея Герцена, который перечислил несколько методов пропаганды топонимической культуры в районе. Интересное предложение внесла Н.А. Частякова: «Вручать каждому выпускнику нахабинских школ вместе с аттестатом вкладыш "Помни имя своё"», но сделала его уже после встречи, так как, не отрываясь, снимала историческое событие на любительскую кинокамеру и фотографировала.

Далее выступила О.Н. Кравец, кратко перечислив основные исторические даты, сообщила о том, что администрация никогда не

ставила вопроса о переименовании местности. Инициатива шла от военных. Сославшись на большое строительство, развернувшееся в посёлке, и на временное неудобство проживания, которое могло косвенным образом повлиять на представление людей об истории местности, добавила, что вышла недавно книга «520 лет Нахабино». Вручила благодарственные письма МЦ РГО, Е.М. Поспелову, Р.А. Агеевой, А.Л. Шилову с пожеланиями нашего дальнейшего сотрудничества. От краеведов в благодарность за спасение истории названия я передала подарочное издание книги Н.Г. Калининой «Летопись родного края», написанной о нескольких округах Красногорского района, обратила внимание нахабинцев на то, что на протяжении всей встречи в речи учёных звучали фразы «наше Нахабино», «наша р. Нахабинка» и т.д. Далее начался обмен творческими подарками, все желающие могли получить автографы от авторов топонимических словарей, справочников, брошюр. Г. Паверина подарила поэтический сборник мужа. Обратившись к Евгению Михайловичу и экспертам-докладчикам, И.К. Шведцова поблагодарила всех, кто принял участие в обсуждении, и отметила, что, согласно опросу, нахабинцы хотят жить в *Нахабине*, а не в г. *Карбышеве* при всём уважении к памяти Дмитрия Михайловича.

На выходе из Института географии, столпившись на узеньком тротуарчике, мы провожали Евгения Михайловича. Задержавшись на мгновение, взглянув на небо, он улыбнулся, сказал нам несколько слов на прощание и, откланявшись, зашагал вдоль старинной улицы. А в это время в последних лучах заходящего апрельского солнца замысловато высвечивались главки старинного храма, придавая особую торжественность архитектурному ансамблю столицы. Очарованные моментом, находясь под впечатлением встречи, стояли мы, не в силах оторвать взгляда от живой истории и уходящего учёного, ставшего таким близким для нас человеком. Многие из нас видели его в первый и последний раз. И сегодня мы с благодарностью вспоминаем Е.М. Поспелова и храним в сердце образ человека с тёплой улыбкой и умными, понимающими глазами, сорок лет возглавлявшего коллектив единомышленников, которые, работая на общественных началах, оказывают нам всем неоценимую практическую помощь в развитии топонимической культуры населения и сохранении нашей истории и достояния нации.

Раздел IV

ТОПОНИМИКА В ШКОЛЕ

РАБОТА ШКОЛЬНИКОВ НАД ПРОЕКТОМ «ГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИКА КОСТРОМЫ»

А.В. Акопджанова

Что мы можем сделать, чтобы приблизить образование к жизни, повысить эффективность обучения русскому языку, показать учащимся важность его изучения и необходимость умения применять на практике полученные знания? Требования времени таковы, что необходимо искать новые формы обучения, которые, наряду с традиционной классно-урочной системой обучения (не отвергая, а дополняя её), работали бы для осуществления этих целей. Одной из таких форм работы является проектная деятельность.

Идея лингвистического учебного проекта «Городская топонимия Костромы» возникла в 2001 г., когда группа старшеклассников и учителей московской средней школы № 112 по инициативе директора школы Н.Б. Кузнецовой и заместителя директора по воспитательной работе Т.Ю. Черновой создавала первый общешкольный учебный проект «Москва – Костроме. Жемчужина России», целью которого было знакомство школьников с разными аспектами жизни одного из древнейших русских городов.

Таким образом, наряду с историческим, культурологическим, биолого-экологическим, социологическим и другими проектами начал разрабатываться и проект лингвистический. Обдумывая, как можно изучить город с точки зрения такого школьного предмета, как русский язык, мы в конце концов выбрали топонимику. Мы решили, что, учитывая цели общешкольного проекта, будет интересно рассмотреть происхождение названий улиц, площадей, переулков Костромы и таким образом показать, что русский язык – это не просто школьная дисциплина, не просто сумма знаний, а живая, интересная наука, тесно связанная с жизнью каждого из нас.

Широкие рамки проекта позволили поставить не только обучающие, но и воспитательные цели: обучение применению на

практике теоретических знаний по русскому языку, истории и географии, развитие у учащихся навыков исследования, воспитание в них чувства любви к родному языку и истории России. Ведь языковой материал, который изучает топонимика, позволяет увидеть связь с прошлым, наглядно показывает, как история государства в целом, а также история одного из замечательных русских городов отразились в названиях его улиц. Исходя из этого, мы сформулировали и конкретные задачи проекта: изучить общую топонимическую карту Костромы, т. е. установить современные и исторические названия улиц, переулков, площадей, районов и других объектов в городе, выяснить их происхождение и зафиксировать процесс их переименования, если оно имело место, а на основании этих данных создать популярный лингвистический справочник.

Участниками проекта стали учащиеся 10–11-х классов (впоследствии был удачный опыт привлечения к работе в проектной группе ученицы 9-го класса), так как предполагалось, что ребятам предстоит серьезная работа, посильная только для старшеклассников, имеющих необходимую учебную подготовку. В группу планировали набрать максимум 4–5 человек. Эту практику мы используем и сегодня.

Подготовка к реализации проекта, конечно же, началась задолго до отъезда в Кострому. Прежде чем начать работу с топонимами Костромы, необходимо было ввести учащихся в курс дела. Ономастика как наука практически отсутствует в школьной программе, и поэтому для ребят – участников проекта – был прочитан небольшой спецкурс, состоявший из трёх занятий по 45 минут каждое. На них шла речь о топонимике как науке, о принципах номинации географических объектов, о способах образования, методах расшифровки и принципах классификации топонимов. В процессе подготовки использовалась специальная литература по топонимике, которая при необходимости адаптировалась для учащихся. Затем были составлены групповой и индивидуальный планы работы по проекту на три дня, которые мы должны были провести в Костроме. За этот небольшой временной промежуток мы хотели получить по возможности максимум информации, учитывая общий план работы, когда часть мероприятий (например, обзорная экскурсия по городу) была запланирована для всех участников поездки, а остальное время предназначалось для работы

по группам над конкретными проектами. В соответствии с этим планом была распределена работа, и каждый участник проекта ещё в Москве получил чётко сформулированное задание, которое он должен был выполнить в конкретном месте в конкретное время. Впоследствии такая организация оправдала себя и обеспечила плодотворную работу группы в течение 3 дней пребывания в городе.

Когда мы впервые оказались в Костроме и приступили к сбору материала, нас очень удивило то, что, как оказалось, топонимия Костромы – недостаточно изученная тема; литературы и научных исследований по ней существует крайне мало даже в самой Костроме. Тем интереснее было работать. Мы решили: наши предположения – одно, а источники – другое, и искали факты, говорящие о происхождении названий. Информацию по нашей теме ребята добывали везде: знакомясь с литературой, которую удалось найти, беседуя с компетентными информаторами – краеведами и другими специалистами, имеющими сведения о топонимии города. Успели сделать довольно много даже во время первой поездки. Уже тогда мы получили информацию о достаточно большой части официальных топонимов Костромы.

После нашего возвращения в Москву собранный материал был проанализирован, также была проведена предварительная классификация топонимов. На глазах у ребят оживали безликие таблички с названиями улиц, рассказывая о жизни Костромы в разные исторические эпохи, о людях, именами которых названы улицы и которые оставили значительный след в истории города, а порой – и всей нашей страны...

Так, была реализована задача проекта: создан первый вариант лингвистического популярного справочника, который тогда имел название «Топонимия улиц Костромы» (оно впоследствии было изменено на более точное: «Городская топонимия Костромы»). Этот, тогда ещё неполный вариант справочника ребята смогли представить весной 2001 г. на школьной конференции во время защиты проектов.

Но, пожалуй, самым интересным и неожиданным стало то, что рамки проекта оказались достаточно широкими и позволили ему развиваться. Ещё после первого выезда в Кострому мы провели предварительную классификацию топонимов по принципу, предложенному Г.П. Смолицкой в книге «Занимательная топонимика» (чего до нас, как выяснилось, никто не делал). Позже, во втором

варианте справочника, мы распределили всю информацию о топонимах не по алфавиту, а по разделам в соответствии с этой классификацией. К каждому из разделов ребята самостоятельно написали небольшие статьи обобщающего характера, где попытались проследить некоторые закономерности внутри данной группы топонимов и сделать некоторые выводы. Таким образом, проектная работа стала исследованием, так как мы не просто собрали данные о происхождении названий улиц, но и систематизировали имеющуюся у нас информацию.

Проектные поездки в Кострому стали в нашей школе ежегодными. Группа участников лингвистического проекта ежегодно обновляется: одни учащиеся оканчивают школу, другие приходят им на смену. Причём со временем в проекте «Городская топонимия Костромы» стали появляться новые направления, новые темы. Чем дальше, тем больше мы находили (и находим порой неожиданно для себя) интересные материалы для исследований и проектов. Так, после знакомства с теорией М.В. Горбаневского о топониме как о свёрнутом многоплановом тексте и с моделью компьютерного топонимического словаря появилась идея систематизировать весь материал в электронном виде: что-что, а компьютер наши школьники знают неплохо и работать на нём любят! Так возникли, с одной стороны, такие традиционные академические темы для исследований, как «Городская топонимия Костромы XVIII – начала XX вв.», а с другой стороны, – такие неожиданные и актуальные темы, как «Неофициальные топонимы Костромы», «Граффити Костромы как языковой факт» и «Эргонимы Костромы как носители рекламной информации».

Можно долго перечислять все районные, городские и всероссийские конкурсы школьных проектных и научных работ, все конференции, в работе которых приняли участие ребята. Можно также долго перечислять наши награды. Но для нас едва ли не более важными являются такие достижения, как личностные качества, приобретённые ребятами за время работы в проекте. Во-первых, это открытие новых способов познания, кроме классно-урочной системы, возможность взглянуть на обычную школьную дисциплину с другой стороны, углубление знаний в одной из областей лингвистики, повышение общего уровня развития и способности к обучению. Во-вторых – получение навыков научно-исследовательской работы, которые впоследствии пригодятся при

продолжении обучения в вузе. В-третьих – самореализация, развитие коммуникативных навыков, умение работать в команде, принимать решения, брать на себя ответственность.

И ещё. Мы сейчас много говорим (и правильно делаем!) о том, как воспитать в наших детях патриотизм. Мне кажется, что наш проект, кроме всего прочего, замечательно служит и этой цели. Можно просто говорить с детьми о любви к Родине. А можно, восстанавливая по крупицам исторические и языковые факты, изучая и помогая сохранить топонимию Костромы, вносить свой посильный вклад в русскую лингвистику и историю. И это не просто громкие слова. Мы не играем, не имитируем деятельность. Учась, ребята выполняют работу, которая востребована обществом.

В заключение хотелось бы с благодарностью перечислить имена всех ребят – учеников Московской средней школы № 112 разных лет, участников проекта (почти все они теперь студенты и выпускники различных вузов), когда-либо работавших в группе с 2000 г. по настоящее время и внёсших свой вклад в изучение топонимии Костромы: Астафьев Александр, Баранов Олег, Васильева Мария, Врублевская Юлия, Грасс Александра, Делина Екатерина, Донская Мария, Жукова Полина, Костив Оксана, Кувыкова Варвара, Лашков Александр, Леснова Анастасия, Максимова Татьяна, Маргарян Тигран, Миронов Михаил, Осинцева Полина, Рожков Михаил, Сергунина Марина, Трошкина Екатерина, Фролова Мальвина, Ханжин Игорь.

Список литературы, использованной в процессе работы над проектом

1. *Бочков В.Н., Тороп К.Г.* Кострома. Путеводитель. Ярославль. 1970.
2. *Бочков В.Н.* Старая Кострома. Кострома, 1997.
3. *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия. М., 1996.
4. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
5. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. Кострома, 2004.
6. *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. М., 1988.
7. *Разумовская И.М.* Кострома. Л., 1990.
8. *Смолицкая Г.П.* Занимательная топонимика. М., 2001.
9. Улицы Костромы / Под ред. В.Н. Бочкова, В.Н. Захарова. Ярославль, 1989.

Раздел V

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОНОМАСТИКИ

УРАЛЬСКАЯ ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Р.А. Агеева

1.0. Ономастическая школа, сложившаяся в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (УрГУ), в течение нескольких десятилетий была известна как один из крупных научных коллективов в СССР. В настоящее же время, по-видимому, ей нет равных в России, поскольку в других городах, в том числе в Москве, исследования по ономастике либо ведутся разрозненно отдельными специалистами, либо проводятся в небольших коллективах, деятельность которых по масштабам не может сравниться с работой коллег из Екатеринбурга. Центробежные тенденции и развал СССР, ослабление прежних научных контактов, недостаток информации о новой литературе, отсутствие средств – все эти факторы оказали негативное воздействие на состояние российской ономастики, как и науки в целом.

Но Уральская ономастическая школа выжила. И более того, центр отечественной ономастики естественным образом переместился на Урал, на границу Европы и Азии.

Как же складывалась эта школа? Что привело к многолетнему устойчивому и столь успешному развитию её деятельности?

Откроем библиографический указатель трудов основателя школы – профессора Александра Константиновича Матвеева, изданный в 1996 г. к 70-летию со дня его рождения [12]. В предисловии к указателю кратко освещается деятельность А.К. Матвеева в УрГУ начиная с 1952 г. Эта деятельность педагога и учёного поражает своей многогранностью: чтение лекций и проведение занятий почти по всем историко-лингвистическим дисциплинам; создание серии «Вопросы топонимистики (ономастики)»; организация всероссийских студенческих научных конференций по ономастике и диалектной лексике; руководство кафедрой русского языка и общего языкознания; организация многолетней Топонимической

экспедиции УрГУ, накопившей миллионные картотеки полевых лексических и ономастических материалов; разработка новой концепции исследования ономастики.

И это далеко не всё. Помимо авторских научных трудов А.К. Матвеева (более 200), в указателе отмечены около 40 трудов, вышедших под его редакцией, 20 защищённых кандидатских диссертаций и 91 студенческая публикация, подготовленная под его руководством, а также перечень 77 полевых экспедиционных выездов А.К. Матвеева. За годы, прошедшие с момента выхода указателя, списки трудов А.К. Матвеева значительно расширились [10, с. 266–268]. Избранные труды учёного, опубликованные в разные годы и посвящённые наиболее актуальным проблемам изучения топонимов в историческом аспекте, а также общим вопросам ономастики, вошли в книгу А.К. Матвеева «Ономатология» [19], изданную в 2006 г.

Особо стоит отметить, что А.К. Матвеев является главным редактором журнала «Вопросы ономастики», выходящего с 2004 г. в Екатеринбурге, но по сути ставшего с самого начала первым в истории общероссийским ономастическим журналом, объединяющим многих ономастологов нашей страны. В четырёх уже вышедших номерах журнала [6, № 1–4] находим статьи учёных из Великого Новгорода, Волгограда, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, а также учёных, работающих в Бельгии, Болгарии, Германии, Польше, Украине, то есть журнал приобретает уже и международный характер. Из екатеринбургских ономастологов наиболее активно публикуются в журнале А.К. Матвеев, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, М.В. Голомидова, Л.А. Феоктистова, О.А. Теуш и др.

Журнал «Вопросы ономастики» отличается подробной рубрикой, разнообразием тематики представляемых статей и материалов, вниманием к научной жизни. В нём помещается информация о конференциях, съездах, симпозиумах; об экспедициях, персоналиях учёных; публикуются рецензии, списки новых книг и диссертаций по ономастике. Значение журнала «Вопросы ономастики» для научной общественности нашей страны трудно переоценить.

Далее в настоящем обзоре выборочно рассматриваются труды учёных Уральской ономастической школы (УОШ) – сотрудников не только УрГУ, но и научных учреждений других городов России.

1.1. Проблематика трудов УОШ широка и во многом определяется научными интересами самого проф. А.К. Матвеева. Его публикации в основном посвящены топонимике (темы его многочисленных статей нашли отражение в монографиях учёного), но этим не ограничиваются. Другие работы А.К. Матвеева касаются следующих вопросов: русская диалектология, этимология слов русского и финно-угорских языков; финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала; финно-угорский субстрат в русском языке; географическая терминология и др. Так или иначе весь спектр этих исследований имеет отношение и к ономастике. Тесная связь всех аспектов лингвистического изучения Севера России отразилась также в тематике печатных работ учеников и последователей проф. А.К. Матвеева. Например, авторы, защищавшие диссертации по ономастике, публиковали и работы по смежной тематике: М.Э. Рут писала о диалектной лексикографии и заимствованиях в северных русских говорах [27, т. 2; 30; 34]; И.В. Родионова – о языковой картине мира и морфосемантических полях [27, т. 2–3; 39]; Н.В. Кабинина – о финно-угро-самодийских заимствованиях в русских говорах и этимологии субстратных географических терминов [27, т. 3; 30; 35]; Е.Л. Березович – о севернорусских названиях ветров [38] или о названиях «погани» («гадов»), т.е. пресмыкающихся и других видов животных [30]; Н.В. Галинова – о диалектных этимологиях и семантическом развитии дериватов праславянских корней [10; 27, т. 2–3; 30] и т.д.

Следует отметить, что представителей УОШ издавна интересует проблематика, смежная с культурологией, этнографией и фольклористикой (то есть этнолингвистика, лингвистика текста и т.п.), см., например, работы Н.В. Гульяевой о языке заговора [27, т. 2–3]; Е.В. Лысовой об орнитонимии и образах птиц в русской народной традиции [27, т. 2–3]; Л.Г. Гусевой об этнокультурной и лингвистической информативности устаревшей уральской лексики [10] и др. Этот интерес в полной мере воплотился в докторской диссертации и монографиях Е.Л. Березович [1–4].

1.2. Особое место в исследованиях УОШ занимают работы, посвящённые местным географическим терминам (МГТ), или географической апеллятивной лексике. Изучение этого обширного пласта диалектной лексики вплотную подводит исследователей к интерпретации топонимов Русского Севера и к уточнению связей

между нарицательным и собственным именем. В некоторых работах УОШ внимание уделяется преимущественно МГТ как таковым, их семантике, словообразованию, употреблению в говорах. Например, О.С. Смирнова [27, т. 3] изучает севернорусские термины полеводства, устанавливая их ближайшие этимоны и мотивировочные признаки. Это термины подсечно-огневого земледелия *тэреб*, *плёлка*, *дерёвня*, *драка*, *эмище*, *катище*, *тлиль* и др. Материалы лексической картотеки Топонимической экспедиции УрГУ позволяют, в частности, зафиксировать некоторые термины полеводства, не встречающиеся в опубликованных диалектных словарях (*во́лотка*, *бра́шенье*), а также по-новому осмыслить ряд известных терминов (так, лексема *заклюка* "участок пашни изогнутой, неправильной формы" может осмысляться не только как метафорический перенос, ср. *клюка́* "палка с кривым верхним концом", но и вследствие сближения с севернорусским глаголом *клюкать* "пахать" может иметь значение "вспаханный участок пашни").

Большое внимание уральские топонимисты уделяют освоению русским языком субстратных МГТ. Так, М.А. Овечкина [37] пишет о семантическом освоении заимствованных тельмографических терминов (то есть слов со значением "болото"): *тайбола*, *янга*, *оль*, *понджа* и др. Эти термины пришли в русские говоры из прибалтийско-финских, саамского, коми, обско-угорских или самодийских языков. Автор приходит к выводу, что при заимствовании субстратных МГТ происходит целый ряд семантических сдвигов, которые в основном совпадают с подобными процессами в славянской тельмографической терминологии.

О субстратных МГТ на Русском Севере писали также Д.Д. Власова, О.В. Востриков, Л.А. Субботина, Т.Н. Чайко и многие другие авторы. В результате многолетних исследований как русских, так и заимствованных МГТ стало возможным выделить некоторый общий фонд географической терминологии для нескольких языков Русского Севера. О.А. Теуш [10] пишет о таком фонде для прибалтийско-финских, коми и русского языков. Например, рус. *кара* "залив, заводь на реке или озере", "глубокое место в реке или озере", "поворот реки", "извилистый берег" – коми уд. *кар* "возвышенная материковая территория возле залива, бухты" – приоб.-фин., вепс. *kar*, *kara* "небольшой залив, бухта".

МГТ представляют собой основную базу деривации собственно топонимов. А.К. Матвеев [23, с. 158–163] подчёркивает

большое значение МГТ для изучения субстратной микротопонимии – не только потому, что они часто входят в состав топонимов, но и вследствие их многочисленности, что существенно для установления языка-источника и определения его ареала. Тесная семантическая и словообразовательная связь МГТ и топонимов исследуется в ряде работ представителей УОШ, которые носят конкретный характер (Н.В. Хромова – в [33]; Л.Г. Гусева – в [5, вып. 8–9]; и др.) либо выходят на более общую теоретическую проблематику, как, например, статья М.Л. Гусельниковой «Севернорусская интерпретация структуры "топоним – географический термин"» [27, т. 3], где обосновывается связь полукáлек (структура: «субстратная основа + русский географический термин») со структурой «топоним + географический термин» и рассматриваются возможности исследования полукáлек для интерпретации этой структуры. Н.В. Овчар [26] представляет опыт идеографического описания озёрных гидронимов Русского Севера на основе составленной сетки ономаσιологических моделей (материал – русские названия озёр Архангельской и Вологодской областей). Автор полагает, что проведённый в ходе составления словаря всесторонний анализ гидронимов даёт материал и для экстралингвистического комментария, объясняющего причины использования в гидронимии тех или иных семантических моделей. Подчёркивается тесная связь семасиологического и ономаσιологического аспектов изучения топонимии.

2.0. Предыдущее изложение показывает, насколько фундаментальна созданная в УрГУ база для исследования собственно **топонимии** Русского Севера. Все аспекты топонимического анализа всесторонне освещаются в трудах проф. А.К. Матвеева, начиная с 1960 г., см. его известные статьи, имевшие в своё время большой резонанс в научном мире [17; 21; 22 и др.]. Позже в виде учебных пособий вышли книги А.К. Матвеева «Топонимия Урала» [24] и «Методы топонимических исследований» [18], а также целый ряд топонимических словарей и научно-популярных книг [см., например, 13; 14; 15; 16; 20]. Наконец, в двухтомной монографии «Субстратная топонимия Русского Севера» [23] обобщаются результаты многолетних изысканий учёного в области топонимии. В работе содержится теоретическое введение с историографическим очерком, общая характеристика субстратной топонимии, описание формантов, этимологии основ топонимов и характери-

стика лингвоэтнических пластов субстратной топонимии. О значении исследования субстратной топонимии Русского Севера (СТРС) лучше всего говорит сам автор в предисловии: «На основе изучения СТРС можно с известной степенью точности воссоздать как языковую, так и этническую карту этой территории периода, предшествующего русской колонизации, что, в свою очередь, поможет внести уточнения в существующую схему локализации уральских языков в древности, а также в сложную проблему этногенеза уральских народов. Исследование СТРС во многом будет способствовать и лингвоэтнической идентификации субстратных названий в Волго-Окском междуречье, Карелии и на других смежных с РС территориях, где обнаруживаются тождественные или близкие по своим характеристикам к СТРС топонимические реликты. Несомненно значение СТРС для решения сложной мерянской проблемы» [23, с. 6]. Автор подчёркивает важность СТРС для русистики, для исследования освоения русским языком субстратной топонимии и для методики её изучения. Кроме того, поскольку речь идёт о топонимах вымерших языков, учитывается финно-угорское и самодийское окружение Русского Севера в настоящее время. Книга представляет собой чисто лингвистическое исследование, хотя привлекаются и данные (с осторожностью, только бесспорные) истории и этнографии.

2.1. В работах прежних лет и вплоть до настоящего времени представители УОШ уделяют большое внимание сбору и обработке топонимического материала, его лингвистическому анализу. Среди трудов, посвящённых частным и региональным вопросам топонимики, отметим сборники «Русская диалектная этимология» [30], «Финно-угорское наследие в русском языке» [35], «Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР» [33], «Уральский лексикографический сборник» [34], «Язык и прошлое народа» [38]; много таких работ в сборниках «Ономастика и диалектная лексика» [27]. В качестве примера можно указать на статью Н.В. Кабиной [35], посвящённую изучению топонимии прибалтийско-финского происхождения в дельте Северной Двины. Эти названия (более 60) образуют в данном регионе наиболее значительный субстратный пласт. Среди детерминантов сложных субстратных топонимов такие элементы, как *-коски* (ср. фин. *koski* "порог"), *-кула* (ср. фин. *kylä* "деревня, село"), *-ранда* (ср. фин. *ranta* "берег") и др. Автор публикует отдельные словарные статьи эти-

мологического словаря топонимов (КЕГОСТРОВ, МАЙМАКСА, РАХКУРЬЯ и др.) и ставит вопрос об участии в освоении двинских устьев не только севернокарельского, но и южнокарельского населения, а также характеризует хозяйственную деятельность населения, создавшего местную топонимию, и его тесные контакты с русским населением.

2.2. Среди проблем более общего порядка (связанных и с теорией ономастики в целом) УОШ интересуют в особенности следующие вопросы: калькирование в топонимии, связь собственных и нарицательных имён, семантика топонимов, принципы номинации, ономасиологические модели, образная топонимия, естественная и искусственная номинация, прецедентные топонимы, выбор названия. В частности, **семантика топонимов** исследуется в статье Е.Л. Березович «К построению комплексной модели топонимической семантики» [10]. Эта тема особенно интересна для ономастики, если иметь в виду разные точки зрения относительно наличия у собственных имён значения как такового. Автор статьи дополняет и расширяет модель семантики онама, предложенную М.В. Голомидовой [8, с. 16–28]. В работе представлена таблица, показывающая «вертикальное» измерение семантики топонима (концептуальное ядро значения, прагматическая зона и синтаксическая зона) и «горизонтальное» измерение (диапазон семантического «рассеивания» имени). В другой статье Е.Л. Березович «Семантические микросистемы топонимов как факт номинации» [26] рассматриваются комплексы семантически связанных названий смежных объектов: их изучение позволяет наблюдать соотношение номинативных признаков и семантических моделей (тип связи между ними может быть внутренним или внешним).

Такие традиционные вопросы топонимики, как **связь нарицательных и собственных имён** или **топонимическая система**, рассматриваются почти в каждой работе представителей УОШ. Например, Г.В. Глинских [36] объединяет обе указанные темы и ставит задачей выяснить, в какой мере структурно-семантические характеристики исходных апеллятивов могут выступать в качестве факторов, образующих топонимическую систему. Вывод автора: с синхронической точки зрения отношения, существовавшие между мотивирующими основами, в целом нерелевантны для топонима как члена топонимической системы. В статье Л.М. Дмитриевой

«Русская топонимическая система: онтологическое и ментальное бытие» [10] нетривиальна уже сама постановка вопроса. Обращаясь к когнитивным аспектам языка, автор показывает, что на современном этапе перед топонимической наукой открываются дополнительные перспективы, хотя идея топонимической системы, топонимической картины мира, её функционально-временной и функционально-пространственной параметризации вписывается и в прежнюю теоретическую парадигму (структурной лингвистики): она полностью совместима с когнитивными целями. В топонимической картине мира наиболее значимое место занимает пространственный концепт, тесно связанный с сознанием человека. Аналогичный когнитивный подход к топонимии демонстрирует М.В. Голомидова в статье «Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга» [10], где указывается, что «номинацию внутригородских объектов собственными именами в содержательном отношении можно представить как осмысление и структурирование пространства с помощью специальных вербальных символов его прагматической (в широком смысле) ценности» [10, с. 19].

Образной ономастике вообще уделяется большое внимание в работах представителей УОШ. Как пишет А.К. Матвеев в статье «Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов» [5, вып. 12, с. 5], сопоставление образных названий в разных языках показывает не только их языковые (семантические и ономаσιологические) различия, но и национальное своеобразие, тесно связанное с этнической психологией. Так, в горах и по рекам Северного Урала часто встречаются скалы с отверстиями, «дырами». В русской топонимии они обычно называются *Дырявый Камень*, *Дыроватые Рёбра* и т.п. Но в мансийских топонимах, как правило, встречаются образные названия, в основе которых – мифический факт «прохождения» через каменную скалу какого-либо существа (собаки, лося) или движущегося предмета (стрелы, лодки); ср. манс. *Кутюв-тара-хайтум-керас* «скала, сквозь которую пробежала собака» [там же, с. 12–13]. Эти примеры показывают, как важно при ономаσιологическом и этимологическом анализе учитывать специфику былого мировосприятия и мифологии народа.

Метафорические названия в топонимии исследовали также Н.В. Ткаленко, Т.А. Гридина и многие другие, а обобщение этой

темы на материале онимов разных классов содержится в докторской диссертации М.Э. Рут [31]: здесь рассматриваются топонимы, прозвищные антропонимы, астрономы и названия уникальных предметов разного рода. Целью работы было выявление (реконструкция) картины мира в сознании номинатора. Выдвигая новую концепцию образной номинации, М.Э. Рут классифицирует соответствующие ономазиологические модели и выстраивает иерархию образных предметных сфер. Разрабатываются также типы и методика ономазиологических экспериментов.

Указанные работы по своим целям и задачам стоят в одном ряду с исследованиями собственных имён, отражающих верования и представления того или иного народа; такое направление концептуально связано с этнолингвистикой, с культурологией. В топонимических работах представителей УОШ оно прослеживается на материале разных языков Урала; ср., например, статьи И.А. Летовой [37], Т.Н. Дмитриевой [27, т. 2–3], Д.Д. Власовой [5, вып. 14], Е.Э. Ивановой [27, т. 1]. Тесная связь топонимики с культурологией показана и в исследованиях фольклора; ср., например, статью Л.В. Доровских «Географические названия в русских народных сказках» [5, вып. 12].

Этнолингвистический аспект топонимии составляет основное содержание монографии Е.Л. Березович [2], в которой затронуты и подробно изучены все ключевые вопросы данной темы. Разбирая понятие «этнокультурной информации» («система знаний, представлений, оценок, описывающих явления внутреннего и внешнего мира, которые имеют маркировку при кодировании в языке и других сферах культуры» – с. 25), автор отмечает, что ономастикон (в том числе топонимикон) даёт прекрасную возможность решения этнолингвистических задач благодаря использованию как ономазиологического, так и семасиологического аспектов исследования (с. 42). Этнокультурная информация извлекается из топонимов с помощью ряда источников, в числе которых идеографическая сетка топонимов, отдельные значимые семантические поля, стилевая неоднородность топонимического текста.

Е.Л. Березович разрабатывает концепцию географического пространства в русской топонимии. Наиболее полно в топонимии представлены следующие пространственные параметры: локализация объекта, охват местности, протяжённость, обжитость пространства. Например, рассматривая параметр «локализация

объекта в пространстве», автор говорит о названиях с определениями «правый» и «левый». Они редки на Русском Севере: зафиксировано около 35 «правых» и 40 «левых» названий, составляющих в большинстве случаев коррелятивные пары; ср. поле *Правая Демёша – Левая Демёша*, р. *Правая Россоха – Левая Россоха*. Редко встречаются пары с немаркированным членом (р. *Сосновка – Левая Сосновка*) и единичные названия (р. *Левая Быстрая*, покос *Правая Задняя*). Характеристика «левый» – «правый» используется в основном для дополнительной дифференциации объектов: полей, покосов, населённых пунктов (причём часто бывает вмешательство искусственной номинации). В гидронимии эти определения встретились только 20 раз; подобные названия характеризуют ручьи и небольшие речки. Из этого следует вывод: определения «правый» – «левый» стали использоваться в топонимии Русского Севера сравнительно поздно. Обращаясь к известной дискуссии о принципах номинации правых и левых притоков рек по ходу их освоения (по течению или против течения), Е.Л. Березович вносит коррективы в наблюдения Н.И. Толстого [32] по поводу разницы народной (против течения рек) и научной (по течению) систем ориентации, выявляя другую тенденцию: народная ориентация при разграничении «правых» и «левых» рек определяется по ходу движения к объекту от дома, т.е. как бы по ходу освоения объекта. Показателен пример на с. 102: двигаясь из деревни Шегмас Архангельской обл. по течению р. Боровая, жители назвали её притоки: слева – р. *Левая Россоха*, справа – р. *Правая Россоха*. Двигаясь же из этой деревни против течения р. Кузегга, жители назвали её правый приток – р. *Левая Россоха*, а левый приток – р. *Правая Россоха*.

Далее Е.Л. Березович показывает на конкретном материале, что идея Н.И. Толстого о том, что реки осваиваются от больших к меньшим, от устья к истоку, хотя и во многом справедлива и соответствует в целом логике движения миграционных потоков, но не всеобъемлюща. Автор вносит и коррективы в положение Н.И. Толстого о том, что ориентировка против течения согласуется с направлением ритуальных актов у проточной воды. Здесь топонимический материал не соответствует полностью этнографическим данным. Также он не соответствует противопоставлению в ряде сфер народной духовной культуры понятий «правый» – «левый» как «хороший» – «плохой». Это противопос-

тавление до сих пор актуально для жителей Русского Севера, но в топонимическом употреблении оно не проявляется: здесь нет оценочных категорий.

В III–V главах своей монографии Е.Л. Березович рассматривает следующие темы: народная религия и верования в зеркале топонимической номинации, человек и пространственные объекты, топонимия и фольклор. В заключении к работе подчёркивается «огромный культуроведческий потенциал топонимических данных, которые пока не заняли должного места в кругу объектов этнолингвистического исследования» (с. 478).

Этнолингвистическому аспекту топонимов и других онимов, а также диалектной лексики посвящена и новейшая монография Е.Л. Березович «Язык и традиционная культура» [4]. Здесь, в частности, большой интерес представляют мысли автора о семантике собственных имён (вопрос, до сих пор вызывающий споры среди учёных). Автор считает, что собственные имена имеют значение, т.е. связаны с понятием, но иначе, чем имена нарицательные. Особое внимание уделяется специфике культурной семантики собственных имён (например, цветовой символике; ср. в фольклорной топонимии: *Красная Москва – Белая Литва* и т.п.). В целом работа Е.Л. Березович носит характер фундаментального и обобщающего культурологического исследования, что видно уже из названий разделов книги: «Лексическая семантика в этнолингвистической перспективе», «Человек и пространство в зеркале языка», «Семантическая реконструкция лексики и фразеологии», «Культурные коды и культурный текст», «Языковой миф». Автор широко использует материалы своих полевых записей на Русском Севере.

3.0. УОШ внесла свой вклад не только в развитие топонимики (хотя здесь отмечается наибольшее количество работ). Представители этой школы опубликовали труды буквально по всем разделам ономастической науки. Это антропонимика, зоонимика, астрономика, этнонимика, ономастика в фольклоре и художественной литературе, эргонимика, прагмонимика.

3.1. Антропонимия – обширный пласт собственных имён, имеющий большую этнокультурную и социокультурную значимость. Важен уже сам сбор антропонимов – по историческим документам, данным загсов, экспедиционным записям. Изучается антропонимия одного языка или говора, целого региона или одно-

го города, одного села. Таких работ среди публикаций представителей УОШ множество. Например, А.П. Громова в статье «Антропонимия паданского говора карельского языка» [5, вып. 13] исследует имена жителей карельского села Паданы от 2-й четверти XIX до 2-й четверти XX в., при этом устанавливается, какая именно русская форма заимствованного канонического христианского имени послужила источником соответствующего карельского имени (не официального, а обиходного). Анализ фонетических и морфологических процессов при адаптации имени карельским языком позволяет установить относительный возраст имени (время его заимствования). Так, каноническое имя *Григорий* выступает в паданском говоре в трёх вариантах: *Ришго*, *Гришиша*, *Гриша*. Форма *Ришго* – самая старая (упрощение начальной группы согласных; непосредственным источником для формы *Ришго* было не рус. *Григорий*, а форма типа *Григор*), *Гришиша* (удлинение гласного звука первого ударного открытого слога) – старше формы *Гриша* (воспроизводящей современное русское звучание).

Отметим также работы Ю.В. Алабугиной «Календарное имя в севернорусских говорах» [27, т. 1] и «Субстратная топонимия Русского Севера как источник изучения православных имён» [27, т. 2], в которых расширяется фактическая база исследования благодаря привлечению дополнительных источников и выявляются формы антропонимов, восстановленные по топонимическим данным (*Онохрей* < *Онуфрий*, *Бакан* < *Аввакум*, *Марва* < *Мавра* и т.п.).

Теоретическое осмысление проблем антропонимики в работах представителей УОШ проводится преимущественно в плане семиологии и этнолингвистики. В статье М.Э. Рут «Антропонимы: размышления о семантике» [10] утверждается, что нерешённость вопроса о семантике собственного имени обусловлена рассмотрением всех категорий собственных имён в совокупности. «Между тем существование одной модели онама, очевидно, следует признать мифом <...> вопрос о наличии / отсутствии и характере лексического значения собственных имён решаем только по отношению к конкретным классам онама» [там же, с. 59]. Автор приходит к интересному выводу о «двуликости» антропонима: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека. В первом случае антропоним сам по себе: 1) не имеет реального значения; 2) вбирает в себя культурные коннотации, за счёт чего формируются фантомные лексические значения, превращающие

его в промежуточную форму между онама и апеллятивом («коннотоним»); 3) существует в языке, особенности его функционирования определяются языковыми законами; 4) семантика его определяется общенародными культурными коннотациями. Во втором случае личное имя: 1) обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом; 2) варьирует в социуме, через многочисленные варианты и дублиеты стараясь наиболее полно реализовать денотативное и коннотативное наполнение семантики имени; 3) существует в социолекте, и чем у́же социум, тем ярче особенности функционирования имени; 4) семантика личного имени определяется закреплённостью его за конкретным членом социума (с. 64).

Тесную связь ономастической лексики с ономастической апеллятивной лексикой на примере антропонимии показывает И.В. Родионова в своих статьях [6, № 1; 10] и в кандидатской диссертации [29]. Речь идёт о вторичной номинации: дериватах от имён библейско-христианской традиции; ср. название растения *адамовы слёзы* или созвездия *Моисеева Дорога* (=Большая Медведица) и т.п. И.В. Родионова разрабатывает модель комплексного описания вторичных номинативных единиц, позволяющую осуществить реконструкцию фрагмента русской народной языковой картины мира. Идеи и выводы автора «значимы для изучения идиоэтнической семантики языка, а также анализа взаимоотношений между языком и мифом как семиотическими системами» [29, с. 5].

3.2. В области *этнонимии* внимание представителей УОШ сосредоточено на названиях народов Русского Севера, что позволяет уточнять данные не только лингвистики, но также исторической этнографии и исторической географии. Для этой цели исследуются, кроме того, этноантропонимы, этнотопонимы, коллективные прозвища, этнонимические апеллятивные образования. Этнонимии Русского Севера посвящена кандидатская диссертация Э.Ю. Поповой [28], в которой выявляются основные семантические типы этнонимов: 1) имеющие значение "племя, народность, древний народ, дорусское население" (ср. *чудь, меря, черемисы, зыряне*); 2) обозначающие современные народы, населяющие смежные с Русским Севером территории (различные названия вепсов; ср. *чухари, чухна, куйки, кайбаны* и др.; коми, ср. *зыряне, зыряки, зыря, комики* и др.; ненцев, ср. *самоедь, самоди* и др.; карел, ср. *кореляки; саамов, ср. лопь, лопари*); 3) перенесённые

в качестве этнического имени на другой народ (*лопари* в значении "самоеды", т.е. ненцы; *чудь* в значении "литва" и др.).

На территории Русского Севера зафиксирован ряд диалектных производных от названий финно-угорских народов. Образуюсь преимущественно лексико-семантическим способом, эти слова могут приобретать экспрессивное значение (*лопарь* "рассеянный человек") или не иметь экспрессивной окраски (*зырянин* "лёд, идущий по реке"). Анализ этноантропонимов (имена типа *Чудин*, *Югрин*, фамилии *Пермяков*, *Черемисин*, коллективные прозвища *зыряна*, *кореляки*) свидетельствует, что они могут указывать не только на этническую принадлежность их носителей, но иногда и на географические и языковые признаки. Э.Ю. Попова подробно изучает этнотопонимы (деревня *Чудской Порог*, пожня *Самоедская*, болото *Югринское* и т.д.), выделяя несколько этапов в развитии русской этнотопонимии; даёт семантическую классификацию этнотопонимов; определяет их структурные типы; интерпретирует происхождение этнотопонимов и устанавливает их ареалы с помощью картографирования. Например, названия с основой *чудь* распространены на всей исследуемой территории, с основой *меря* – зафиксированы в Вилегодском и Красноборском районах Архангельской области, древний этноним *весь* вообще не отражается в этнотопонимах, зато современный этноним *вепс* зафиксирован в топонимах в районе Белого озера, на территории, близ которой до сих пор живёт вепское население.

Ещё одна кандидатская диссертация – Ю.Б. Воронцовой – посвящена коллективным прозвищам в русских говорах [7]. В ней ставится ряд теоретических задач, в том числе вырабатывается «модель комплексного описания особого разряда прозвищных номинативных единиц, позволившая заполнить лакуну, существующую в типологии ономастики, а также осуществить реконструкцию фрагмента русской народной языковой картины мира. Результаты исследования значимы для ономастологии, ономастики, диалектологии, этнолингвистики» [там же, с. 6]. Автор разграничивает коллективные прозвища и присловья, а также коллективные прозвища и смежные разряды ономастики (оттопонимические названия жителей, семейные прозвища, прозвищные топонимы, социальные прозвания, прозвищные этнонимы), что позволяет дать определение ономастического статуса коллективного прозвища в языке. Эта группа онимов

выделяется при условии наличия следующих критериев: номинация группы людей; территориальная закреплённость; отсутствие связи с соответствующим топонимом; характеризующий, а не дифференцирующий принцип номинации. Таким образом, автор вносит ясность в до сих пор мало исследованное и противоречиво определяемое содержание термина «коллективное прозвище». Изучая мотивационный контекст коллективных прозвищ, Ю.Б. Воронцова выделяет их основные типы: человек (*бахвалы* – «хвастают много, врать любят»), быт (*кисличники* – «очень любят щи со щавелем»), труд (*солевары*), место жительства (*кулики* – «у болота жили»), социально-культурная сфера (*буржуи* – «живут зажиточно»), ситуативные названия (*мертвовокрады*), этническая характеристика (*вотяки, лопари*).

Специфика коллективных прозвищ как источника этнокультурной информации определяется через особенности восприятия носителями языка своей и чужой территориальной и социальной общности (реализация оппозиции «свой» – «чужой»). Здесь возникают «вторичные этнонимы» (*киргизы, румынцы, турки* и т.п.), отличающиеся ономазиологической «размытостью»; в данной категории коллективных прозвищ представлены названия народов почти всех континентов. Анализ вторичных этнонимов позволяет сделать ряд выводов, в том числе об общей картине внешнего мира в сознании создателей этих коллективных прозвищ, об этнических контактах, о древних народах – насельниках данной территории, о границах между различными этнографическими группами.

Тему вторичных этнонимов разрабатывает и Д.П. Гулик в статье «Вторичные этнонимы и отэтнонимические дериваты английского языка в свете языковой картины мира» [27, т. 3]. Лексические единицы обеих групп могут быть возможным источником информации о фрагменте языковой картины мира, связанном с концептами «инородец» и «иноплеменный мир». Для анализа отбирается релевантный языковой материал: 1) внутренняя форма; 2) деривационные связи; 3) концептуальное ядро значения; 4) коннотация; 5) типовая (узуальная) сочетаемость; 6) парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.д.); 7) «свободная» текстовая сочетаемость; 8) ассоциативные связи. В качестве примера на основе концептуального анализа соответствующих вторичных этнонимов и отэтнонимических дериватов выявляется образ «ирландца» в английской языковой картине мира

(с. 93): «Его зовут обычно Патрик либо Майкл. Обитает где-то в болотистой местности. Как все ирландцы, черноглаз, а у его жены толстые ноги. Гневен и агрессивен, глуп и неотёсан, а по отношению к окружающим – нечестен и нагл, хотя гостеприимен крайне (и это его единственное положительное качество!)...» и т.д. Разумеется, подчёркивает автор, такой портрет отражает не этническую, а языковую реальность. В выводах, в частности, отмечается, что обе изучаемые категории лексики могут быть источниками некоего обобщённого знания, причём объективированного в самих языковых структурах в достаточно высокой степени.

3.3. Ономастике в художественной литературе УОШ издавна уделяет большое внимание. В последнее время в этой области плодотворно работает А.А. Фомин. Отметим его обобщающую обзорную статью «Литературная ономастика в России: итоги и перспективы» [6, № 1]. Для возникновения науки о поэтике онама, считает автор, необходимо, чтобы имя собственное получило статус художественного приёма, войдя в арсенал художественной поэтики. Этот статус появился у литературного онама, возможно, уже в античной литературе. В русской литературе интерес к собственным именам в художественных произведениях наблюдается с эпохи классицизма, затем в литературе XIX в., но филологические дисциплины не видели в онамах своего объекта раньше начала XX в. Большой вклад в развитие литературной ономастики внесли представители формальной школы – лингвисты и литературоведы, но литературная ономастика как новая научная дисциплина возникла лишь во 2-й половине 1950-х – начале 1960-х гг. Перспективы её дальнейшего развития связаны с потребностями её самопознания. Можно говорить о четырёх линиях в изучении литературной онамии: 1) «философская», 2) «логическая», 3) традиционная литературоведческая, 4) лингвистическая (автор считает её наиболее перспективной).

Собственные имена в тексте на конкретном материале романа А. Грина «Джесси и Моргиана» изучаются в статье А.А. Фомина «Ассоциативные связи литературного онама и аксиология художественного образа» [10]. Здесь устанавливается превалирующий тип отношений (противопоставление), существующий между двумя сёстрами – героинями романа. «Данная образная оппозиция, играющая в произведении ключевую роль, и обуславливает

использование соответствующих онимов в названии текста, тем самым обозначая основную его художественную идею ономастическими средствами» (с. 214). Автор предполагает, что имена героинь как-то мотивированы смысловой структурой текста, и пытается обнаружить механизм их мотивированности, что позволило бы глубже вникнуть в концептуальную сферу данного произведения и в специфику творческой манеры писателя. Эта гипотеза была проверена с помощью эксперимента, в ходе которого выявилась аксиологическая маркировка изучаемых онимов.

Конкретные исследования литературных онимов выполнены также в статьях А.А. Фомина «Художественная семантика имени собственного: об одном антропониме в «Горе от ума»» [27, т. 3] и Н.А. Купиной «Имена собственные в романе "12 стульев": стилистико-культурологический очерк» [10] и др.

3.4. Исследования *искусственной номинации* занимают достойное место среди работ УОШ. Здесь прежде всего заметным явлением стала публикация монографии М.В. Голомидовой [8]. Определяя понятие «искусственная номинация» как «преднамеренное словотворчество, направленное на пополнение лексического языкового фонда» (с. 4) и применяя когнитивный, или когнитивно-прагматический подход, автор разрабатывает теорию концепта онома, который не тождествен лексико-грамматической категории имени собственного и разграничивает различные компоненты семантики имени собственного, в том числе используя теорию фреймов. Уточняются также различия между искусственной и естественной номинацией. Искусственная номинация проявляет себя по-разному в отдельных функциональных онимических группах; к зоне её интенсивного действия относятся официальная топонимия, условные антропонимы (псевдонимы) и литературная ономастика. Основным материалом исследования в книге М.В. Голомидовой – антропонимия и топонимия: рассматриваются разновидности номинации, номинативные стратегии, тактики и модели, интегративные процессы в искусственной онимической номинации. К последним относится, например, интегративное действие онимической системы при образовании семантических комплексов. Так, форма родительного падежа имени собственного, обычная для топонимов-посвящений, постепенно распространяется на модели с иным мотивировочным значением: ледник *Эдельвейсов*, пещера *Мрака*. В то же время форма субстан-

тивированного прилагательного, свойственная дескрипциям, переносится на модели посвящения: оазис *Молодёжный*, купол *Университетский*. Другой интегративный процесс – влияние архетипических моделей именования, ср. занесённые на карты искусственные гидронимы *Крутая*, *Широкая*, *Сосновка*, *Медвежья* (архетип – индикатив); имена уральских золотых приисков: *Верный*, *Отдых*, *Счастливый* (дезидератив); топонимы *Петропавловская* гавань, гора *Миддендорфа*, мыс *Старостина* (дедикатив).

Проблемы искусственной номинации рассматриваются и другими исследователями, ср. кандидатские диссертации Р.И. Козлова об эргоурбонимах, т.е. названиях внутригородских коммерческих предприятий [11] и С.О. Горяева о прагмонимах – по терминологии автора это разновидность словесного товарного знака, индивидуализирующего производителя товара [9]. Обе темы весьма актуальны для современной ономастики.

Завершая этот краткий обзор, ещё раз подчеркну, что многолетние разыскания Уральской ономастической школы носят всеобъемлющий характер, а результаты этих изысканий впечатляют. Работы представителей УОШ имеют большое значение для развития отечественной ономастики и лингвистики в целом. Здесь стоит процитировать начало и конец статьи основателя школы профессора А.К. Матвеева, которая носит характерное название «Апология имени»: «Мир ономастики <...> настолько велик, значим для общества и (не боюсь пафоса) прекрасен, что любой, кто к нему прикоснётся, будь то учёный-филолог, историк, географ, краевед или просто любитель, уже не может пройти мимо» [6, № 1, с. 7]. «Имя – ключ ко многим проблемам истории человечества и его языков <...> Долг ономастов всемерно использовать удивительные возможности и пути, которые указывает имя» [там же, с. 13].

Литература

1. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.
2. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
3. *Березович Е.Л.* Топонимия Русского Севера: Этнолингв. исслед. Екатеринбург, 1998.
4. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингв. исслед. М., 2007.

5. Вопросы топонимстики (ономастики). Свердловск, 1962. 1974. Вып. 8/9; 1977. Вып. 12; 1979. Вып. 13; 1980. Вып. 14; 1982. Вып. 15.
6. Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2004. № 1; 2005. № 2; 2006. № 3; 2007. № 4.
7. *Воронцова Ю.Б.* Коллективные прозвища в русских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
8. *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
9. *Горяев С.О.* Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
10. Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки. Вып. 4. История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2001.
11. *Козлов Р.И.* Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
12. Матвеев Александр Константинович: Библиогр. указ. / Сост. А.В. Глазырин; Отв. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург, 1996.
13. *Матвеев А.К.* Вверх по реке Забвения. Свердловск, 1992.
14. *Матвеев А.К.* Географические названия Свердловской области: Топоним. слов. Екатеринбург, 2000.
15. *Матвеев А.К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.
16. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала: Краткий топоним. слов. 2-е изд. Свердловск, 1987.
17. *Матвеев А.К.* Историко-этимологические разыскания // Учен. зап. Урал. ун-та. Свердловск, 1960. Вып. 36. С. 85–126.
18. *Матвеев А.К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
19. *Матвеев А.К.* Ономатология. М., 2006.
20. *Матвеев А.К.* От Пай-Хоя до Мугоджар. Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984.
21. *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ. 1969. № 5. С. 42–54.
22. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ. 1964. № 2. С. 64–83.
23. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург, 2001–2004. Ч. 1–2.
24. *Матвеев А.К.* Топонимия Урала. Свердловск, 1985.
25. *Матвеев А.К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3. С. 58–73.
26. Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
27. Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. Т. 1; 1998. Т. 2; 1999. Т. 3.

28. *Попова Э.Ю.* Этнонимия Русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
29. *Родионова И.В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
30. Русская диалектная этимология: Третье науч. совещ., 21–23 октября 1999 г.: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1999.
31. *Рут М.Э.* Образная ономастика в русском языке: Ономаσιологический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1994.
32. *Толстой Н.И.* Избранные труды. М., 1997. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология.
33. Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985.
34. Уральский лексикографический сборник. Свердловск, 1989.
35. Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000–2004. Вып. 1–3.
36. Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987.
37. Этимологические исследования. Свердловск, 1988.
38. Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.
39. Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тезисы докл. Барнаул, 1999.

Раздел VI
СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ XL–XLII НАУЧНЫХ
СТУДЕНЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ ПО
ТОПОНИМИКЕ МЦ РГО

КАЛЕНДАРНЫЕ ДАТЫ В АНГЛИЙСКИХ ТОПОНИМАХ

В.В. Алпатов (Москва)

Одним из нечасто используемых признаков топонимической номинации является время использования объекта. Названия временных промежутков используются по большей части в микротопонимах, особенно в названиях полей, что связано с важной ролью определения времени в регулярном цикле сельскохозяйственных работ. Языковые обозначения дат календаря и дней недели, помимо указания на время, обладают коннотациями, которые определяются реалиями культуры, связанными с осмыслением времени в том или ином обществе. В плане ономаσιологической структуры упоминание дат в топонимах может быть разделено на метонимическое и метафорическое. Так, при метонимической номинации названия дней недели и календарных дат служат в структуре топонима указателями на:

- меру работы на поле и его площадь;
- время использования объекта (хозяйственного или праздничного);
- срок смены режима использования;
- срок платы за землю.

При метафорической номинации используются, главным образом невременные компоненты значения названий времени, такие как ассоциативный и эмоционально-оценочный.

Метонимическая номинация. Дни недели

Площадь участка земли может быть измерена не только в мерах пространства, но и в мерах времени, с которыми она связана посредством скорости сельскохозяйственной обработки поля:

пашни или косьбы. В названиях полей такой способ измерения отражён с помощью словосочетания *day(s) work* "дневная работа" (ср. советское рус. *трудодень*); например, в разных графствах в названиях полей *Day Work, Two, Three, Four, Five, Six, Nine, Twelve Day(s) Work* [PN De: 756], а также *Darrock*. Одним из шуточных топонимов, которые нередко встречаются в Англии, является название поля *Everlasting De*, которое в гиперболизированном виде характеризует труд на поле как "бесконечный".

Использование поля или другого географического объекта в строго определённый день или период времени является мотивацией для образования ряда топонимов. Работа на поле является главным видом его использования. Регулярная обработка поля в один из дней недели соответственно в понедельник, пятницу и субботу отражена в названиях *The Mondaye Gl* [PN Gl ii, 186], *Monday Croft, Mondayshill, Friday Field, Friday Flatt, Saturday Piece, Saturdays*. Иногда в названиях уточняется время работы – полный день или короткий – например, в *Mochelmonay, Long Friday, Shortfridayes, Short Saturday* от др.-англ. *mycel* "большой", *short* "короткий" [PN Gl iii: 70]. В названиях полей *Sunday Close O, Sunday Flatt Ch* содержится слово *Sunday* "воскресенье", и в этих случаях объяснение названий от обязательств феодальной службы не подходит, поскольку по воскресеньям такая работа не совершалась. Помимо отантропонимического и метафорического источников, эти названия могут быть обусловлены культурными и религиозными реалиями, а именно: обычаем не работать по воскресеньям в соблюдение заповеди. Этому запрету, например, обязаны своим происхождением названия полей. Ср. нем. *Sonntagsweide, Sonntagsalm*, где стадо пасли только по воскресеньям, потому что это было наиболее безопасное место, где его не было необходимости особенно охранять, и пастухи могли отдыхать [Bach 1954: 313]. «Также [название] *Feierabendbüchel* (от *Feierabend* "сочельник") обозначает безопасное пастбище, где пастухи могли отдыхать» [ibid]. Особенности хозяйственного использования наряду с религиозными аспектами быта могли послужить мотивацией для гидронима *Fridaieslake* (1230) Ch (от *Friday* "пятница"), там ловили рыбу – главное блюдо в постном меню этого дня недели [PN Ch ii: 82]. Такое толкование названия частично подтверждается похожей мотивировкой названия ручья в Ютландии *Fredagsbæk*, в котором ловили рыбу для стола епископа Выборгского в постные дни [ibid].

Метонимическая номинация. Месяцы и календарные даты

Названия более длительных периодов времени встречаются в топонимах нечасто, как правило, в связи с более длительным использованием участка земли или возможностью его использования преимущественно в указанный сезон. Например, использование лугов в качестве пастбища отражено в топонимах с названием месяца августа, когда имело место такое использование: *August Brk*, *August Meadow Brk*. По улице *Summer Lane* De «можно было ездить только летом» [PN De: 417], так как в остальное время она быстро раскисала от воды. *Somercotes* De – помещения, которые использовали для жилья только летом. Срок смены режима использования земли также выступает в качестве признака номинации, при этом используется название даты календаря, в большей части случаев – церковного праздника. Например, существовал обычай, согласно которому часть лугов после сенокоса становилась общим пастбищем для всех крестьян деревни. Традиционно смена функционального назначения земель совершалась после первого августа, когда праздновался праздник урожая *Lammas* (от др.-англ. *hlāf-mæsse* «хлебный праздник»), ср. рус. *Медовый Спас*, *Яблочный Спас*; поэтому луга, которые становились пастбищем после этой даты, нередко назывались *Lammas Close*, *Lammas Croft*. После праздника Св. Троицы (на пятидесятый день после Пасхи) «менялся хозяин или назначение» земель с названиями *Whitsundoles Bd*, *Whitsun Leaze O*, *Whitsun Meadow*, *Whitsunday Pasture Lei* (от слова *Whitsun* – *Троица*, *Пятидесятница*) [Field 1979]. Вероятно, эти названия обладают схожей мотивацией с часто встречающимся в Германии названием лугов *Pfingstweide* или *Pfingstwiese*, которые были огорожены до праздника Пятидесятницы, а потом торжественно вводились в использование в качестве пастбищ [Bach 1954: § 401]. Подобным образом луг *Jakobsweide* начинали использовать только с 25 июля (на праздник св. Иакова) [ibid].

Другая группа топонимов, включающих название праздника или даты богослужебного календаря, мотивирована тем, что на эту дату приходился платёж держателя земли её владельцу. Так, владелец участка земли *Cristmeslond* (1292) должен был, помимо годовой денежной ренты и четырёхдневной барщины осенью, отдавать определённое количество домашней птицы помещику, такая оплата производилась после праздника Рождества (*Christmas*), что и послужило

жило причиной возникновения такого названия [Reaney 1987: 216]. Название праздника Благовещенья (*Our Lady's Day*) отражено в названии поля *Lady Day Close Lei*, рента за которое должна была быть уплачена 25 марта. Дата церковного праздника может быть связана с рентой другим образом, а именно: в качестве назначения дохода с поля. Название поля *Candlemas Croft Gl*, в котором встречается название праздника *Candlemas* (*Сретение*), возможно, означает 'поле, рента от использования которого предназначалась для обеспечения свечей на праздник Сретения'. Как сообщает Дж. Филд, «на Сретение освящали и раздавали свечи, которые иногда покупали за счёт дохода от земельных участков» [Field 1979]. В топонимах встречаются названия других праздников, но не везде мотивация их включения в название известна. Микротопонимы *Childermas Hill* и *Childermoss Lane* (Ch), вероятно, образованы от названия праздника: диал. *Childermas(s)* «праздник св. Младенцев, невинно убиенных за Христа» (*Holy Innocents' Day*, 28 декабря), однако мотивация топонимов неясна [PN Ch i: 114]. Возможно, она связана с негативными коннотациями этой даты, считавшейся неудачной для начала новых дел, работы и т.д.

Следующая группа названий связана не с рабочим, а с праздничным использованием объектов при обрядах, обычаях и т.д. Посещение некоторых водных источников было связано с праздником Пятидесятницы, и, возможно, с этим обычаем связано название *Whitsunwell* [PN Gl ii: 177]. Соответствие этому обычаю обнаруживается в немецком названии ручья *Pfingstborn*, к которому шло местное население на второй день Пятидесятницы (нем. *Pfingsten*), чтобы набрать воды именно в этот день [Vach 1954: § 401]. Из ручья *Osterborn* черпали пасхальную (*Ostern*) воду, а название горы *Osterberg* может обозначать гору, на которой зажигали пасхальный огонь (*Osterfeuer*) [ibid]. С пасхальными обычаями, вероятно, связано и название поля *Easter meadow* [PN Gl i, 232].

Метафорические названия

Названия дней недели и праздников имели стабильные коннотации в английском обществе средних веков, когда появилась большая часть названий полей. Так, *пятница* тесно связана с постом и воспоминанием о страданиях Спасителя. В эмоциональном плане это отражалось в ассоциации со скудостью

питания и просто общим негативным фоном, неудачей [Field 1979] (ср. рус. *пятница 13*). С учётом этих коннотаций некоторые «пятничные» названия связываются исследователями с указанием на неплодородность («постная» земля) или непригодность земли, например название поля *Friday Flatt Ch*, а также *Long Friday Gl*, *Long Friday O* [PN Ch i: 82; Field 1979]. *Воскресенье*, наоборот, имеет общие позитивные ассоциации и в названиях может быть показателем хорошего качества земли. Местные жители в XIX в. объясняли название *Sunday Field Ch* следующим образом: это поле «как говорят, было лучшим полем в приходе, как воскресенье – лучший из дней в неделе» [ibid: 71] Даже если изначально мотивировка была другой, интерес представляет объяснение названия жителями.

Исключения

Не все названия, которые в современной форме отражают обозначения времени и календарные даты, имели их изначально. Название праздника Рождества (*Christmas*), например, в ряде названий возникло на основе народноэтимологического переосмысления ср.-англ. слова *cristelmæl* "распятие", например *Christmas Hill Wa*, которое ранее имело форму *Christemerehul* "холм, на котором стояло распятие, служившее пограничным знаком", а также *Christmas Common*. Другим видом исключения является название *Windy Wednesday La*, в котором день недели, возможно, служит целям языковой игры в качестве аллитерирующего слова [Field 1979].

Литература

- Bach A.* Deutsche Namenkunde. Bd. II (Teilbde 1-2): Ortsnamen. Heidelberg, 1952–54.
- Field J.* English Field-Names. A Dictionary. Newton Abbots, 1979.
- PN Ch – Dodgson J.McN.* The Place-Names of Cheshire. Vols. 1, 2. CUP, 1970.
- PN De – Cameron K.* The Place-Names of Derbyshire. Vol. 3. Cambridge: CUP, 1959. (EPNS Vol. 29).
- Reaney P.H.* The Origin of English Place-Names. L&NY, 1960; 1987.

Сокращения названий графств

C – Cambridgeshire
Brk – Berkshire
Ch – Cheshire
De – Derbyshire
Ha – Hampshire

La – Lancashire
Lei – Leicestershire
O – Oxfordshire
Wa – Warwickshire

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ТОПОНИМИИ ЧАЙНОГО ПУТИ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ

Т.С. Доржиева (Улан-Удэ)

Как известно, сохранившиеся в топонимии реликтовые слова позволяют восстановить хотя бы в самом приблизительном виде не дошедшие до нас древние языки, остатками которых являются некоторые географические названия. Систематическая повторяемость их на определённой территории в связи с определёнными объектами даёт уверенность в том, что это действительно наделённые определённым смыслом элементы, а не случайно искажённые слова известного языка.

Изучением географических названий той или иной территории занимается ареальная топонимика. Одна из её главных функций – предоставление информации о расселении и передвижении народов на данной территории в предыдущие эпохи и в настоящее время. Выделение стратиграфических пластов является общепринятым методом исследования ареальной топонимики, поскольку именно совокупность нескольких названий, восходящих к словам одного и того же языка, доказывает пребывание в прошлом на данной территории народа, говорившего на этом языке.

Комплексный анализ топонимической системы Бурятии позволяет выделить существующие стратиграфические пласты, которые включают в себя географические названия, предположительно объединённые языковым происхождением. На основе данных истории, этнографии исследуемой территории, лингвистического анализа этимологии топонимов Забайкалья исследователи выделяют следующие стратиграфические пласты: палеоазиатский, тюркоязычный, тунгусо-маньчжурский, монголоязычный и славя-

ноязычный. Названия, представляющие данные языковые пласты, встречаются по всей территории Бурятии, что объясняется кочевым образом жизни народов, пребывавших на ней. Тем не менее они распределены неравномерно, их количественное соотношение на разных участках неодинаково. Весьма показательна в этом смысле топонимия Чайного пути.

Чайный путь, функционировавший с 20-х гг. XVIII в. до начала XIX в., представлял собой первую и единственную в то время дорогу, «обеспечивавшую» русско-китайские торговые отношения. Он проходил через город Кяхта, который был основан С.Л. Владиславичем-Рагузинским в 1729 г. как пограничный торговый пункт. В Кяхту чай привозился преимущественно из трёх китайских провинций: Фу-Цзянь и центральных – Хунань и Ху-бе. По свидетельству Субботина, «...из Кяхты чай шёл следующим путём: по реке Селенге, через Байкальское озеро, в Иркутск. Затем по реке Ангаре до Енисея, отсюда до Кеты сухим путём. По Оби и Иртышу он доставлялся в Тобольск, на главный чайный склад сибирской торговли. Из Тобольска его везли на санях до реки Чусовой, а на следующее лето отсюда по реке чай доставлялся в Нижний Новгород, где он продавался на знаменитой торговой ярмарке. Протяжённость Чайного пути составляла более 10 тыс. верст, почти третью часть земного шара». По Бурятии Чайный путь проходил от г. Кяхта до озера Байкал вдоль реки Селенга, протяжённость данного отрезка составляла 435 километров.

Выявление языковой принадлежности топонимов Чайного пути свидетельствует о наличии всех перечисленных выше языковых пластов топонимии Бурятии. Это и неудивительно, поскольку исследуемый ареал, безусловно, был весьма удобным местом для расселения людей. Учтём и тот факт, что дорога следовала вдоль реки. Селенга является центром расселения народов на территории Бурятии. По её берегам и берегам её притоков, служившим ориентирами в данной местности, было легче передвигаться кочевникам, ведь часто вдоль них тропы были уже протоптаны. Для оседлого образа жизни реки также имели большое значение, создавая благоприятные условия для развития скотоводства, земледелия, рыболовства. Являясь способом осуществления торговли между разными странами, а также путём сообщения внутри региона, Чайный путь способствовал взаимодействию различных лингвосоциумов. Бурятия входила в наиболее частые и тесные контакты с монголами и

китайцами, находясь на границе с Монголией, через которую чай перевозили в Россию. Подобные процессы очень часто оказывают влияние на развитие топонимии контактирующих регионов.

Рассмотрим топонимию Чайного пути в стратиграфическом аспекте. Анализ материала с точки зрения языковой принадлежности позволяет последовательно выделить следующие пласты.

Палеоазиатский субстрат

К наиболее древнему языковому пласту представляется возможным отнести географические названия, этимологически объясняемые из так называемых палеоазиатских языков. Это условное название генетически различных языков малочисленных народов Северной и Северо-Восточной Сибири. Историки относят к палеоазиатским племенам кетов, югов, котов, ассанов и другие народы, обитавшие в эпоху железа, в дохуннский период освоения Забайкалья. К числу палеоазиатских можно отнести ороним *Ацула* (урочище в Селенгинском районе), в основе которого, по нашему предположению, лежит этноним *ассан* и кетоязычный формант *ул* – "река", то есть "ассанская река" или "река ассанов". В нашем материале имеется ойконим *Осиновка*, который по одной из версий также восходит к этнониму *ассан*. Р.Г. Жамсаранова утверждает, что названия *Ашенга*, *Ашаглей*, *Аца* служат демонстрацией фонетического оформления в монгольском языке этнонима *ассан*, а *Осиновка*, *Осиновый*, *Асинский* – в русском.

В топонимии Чайного пути выделяются топонимы, семантика которых позволяет отнести их к палеоазиатским языкам: *Куналей* (село *Большой Куналей* и река *Куналейка*) и *Уналей*. Предположительно они содержат сымский формант *улей*. Согласно В.А. Полякову, кетоязычный формант *ул* имеет свои варианты в диалектах: в сымском *улей* – "вода" в значении "река"; в ярцевском *ул'л'ей* означает буквально "вода+гора" (*Большой Уллей*). Если согласиться с М.Н. Мельхеевым, принадлежность топонима *Куналей* к палеоазиатскому пласту подтверждается и наличием апеллятива кетского происхождения *кун* – "хариус". Существует и другое толкование этого названия. У.-Ж.Ш. Дондуков этимологизирует этот топоним от тюркских слов *кун* "солнце; солнечный" и *аил* "село".

Тюркоязычный пласт

Тюркоязычный пласт является одним из древнейших стратегических пластов топонимии Бурятии. По данным тюрколога М.А. Сагидуллина, в Сибири проживают такие тюркские народы, как *сибирские татары, алтайцы, чулымцы, хакасы, шорцы, тувинцы, якуты* и другие. Прародиной тюрков называют либо Западный Алтай, либо Центральную Азию. В исследуемом материале к тюркоязычному пласту относятся 9 топонимов, что составляет 4% от общего числа топонимов Чайного пути. Среди них названия, этимология которых основывается на ряде версий, в том числе версии о тюркском происхождении. Так, Д.Д. Нимаев соотносит топоним *Чикой* с древнетюркским этнонимом *čik (tsik)* – названием народа, жившего в верховьях Енисея, в Саянах. Вероятность пребывания некоторых тюркских племен на территории Забайкалья подтверждается названием маленькой речки *Шигильдзюр*, которое надёжно этимологизируется только от древнетюркского этнонима *čigil*. М.Н. Мельхеев предлагает тунгусскую версию, согласно которой *Чикой* – это эвенкийское название, восходящее к однокоренному топониму *Чококндо (Сохондо)*, этимология которого также неясна. Учёный предполагает, что, возможно, упомянутые названия произошли от эвенкийского слова *чука* – "трава, зелень" и суффикса увеличительной формы *-нда (-ндя, -ндо)*. Возможна этимологическая привязка этого названия к югскому *чиг* "голец, скалистая вершина".

О пребывании тюркоязычных племён в долине реки Селенга свидетельствует и топоним *Заганский хребет* (бур. *Заган дабаан*), где *заган* рассматривается как смягчённый вариант тюркского слова *сакан* – "сигнал". В переводе на русский язык *Заган-Дабан* или *Сакан-Дабан* означает "сигнальный хребет". По мнению Э.Р. Рыгдылона, на его скалистых мысах разжигали костры-сигналы, которые широко использовались в оборонительных целях. Название скорее всего восходит к эпохе Киргизского каганата (IX–X вв.), северная граница которого охватывала Заганский и соседние с ним хребты. Такое соседство явилось причиной строительства целой сети крепостей, защищавших курыканское объединение от натиска киргизов.

Тунгусо-маньчжурский пласт

Первая научная классификация тунгусо-маньчжурских народностей по данным языка принадлежит Л.И. Шренку. Частичные изменения вносились Л.Я. Штернбергом, П.П. Шмидтом и сотрудниками Ленинградского института народов Севера. Наиболее распространено деление на две подгруппы: северную, или сибирскую, и южную, или маньчжуро-приамурскую. В «Большой советской энциклопедии» к данной группе народов отнесены эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), негидальцы, орочи, удэгейцы, ороки, ульчи, нанайцы. Эти народы, кочевавшие по всей Сибири, оставили свой след и в топонимии региона.

В топонимии Чайного пути выделяется отантропонимический ойконим *Ганзурино*, который без сомнения можно отнести к данному пласту, так как он образован от тунгусского имени *Ганзур* (*Ганжур*). Существуют две версии этимологизации гидронима *Оронгой*: от бур. *оронго* «антилопа», либо от эвенкийского *орон* «домашний олень». Название реки *Иркилик* также, вероятно, эвенкийского происхождения: от *ирки* «олень-бык». Как гидроним *Иркилик*, так и *Оронгой* перенесены на другие географические объекты: п. *Оронгой*, с. *Зун-Оронгой*, с. *Иркилик*, ручьи *Малый Иркилик*, *Большой Иркилик*.

Убедительнее звучит тунгусская версия этимологии гидронима *Селенга*, который образует ряд ойконимов, встречающихся в топонимии Чайного пути: *Селендума*, *Новоселенгинск*, *Староселенгинск* (бывший город *Селенгинск*). Э.М. Мурзаев, Б.В. Болдырев, И.Д. Бураев, Г.М. Василевич считают, что это название происходит от эвенкийского *сэлэ* – "железо". В XVII в. русскими река Селенга записана в двух вариантах: *Селенга* и *Селимба*. Эвенкийские суффиксы *-нга* и *-мба* при именной основе формируют названия в форме прилагательного, т.е. *сэлэнга* означает "железный". У эвенков принято реки, по которым находили (добывали) руды, минералы и какие-либо другие дары природы, называть их именами. Это предположение вероятно и в связи с тем, что в бассейне Селенги имеются рудопроявления многих металлов, в том числе и железа.

Гидроним *Хилок* представляется возможным соотносить с эвенкийским словом *килгэ* – "брусок, точильный камень", и это предположение наиболее обосновано. В бассейне реки Хилок действительно имеются породы, годные для точильных брусков.

Отсюда и бурятское название одного из урочищ по Хилку – *Билюнтай* от бурятского *булюу* – "точило, точильный камень, брусок"; *булюутэ* – "место, где имеется точильный камень".

Итого тунгусо-маньчжурский пласт насчитывает 13 топонимов (5,7%).

Монголоязычный пласт

Территория Восточного Забайкалья, являясь окраиной Центральной Азии, была местом исконного обитания протомонгольских племен. В настоящее время здесь проживают буряты, одни из представителей монгольского этноса. Имеющиеся работы и отдельные публикации по топонимии Байкальского региона позволяют утверждать, что в топонимии Забайкалья монголоязычные топонимы составляют довольно внушительный пласт.

В XI–XII вв. Монголия и земли, прилегающие к Байкалу, были заселены монголоязычными племенами. Основная часть *меркитов* обитала к северу от Керулена, в долине Южной Селенги, *кереиты* – между Орхоном и Толой; *найманы* обитали на Алтае; по Онону кочевали *джелаиры*, между долиной Онона и Селенги – *тайджиуты*. На севере и северо-востоке от Байкала, на территории современного Забайкалья, обитали племена, названия которых напоминают названия бурятских родов. В Приангарье обитали *тумэты* и *ойраты*. В Забайкалье и Прибайкалье кочевали *хори*, *баргут*, *тумат*, *булагачин*, *керемучин*, *оин-урянха*, *теленгут* и *ойрат*. Помимо этих племён, перечисленных в «Сокровенном сказании», упоминаются ещё *икиресы*, *бархуны* (*баргуты*), *буряты* (*булия*)¹.

В топонимии Чайного пути монголоязычные топонимы составляют 28,8% (65 единиц) от общего числа топонимов данного ареала. В основном они образованы от бурятских слов, например, *Дулан* – *дулаан* "тёплый"; *Баян-Гол* – "богатая долина"; *Хара Хабсагай* – "чёрная скала"; *Жаргаланта* – *жаргал* – "счастье"; *Танхар* – *тэбхэр* "квадратный" и др.

¹ См.: *Бертагаев Т.А.* Об этнонимах бурят и курикан // *Этнонимы*. М., 1970. – *Прим. ред.*

Славяноязычный пласт

Славяноязычные топонимы наиболее многочисленны на исследуемой территории (114 единиц; 50,4%). Как известно, заселение края русским народом началось в XVII в. Несомненно, процесс заселения сопровождался образованием новых поселений, в результате чего в настоящее время около 300 населённых пунктов Бурятии имеют названия на русской языковой основе, что составляет более 30% от общего числа ойконимов Бурятии. Значительную роль в образовании русских топонимов играет калькирование с бурятского языка, что может быть проиллюстрировано топонимами Чайного пути: *Галуута нур – Гусиное озеро, Ехэ Нуга – Большой Луг, Шабарта – Грязнуха, Хужир – Солонцы*. Следует отметить, что большую часть русских названий составляют отантропонимические ойконимы, в основе которых – личные имена или фамилии (43 топонима): *Арсентьево, Бабушкин, Барыкино, Бурдуково, Бурнашево, Дубинино, Жилино, Зуевская падь, Ивановка (Большая), Ильинка, Инкино, Истомино, Калинишина, Каргино, Кибалино* и др.

В отличие от топонимов с бурятской языковой основой семантика топонимов славянского происхождения понимается носителями бурятского и русского языков одинаково. Объясняется это тем, что в настоящее время русский язык всё более становится фактически родным или «вторым родным языком» большинства населения республики Бурятия и бурят в первую очередь.

Очевидно, что монголоязычный и славяноязычный пласты топонимии Чайного пути на территории Бурятии являются наиболее многочисленными. Это объясняется тем, что русский и бурятский языки в течение последних четырёх веков являются доминирующими на данной территории и продолжают оставаться продуктивными в сфере образования топонимов. Следует отметить, что чем древнее топоним, тем сложнее выявить его этимологию вследствие фонетических преобразований, влекущих за собой их семантическое переосмысление, а также в силу малоизученности древних языков.

Таким образом, стратиграфические пласты топонимии Чайного пути представлены в следующем соотношении (см. таблицу).

Наше исследование подтверждает мнение о том, что Бурятия являлась ареной миграционных процессов древних этносов.

По данным археологии, в разное время здесь проживали племена и фратрии, относящиеся по своей культуре к разным народам. Исследуемый ареал всегда был густо населён, народы из века в век сменяли друг друга. Одни пребывали здесь относительно недолго, другие – сотнями и тысячами лет. При этом устойчивость созданной каждым из этих народов топонимической системы была разной.

№	Языковой страт	Количество топонимов	%	Примеры
1	Монгольский (бурятский)	64	28,8	Баян-Гол
2	Русский	114	50,4	Большой Луг
3	Тюркский	9	3,9	Заганский хребет
4	Тунгусский	13	5,6	Селенга
5	Палеоазиатский	5	2,2	Куналей
6	Гибридные топонимы	15	6,5	Усть-Кяхта
7	Другие топонимы	6	2,6	Сухара
	Итого	226	100	

ТОПОНИМИКОН СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ *АЛФЁРОВО*, *ДВОРИШНЕВО*, *ЗАЯСТРЕБЬЕ*, *ОВСЯНИКОВО*, *ТРАВИНИНО* СУДОГОДСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

***Е.А. Лукьянова* (Владимир)**

С сентября 2005 г. по декабрь 2006 г. была проведена исследовательская работа по топонимии Владимирской области на примере топонимикона пяти сельских поселений Судогодского района. Основное внимание было уделено изучению микротопонимической системы исследуемой территории. Задачей работы была топонимическая перепись сельских поселений *Алфёрово*, *Дворишнево*, *Заястребье*, *Овсяниково*, *Травинино*, т.е. наиболее полный сбор названий как сельских поселений, так и всего, что их окружает. Как писала З.В. Рубцова, «в большинстве европейских стран подобный материал давно не только с любовью собран, но и опубликован как свидетельство национальной языковой культуры...». Целью работы являлся сбор фактического материала, который может быть использован в дальнейшем при составлении владимирского ономастического словаря. Актуальность работы

обусловлена тем, что: 1) топонимические закономерности надёжней выявить на массово повторяющихся явлениях, поэтому микропонимия представляет для исследования необъятный и интереснейший материал, так как микропонимы ближе к именам нарицательным, чем собственно топонимы; часто они находятся только на пути к превращению в имя собственное; 2) многие сельские поселения исчезают (на исследуемой территории удалось обнаружить 4 названия исчезнувших сельских поселений: *Коврино, Косарёвка, Патренка, Ушаткино*), а те сельские поселения, которые ещё существуют, либо превратились в дачные посёлки, либо отрезаны от внешнего мира, и в них доживают свой век пожилые люди. Умрут они, и вместе с ними безвозвратно уйдёт огромный материал не только по ономастике, но и по истории, культурологии, этнографии. И тем безотлагательнее становятся задачи, которые стоят перед студентами, выбравшими работу в этом направлении.

На изучаемой нами территории находятся 4 деревни (*Алфёрово, Дворишиново, Овсяниково, Травинино*) и одно село (*Заястребье*). Все они относятся к Муромцевскому сельскому совету Судогодского района Владимирской области. Эти пять сельских поселений связаны между собой не только географически, но также исторически и социально. Их первое упоминание в письменных документах (патриарших окладных книгах) относится к началу XVII в. Кроме того, многих местных жителей объединяют давние дружеские и родственные связи. В XIX в. эти сельские поселения принадлежали графу Владимиру Семёновичу Храповицкому. После 1917 г. эти земли были национализированы, а в конце 50-х гг. вошли в госплемптицецезавод «Пионер», к которому относятся до сих пор.

В процессе изучения топонимии и микропонимии этих сельских поселений было обнаружено 152 микропонима, которые могут быть закреплены за отдельным населённым пунктом и за этим округом в целом, и 9 собственно топонимов (всего 161).

Среди собственно топонимов нас прежде всего интересуют ойконимы, собственные имена любого поселения: *Алфёрово, Дворишиново, Заястребье, Овсяниково, Травинино*. Точных документальных сведений о происхождении названий этих сельских поселений не имеется, но в ходе беседы с местными жителями удалось записать предания о происхождении некоторых названий. Сопоставляя эти предания с закономерностями появления имён

собственных (а в частности, топонимов), можно сделать следующие выводы. Местная легенда связывает возникновение дер. *Алфёрово* с именем некоего *Алфёра*, первого её жителя. Согласно этой версии, после отселения от отцовского дома *Алфёр* выстроил себе дом на том месте, где сейчас находится деревня. Его семейство пополнялось, что привело в дальнейшем к образованию деревни. Это предание представляется довольно состоятельным, так как широко было распространено отселение создавших новую семью молодых людей за черту родной деревни. Вероятно, ранее эта деревня называлась *Алфёрово селение*, т.е. название представляло собой словосочетание типа «притяжательное прилагательное + существительное», о чём свидетельствуют употребления типа «деревни Алфёровой» в «Историко-статистическом описании церкви и приходов Владимирской епархии». Впоследствии под влиянием унификации названий сельских поселений в результате семантического сжатия образовался ойконим *Алфёрово*.

Происхождение названия села *Заястребье* является самым прозрачным. Вероятнее всего, о чём, кстати, говорят и местные жители, название образовано префиксально-суффиксальным способом от названия протекающей по этой территории речки *Ястреб*: *Ястреб* → *За-ястреб'-ье*. Следует отметить, что в речи жителей исследуемых сельских поселений название *Заястребье* употребляется крайне редко. В основном используется вариант *Село*. Очевидно, это связано со стремлением к лаконизму.

Версий происхождения названия дер. *Травинино* много:

1) местные жители связывают его с тем, что здесь заготавливали траву;

2) жители соседних деревень, по всей вероятности, не совсем благожелательно настроенные по отношению к местным жителям, говорят о происхождении названия этой деревни от слова «травить»; будто бы жители травили заезжавших к ним непрошенных гостей;

3) возможно происхождение от фамилии гипотетического владельца деревни *Травинин*, что не подтверждено, однако, письменными документами.

В «Историко-статистическом описании церкви и приходов Владимирской епархии» указано, что деревня в прошлом называлась *Травинки*. Это название, очевидно, в результате унификации названий сельских поселений, было изменено в *Травинино*.

Также среди собственно топонимов, употребляющихся в речи местных жителей, было выявлено 2 гидронима – названия рек: *Судогда*, *Ястреб*.

Происхождение названия реки *Ястреб* практически не вызывает сомнений, а именно: от нарицательного слова «ястреб».

Особый же интерес вызывает оним *Судогда*, на происхождение которого есть две точки зрения: 1) многие краеведы считают, что название реки имеет татарское происхождение, они приводят следующие доводы: здесь проходила дорога на Владимир татарского хана Неврюя, кроме того *су* в татарском и других восточных языках означает «вода», таким образом, слово *Судогда* можно перевести как «стой вода» или «кругом вода»; 2) многие лингвисты утверждают, что название реки *Судогды* происходит из угрофинских языков, где *суо* означает «волк», либо по другому переводу «озеро, болото, заводнённая местность». Ни один из этих переводов не противоречит действительности: волки водились в этих лесах всегда и местность в пойме реки Судогды является заболоченной. Как отмечает краевед Виктор Тихонов в своей книге «Судогда», последней «версии придерживается и наш земляк писатель Владимир Солоухин». На наш взгляд, последняя версия действительно является более достоверной. Вероятно, оним *Судогда* – это так называемое субстратное название, которое вошло в язык во время переселения славянских племён в бассейны рек Оки и Клязьмы.

Анализ микротопонимической системы проводился по следующим направлениям: 1) характеристика с точки зрения представленности по объектам; 2) лексико-семантическая классификация; 3) характеристика с точки зрения источников номинации; 4) словообразовательная характеристика; 5) структурно-грамматическая классификация микротопонимов. Также были рассмотрены системные отношения в топонимии и микротопонимии.

При подведении итогов было отмечено, что для исследуемого округа свойствен достаточно широкий объектный состав онимов. Так, можно выделить следующие группы:

- потамоним (имя любой реки): *Баклуша*, *Верба*, *Костинка*;
- названия омутов: *Пташкин омут*, *Плёт*, *Филькин омут*;
- названия мостов: *Высокий мост*;
- лимноним (имя любого озера, пруда): *Армянский пруд*, *Монастырский пруд*, *Чёрное озеро*;

- гелоним (имя любого болота, заболоченного места): *Гарино болото, Первенько болотце*;

- дримоним (собственное имя любого лесного участка): *Зимёнки, Патренка, Серёдыш, Староверы, Теряха*;

- названия полей: *Андрейкино, Новая, Поповка*;

- годоним (название линейного объекта в поселении): *Хутор (часть села Заястребье), Сапог (название части д. Травинино)*;

- названия мест захоронения: *Борисиха, Староверы, Никола*.

Самыми распространёнными являются названия лугов и названия любых лесных участков (дримонимы).

Основным *принципом номинации* является принцип выделения отличительных признаков объекта. Однако, как писал В.А. Никонов, «в топонимике нет заблуждения опасней, чем распространённое представление, будто название “вытекает” из свойств самого объекта. Название не присуще объекту, а существует только в обществе и исторической закономерности». Ведь всё дело в том, какой из множества признаков выбран в качестве принципа номинации и почему, ибо что важно для одних, может быть несущественно для других. В ходе работы было обнаружено 68 микропонимов, образованных по принципу выделения отличительных признаков именуемого объекта. Например: *Белый пруд, Большое поле, Высокий мост, Двенадцать гектар* (название поля); *Добрый луг, Долгие паи, Долгий луг, Ёлочка* (название места летнего выгона скота); *Каменный лужок, Клин* (название части леса); *Красные горы, Ледянка* (название зимней дороги); *Новая Сеча* (название просеки); *Ржановка* (название поля); *Светлое болото, Свинцовое болото, Сухие паи, Сырой завор, Сырой луг, Трёхгонное поле, Трясучее болото, Чёрная речка* и др.

Кроме того, учёные выделяют другие принципы номинации: по месту расположения объекта; отношение объекта к человеку.

Всего было обнаружено 26 названий, образованных по принципу места расположения именуемого объекта. Так, большинство названий прудов, мостов и дорог происходят от названий тех сельских поселений, в которых или рядом с которыми они располагаются: *Алфёровский пруд, Жуковский мост, Кондрявская дорога*.

Ещё одним продуктивным принципом именования стал принцип отношения именуемого объекта к человеку. По такому принципу были названы все колодцы в исследуемых сельских поселениях (*Мелков колодец, Попов колодец*); многие омуты, очевидно, по имени/фамилии того человека, который погиб на этом месте (*Алёшкино*,

Филькин омут, Королёв омут). Кроме того, большинство лугов и полей носят имена тех людей, в надел которых они входили ранее (*Андрейкино, Антонов луг, Обакумово*). При образовании по принципу отношения объекта к человеку в основе вновь образованного имени собственного могут быть отражены не только имя/фамилия человека, но и его характеристика. Примером может служить название части деревни *Овсяниково – Кокоровка*. Здесь, как свидетельствуют местные жители, издавна жили старообрядцы, которых считали своенравными, как говорят, «коккористыми», поэтому эта часть деревни и получила название *Кокоровка*. «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля подтверждает эту точку зрения: *коккористый* значит «упрямый, своенравный; скупой, зажилистый».

Среди **источников номинации** самым распространённым является онимизация (переход имени нарицательного в имя собственное), причём как семантическая, происходящая без формальных изменений структуры слова (например: *мельница* (название сооружения) → *Мельница* (название острова на реке)), так и грамматическая, т.е. образование имени собственного с помощью служебных морфем, сложения корневых морфем или синтаксических средств, например: *первое* → *Первенько болотце* ← *болото*.

Также возникновение собственных имён может происходить и путём трансонимизации ИС, т.е. перехода онима одного разряда в другой. Пример семантической трансонимизации: *Шипулиха* (именование женщины по мужу) → *Шипулиха* (речка); грамматической трансонимизации: *Борис* (антропоним) → *Борисиха* (место кладбища). Здесь, как видно, следует различать омонимичные суффиксы *-их-*: в первом случае он имеет значение ‘именование женщины по мужу’, во втором – ‘отношение к человеку’. Трансонимизация может также сопровождаться атрибуцией, например: *Антонов* → *Антонов луг* ← *луг*. Большинство онимов, обнаруженных на исследуемой территории, образованы лексико-синтаксическим способом, т.е. новые онимы созданы на базе словосочетания. Атрибутивные модели представлены одной разновидностью: «прилагательное + существительное» – *Зимёнская речка, Иванов луг, Чернышёв Поруб*.

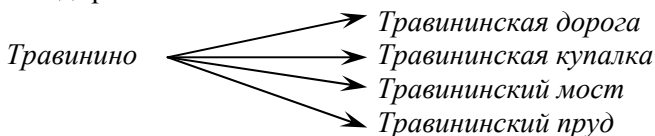
Что касается **ономастического словообразования**, то здесь, как и в словообразовании нарицательной лексики, выделяются четыре основных способа: морфологический (например, *Костин* → *Костинка, Сидор* → *Сидариха*); лексико-семантический (например, *Патренка* (название исчезнувшего сельского поселения) → *Патрен-*

ка (название леса)); морфолого-синтаксический, а также вышеуказанный лексико-синтаксический.

По структуре все топонимы и микротопонимы делятся на две одинаковые группы: однословные (*Бадаиха, Ёлочка, Зеленики*) и составные, причём среди составных микротопонимов выделяются только микротопонимы типа «прилагательное + существительное», например: *Климажская сторожка*.

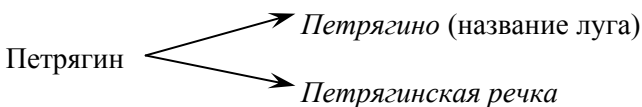
Своеобразно проявляются в области собственных имён различные **межсловные отношения**, характер которых наиболее отчётливо проявляется в такой микросистеме, как гнездо.

В ходе работы были выявлены как чисто топонимические гнёзда:

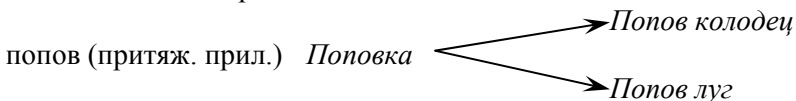

так и смешанные:

- антропо-топонимические:

- апеллятивно-микротопонимические:

В целом топонимикон сельских поселений *Алфёрово, Дворишиново, Заястребье, Овсяниково, Травинино* Судогодского района характеризуется внутренней системностью, кроме того, отмечаются обширные связи с антропонимами.

Итогом исследования стало написание курсовой работы, кроме того, был собран материал по топонимии отдельной территории, на примере анализа которой можно рассматривать закономерности топонимической системы области в целом. Свою работу мы начинали под руководством владимирского ономаста Валентины Владимировны Носковой, которой теперь нет с нами. Мы гордимся тем, что работали под её руководством, и надеемся, что наше исследование топонимического пространства Владимирского региона будет продолжено сможет стать источником для составления владимирского областного ономастического словаря.

СУФФИКС -СК- В РУССКОЙ ТОПОНИМИИ И ПРОБЛЕМА НАЛОЖЕНИЯ МОРФЕМ В ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

М.А. Цеханович (Москва)

По своему происхождению топонимы на *-ск-* являются относительными прилагательными, которые в древнерусском языке употреблялись как в полной, так и краткой форме. Суффикс *-ск-* не употребляется ни в каких других существительных, как только в названиях населённых пунктов, преимущественно в названиях городов (существительное *войско*, где есть суффикс *-ск-*, представляет собой исключение). Исторически сложилось так, что за названиями городов закрепилась форма краткого прилагательного.

Названия городов обычно «оканчиваются» на *-ск-*, поэтому за суффиксом *-ск-* закрепилась «гороδοобразующая» функция, а названия других топонимов имеют форму полных прилагательных. Наблюдается следующая закономерность: с укрупнением населённого пункта и преобразованием его в город происходит смена окончаний названия. Так, сёла раньше часто получали своё название по церкви, построенной в них: *Благовещенское*, *Сретенское*, *Троицкое*. Затем сёла перерастали в города: *Благовещенск* (Амурская обл.); *Борисоглебск* (Воронежская обл.); *Козьмодемьянск* основан в 1583 г. как острог *Козьмодемьянский* (Республика Марий Эл); *Петропавловск* (Казахстан); *Сретенск* (Читинская обл.); *Троицк* (Московская обл.), при этом менялось только окончание названия. Из приведённых примеров видно, что окончание названия зависит от статуса населённого пункта (село *Никольское*, но город *Никольск*). Например, село *Павловское* преобразовано в город *Павловск* (Ленинградская обл.) в 1796 г.; посёлок *Дедовский* – город *Дедовск* (Московская обл.) в 1940 г.; рабочий посёлок *Константиновский* – город *Константиновск* (Ростовская обл.) в 1941 г.; куренное селение *Кореновское* – город *Кореновск* (Краснодарский край) в 1961 г.; станция *Тимашёвская* – город *Тимашёвск* (Краснодарский край) в 1966 г. и т.д.

Среди современных наименований негородских населённых пунктов иногда встречаются названия на *-ск-*. Для названий сельских поселений характерны названия, оканчивающиеся на *-ино*, *-ово*, т.е. с суффиксами притяжательных прилагательных *-ин*, *-ов* в форме сред-

него рода, единственного числа (например, *Агашикино, Зыбино, Шубино, Акулово, Быково, Мешково* в Московской области и др.). Наличие суффикса *-ск-* в этих названиях объясняется тем, что в прошлом они имели статус города, на что теперь указывает только их название: *Буинск* (пгт в Ибресинском районе, в Чувашии; с этим же названием есть город в Татарстане); *Васильсурск* (пгт в Воротыньском районе Нижегородской обл.); *Охотск* (пгт, районный центр в Хабаровском крае); *Петровск* (пгт в Ростовской области); *Пронск* (пгт, районный центр в Рязанской области), *Демьянск* (пгт, районный центр в Новгородской обл.); *Воротыньск* (посёлок в Калужской области); *Кабанск* (село около Улан-Удэ); *Красноборск* (село, районный центр в Архангельской области); *Лучинск* (село в Пронском районе Рязанской обл.); *Нижнедевицк* (село, районный центр в Воронежской области); *Николаевск* (село, основанное старообрядцами на Аляске); *Северск* (село, Московская обл.); *Сергиевск* (село, районный центр в Красноярском крае); *Серпейск* (село в Калужской области); *Туруханск* (село, районный центр в Красноярском крае).

Как правило, окончания названий, представляющих собой полное прилагательное, соответствуют грамматическому роду географического объекта: названия города, посёлка, хутора имеют окончание мужского рода (*-ский*), села – окончание среднего рода (*-ское*), деревни, станицы, слободы – окончание женского рода (*-ская*). Но это правило действует не всегда. Иногда в случае изменения статуса населённого пункта его название остаётся без изменения. Города *Донской* (Тульская обл.), *Белоярский* (Ханты-Мансийский АО), *Берёзовский* (Кемеровская обл.) были основаны как рабочие посёлки, затем переросли в города. Посёлки городского типа *Красногвардейское* (Белгородская обл.), *Пржевальское* (Смоленская обл.), *Советское* (Саратовская обл.), *Сурское* (Ульяновская обл.), *Агинское* (центр Агинского Бурятского АО) до того, как был изменён их статус, являлись сёлами. Города *Егорлыкская, Казанская, Мешковская, Новопокровская* в Ростовской области выросли из станиц, поэтому их названия имеют окончание *-ская*, а посёлок городского типа *Шаховская* (Московская обл.) получил своё название по станции *Шаховская* (открыта в 1901 г.). Интересна история названия города *Слободской* в Кировской области. Основанный в начале XVI в. как выселок, город первоначально назывался просто *Слобода*, т.е. "селение, жители которого освобо-

ждены от каких-либо повинностей, податей и т.п.", позже он стал называться *Слободской городок*, *Слободской посад*. А с 1599 г. это уже город *Слободской*. В 1780 г. за ним утверждён статус уездного города [6, с. 388].

В прошлом с помощью суффикса *-ск-* на основе физико-географических наименований создавались названия первых русских городов. Среди них наиболее многочисленна группа топонимов, образованных от названий рек: р. Кур – *Курьскъ* (современный *Курск*), р. Меня (Менька) – *Менескъ* [3, с. 162] (современный *Минск*), р. Полота – *Полотьскъ* [8, с. 352] (современный *Полоцк*), р. Витьба – *Видьбъскъ* (современный *Витебск*), р. Пина – *Пинск*, позднее, по мере освоения русскими Сибири и Дальнего Востока, возникают такие города, как: р. Тобол – *Тобольск*, р. Омь – *Омск*, р. Томь – *Томск*, р. Иркут – *Иркутск* и т.д.).

С названиями, образованными от гидронимов, сопоставимы имена, возникшие из географических терминов. Это такие названия древнерусских городов, как: *Дебрянск* (современный *Брянск*; название образовано от древнерусского *дебрь* "горный склон, ущелье, долина, поросшая лесом; лес" [15, с. 766]); *Луческ* (современный *Луцк*, Украина; *лука* "изгиб реки, речной залив"; город находится на возвышенном месте, омываемом крутой лукой, которую образует р. Стырь, охватывающая его с трёх сторон); *Прилуцк* (*прилука* "край излучины, луки, обрыва, изгиб реки, где прибой течения и берег крутой; напротив прилуки – лука, мыс"). К этой группе имён относятся также сложные названия, возникшие на базе словосочетаний уже в более поздний период: *Лесогорск* (Сахалинская обл.) Название связано и с ландшафтом – город окружают покрытые лесом горы, и с хозяйством – в нём представлена лесная промышленность; *Красноярск* (Красноярский край, *яр* "высокий крутой берег; обрыв"); *Междуреченск* (Самарская обл., *междуречье* "место, расположенное между двумя смежными реками").

В эпоху, когда городам стали присваивать мемориальные названия (например, в честь известного полководца или общественно-политического деятеля), по исходной «речной» модели стали образовываться названия на *-ск* уже от основ фамилий, которые оканчиваются на *-ский*. Город *Карпинск* (Свердловская обл.) назван (в 1941 г.) в честь геолога, президента АН СССР акад. А.П. Карпинского (1846–1936). В 1946 г. бывший *Инстенбург*

переименован в *Черняховск* (Калининградская обл.) в честь генерала И.Д. Черняховского (1906–45), погибшего на территории Восточной Пруссии. Город *Высоцк* (Ленинградская обл.) в 1948 г. назван в память о Герое Советского Союза К.Д. Высоцком (1911–40), погибшем во время советско-финской войны 1939–40 гг. Посёлок городского типа *Чернышевск* (Читинская обл.) в 1957 г. наименовали по фамилии писателя Н.Г. Чернышевского (1828–89), который в 1864 г. был сослан на каторгу в Нерчинские рудники, находившиеся сравнительно недалеко от места расположения будущего посёлка.

Среди мемориальных названий на *-ск(ий)* можно выделить топонимы, образованные от фамилий, не содержащих в своём составе суффикс *-ск-* (например, пгт *Беринговский* на Чукотке назван в честь В.И. Беринга, капитана-командора (1681–1741); *Будённовск* – город в Ставропольском крае – назван по фамилии советского военного деятеля С.М. Будённого (1883–1973); немецкий город *Нойхаузен* в Калининградской области в 1946 г. был переименован в *Гурьевск* по фамилии Героя Советского Союза генерала С.С. Гурьева (1902–45), который погиб при штурме Кенигсберга).

Таким образом, основы фамилий, участвующих в образовании названий, оформляются при помощи суффикса относительных прилагательных *-ск-*. Однако есть ещё группа топонимов, которые целиком совпадают с фамилией, давшей название: *Белинский* – город в Пензенской области (по фамилии русского литературного критика и публициста В.Г. Белинского (1811–48)); *Вяземский* – город в Хабаровском крае (по фамилии инженера Вяземского, руководителя работ по строительству Уссурийской железной дороги); *Жуковский* – город в Московской области (назван в честь выдающегося учёного Н.Е. Жуковского (1847–1921), одного из основоположников современной аэродинамики).

Следует также назвать топонимы, производные от прилагательных: *гвардейский* – *Гвардейск* (Калининградская область), *комсомольский* – *Комсомольск* (Ивановская обл.), *октябрьский* – *Октябрьск* (Самарская обл.), *пролетарский* – *Пролетарск* (Ростовская обл.) или возникшие из сочетаний путём сложения и суффиксации: *Зеленоградск*, *Краснознаменск* (Калининградская обл.), *Зеленодольск* (Татарстан), *Зеленогорск* (Красноярский край и Ленинградская обл.), *Красногорск* (Московская обл. и на Сахалине), *Светогорск* (Гомельская обл., Белоруссия и Красноярский

край), *Солнечногорск* (Московская обл.), *Черногорск* (Хакасия), *Ясногорск* (Тульская обл.). Важно отметить, что конечная часть -горск или -дольск в вышеприведённых названиях, а также -заводск, -водск (в таких названиях, как *Краснозаводск* (Московская обл.), *Железноводск* (Ставропольский край), *Петрозаводск* (столица Карелии), *Светловодск* (Кировоградская обл., Украина) и др.) не является ни морфемой [17, с. 8], ни формантом [18, с. 101], ни суффиксоидом [4, с. 35], как ошибочно полагают некоторые исследователи.

Неправильное понимание образования названий на -ск без обращения к истории языка ведёт к неверному представлению о морфемном составе оттопонимических прилагательных и способах их образования. При этом исследователи не учитывают сложный исторический путь развития топонимов. Такой упрощённый анализ приводит к тому, что подобные словообразовательные структуры рассматриваются как суффиксальные. По этой причине возникла идея наложения морфем. Суть наложения состоит в том, что на стыке основы с другими структурными элементами слова нередко встречаются одинаковые звуки или сочетание нескольких звуков. В таких случаях совпадающие в звуковом отношении части сочетающихся элементов производного слова совмещаются в составе слова, как бы накладываются друг на друга; таким образом, данный отрезок слова принадлежит одновременно двум соседним морфемам. Такое явление называют по-разному: «наложение морфов», «аппликация» или «интерференция».

Наряду с вполне ясными по своему образованию и составу прилагательными типа *московский* от *Москва*, *самарский* от *Самара* существует обширная группа прилагательных, связанных с топонимами на -ск, типа *курский* – *Курск*, *смоленский* – *Смоленск*, получивших в современном словообразовании различные толкования. С формальной стороны эти прилагательные должны быть произведены от топонимов при помощи суффикса -ск-. Но всё осложняется тем, что в исходных топонимах имеется конечный -ск.

Сторонники идеи о наложении морфем ошибочно полагают, что в современном языке случаи наложения морфем в таких словах многочисленны, при этом приводятся обычно в качестве примеров следующие названия: *Магнитогорск* – *магнитогорский*, *Челябинск* – *челябинский*, *Краматорск* – *краматорский*, *Петрозаводск* – *петрозаводский*, *Свердловск* – *свердловский* [1, с. 85],

Архангельск – архангельский, Смоленск – смоленский [2, с. 150], которые сравниваются с такими, как *Ленинград – ленинградский*. Что касается прилагательных (*архангельский, смоленский*), образованных от старых названий (*Архангельск, Смоленск*), это просто полные формы относительных прилагательных с суффиксом *-ск-*, которые не изменились и сохранили свои адъективные свойства в отличие от краткой формы относительных прилагательных, перешедших в топонимию.

Остальные прилагательные (*магнитогорский, челябинский, краматорский, петрозаводский, свердловский*) образованы от новых названий городов на *-ск* на основе фамилий и словосочетаний (*Свердловск, Петрозаводск* – в 1703 г. при месторождении озёрной железной руды основан металлургический завод, получивший в честь инициатора его создания императора Петра I название *Петровский завод*. Выросший при заводе посёлок стал именоваться *Петровской слободой*. В 1777 г. она преобразована в город, получивший название *Петрозаводск, Магнитогорск* возник в 1929 г. как поселок при строительстве металлургического комбината у горы *Магнитной*, на месте основанной в XVIII в. казачьей станицы *Магнитная*) или от форм на *-ск(ий)* (*Краматорск* возник как пос. *Краматорск* при ст. *Краматорская* (открыта в 1869 г.)). Данные названия произведены по модели названий более древних городов (*Курск, Минск*).

Сравнение этих прилагательных с прилагательными типа *ленинградский* (ср. также *московский, киевский* и др.) от *Ленинград (Москва, Киев* и др.) некорректно, так как они произведены по разным моделям. Образование прилагательных от названий городов на *-ск* в современном русском языке осуществляется путём перехода субстантивной формы в адъективную с помощью смены системы окончаний. В отличие от них прилагательные от названий городов, не содержащих суффикс *-ск*, образуются суффиксальным путем: к основе топонима прибавляется суффикс *-ск(ий)* (например, *Москва – московский*).

К сожалению, идея наложения суффикса *-ск-* на конечную часть топонима *-ск* была воспринята многими учёными, получила большое распространение и нашла отражение в учебной литературе [7; 5; 10, с. 126; 11, с. 231; 13, с. 20; 9, с. 213; 14, с. 162; 12, с. 491].

Идее наложения противопоставлена идея усечения суффикса *-ск* в основе названия при образовании оттопонимического прилагательного. Эта также ложная идея возникла, видимо, как противопоставление утверждению о наложении и заключается в

том, что «...суффикс *-ский* должен прибавляться к основе названия, от которой отброшен суффикс *-ск*» [16, с. 166]. При этом сторонники данного положения, как и их оппоненты, подчеркнута не принимают во внимание былой связи суффикса *-ск* в топонимах с адъективным суффиксом *-ск-*, с помощью которого образованы названия городов. Более того, в некоторых названиях суффикс признаётся даже лишним: «суффикс *-ск*, с помощью которого когда-то образовывались названия городов от прилагательных, теперь стал вполне самостоятельным суффиксом. В ряде случаев это даже избыточный суффикс, так как по форме названия без *-ск* итак ясно, что это название города: *Буйнакск* (ср. *Муйнак*), *Высоковск*, *Багратионовск*, *Можайск* (ср. народное Можай), *Иловайск* (город на Украине), *Градзск* – автор не указала месторасположение этого города и т.п.» [16, с. 166].

Бесспорна самостоятельность суффикса *-ск*, с помощью которого образуется одна из самых продуктивных словообразовательных моделей названий городов, свидетельством чего, помимо древних названий (*Витебск*, *Изборск* и др.), являются многочисленные новые названия городов (*Гвардейск*, *Комсомольск*, *Советск* и др.). Однако утверждение об избыточности этого суффикса в приведённых выше названиях не выдерживает никакой критики, так как история этих названий доказывает наличие в них суффикса *-ск*.

Так, например, город *Высоковск* в Московской области вырос из рабочего поселка *Высоковский*, поэтому говорить об избыточности суффикса *-ск* не приходится, так как название *Высоковск* возникло из названия посёлка *Высоковский*, адъективного прилагательного по своей форме.

Сравнение топонима *Буйнакск* (город назван в честь дагестанского революционера У.Д. Буйнакского (1890–1919)), который образован от фамилии на *-ск(ий)*, с названием *Муйнак* необоснованно, поскольку последнее связано не с фамилией, а с географическим термином. (С учётом положения города в дельте Амударьи можно предположить связь с каракалпакским *мойнак* «бархан», казахским «перешеек; узкая полоса воды, сужение русла реки; полоса суши, песка, отмель») [6, с. 277].

По поводу названия *Багратионовск* можно сказать следующее. В Калининградской области после Второй мировой войны была проведена работа по переименованию немецких городов. При создании новых названий активно использовалась продуктивная

модель названий на *-ск*: *Приморск, Балтийск, Зеленоградск, Светлогорск*, название города *Багратионовск* – не исключение. Название города *Можайск* образовано от гидронима *Можай* (*Можая*): «город *Можаяск* на речке *Мжае*». Народная форма *Можай* встречается только в выражении «загнать за *Можай*», в смысле за реку *Можай*, в других случаях употребляется только полная форма *Можайск*.

Существует другое ложное обоснование утверждения об «усечении» суффикса *-ск* в основе названия при образовании от него прилагательного. При этом исходят из представления об образовании названия жителей города от названия самого города: «При образовании названия жителей города Томска суффикс *-ск*- базовой основы не входит в выводимую основу: *томичи*. То же самое: река *Тобол*, город *Тобольск*, но жители Тобольска – *тоболяне* или *тобольцы*; река *Омь*, г. *Омск*, но жители Омска – *омичи*. Суффикс *-ск*-названий населённых пунктов никогда не входит в выводимые из них названия жителей города, например: *Курск* – *куряне*, *Петрозаводск* – *петрозаводчане*, *Иркутск* – *иркутяне* и *иркучане*, *Свердловск* – *свердловчане*, *Бийск* – *бийчане* и т.п.

Можно сделать только один вывод: при словообразовании от топонимов с суффиксом *-ск*- в основе последний непременно усекается (следовательно, и фонематически здесь нет повторяющегося отрезка фонем)» [19, с. 481]. Однако согласиться с этим утверждением сложно, так как никакого усечения (так же, как и наложения) суффикса *-ск*- не происходит: название города и прилагательное, образованное от него, являются краткой и полной формой прилагательного. Отсутствие суффикса *-ск*- в основе названия жителей города (например, *томичи*, *тоболяне*) вовсе не свидетельствует об усечении суффикса *-ск*- в мотивирующем слове (*Томск*, *Тобольск*). Здесь необходимо напомнить следующее. Первоначально многие названия жителей, как и названия самих населённых пунктов, были связаны с наименованием реки, на которой возникали поселение или город, или с названием местности. Например, на реке *Мене* (*Меньке*) был построен город *Минск*, древняя форма названия которого *Меньск* (*Менеск*). Жители этого города по названию реки именовались *меняне*: «*Меняне* затворились в граде» [3, с. 162]. Подобных примеров можно привести много (ср.: *смоляне* – жители *Смоленска*, *куряне* – жители *Курска* и др.). Образование наименований жителей современных городов происходит, как правило, от названия самого города.

Таким образом, хотя образование прилагательных, связанных с названиями на *-ск-*, и оценивается в современном словообразовании с разных точек зрения (видят в прилагательных то наложение, то усечение), но согласиться с этими положениями нельзя, так как при таком анализе не учитывается история возникновения и развития названий.

Литература

1. *Земская Е.А.* Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке // ВЯ. 1964. № 2.
2. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
3. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
4. *Лопатин В.В.* Словообразовательная структура названий населённых пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. М., 1981.
5. *Немченко В.Н.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.
6. *Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд. М., 2001.
7. *Потиха З.А.* Современное русское словообразование. М., 1970.
8. ПСРЛ. Указатель к первым восьми томам ... Отд. 2. Указ. геогр. СПб., 1907.
9. *Розенталь Д.Э.* и др. Современный русский язык М., 1994.
10. *Светлышев Д.С., Брагина А.А., Ганцев Ж.В.* и др. Современный русский язык М., 1986.
11. Современный русский язык / Под общ. ред. М.Г. Булахова, И.С. Козырева. Минск, 1991.
12. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц Ч.1 / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2002.
13. Современный русский язык / Под общ. ред. Л.И. Киселёва. Минск, 1992.
14. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта М., 1998.
15. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1890. Т. 1.
16. *Суперанская А.В.* Об одной ошибке в написании географических названий // Вопросы культуры речи. М., 1959. Вып. 2.
17. *Суперанская А.В.* Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и топонимика. М., 1964.
18. *Суперанская А.В.* Структура имени собственного: (Фонология и морфология). М., 1969.
19. *Янко-Триницкая Н.А.* Наложение морфем в основе русского слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Вып. 6. (См. также: *Она же.* Морфологические границы форм одного слова // Учён. зап. МГПИ им. Потёмкина. М., 1959. Т. 73, вып. 6. С. 41–57; *Панов М.В.* О наложении морфем // Вопросы филологии. М., 1969. – *Прим. ред.*).

Раздел VII ЛИТЕРАТУРА ПО ОНОМАСТИКЕ (1993–2008 гг.)

А.В. Барандеев

Библиографический список включает в себя литературу, изданную преимущественно на русском языке за последние 16 лет, и не претендует на исчерпывающую полноту: составитель сознаёт неизбежное наличие пропусков. Тем не менее можно надеяться, что учёт отечественной ономастической литературы будет полезен современным исследователям. Выборка публикаций из журнала «Вопросы ономастики» (2004–06 гг.) произведена Р.А. Агеевой.

Обратим внимание на продолжающееся смешение в научном употреблении терминов *топонимика* и *топонимия* (см. названия отдельных работ).

СТАТЬИ. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. МОНОГРАФИИ. АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ. РЕЦЕНЗИИ

- Аверьянов К.А.* Алексеевское. Аминьево. Косино. Люблино. Медведково. Свиблово // История сёл и деревень Подмосковья, XIV–XX вв. М., 1993. Вып. 2.
- Аверьянова М.Г.* Край Раменский: Очерки краеведа. М., 1995.
- Аверьянова М.Г.* Край Раменский: Галерея имён: Кн. 2: Очерки краеведа. М., 2008.
- Аветисов Г.П.* Имена на карте Российской Арктики. СПб., 2003.
- Агеева Р.А.* Системы номинации в региональной микрооронимии // Топонимия России. М., 1993.
- Агеева Р.А.* Цветовые обозначения в онимах разных классов // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 25: Ономастика, кн. 1, ч. 1: Имя и культура.
- Агеева Р.А.* Тайны гидронимии: Из истории географических названий // Серебряная подкова. М., 1994. Вып. 2.

- Агеева Р.А.* [Рец. на: Диалектные различия русского языка. Словообразование. Кемерово, 1991. Вып. 1.] Серьёзный труд по диалектному словообразованию // *Сельский мир: Альманах*, январь 1994. М., 1994.
- Агеева Р.А.* О подготовке словаря «Названия народов России» // *Вестн. РАН*. 1995. Т. 65, № 5.
- Агеева Р.А.* О таксономических единицах в этнонимике и типах экзоэтнонимов // *Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции* (Москва, 13–15 дек. 1995 г.). М., 1995.
- Агеева Р.А.* [Рец. на:] *Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий. М., 1994. Ч. 1–2. // *ВЯ*. 1995. № 5.
- Агеева Р.А.* [Рец. на:] *Орешикина М.В.* Тюркские слова в современном русском языке: Проблемы освоения. М., 1994 // *Вестник РАН*. 1995. № 9.
- Агеева Р.А.* [Рец. на:] *Рогалев А.Ф.* Этнотопонимия Беларуси. Гомель, 1993 // *Беларускі гістарычны агляд*. Менск, 1995. Т. 2, сш. 1.
- Агеева Р.А.* Principles of compiling ethnonymic dictionaries // *Proceedings of the XIX International congress of onomastic sciences, Aberdeen, August 4–11, 1996. "Scope, perspectives and methods of onomastics"*. Aberdeen, 1998. Vol. 1.
- Агеева Р.А.* Неопределённость денотата у этнонимов как историко-культурный феномен // *Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 2000 (17–18 апр. 2000 г.)*. М., 2000.
- Агеева Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. 2-е изд. М., 2002.
- Агеева Р.А., Васильев В.Л., Горбаневский М.В.* Старая Русса: Тайна имени древнего города. М., 2002.
- Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. М., 2004.
- Агеева Р.А., Шилов А.Л.* Нахабино // *РР*. 2005. № 2.
- Алеценко Е.И.* Мифоним *Баба-яга* в русских народных сказках // *РЯШ*. 2008. № 4.
- Альквист А.* Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // *ВЯ*. 1997. № 6.
- Альквист А.* Меряне, не меряне... // *ВЯ*. 2000. № 2, 3.
- Альквист А.* Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // *Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны*. СПб., 2001.
- Аникин А.Е.* От Чуди до Мери (к 75-летию А.К. Матвеева) // *ВЯ*. 2001. № 6.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998. [Тюркские личные имена, образованные в результате метафоризации].
- Астахина Л.Ю.* Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры // *РЯШ*. 2005. № 1. [О Международной конференции с таким

- названием (Крым, 14–21 сент. 2004 г.), посвящённой памяти акад. О.Н. Трубочёва. [Кратко об ономастических докладах И.Г. Добродомова, Н.Л. Семёновой, А.К. Шапошникова и др.].
- Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.
- Афанасьев А.П.* Русские топонимы в системе географических названий Республики Коми // Топонимия России. М., 1993.
- Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
- Байрамкулов А.М.* К истории аланской ономастики и топонимики. Черкесск, 1995.
- Балто-славянские исследования. Вып. 16. М., 2004. [Древняя гидронимия в бассейне Оки].
- Барандеев А.В.* Космографии как памятники культуры и письменности Московской Руси // Язык и культура. Вторая междунар. конф. Тезисы докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Барандеев А.В.* Море-окиян и море – океан // РЯШ. 1993. № 1.
- Барандеев А.В.* [Рец. на:] *Коготкова Т.С.* Национальные истоки русской терминологии. М., 1991 // ФН. 1993. № 1.
- Барандеев А.В.* От буквы к термину // РР. 1993. № 6.
- Барандеев А.В.* Русские космографии XVI–XVII вв. в аспекте топонимического источниковедения // Топонимия России. М., 1993.
- Барандеев А.В.* Украинизм ли термин *гирло*? // Collegium. 1993. № 2.
- Барандеев А.В.* [Рец на:] *Мильков Ф.Н., Бережной А.В., Михно В.Б.* Терминологический словарь по физической географии. М., 1993. Географический словарь: оценка лингвиста // Вестн. МГУ. Сер. 5, География. 1994. № 3.
- Барандеев А.В.* Город на Каме, где – не знаем сами... // РЯШ. 1994. № 3.
- Барандеев А.В.* Географическая терминология в допетровскую эпоху // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 1.
- Барандеев А.В.* Ложная дублетность в терминологии: *топонимика* и *топонимия* // Рус. словесность. 1996. № 5.
- Барандеев А.В.* Русские космографии: эволюция жанра // Древняя Русь и Запад. Научн., конф.: Книга резюме. М., 1996.
- Барандеев А.В.* Звенигород // РЯШ. 1997. № 3.
- Барандеев А.В.* «Книга Большому Чертежу» (к 370-летию памятника) // ВЯ. 1998. № 3.
- Барандеев А.В.* Этимологии топонима Звенигород // ФН. 1998. № 4.
- Барандеев А.В.* Сергиев Посад // РЯШ. 1999. № 4.
- Барандеев А.В.* Космография (материалы для «Русской энциклопедии») // Издательское дело и редактирование. М., 2000. Вып. 4.
- Барандеев А.В.* Терминоведческая проблематика в трудах Э.М. Мурзаева (1908–98) // ВЯ. 2000. № 1.

- Барандеев А.В.* Юрьев-Польской // РЯШ. 2004. № 5.
- Барандеев А.В.* История с географией в терминах. М., 2005.
- Барандеев А.В.* Раменское // РЯШ. 2005. № 4.
- Барандеев А.В.* Город Сходня // РЯШ. 2006. № 1.
- Барандеев А.В.* Откуда и куда пошли *берендеи* // РЯШ. 2006. № 6.
- Барандеев А.В.* Новые топонимические словари. [Рец. на:] Пospelов Е.М. Иллюстрированный атлас мира. География мира: Новейший топонимический словарь. М., 2007; Пospelов Е.М. Географические названия Московской области: Топонимический словарь. М., 2008 // РЯШ. 2008. № 7.
- Баранова А.Ю.* Заметки о русской топонимии Адыгеи // Топонимия России. М., 1993.
- Баранова А.Ю.* Лексика русских говоров Адыгеи: лингвокраеведческий аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Барашков В.Ф.* По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск, 1994.
- Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.* Самарская топонимика. Самара, 1996.
- Бардакова В.В.* [Рец. на:] *Крюкова И.В.* Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие. Волгоград, 2003 // ВО. 2004. № 1.
- Бардакова В.В.* [Рец. на:] *Мадиева Г.Б.* Теория и практика ономастики. Алматы, 2003 // ВО. 2005. № 2.
- Бахвалова Т.В.* Дулеб // РР. 1993. № 3.
- Бахтурина Р.В.* «Космография» русской редакции XVI в. и «Хроника всего света» Мартина Бельского // Древняя Русь и Запад: Науч. конф. Книга резюме. М., 1996.
- Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998.
- Белова О.В.* Названия сёл Полесья и топонимические нарративы // ВО. 2005. № 2.
- Березович Е.Л.* Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович Е.Л.* «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов // Живая старина. 2000. № 3.
- Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Ономасиологический портрет «человека этнического»: Принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002. [Собственно этнонимы; этнонимы производные, прозвищные; отэтнонимические семантические дериваты; ономастические образования, включающие этноним].

- Березович Е.Л.* Ономастическая проблематика на XIII съезде славистов (Любляна, 15–21.08.2003) // ВО. 2004. № 1.
- Березович Е.Л.* «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: Прагматический аспект // ВО. 2005. № 2.
- Березович Е.Л.* [Рец. на:] *Именослов*. Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2003 // ВО. 2005. № 2.
- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.
- Бзаев К.К.* Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ, 1995.
- Благова Г.Ф.* О причинах живучести тюркской антропонимической системы // Вопросы тюркской филологии. М., 1997. Вып. 3.
- Благова Г.Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // ВЯ. 1998. № 4.
- Благова Г.Ф.* Сравнительно-историческое изучение тюркской антропонимии в современной России: реальность и перспективы // Rocznik orientalistyczny. Lwów etc., 1998. T. 51. Z 2.
- Благова Г.Ф.* «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика» и реконструкция пратюркской антропонимической системы // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М., 1999. Вып. 7.
- Благова Г.Ф.* Реконструкция пратюркской антропонимической системы в ареальном освещении // У времени в плену: Памяти С.С. Цельникера. М., 2000.
- Благова Г.Ф.* Тюркская антропонимия в аспекте этнолингвистики // Языки Евразии: этнокультурологический контекст. Материалы Всерос. науч.-теорет. конф. (Уфа, 19–20 ноября 2000 г.). Уфа, 2003.
- Бойцов О.Н.* Наименования земельных владений в топонимии Смоленского края // РЯШ. 2001. № 5.
- Бондалетов В.Д.* Конференция по ономастике // РЯШ. 1996. № 1. [О VII конференции по ономастике (Волгоград, 25–29 сент. 1995 г.)].
- Булгаков С.И.* Философия Имени. СПб., 1999.
- Булгарова М.А.* Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.
- Бурак Е.Ю., Сапронова Т.Ф., Смолицкая Г.П.* Названия московских храмов. М., 2006.
- Бурыкин А.А.* Великие реки Сибири // РЯШ. 2001. № 4.
- Бурыкин А.А.* Ещё раз о Васильевском острове // РЯШ. 2001. № 6.
- Бурыкин А.А.* Магадан // РЯШ. 2003. № 2.
- Бурыкин А.А.* Алдан и Виллой // РЯШ. 2004. № 1.
- Бурыкин А.А.* Камчатка // РЯШ. 2004. № 4.
- Бухарова Г.Х.* О происхождении гидронима *Иргиз* // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Омск, 1997.

- Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003.
- Буянер Д.* О средневековом кавказском топониме *Варсан* и его предварительной локализации // ВЯ. 1998. № 4.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Русские прозвища как объект лексикографии // ВО. 2005. № 2.
- Варина С.Н.* Микротопонимика деревни Малая Переволока Пеновского района Тверской области // X Всерос. диалект. совещ. «Лексический атлас русских народных говоров – 94»: Тез. докл. СПб., 1994.
- Вартаньян Э.А.* История с географией или имена собственные на карте мира во времени и пространстве. Каменск-Уральский; Самара, 1996. [В названии сохранена орфография и пунктуация автора].
- Васильев В.Л.* Микротопоним и географический термин в границах отдельного говора // X Всерос. диалект. совещ. «Лексический атлас русских народных говоров – 94»: Тез. докл. СПб., 1994.
- Васильев В.Л.* Географическая лексема *ля'га* и её производные в новгородских диалектах: (Ареальный анализ на восточнославянском фоне) // Фразеологизм и слово. Новгород, 1996.
- Васильев В.Л.* Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота). I // Studia Russica XVII. Budapest, 1999.
- Васильев В.Л.* Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). В.Новгород, 2001.
- Васильев В.Л.* Городок *Демон* средневековой Новгородской земли. (История населённого пункта и этимология имени) // ВО. 2005. № 2.
- Васильева Н.В.* Лейпцигский ономастический симпозиум 2003 г. // ВО. 2004. № 1.
- Васильева Н.В.* [Рец. на:] *Калинкин В.М.* Поэтика онима. Донецк, 1999 // ВО. 2004. № 1.
- Васильева Н.В.* Карлхайнцу Хенгсту 70 лет // ВО. 2005. № 2.
- Васильева Н.В.* [Рец. на:] *Namenarten und Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst / Hrsg. von A. Brendler, S. Brendler: Hamburg: Vaar, 2004* // ВО. 2005. № 2.
- Вашкевич Н.* Утраченная мудрость, или Что в имени твоём. М., 1996.
- Веденин В.Л.* Трагедия «Злого города»: Козелеск, Козельск, Лихвин?.. Калуга, 2008. [Серия «Калужская хроника»].
- Введенская Л.А., Колесников Н.П.* От названий к именам. С приложением словаря лексем, созданных на базе собственных имён. Ростов н/Д, 1995.
- Ведерников Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А.* Этнография Самарской Луки. Самара, 1996.
- Ведяшкин И.М.* Языки родной земли. Саранск, 1996.

- Верхотурова К.С., Киришева Т.И.* Новые данные о костромской топонимии // ВО. 2004. № 1.
- Винов И.Е.* Забвение личного имени // Язык и культура: Вторая междунар. конф. Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Вожди умов и моды: Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб., 2003. [Чужие имена в национальных культурах: Вольтерьянство, нищенство, гегельянство, гамлетизм, садизм, донкихотство и др.].
- Вомперский В.П.* Кто такой *Индрик*? // РР. 1993. № 3.
- Вопросы региональной лексикологии и ономастики: Межвуз. сб. ст., посвящ. 70-летию Ю.И. Чайкиной. Вологда, 1995.
- Воробьёв В.М., Воробьёва И.Г.* Антропонимия в географических названиях Тверского края. Тверь, 1993.
- Воронцова О.П.* Этнические связи луговых и горных мари по данным топонимики // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Воронцова Ю.Б.* Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Галкин И.С.* Марийские географические термины, связанные с обозначением истока и устья реки // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Гарипова Ф.Г.* История в названиях. Казань, 1996.
- Географические названия Карелии // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993.
- Герд А.С.* Топонимические экспедиции Санкт-Петербургского университета // ВО. 2006. № 3.
- Глаголева О.* Твоё православное имя. 2-е изд. М., 2008.
- Глинских Г.В.* [Рец. на:] *Дмитриева Л.М.* Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002 // ВО. 2005. № 2.
- Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Голомидова М.В.* [Рец. на:] Чужое имя: Альманах «Канун». СПб., 2001. Вып. 6. // ВО. 2004. № 1.
- Голомидова М.В.* Русская антропонимическая система на рубеже веков // ВО. 2005. № 2.
- Горбаневский М.В., Преснов В.В.* Топонимика и компьютерная лексикография. М., 1993.
- Горбаневский М.В.* Топонимия Москвы. Васильевский спуск // РР. 1994. № 2.
- Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М., 1996.
- Горбаневский М.В.* Тайны московских улиц: Топонимические путешествия. М., 1997.

- Горбаневский М.В., Емельянова М.И.* Улицы Старой Руссы: История в названиях. М., 2004.
- Горбаневский М.В.* Москва: кольца столетий. Из истории названия местностей и районов, улиц и переулков столицы. М., 2007.
- Горбаневский М.В., Максимов В.О.* Времён связующая нить: Фамилии – памятники языка, истории, религии, культуры народов России. М., 2008.
- Горбачевич К.С., Хабло Е.П.* Почему так названы?: О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. 5-е изд. СПб., 2007.
- Горяев С.О.* Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Граудина Л.К.* Проблемы нормирования русского языка: Реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. [Склонение топонимов].
- Граудина Л.К.* «С Москва-Тур на Красное море» // РР. 1998. № 3.
- Грачёв М.А.* От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона. СПб., 2005. [Глава 5. Иван-да-Марья; Глава 6. Арготизмы-топонимы и ктематонимы].
- Громова В.В.* Онимы как единицы художественного творческого процесса // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 2.
- Губарев В.К.* Тайны географических названий. М.; Донецк, 2007. [Научно-популярное издание].
- Гурская Ю.А.* Культурный фон имени собственного в языке поэзии // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 2.
- Гурьянов В.К.* По Большой, Большой Николаевской: Из истории улиц Верхнеудинска. Улан-Удэ, 1998.
- Гусельникова М.Л.* Полукальки в топонимии Русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1994.
- Гусельникова М.Л.* Возможности функционального подхода к интерпретации севернорусских топонимов-полукалек // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1.
- Давыдов А.Д.* Топонимика Афганистана как исторический источник // Восток – Oriens. 2001. № 2.
- Данилевский И.Н.* Западноевропейские земли в летописном понятии «Русская земля» // Древняя Русь и Запад. Науч., конф.: Кн. резюме. М., 1996.
- Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. [Этимологии этнонимов *кипчаки* (*шары, сары, куманы, команы, половцы*), *сиры, куны* и др. по данным исторической ономастики раннего средневековья].

- Данилова Л.В. Некоторые материалы по крымскотатарской антропони-
мии // *Türkolojiya*. 1996. № 1–6. (Bakı).
- Данильченко А.В. О культурном потенциале семантики топонимов // *Язык
и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.*
- Демидова Е.В. Ареальное изучение поморских слов (на материале лекси-
ко-семантической группы «низменный берег») // *Севернорусские
говоры. СПб., 2004. Вып. 8.*
- Джаксон Т.Н. AUSTR I GORDUM: Древнерусские топонимы в древне-
скандинавских источниках. М., 2001.
- Джарылгашинова Р.Ш., Загорюлько А.В. Из истории наименований корейских
поселений на русском Дальнем Востоке // *Топонимия России. М., 1993.*
- Джикия М.С. Тюркизмы в грузинском антропонимиконе: Автореф. дис.
... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1995.
- Дзюбинский Л. Три имени города. Екатеринбург, 1999.
- Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической
системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002.
- Дмитриева Т.Н. Ономастическая проблематика на X Междунар. конгр.
финно-угроведов // *ВО. 2006. № 3.*
- Дмитриева Т.Н. [Рец. на:] Чагин Г.Н. Пермь Великая в топонимических
доказательствах. Пермь, 2004 // *ВО. 2006. № 3.*
- Добродомов И.Г. Город Коломна: (Топоним. этюд с источниковедчески-
ми экскурсами) // *Топонимия России. М., 1993.*
- Добродомов И.Г. Москва // *РЯШ. 1997. № 4. [Анализ всех этимологий топонима].*
- Добродомов И.Г. Бурбон и Бурбоны // *РЯШ. 1998. № 6.*
- Добродомов И.Г., Котова В.Н. Зарайск // *РЯШ. 1999. № 3.*
- Добродомов И.Г. [Рец. на:] Отин Е.С. Избранные работы. Донецк, 1997 //
ВЯ. 2000. № 1.
- Добродомов И.Г. Казань // *РЯШ. 2003. № 5.*
- Добродомов И.Г. Владимир Андреевич Никонов (к 100-летию со дня
рождения) // *РЯШ. 2004. № 2.*
- Добродомов И.Г. О топониме Коломна // *РЯШ. 2007. № 3.*
- Добродомов И.Г. И ещё раз к этимологии рус. *ра'мень(е)* // *Этимология,
2003–2005. М., 2007.*
- Дубкова О.А. О некоторых нерегулярных суффиксах в оттопонимиче-
ских* прилагательных // *РЯШ. 2003. № 3. [* Должно быть –
оттопонимных].*
- Дуриданов И. Пеласгские топонимы на территории древней Франции //
Этимология, 1997–1999. М., 2000.
- Душечкина Е.В. Имя дочери «вождя всех народов» // *ВО. 2004. № 1.*
- Душечкина Е.В. Светлана: Культурная история имени. СПб., 2007.
- Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд.
Пратюркский период. М., 2007. [Имена собственные, этнонимы, ти-
тулы].

- Егоров С.Б.* К этнонимике вепсов // Царскосельские чтения: Тез. докл. и сообщ. СПб., 1998.
- Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М., 2001.
- Ефименко И.В.* Алексей Сильвестрович Стрыжак (1925–2006) // ВО. 2006. № 3.
- Ефремов Ю.К.* Московских улиц имена: Воспоминание-исследование. М., 1997.
- Ешич М.В.* Этничность и этнос: (Термины, понятия, реалии; некоторые теоретические проблемы межэтнических отношений в полиэтнических государствах и современном мире) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002. [О дефинициях терминов *этноним*, *этатоним*, *этническое сознание*, *этническая территория* и др.].
- Жмурко Д.А., Загрудная И.Л.* Взаимодействие украинской и русской антропонимической системы на Измаильщине // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Журавлёв А.Ф.* Русская «микроэтнонимия» и этническое самосознание // Материалы конф. «Этническое и языковое самосознание». М., 1995.
- Журавлёв А.Ф.* Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (1. Троян. 2. "Сорок". 3. Рус. диал. *оплетати*) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002.
- Журавлёв А.Ф.* К статистике русских фамилий. 1 // ВО. 2005. № 2.
- Зверковская Н.П.* О названии центра Липовического княжества XIII в. и происхождении названия современного города Липецка // Липецк: начало истории. Липецк, 1996.
- Зима Д., Зима Н.* Тайна имени: Диагностика кармы имени. М., 1997.
- Зубов Н.И.* Женская теонимия в древнерусском толковании XXXIX Слова Григория Назианзина // ВО. 2004. № 1.
- Иванова Е.Э.* [Рец. на:] Тверской топонимический словарь: Названия населённых мест. М., 2005 // ВО. 2006. № 3.
- Имя: Семантическая аура / Отв. ред. Т.М. Николаева. М., 2007.
- Имя, характер, судьба. М., 1997.
- Информационно-исследовательский центр «История Фамилии» / Сост. М.В. Горбаневский, В.О. Максимов. М., 2007.
- Ионова С.Х.* Абазинская топонимия. Черкесск, 1993.
- Исхакова Х.Ф.* Сопоставительная грамматика татарских и русских собственных имён. М., 2000.

- Итченко Н.К.* Ономоцентричная синтагматика романа М. Шолохова «Тихий Дон» как переводческая проблема // Шолоховские чтения: Сб. науч. тр. М., 2002.
- Итченко Н.К., Джунгурова Н.Ц.* К проблеме сопоставимости ономоцентричной синтагматики в разнотипных языках // Ономастика Поволжья. Волгоград, 2002.
- Итченко Н.К.* Ононимная парадигма как способ системно-аналитического описания литературного ономастикона // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкульт. коммуникация. 2007. № 1.
- Йоалайд М.* Об этимологии фамилии *Kert* // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Кабинина Н.В.* К этимологии субстратного географического термина *казамус* // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1.
- Калакуцкая Л.П.* Имена собственные в Орфографическом словаре русского языка и других лингвистических словарях // ВЯ. 1993. № 3. [Об актуальных проблемах орфографии религиозной лексики].
- Калакуцкая Л.П.* Фамилии. Имена. Отчества: Написание и склонение. М., 1994.
- Калинкин В.М.* Поэтика онаима. Донецк, 1999.
- Камалов А.* Башкирские географические термины и топонимия. Уфа, 1997.
- Камчатнов А.М.* Об одном нелексикографированном значении слова *имж* // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб. 6, ч. 2. [На обложке – 1994 г.].
- Карабан В.И.* Антропонимика как элемент культуры (к проблеме этнической принадлежности причерноморских готв) // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Карсанов А.Н.* Вичинская земля: История, этническое и церковное состояние по греко-русско-итальянским источникам XI–XIV вв. // Древняя Русь и Запад: Науч. конф.: Кн. резюме. М., 1996. [Об ойкониме и гидрониме *Вичина* = совр. р. *Камчия*].
- Кейметинов В.Я.* Эвенские гидронимы Якутии // Языки, культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1994.
- Керт Г.М.* Адаптация саамских топонимов Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1995.
- Керт Г.М.* Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002.
- Керт Г.М.* Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления. Петрозаводск, 2002. [Статья «Заметки по топонимии»].
- Керт Г.М., Вдовицын В.Т.* Информационные технологии в исследовании топонимии // ВЯ. 2005. № 3.

- Киришева Т.И.* К изучению топонимии Онежского полуострова // *ВО.* 2005. № 2.
- Кныш Е.В.* Наименования кинофильмов в контексте культуры // *Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл.* Киев, 1993. Ч. 1.
- Кобозева И.М.* Лексическая семантика. М., 2000. [Анализ коннотации этнонимов].
- Ковалёв Г.Ф.* Этнос и имя. Воронеж, 2003. [Происхождение славянской этнонимии, употребление этнонимов в литературных источниках].
- Ковалёв Г.Ф.* Писатель. Имя. Текст. Воронеж, 2004. [Литературная ономастика на материале произведений И. Бунина, М. Цветаевой, М. Булгакова, А. Твардовского и др.].
- Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. тр. М., 2008.
- Кожевников А.Ю.* Брянск, Дзбрянск... дзбрь? // *РР.* 1995. № 5.
- Козлов Р.И.* Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Колесов В.В.* Древняя Русь: Наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. [Апеллятивы *белый, весь "деревня", волость, город, грань, дзбрь, деревня, земля, конец, край, лес, ляда, межа, область, площадь, поле, починок, предел, пустыня, пуца, росчисть, рубеж, село, стернице, страна, чаца*; топонимы *Русь > Россия*].
- Комарова Р.А.* «Мне дали имя при крещении – Анна» // *РР.* 1994. № 2.
- Кондратова С.Г., Феценко В.В.* Имена и их связь с культурой народа // *Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тезисы докл.* Киев, 1993. Ч. 1.
- Коновалова Н.И.* Полесский народный календарь в контексте традиционной культуры. [Рец. на:] *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования) // *ВО.* 2006. № 3.
- Косоруков А.А.* Этнонимы «немцы», «венедицы», «греци», «моравы» и «хынове» в «Слове о полку Игореве» // *Древняя Русь и Запад: Науч. конф.: Кн. резюме.* М., 1996.
- Краснопецев В.* Улицы Пскова: История в названиях. Псков, 1994.
- Крюкова И.В.* Рекламное имя: Рождение, узуализация, восприятие. Волгоград, 2003.
- Крюкова И.В., Супрун В.И.* К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // *ВО.* 2004. № 1.
- Крюкова О.С.* Ономастикон романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1999. Кто в имени твоём: Артёмовский, Карпинск, Богданович, Серов. Екатеринбург, 2002.
- Кторовая А.* Сладостный дар, или Тайна имён и прозвищ: Занимательные рассказы об именах, фамилиях, названиях в русской и иноязычной речи. М., 2000.
- Кузнецов А.В.* Русские топонимы Тотемского края (из названий деревень) // *Тотьма: Краевед. альм.* Вологда, 1997. Вып. 2.

- Кузнецов А.В.* Заметки о топонимах южного Прионежья // *Вытегра*. Вологда, 2002. Вып. 2.
- Кузнецов А.М.* Почему Даугавпилс назывался Борисоглебовым? // *РР*. 1994. № 1.
- Кузнецова А.И.* [Ред. на:] *Керт Г.М.* Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002 // *ВЯ*. 2004. № 5.
- Кузьмин Д.В.* Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003.
- Кузьмин Д.В.* Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // *Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта*. Петрозаводск, 2003.
- Кузьмин Д.В., Карлова О.Л.* Экспедиция на Карельский берег Белого моря // *ВО*. 2005. № 2.
- Куклин А.Н.* Палеотопонимия Волго-Камья и Карелии // *Традиционная культура финно-угров и соседних народов*. Петрозаводск, 1997.
- Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 1998.
- Куклин А.Н.* [Ред. на:] *Кузьмин Д.В.* Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003 // *ВО*. 2006. № 3.
- Кукушкина В.В.* Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города. СПб., 1996.
- Кунарев А.А.* «Фамилии известной...»: (К вопросу о происхождении антропонима Чацкий) // *РЯШ*. 2000. № 5.
- Кунарев А.А.* Вера Павловна и другие: (Антропонимическая система романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?») // *РЯШ*. 2001. № 3.
- Кунарев А.А.* Родион Романович Раскольников, или Тайна «бывшего студента» // *РЯШ*. 2002. № 1. [Происхождение имени, отчества и фамилии главного героя романа].
- Кунарев А.А.* «Ба! Знакомые все лица!...»: (Заметки об антропонимике «Горя от ума») // *РЯШ*. 2002. № 5.
- Куркина Л.В.* Ещё раз к этимологии рус. *рамень* // *Этимология*, 1997–1999. М., 2000.
- Кусов В.С.* Земли Большой Москвы: картогр. произведения XVII–XVIII столетий. М., 2008.
- Кюришнова И.А.* О степени надёжности реконструкции лексики по данным ономастики // *Вопросы региональной лексикологии и ономастики*. Вологда, 1995.
- Лабунец Н.В.* Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007.
- Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005. [О происхождении топонима *Епифань*].

- Ластовкина О.Э.* К вопросу антропоцентрической номинации // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Лактионова Е.М.* Роль антропонимов в аккумулятивной функции языка // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Лебедева Е.С.* Уроки ономастики: научный поиск и творчество учащихся // РЯШ. 2000. № 2.
- Лебединская О., Лобунова Н.* Имена: Значение имени. Число имени. СПб., 1998. Вып. 1.
- Левин Ю.* Имена. Екатеринбург, 2000.
- Леонович О.А.* Топонимы США. М., 2004.
- Лившиц В.А.* Древнее название Сырдарьи // Вестник древней истории. 2003. № 1.
- Литвин И.П.* Колумбова топонимия Америки // Топонимия России. М., 1993.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Глава из истории выбора имён у Рюриковичей: Князья-тёзки и их патрональные святые // ВО. 2004. № 1.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Лукин В.А.* Имя собственное – ключ к истолкованию текста (Анализ повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего») // РЯШ. 1996. № 1.
- Мадиева Г.Б.* Теория и практика ономастики. Алматы, 2003.
- Майорова Т.В.* Ономастика в лингвокраеведческой работе // РЯШ. 2000. № 4.
- Малолетко А.М.* Древнее население низовий Томи по данным топонимии // Северск: История и современность, 1964–1994. Томск, 1994.
- Малолетко А.М.* Введение в географическую ономастику. Томск, 1995.
- Малолетко А.М.* Топонимия Приенисейского края // Вопросы географии Сибири. Томск, 1995. Вып. 21.
- Мальсагов Ах.У.* Генеалогия ингушских фамилий. Нальчик, 2006.
- Малютенко И.Н.* Прозвища персонажей в произведениях И.С. Соколова-Микитова // РЯШ. 2007. № 7.
- Мамонтова Н.Н.* Топонимия Олонецкого края // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994.
- Мамонтова Н.Н.* Карельская ойконимия: состояние, проблемы, перспективы // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Манакина Е.М.* Специфика национально-языкового взаимодействия в словообразовании русских адъективных от иноязычных топонимов // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Маревич Р.* Пирогощая в «Слове о полку Игореве» и древнерусских летописях // ФН. 1993. № 1.
- Маревич Р.* Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // ВЯ. 1997. № 3.

- Мароевич Р.* Личные имена в системе антропонимических категорий праславянского языка // *Этимология*, 1997–1999. М., 2000.
- Мартыненко Ю.Б.* Мифологические антропонимы в поэзии Мандельштама // *РЯШ*. 2000. № 6.
- Мартыненко Ю.Б.* Имена языческих богов в творчестве В. Хлебникова // *РЯШ*. 2002. № 2.
- Мартыненко Ю.Б.* Имя и время в поэзии О. Мандельштама // *РЯШ*. 2006. № 1. [Антропонимы в текстах О. Мандельштама].
- Маршева Л.И.* Чаплыгин // *РЯШ*. 1999. № 5.
- Маршева Л.И.* [Рец. на:] *Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998 // *РЯШ*. 1999. № 6.
- Маршева Л.И., Котова В.Н.* Липецк // *РЯШ*. 2000. № 2.
- Маршева Л.И.* Функционирование ономастической лексики в диалектных условиях (на материале говоров севера Липецкой области). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Маршева Л.И.* [Рец. на:] *Поспелов Е.М.* Названия подмосковных городов, сёл и рек. М., 1999 // *РЯШ*. 2000. № 5.
- Маршева Л.И.* [Рец. на:] *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: Имена и судьбы: Словарь-справочник. М., 2000 // *РЯШ*. 2001. № 1.
- Маршева Л.И.* Дательный? Творительный? Предложный? // *РЯШ*. 2003. № 2. [О форме липецких микропонимов].
- Маршева Л.И.* Кто в Чемеришнике живёт? // *РЯШ*. 2004. № 5. [О народной этимологии липецкого микропонима *Чемеришник*].
- Маршева Л.И.* Афон и Афоны // *РЯШ*. 2007. № 5.
- Матвеев А.К.* Субстрат и заимствование в топонимии // *ВЯ*. 1993. № 3.
- Матвеев А.К.* Апельлятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // *ВЯ*. 1995. № 2.
- Матвеев А.К.* Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // *Вопросы региональной лексикологии и ономастики*. Вологда, 1995.
- Матвеев А.К.* К проблеме древних миграций уральских народов // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. Междунар. науч. конф.* Новосибирск, 1995. Т. 1.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *ВЯ*. 1996. № 1.
- Матвеев А.К.* Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.
- Матвеев А.К.* К проблеме расселения летописной мери // *Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки*. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.
- Матвеев А.К.* К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера // *Ономастика и диалектная лексика*. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.
- Матвеев А.К.* Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // *ВЯ*. 1998. № 5.

- Матвеев А.К.* Древнее население севера Европейской России: Опыт лингвотнической карты I // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки. Екатеринбург, 1999. Вып. 2.
- Матвеев А.К.* Топонимические этимологии. XIII // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999.
- Матвеев А.К.* Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. Вып. 1.
- Матвеев А.К.* Топонимические этимологии. XII // Этимология, 1997–1999. М., 2000. [Чёлмoxта, Ухтоcтpов, Колмогоры, Нальеостpов, Кулой, Коленья, Немь].
- Матвеев А.К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // ВЯ. 2001. № 5.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.
- Матвеев А.К.* К этимологии субстратных топонимов с основами *тамб-* и *там-* // ВЯ. 2003. № 1.
- Матвеев А.К.* Основа чёлм и её корреляты в субстратной топонимии Русского Севера // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Матвеев А.К.* Субстратные топонимы с детерминантом -конда в Поволжье // Этимология, 2000–2002. М., 2003.
- Матвеев А.К.* Топонимические этимологии. XIV // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4. Екатеринбург, 2003.
- Матвеев А.К.* Апология имени // ВО. 2004. № 1.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004.
- Матвеев А.К.* Ономастика и ономатология: Терминологический этюд // ВО. 2005. № 2.
- Матвеев А.К.* Ономатология. М., 2006.
- Матвеев А.К.* Мерянские ойконимы с топоформантом *-(V)дом* и проблема каритивных топонимов // Этимология, 2003–2005. М., 2007.
- Медриш Д.Н.* «Её сестра звалась Наташа...» // РР. 1993. № 2.
- Медриш Д.Н.* Из жизни заглавий // РР. 1994. № 5. [«Хамелеон», «Хаджи-Мурат»].
- Мечковская Н.Б.* Национально-культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этнолингвонимами и топонимами) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (В сопоставительном лингвокультурном аспекте). М. 2002.
- Минкин А.А.* Русская святость в московской топонимии // Топонимия России. М., 1993.
- Михайлова Л.В.* Русские и финские названия в топонимии Валаама // РР. 1994. № 6.

- Михайлова Л.В.* К истории топонимии Валаама // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Михайлова Л.П.* Ландшафтная топонимия Карельского Поморья // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия различных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.
- Михайлова Т.А.* "Пиктские" этнонимы на карте Птолема: эпидии // ВЯ. 2004. № 6.
- Младенова Д.М.* Балканский тип астрономической системы // ВО. 2004. № 1.
- Моисеев А.И.* Севастополь. Чистополь (названия городов на *-поль*) // РР. 1994. № 1.
- Мокиенко В.М.* В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд. СПб., 2005. [Гл. 5 «Имена, вошедшие в поговорку»].
- Мокшин Н.Ф.* Мордовско-русско-татарские контакты в топонимии // Топонимия России. М., 1993.
- Молчанова О.Т.* XXII Международный ономастический конгресс // ВО. 2006. № 3.
- Молчанова О.Т.* Проприальная номинация в свете когнитивизма // ВО. 2006. № 3.
- Молчанова Т., Лермонт Р.* Лермонты–Лермонтовы 1057 – 2007: К 950-летнему юбилею фамилии. М., 2008.
- Мосин А.Г.* [Рец. на:] *Успенский Ф.Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2005 // ВО. 2005. № 2.
- Муллонен И.И.* О переводе в топонимии // Мат-лы для изучения сельских поселений России: Докл. и сообщ. 3-й Науч.-практ. конф. «Центральночернозёмная деревня: История и современность» (Воронеж, дек. 1994 г.). М., 1994. Ч. 1: Язык. Культура.
- Муллонен И.И.* Очерки вепской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И.И., Мамонтова Н.Н.* Топонимия Заонежья: Итоги и перспективы // Рябининские чтения 95. Петрозаводск, 1997.
- Муллонен И.И.* Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2001. № 20.
- Муллонен И.И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Муллонен И.И.* Карельская топонимия Валаама // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.
- Муллонен И.И.* Экспедиция к южным вепсам // ВО. 2004. № 1.
- Муллонен И.И., Ляля Е.В.* Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // ВО. 2005. № 2.
- Муравьёв В.Б.* Улочки-шкатулочки, московские дворы: Возвращённые названия. М., 1998.

- Муравьёв В.Б.* Московские слова и словечки: Происхождение московских пословиц, поговорок, речений: Топонимика московских улиц, площадей и переулков. 2-е изд. М., 2005.
- Муратова Е.Ю.* Проблемы варьирования личных имён (на материале именной старообрядческой общины, расположенной на территории Миорского района Витебской области) // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Мурзаев Э.М.* Географическая ориентация и её отражение в топонимии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. № 4.
- Мурзаев Э.М.* Образ места // РР. 1993. № 1–4.
- Мурзаев Э.М.* Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. М., 1993.
- Мурзаев Э.М.* Топонимика и ландшафты позднего голоцена // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. № 1.
- Мурзаев Э.М.* Топонимические мифы. В поисках Беловодья // РР. 1994. № 2.
- Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. М., 1995.
- Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.
- Мурзаев Э.М.* Слово на карте: Топонимика и география. М., 2001.
- Мусанов А.Г.* Потамонимы республики Коми // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. [О гидронимах в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени, Лузы, Летки].
- Мысенко О.М.* Названия населённых пунктов Оренбургской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Напольских В.В.* Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // ВО. 2006. № 3.
- Насимович Ю.А.* Гидрографическая сеть Москвы // Природа Москвы. М., 1998.
- Николаева Е.С.* Электронная картотека топонимии Русского Севера: проблемы и перспективы // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000.
- Николина Н.А.* Имя собственное в романе И.А. Гончарова «Обломов» // РЯШ. 2001. № 4.
- Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20) / Отв. ред. В.Л. Янин. СПб., 2005. [В отдельной части выпуска материалы конференции «Novgorodiana Sveciana» по топонимии и топографии древнего Новгорода].
- Новиков А.В.* Загадка топонима Холмогоры // Архангельская область: Социально-экономическое развитие, культура, история, образование. Архангельск, 1999.
- Новичихин В.И.* Географическая терминология в говорах Костромской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

- Овсянкин Е.* Имена архангельских улиц. 2-е изд. Архангельск, 1998.
- Оглоблин А.К.* О топонимах Джакарты // Города-гиганты Нусантары и проблемы их развития. М., 1995.
- Ономастика для всех: Из архива газеты «Міръ імёнъ и названій» № 1–20 (апр. 2006 – янв. 2008 гг.) / сост. М.В. Горбаневский, В.О. Максимов. М., 2008. Т. 1.
- Ономастика и диалектная лексика. I. Екатеринбург, 1996.
- Ономастика и диалектная лексика. II. Екатеринбург, 1998.
- Ономастика и диалектная лексика. III. Екатеринбург, 1999.
- Ономастика Поволжья. Материалы VII конф. поволжских ономатологов (Волгоград, 26–28 сент. 1995 г.). Волгоград, 1995.
- Ономастика Поволжья. Материалы IX Междунар. конф. по ономастике Поволжья (Волгоград, 9–12 сент. 2002 г.). М., 2004.
- Онуфриенко Г.С.* Гибридные термины-эпонимы в научно-технических текстах как специфические репрезентанты культуроведческой информации // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Орёл В.Э.* Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования, 1988–1996. М., 1997.
- Орёл В.[Э.]* Из древнебалканских и циркумпонтийских этимологий // Этимология, 2003–2005. М., 2007. [Анализ фригийских имён собственных].
- Осина Л.А.* Антропонимы в истории отечественного каламбура // РЯШ. 2007. № 2.
- Ошташ Л.Р., Ошташ Р.И.* X Всеукраинская конференция «Украинская ономастика на пороге III тысячелетия: Состояние и перспективы развития» (Тернополь, 2–3 окт. 2003 г.) // ВО. 2005. № 2.
- Отин Е.С.* Самара и Жигули // РР. 1994. № 5.
- Отин Е.С.* Избранные работы. Донецк, 1997.
- Отин Е.С.* Избранные труды по языкознанию. Т. 2. Донецк, 1999.
- Отин Е.С.* Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // ВЯ. 2003. № 2.
- Откупщиков Ю.В.* Scripta minora. СПб., 2003. [Анализ балтийской гидронимии бассейна Оки].
- Откупщиков Ю.В.* К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. 4-е изд. СПб., 2005. [Этимология собственных имён *Афродита*, *Наверхия*, *Удалия*, *Раменское*, *Монтевидео*, *Стамбул*, *Тюмень*, *Турку*; фамилии-кальки, «фамильные» этимологии; народная этимология собственных имён].
- Пак С.М.* Личные имена в лингвокогнитивном освещении // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 2004. № 1.
- Панасенко Н.И.* Концепт обряда в семантике фитонимов // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Парфёнова Н.Н.* Нелюбка, Власова дочь // РР. 1993. № 3.

- Парфёнова Н.Н.* Ономастика западносибирских памятников письменности XVI–XVII веков как источник для изучения этнонимов // Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.
- Парфёнова Н.Н.* В крещении Иосиф, в миру Остромир // РР. 1994. № 3.
- Пахомов В.М.* Спорные случаи употребления кавычек в сфере номинации // ФН. 2007. № 4. [Торговые названия].
- Пахомов В.М.* Употребление кавычек в собственных наименованиях // РЯШ. 2007. № 5.
- Поварнищина М.А.* Имя собственное в морфологической системе литературного языка: На материале топонимики сербского и хорватского языков. Пермь, 1998.
- Подольская Н.В.* Может ли у соловья вывестись скворец? // РР. 1994. № 5. [О русских прозвищах].
- Поздеев В.В.* Челябинск: Топоним // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2003. Вып. 1.
- Полупанова Н.И.* Об именах персонажей в пьесах А.Н. Островского // РЯШ. 1993. № 2.
- Полякова Е.Н.* Новые работы по антропонимии Урала // ВО. 2004. № 1.
- Полякова Е.Н.* Региональная лексикология и ономастика. Пермь, 2006.
- Попов А.И.* Непочатый источник истории Карелии (карельская топонимика) // Родные сердцу имена (ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993.
- Попова Э.Ю.* Отэтнонимические образования в диалектной лексике Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.
- Попова Э.Ю.* Этнонимия Русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Попова Ю.Б.* Русские коллективные прозвища в свете оппозиции «своё – чужое» // Междунар. симпоз. «Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Проблемы комплексного изучения»: Тез. докл. Петрозаводск, 1997.
- Поспелов Е.М.* Крушение мифа: Создание и крах топонимической Ленинианы // Топонимия России. М., 1993.
- Поспелов Е.М.* Названия городов и сёл. М., 1996.
- Поспелов Е.М.* Сельская топонимия Москвы // Отечество: Краевед. альм. М., 1997. Вып. 10.
- Поспелов Е.М.* Названия подмосковных городов, сёл и рек. М., 1999.
- Постников А.В.* Русская Америка в географических описаниях и на картах, 1741–1867 гг. СПб., 2000.
- Похлёбкин В.В.* Великий псевдоним: Как случилось, что И.В. Джугашвили избрал себе псевдоним «Сталин»? М., 1996.
- Практическая транскрипция фамильно-именных групп. 2-е изд. М., 2006.
- Разумов Р.В.* X Международная конференция «Ономастика Поволжья» // РЯШ. 2006. № 6.

- Ракин А.Н.* Антропотопонимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар, 1996.
- Ратникова И.Э.* О национально-культурном компоненте в семантике русских отчеств как источнике их деривационной активности // *Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 1.*
- Ратникова И.Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск, 2003.
- Рахманова Л.И.* Как обращаться с названиями городов, деревень, сёл // *РР. 1994. № 4.*
- Редькин О.И.* О топонимике Хадрамаута // *Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1998. Вып. 2.*
- Родионова И.В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Родионова И.В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // *Рус. язык в науч. освещении. 2005. № 2 (10).*
- Родионова И.В.* [Рец. на:] *Ратникова И.Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск, 2003 // *ВО. 2006. № 3.*
- Родионова И.В.* К изучению процессов аттракции с участием отантропонимических* дериватов (на материале русских народных говоров) // *Этимология, 2003–2005. М., 2007. [*Должно быть – отантропонимных].*
- Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. М., 2000.
- Романова Т.П.* Эволюционные процессы в области современной российской эргономической терминологии // *ВО. 2006. № 3.*
- Романюк С.* Из истории московских переулков. М., 2003.
- Рубцова З.В.* [Рец. на:] *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М., 2000 // *Бюл. № 1 Научного и культурно-просветительского общества «Энциклопедия российских деревень».* М., 2000.
- Русская диалектная этимология: 3-е Науч. совещ. (Екатеринбург, 21–23 окт. 1999 г.). Екатеринбург, 1999.*
- Рут М.Э.* Образная ономастика в русском языке: Ономаσιологический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1994.
- Рут М.Э.* Тридцать пять лет Топонимической экспедиции Уральского университета: повод для размышлений о методике полевых работ // *Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.*
- Рут М.Э.* Некоторые наблюдения над русскими «Бабами» и саамскими «Девушками» в народной астрономии // *Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003.*
- Рут М.Э.* [Рец. на:] *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004 // *ВО. 2005. № 2.*

- Рут М.Э.* Русская ономастика в энциклопедии славянской ономастики. [Рец. на:] *Słowiańska onomastyka: Encyklopedia: W 2 t. W-wa; Kraków, 2002–2003.*
- Рылов Ю.А.* Очерки испанской антропонимии. Воронеж, 1997.
- Рылов Ю.А.* Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. М., 2006.
- Саарикиви Я.* Саамская субстратная топонимия Русского Севера с точки зрения финно-угристики // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. Вып. 2.
- Садькова З.Р.* Зоонимическая лексика татарского языка. Казань, 1994.
- Сазонов С.В.* Об историческом названии города Ростов // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2000.
- Самовтор С.В.* Граф Ф.Н. Сумароков-Эльстон и переименование кубанских станиц в 1867 г. // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. Краснодар, 2000.
- Самсонов Н.Г.* Имена говорят. Якутск, 1993.
- Свердлов М.Б.* Долетописный период истории Руси в древнейших летописных сводах и историческая действительность // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин: К 140-летию акад. Н.П. Лихачёва (1862–1936) и 100-летию Дома Н.П. Лихачёва в Санкт-Петербурге: Тез. докл. конф. (Санкт-Петербург, 3–5 дек. 2002). СПб., 2002. [Этимологии топонима Киев].
- Селиванова И.В.* Фразеологизмы с личными именами в современном немецком языке // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2.
- Сельская Россия: прошлое и настоящее. Докл. и сообщ. 9-й Российской науч.-практич. конф. (Москва, дек. 2004). М., 2004. Вып. 3. [Разделы «Этимология и история языка», «Ономастика», «Топонимия. Микро-топонимия. Гидронимия», «Антропонимия», «Зоонимия»].
- Смирнов В.А., Смирнова Л.И.* Каширский район с древнейших времён: Очерки краеведов. М., 1997.
- Смирнов В.С.* Тайна географических названий Земли или путешествие в тьму веков. Космос, мифы, праязык. СПб., 1998. [Книга, изданная в авторской редакции и за счёт средств автора, изобилует многочисленными орфографическими и пунктуационными ошибками и представляет собой яркий образец лженаучного объяснения собственных имён. В списке литературы (29 названий) нет ни одной ономастической работы].
- Смолицкая Г.П.* Мучной городок в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // РР. 1993. № 5.
- Смолицкая Г.П.* Переяславль на Трубеже // РР. 1994. № 3.

- Смолицкая Г.П.* Названия московских улиц. М., 2006.
- Смольников С.Н.* Актуальная и потенциальная русская антропонимия // ВО. 2005. № 2.
- Смольников С.Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера, XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модельные отношения. СПб., 2005.
- Соколова Т.П.* Названия остановочных пунктов как ономастическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Соколова Т.П.* Этимологические словари российских фамилий: (В связи с выходом «Словаря русских фамилий» В.А. Никонова) // РЯШ. 1994. № 4. [Обзор].
- Соколова Т.П.* [Рец. на:] Русская ономастика и ономастика России: Словарь. М., 1994 // РЯШ. 1995. № 6.
- Соколова Т.П.* Крым в названиях улиц и других объектов Москвы // X Междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации»: Сб. науч., докл. Симферополь, 2003.
- Соколова Т.П.* Названия станций московского метро (специфика урбанонимической подсистемы) // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Екатеринбург, 2005.
- Соколова Т.П., Шилов А.Л.* Образ Русского Севера в названиях улиц Москвы // РР. 2006. № 4.
- Соколова Т.П.* [Рец на:] *Барандеев А.В.* История с географией в терминах. М., 2005 // РЯШ. 2006. № 6.
- Солопов А.И.* Топонимы с элементами Augusta, Σεβαστή, Σεβάστεια, Σεβαστόπολις, Αὐγοστόπολις в греко-латинской географической номенклатуре // ВЯ. 2006. № 3.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997. [2-е изд. М., 2001].
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа: Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- Стрельников С.М.* Кувандыкский край в географических названиях. Златоуст, 1994.
- Строгова В.П.* Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1993.
- Сулейманов А.С.* Топонимия Чечни. Нальчик, 1997.
- Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф.* Топонимия Крыма. М., 1995. Ч. 1: Введение в топонимию Крыма.
- Суперанская А.В.* Ваше имя?: Рассказы об именах разных народов. М., 2001.
- Суперанская А.В.* Титаническая работа поколений // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. ст., посвящ. 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. [Написание и произношение имён святых].
- Суперанская А.В., Сулова А.В.* О русских именах. 5-е изд. СПб., 2008.

- Суперанская А.В., Сулова А.В.* О русских фамилиях. СПб., 2008.
- Супрун В.* Имена и именины. Волгоград, 1997. [Общезнаменитое осмысление имени].
- Супрун В.И.* [Рец. на:] Русская ономастика и ономастика России: Словарь. М., 1994 // ВЯ. 1997. № 3.
- Супрун В.И.* [Рец. на:] *Sosnowski J.* Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi. Łódź, 2002 // ВО. 2004. № 1.
- Татаринцев Б.И.* Верна ли распространённая этимология происхождения гидронима *Иртыш* // Этимология, 1994–1996. М., 1997.
- Телегин Д.Я.* Иранские гидронимы на Левобережье Днепра и археологические культуры // ВЯ. 1993. № 2.
- Тер-Акопян А.К.* Древние тайны армянских фамилий и краткая история Арийской Расы. М., 2000.
- Тер-Акопян А.К.* Санскрит в реке русской речи. М., 2002. [Весьма произвольное и сомнительно-сновиденческое установление санскритских корней в русских именах, фамилиях, топонимах].
- Теуш О.А.* Межъязыковое взаимодействие в сфере географической терминологии на Европейском Севере России // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки. Екатеринбург, 2002. Вып. 5, № 24.
- Теуш О.А.* Названия дорог и троп в севернорусских говорах: Заимствования из финно-угорских языков // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. Вып. 2.
- Теуш О.А.* К этимологии рус. диал. *сузём* // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 2003. Вып. 4.
- Теуш О.А.* К этимологии севернорусского *пендус/пентус/пенус* // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2003. Вып. 8.
- Теуш О.А.* Севернорусская диалектная лексика и праславянская этимология // Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике: К 70-летию Ж.Ж. Варбот. М., 2006.
- Теуш О.А.* Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // Этимология, 2003–2005. М., 2007.
- Тиндо И.П., Баркер Э.* О склонении топонимов // РР. 1993. № 3.
- Толстая С.М.* Полесский народный календарь: (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования). М., 2005.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г.
- Толстой Н.И.* Избранные труды. М., 1997. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология.
- Топоров В.Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования, 1988–1996. М., 1997.

- Топоров В.Н.* К вопросу о древнейших балто-финно-угорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования, 1988–1996. М., 1997.
- Топоров В.Н.* Из индоевропейской этимологии VI (1–2) // Этимология, 1997–1999. М., 2000. [О теофорном литовском имени *Chaurirari*].
- Топоров В.Н.* О балтийском слое русской истории // *Florilegium*: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000.
- Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: Древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Топорова Т.В.* К вопросу об именах собственных как средстве идентификации мифологических персонажей (др.-исл. *Браги* – др.-греч. *Гермес*) // ВО. 2005. № 2.
- Топорова Т.В.* На пути от имени нарицательного к имени собственному: др.-исл. *hallr* "камень" в Старшей Эдде // ВО. 2006. № 3.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. [Указатель имён].
- Трубачёв О.Н.* Славянская этимология вчера и сегодня // ФН. 1993. № 2. [Топоним *Дукля*, гидроним *Zanoga*].
- Трубачёв О.Н.* Тайна имени: По следам Азовско-Черноморской Руси // Домострой. 1993. № 21.
- Трубачёв О.Н.* Русь, Россия: Очерк этимологии названия // Рус. словесность. 1994. № 3.
- Трубачёв О.Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд. М., 1997.
- Трубачёв О.Н.* Indoагiса в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.
- Трубачёв О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ. 2000. № 5.
- Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингв. исслед. 2-е изд. М., 2003.
- Трубецкой В.С.* Особенности именования жителей пос. Атиг Нижнесергинского района Свердловской области // ВО. 2005. № 2.
- Удольф Ю.* Славяно-германские связи в северно-немецких топонимах // Этимология, 1997–1999. М., 2000.
- Улицы современной Москвы. М., 2005.
- Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. 2-е изд. М., 1995.
- Успенский Л.В.* Имя дома твоего: Очерки по топонимике. М., 2002
- Успенский Л.В.* Ты и твоё имя: Рассказы об именах. М., 2002.
- Успенский Ф.Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
- Федосюк Ю.А.* Что означает ваша фамилия? 2-е изд. М., 2006.

- Феоктистова Л.А.* Из новых материалов топонимической экспедиции Уральского университета // *ВО*. 2005. № 2.
- Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000–2004. Вып. 1–3.
- Флоренский П.А.* Имена. М., 2006.
- Фомин А.В.* Литературная ономастика в России: Итоги и перспективы // *ВО*. 2004. № 1.
- Фролов Н.К.* Урбанонимия Тюмени как этноисторический памятник: Филол. дискурс // *Вестник филол. фак. Тюмен. гос. ун-та*. 2001. Вып. 2.
- Фролова Е.А.* Номинация персонажей в рассказе А.П. Гайдара «Чук и Гек» как средство раскрытия семейной темы // *РЯШ*. 2001. № 5.
- Фролова О.Е.* Антропоним в жёстко структурированном тексте // *ВО*. 2005. № 2.
- Фролова О.Е.* Прецедентный антропоним в функции семантического предиката // *ВО*. 2006. № 3.
- Хамчиев С.А.* Ингушские личные имена. Магас, 2003.
- Хелимский Е.А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и её субстратное наследие // *ВО*. 2006. № 3.
- Цауне А.* Объяснения происхождения названия Риги и их соответствие историческим свидетельствам // *Балто-славянские исследования*. М., 2002. Вып. 15.
- Цыганкин Д.В.* Память Земли: Геогр. названия Мордовии. Саранск, 1993.
- Чагин Г.Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004.
- Чагода: Ист.-краевед. альм. Вологда, 1999. [Раздел «Топонимика»].
- Чайкина Ю.И.* Именование мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // *ВО*. 2004. № 1.
- Чайкина Ю.И.* Именования женщин в новгородских берестяных грамотах XI–XIV вв. // *ВО*. 2006. № 3.
- Черных С.Я.* Марийская антропонимия: Истоки формирования и пути развития. Йошкар-Ола, 1996.
- Чернышов В.И.* Русские уменьшительно-ласкательные личные имена // *РЯШ*. 2007. № 1.
- Чёрная книга имён, которым не место на карте России. М., 2008.
- Чигиринский М.Ф.* О топониме Тайвань // *Страны и народы Востока*. СПб., 2002. Вып. 31: Страны и народы бассейна Тихого океана, Кн. 6.
- Чуглов В.И.* [Рец. на:] *Чайкина Ю.И.* Словарь географических названий Вологодской области. 2-е изд. Вологда, 1993 // *РЯШ*. 1995. № 1.
- Чужое имя: Альманах «Канун». СПб., 2001. Вып. 6.

Чучмай Г.Т. Тайна географических названий: География Краснодарского края. 2-е изд. Краснодар, 2000.

- Шанский Н.М. Личные имена Евангелия в русском языке // РЯШ. 1995. № 1.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А. Снова в мире слова. М., 2001. [Таллин или Таллинн? Склонение фамилий типа *Журба*; *Луна* и *Селена*; история отдельных антропонимов].
- Шапошников А.К. ΝΟΤΙΣΑΡΥΗ – "нимфа морской влаги" (этимологические наблюдения) // Проблемы археологии и истории Боспора: К 170-летию Керченского музея древностей: Тез. докл. юбил. конф., 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Шапошников А.К. Старый добрый болгарский Коктебель. Симферополь, 1999.
- Шапошников А.К. Этимологические наблюдения // Этимология, 1997–1999. М., 2000. [ΝΟΤΙΣΑΡΥΗ – ΚΟΜΟΣΑΡΥΗ, ΠΟΣΤΙΓΙΑ и ΡΟΣ(S)ΙΔΙΜΑ, ΤΑΒΑΝΑ и ΤΑΡΩΝΑ].
- Шапошников А.К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. 1. Сурожская земля // ВО. 2005. № 2.
- Шапошников А.К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005. М., 2007. [С этимологическим словоуказателем].
- Шилов А.Л. По Суне плыли наши челны. М., 1993.
- Шилов А.Л. Гатчина // РР. 1995. № 1.
- Шилов А.Л. О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Изв. РГО. 1996. Т. 128, вып. 6.
- Шилов А.Л. Топонимический заповедник // РР. 1996. № 3–4.
- Шилов А.Л. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов А.Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // ВЯ. 1997. № 6.
- Шилов А.Л. Москва... как много в этом звуке // РР. 1997. № 2.
- Шилов А.Л. Паны на Русском Севере // Матералы для изучения селений России (VI конф. «Российская деревня: История и современность». Нижний Новгород, нояб. 1997 г.). М., 1997.
- Шилов А.Л. Заимствованные русские термины с «путевой» семантикой // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Межвузов. науч. конф. (Вологда, 13–15 окт. 1998 г.). Вологда, 1998.
- Шилов А.Л. Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: К происхождению гидроформанта *-ен(ь)га* // ВЯ. 1998. № 3.
- Шилов А.Л. «Анатомические» географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Изв. РГО. 1999. Т. 131, вып. 4.
- Шилов А.Л. Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (о топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // ВЯ. 1999. № 3.

- Шилов А.Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Шилов А.Л.* К происхождению гидронимических* терминов *курья, пудас, режма* // Русская диалектная этимология: Тез. докл. 3-го науч. совещ. (Екатеринбург, 21–23 окт. 1999 г.). Екатеринбург, 1999. [*Следует: *гидрографических*].
- Шилов А.Л.* К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ. 1999. № 6.
- Шилов А.Л.* Название озера Селигер в контексте древней истории региона // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Докл. 7-й рос. конф. (Тула, ноябрь 1999 г.). М., 1999.
- Шилов А.Л.* Русское диалектное *кортома* // Слова, слова, слова...: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 2000.
- Шилов А.Л.* Вишера // РР. 2001. № 1.
- Шилов А.Л.* К происхождению северо-русских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7.
- Шилов А.Л.* О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // ВЯ. 2001. № 6.
- Шилов А.Л.* О языковой принадлежности некоторых топонимов древней Новгородской земли // Топонимика и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001.
- Шилов А.Л.* Соловки // РР. 2001. № 3.
- Шилов А.Л.* Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // ВЯ. 2001. № 1.
- Шилов А.Л.* [Рец. на:] *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000 // ВЯ. 2002. № 3.
- Шилов А.Л.* Битца и Гвоздянка // РР. 2002. № 6.
- Шилов А.Л.* Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. Вып. 2.
- Шилов А.Л.* Название «Волга»: критический обзор этимологии и новые альтернативы // Ономастика Поволжья: Тез. докл. IX Междунар. конф. (Волгоград, 9–12 сент. 2002 г.). Волгоград, 2002.
- Шилов А.Л.* Размышления над статьёй Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. Вып. 2.
- Шилов А.Л.* Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // ВЯ. 2003. № 1.
- Шилов А.Л.* Кадаши и Бараши: Миф и реальность // РР. 2003. № 4.
- Шилов А.Л.* Окраины Москвы: от Аминьева и Бескудника до Чертанова и Ясенева // РР. 2003. № 3.
- Шилов А.Л.* Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера // ВЯ. 2003. № 4.
- Шилов А.Л.* Череповец: к этимологии названия // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003.

- Шилов А.Л.* Московская Болвановка // РР. 2004. № 3.
- Шилов А.Л.* Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // ВЯ. 2004. № 1.
- Шилов А.Л.* Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исслед. 2005. СПб., 2005.
- Шилов А.Л.* Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // ВЯ. 2005. № 2.
- Шилов А.Л.* Топонимическая лоция р. Охта // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г.). Екатеринбург, 2005.
- Шилов А.Л.* Топонимические свидетельства присутствия в Подмоскowie летописных восточнославянских племён (в свете идей О.Н. Трубачёва) // История и культура славян в зеркале языка: Славянская лексикография. 3-и Чтения памяти О.Н. Трубачёва (Москва, 21–25 окт. 2005 г.): Тез. докл. и выступления. М., 2005.
- Шилов А.Л.* Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // РР. 2005. № 6.
- Шилов А.Л.* Об интерпретации некоторых материалов полевых сборов // ВО. 2006. № 3.
- Шилов А.Л.* Термин *чечора* в волжской гидронимии // Ономастика Поволжья: Материалы X Междунар. конф. (Уфа, 12–14 сент. 2006 г.). Уфа, 2006.
- Шилов А.Л.* Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // ВО. 2006. № 3.
- Шилов А.Л.* География и происхождение некоторых топонимических основ в Центральной и Южной России // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании, культуре: Материалы конф. Рязань, 2007.
- Шилов А.Л.* Диалектные истоки омонимичных фамилий *Колмак*, *Колмаков* // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исслед. СПб., 2007.
- Шилов А.Л.* К географии и происхождению топонимии с элементами **hatcha* и *aho* // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы науч. симпоз. Петрозаводск, 2007.
- Шилов А.Л.* Поклонная гора // РР. 2007. № 1.
- Шилов А.Л.* Саамские культовые комплексы Карелии по данным топонимии // Рябининские чтения. 2007. Петрозаводск, 2007.
- Широкова И.О.* Наименования селений в административно-территориальном делении города Москвы 90-х годов XX в. // Изучаем историю Москвы и Подмосковья. М., 1999.
- Шмид В.П.* Медиопассивные причастия настоящего времени в балтийских, славянских и албанском языках // Этимология, 1997–1999. М., 2000. [Отражение причастий в ономастическом материале].

- Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Ист.-филол. исслед. их названий в ранних веках. М., 1997.
- Шрамм Г.* Роль города *Коростеня* в ранней истории Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.
- Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины: Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.
- Шудунова Л.В., Доржиева Г.С.* Международная научно-практическая конференция в Бурятии // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. [О конф. «Ономастическое пространство и национальная культура» (Улан-Удэ, 14–16 сент. 2006 г.)].
- Щербак А.С.* Город *Тамбов* и река *Цна* // РЯШ. 2006. № 4.
- Щербак А.С.* Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов, 2006.
- Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2008.
- Щетинин Л.М.* История и имена. Ростов н/Д, 1996.
- Эйхлер Э.* О крайней западной периферии праславянского языка и раннего западнославянского // Этимология, 1997–1999. М., 2000. [Среди трёх групп лингвистических источников выделены «собственные имена, содержащиеся в средневековых источниках: топонимы, антропонимы, этнонимы с их спецификой»].
- Юдин А.В.* Мифологические корни ономастики романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв» // Язык и культура: Вторая междунар. конф. Тез. докл. Киев, 1993. Ч. 2.
- Юдин А.В.* Иордан и Дунай в восточнославянском магическом фольклоре // ВО. 2004. № 1.
- Ююкин М.А.* Город *Мецовск* // РЯШ. 2004. № 2.
- Ююкин М.А.* *Таруса* // РЯШ. 2005. № 3.
- Ююкин М.А.* О древнем названии города *Павловский Посад* // РЯШ. 2008. № 1.
- Ююкин М.А.* Город *Алатырь* // РЯШ. 2008. № 5.
- Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.
- Яковлева Е.А., Тимирханов В.Р.* X Международная конференция «Ономастика Поволжья» // ВЯ. 2008. № 1. [Уфа, 12–14 сент. 2006 г.].

СЛОВАРИ. СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. СПРАВОЧНИКИ. ЭНЦИКЛОПЕДИИ. ПУТЕВОДИТЕЛИ. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

- Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени?: Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М., 2000.
- Агеева Р.А., Александров Ю.Н., Бондарук Г.П.* и др. Улицы Москвы: Старые и новые названия: Топоним. словарь-справочник / Отв. ред. Е.М. Пospelов. М., 2003.
- Агеева Р.А., Бондарук Г.П., Пospelов Е.М.* и др. Имена московских улиц: Топоним. словарь. М., 2007.
- Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений русского языка. М., 2000.
- Агеенко Ф.Л.* Собственные имена в русском языке: Словарь ударений. М., 2001. [Более 35 000 словарных единиц].
- Александрова Т.С., Добровольский Д.О., Салахов Р.А.* Словарь немецких личных имён: Происхождение. Значение. Употребление. М., 2000.
- Алексеева С.В., Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д.* и др. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика. Справочник-путеводитель. 2-е изд. СПб., 1997. [Полный свод названий за три века].
- Алексеева С.В.* и др. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. 2-е изд. СПб., 2003. [10 000 городских имён].
- Алиев И.И., Алиева З.И.* Карачаево-балкарские имена и фамилии: Толковый словарь. М., 2003.
- Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск, 2000. [Апеллятивы, отражённые в гидро-, топо- и этнонимии Сибири].
- Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.
- Афанасьев А.П.* Топонимия Европейского Севера России: Словарь. Сыктывкар, 2002.
- Барандеев А.В.* Русские космографии XVI–XVII вв.: (Библиография) // Древняя Русь: Вопр. медиевистики. 2003. № 3 (13) .
- Бердышев С.Н.* Популярный географический энциклопедический словарь. М., 2002.
- Береговая черта: Имя на карте: Морской топонимический словарь Приморского края / Сост. А.И. Груздев. Владивосток, 1996.
- Большой словарь географических названий. Екатеринбург, 2003.
- Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. М., 2007
- Ведина Т.Ф.* Словарь личных имён. М., 1999.

- Ведина Т.Ф.* Словарь фамилий. М., 1999.
- Ведина Т.Ф.* Словарь личных имён. М., 2000. [Доп. тираж].
- Ведина Т.Ф.* Самые популярные имена в России: Словарь мужских и женских имён. М., 2007.
- Ведина Т., Лебедева Н.* Тайны псевдонимов: Словарь для любознательных. М., 2003.
- Воробьёв В.М.* Географические названия Торопецкого района: Справочник. Тверь, 1999.
- Воробьёв В.М.* Тверской топонимический словарь: Названия населённых мест. М., 2005.
- Воронцова Ю.Б.* Материалы к Словарю коллективных прозвищ жителей Архангельской области. I. А–К // ВО. 2006. № 3.

- Географический энциклопедический словарь: Геогр. названия / Гл. ред. В.М. Котляков. 3-е изд. М., 2003.
- География России: Энцикл. слов. М., 1998.
- Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Ростовском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Предисл., примеч. В.А. Дмитриева. 2-е изд. М., 2007.
- Геройские улицы Москвы: История Великой Отечественной войны в названиях улиц и площадей: Книга-справочник. М., 2006.
- Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. М., 1994. [Последующие изд.: М., 2003, 2006].
- Городецкая И.Л., Левашов Е.А.* Русские названия жителей: Словарь-справочник, более 14 000 названий. М., 2003.
- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Каталинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 3-е изд. М., 2004. [Нормы склонения топонимов].
- Григорьев А.И.* Материалы по истории русских фамилий: В 2 т. М., 2006.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Имена... М., 1998.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Фамилии... М., 1998.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Энциклопедия русских имён. М., 2000. [Переизд.: М., 2002].
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Энциклопедия русских фамилий. М., 2000. [Переизд.: М., 2002].

Диссертации, 2003–2005 // ВО. 2006. № 3.

Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнцикл. слов., около 7000 слов и выражений. 2-е изд. М., 2004. [Указатель имён собственных].

Жданова И.Ф. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. М., 2008. [Около 30 000 единиц в каждой части. Словарь составлен на основе современных картографических изданий].
Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населённые пункты Республики Коми: Ист.-демогр. справочник. Сыктывкар, 1994.

Зима Д., Зима Н. Большой словарь мужских и женских имён. М., 2007.

Именослов: Заметки по ист. семантике имени / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2003.
Именослов: Ист. семантика имени. Вып. 2 / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007.

История московских районов: Энциклопедия / Под ред. К.А. Аверьянова. М., 2006.

История сёл и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1992–1995. Вып. 1–11.

Колодный Л. Москва в улицах и лицах: Путеводитель. М., 1999.

Кондратьев И.К. Седая старина Москвы: Ист. обзор и полный указатель её достопамятностей: соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ и проч. и проч. с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком её замечательных окрестностей. 4-е изд. М., 2005.

Котляков В.М., Комарова А.И. География: Понятия и термины: Пятиязычный академ. слов. М., 2007. [См. трактовку термина *топонимика*].

Кузнецов А.В. Сухона от устья до устья: Топоним. словарь-путеводитель. Вологда, 1994.

Кузнецов А.В. Названия вологодских озёр: Словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995.

Кусов В.С. Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993.

Кусов В.С. Московское государство XVI – начала XVIII века: Сводный каталог рус. геогр. чертежей. М., 2007.

Левашов Е.А. Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник. СПб., 2000.

Левашов Е.А. Географические имена: Трудные случаи употребления: Словарь-справочник, более 8000 географических имён. М., 2003.

Левашов Е.А. Мировая топонимика: Прилагательные от географических названий: Словарь-справочник. СПб., 2003.

Лезина И.Н., Суперанская А.В. Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий: В 2 ч. М., 1994.

Матвеев Александр Константинович: Библиогр. указ. / Сост. А.В. Глазырин. Екатеринбург, 1996.

- Матвеев А.К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6.
- Матвеев А.К.* Географические названия Свердловской области: Топоним. словарь. Екатеринбург, 2000.
- Морохин Н.В.* Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1997. [Около 4000 топонимов].
- Мосин А.Г.* Уральские фамилии: Материалы для словаря. Екатеринбург, 2000. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 г.).
- Мосин А.Г.* Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001.
- Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С.* Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб., 1997.
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов: В 2 т. 2-е изд. М., 1999.
- Мусульманские имена: Словарь-справочник / Сост. Ибн Мирзакарим ал-Карнаки. СПб., 2006.
- Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. [2-е изд. СПб., 2007].
- Насимович Ю.А.* Аннотированный список названий рек, ручьёв и оврагов Москвы. М., 1996.
- Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб., 1999.
- Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.
- Новые диссертации по ономастике (1999–2003) // ВО. 2004. № 1.
- Ондар Б.К.* Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл, 1995.
- Отин Е.С.* Из коннотативного словаря русских онимов (буква Ф) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 1996. Вып. 2.
- Отин Е.С.* Материалы к словарю коннотативных собственных имён (буква А) // Там же. Донецк, 2000. Вып. 6.
- Отин Е.С.* Топонимия приазовских греков: Ист.-этимол. слов. геогр. названий. 2-е изд. Донецк, 2002.
- Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имён. Донецк, 2004. [Переизд.: М., 2006].
- Первый географический БЭС / Гл. ред. С.М. Снарская. СПб.; М., 2007.
- Переславцев В.В.* Топонимика Южного Сахалина: Японо-русский справочник-указатель // Вестн. Сахалин. Музея: Ежегодник. 2000. № 7.
- Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря, конец XV–XVI в. / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2006. [Указатели личных имён, географический и предметно-терминологический].
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён, более 3000 имён. 6-е изд. М., 2000.

- Подмосковье: Монастыри, храмы, источники: Справочник-путеводитель / Сост. В.Н. Островской. М., 2008.
- Полякова Е.Н.* К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.
- Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- Попова В.Н.* Словарь географических названий Казахстана: Павлодарская область: В 2 т. М., 1994.
- Поспелов Е.М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топоним. слов. М., 1993.
- Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топоним. слов. Около 5000 единиц. М., 1998; 2-е изд. М., 2001.
- Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области: Селения и реки Подмосковья. 3500 словарных статей. М., 2000.
- Поспелов Е.М.* Историко-топонимический словарь России: Досоветский период. М., 2000.
- Поспелов Е.М.* Географические названия России: Топоним. слов. Около 3000 единиц. М., 2002.
- Поспелов Е.М.* География мира: Новейший топоним. слов. Около 8000 единиц / Иллюстрированный атлас мира. М., 2007.
- Поспелов Е.М.* Географические названия Московской области: Топоним. слов. Более 3500 единиц. М., 2008.
- Пыжъянов Ф.И.* Остров Кунашир и Малые Курилы: Топоним. слов. М., 1994.
- Пыжъянов Ф.И.* Курильские острова: Слов. по истории геогр. назв. Южно-Сахалинск, 1998.
- Родионова И.В.* Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции (словарные материалы) // ВО. 2004. № 1.
- Россия: Полное геогр. описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семёнова. Т. 2, 6, 9, 18, 19. Екатеринбург, 2007–08.
- Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочёва. М., 1994.
- Русские имена в исторических лицах, церковных и народных праздниках, пословицах и приметах / Сост. Н.И. Решетников. М., 2002.
- Рязанцев В.Д.* Имена и названия: Словарь эпонимов: имена собственные, перешедшие в названия; образование терминов и понятий; происхождение имён нарицательных; слова, употребляемые в переносном смысле. М., 1998.
- Связующая нить: Сб. док., исслед. и соч. / Сост. И.А. Клычников. Мытищи, 2002. [Указатель населённых пунктов].
- Словарь имён / Сост. Г. Квита. М., 1997.
- Словарь имён. М., 1998.

- Словарь исторических терминов, имён и ист.-геогр. назв. / Сост. А. Торопцев. М., 2002.
- Словарь названий гидрографических объектов России и других стран-членов СНГ / Под ред. Г.И. Донидзе. М., 1999.
- Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России // РР. 1994. № 4–6; 1995, № 1–6; 1996, № 1, 2.
- Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России: Геогр. назв. М., 2002.
- Стрельников С.М.* Миасс: Словарь географических названий. Златоуст, 1995.
- Стрельников С.М.* Географические названия Оренбургской области: Краткий топоним. слов. Златоуст; Кувандык, 1996.
- Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М., 1998.
- Суперанская А.В.* Словарь русских имён. Около 5000 русских имён. М., 2005.
- Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. Более 7500 русских имён. М., 2006.
- Супруненко П.П., Супруненко Ю.П.* Топонимика: Популярная энциклопедия. М., 2004. [Яркий пример неудачной популяризации топонимических знаний. При объяснении происхождения бессистемно поданных топонимов преобладает ирония и юмор; отсутствуют указания на какую-либо литературу вопроса].
- Сытин П.В.* Из истории московских улиц: Энцикл. путеводитель по улицам Москвы. М., 1999.
- Сытин П.В.* История московских улиц. М., 2008.
- Тверская область: Энцикл. справочник. Тверь, 1994.
- Твоё православное имя: Имена и именины. Новосибирск, 1998.
- Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имён. М., 1995.
- Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён / Вступ. ст., подгот. текста В.М. Воробьёв. М., 2004.
- Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2005. Улицы современной Москвы. М., 2005. [Справочник с картами].
- Универсальный энциклопедический словарь. М., 1999. [Склонение топонимов].
- Федосюк Ю.А.* Русские фамилии: Попул. этимол. словарь. 6-е изд. М., 2006.
- Хигир Б.Ю.* Энциклопедия имён: Женские и мужские имена. М., 2000.
- Хигир Б.Ю.* Энциклопедия имён. М., 2002. [Переизд.: М., 2008].
- Хигир Б.Ю.* Энциклопедия имён вашего ребёнка: Практ. пособие для родителей. М., 2002. [Переизд.: М., 2008].

Хигир Б.Ю. Энциклопедия восточных имён. М., 2006.

Хигир Б.Ю. Восточные имена народов России. М., 2007. [Все работы психолога Б.Ю. Хигира отличаются псевдонаучным подходом к собственным именам. Широко используются преставления о магии имени, о связи судьбы человека с его именем; произвольно даются характеристики личности всем людям, носящим определённое имя и т.п. Научный аппарат в книгах Б.Ю. Хигира отсутствует].

Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области. 2-е изд. Вологда, 1993.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995.

Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном Семёном Ремезовым в 1701 году: В 2 т. Тобольск, 2007.

Шабалин В.М. Тайна имён земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области. Кемерово, 1994. [3000 названий].

Шилов А.Л. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (Буква Б)// Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург, 2003.

Шилов А.Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

Юдин А. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.

АННОТАЦИИ НА СТАТЬИ СБОРНИКА

РАЗДЕЛ I

Первый раздел сборника посвящён жизни и научной деятельности выдающегося отечественного географа и топонимиста Евгения Михайловича Поспелова, который характеризуется как исследователь, беззаветно преданный науке, долгие годы плодотворно работавший в разных её областях. Отмечается и активная деятельность учёного на ниве просвещения и популяризации науки, а также большая организационная работа в Русском географическом обществе, которое избрало его своим Почётным членом.

В статьях, помещённых под единым названием «Воспоминания о Е.М. Поспелове», профессор Е.М. Поспелов предстаёт перед читателем не только как учёный, но и как человек со всеми особенностями его многогранной личности. Коллеги и друзья указывают на такие черты характера учёного, как добросовестность, ответственность, принципиальность и самодисциплина. Особый интерес представляют воспоминания двух сыновей Е.М. Поспелова, рассказывающих о том, каким он был в кругу семьи, среди самых близких ему людей. Чрезвычайно важна и публикуемая здесь сохранившаяся автобиография Е.М. Поспелова.

Поспелов Е.М., Постников А.В. История русских морских названий на примере картографирования Корейского (Японского) моря (XVII–XIX вв.)

В статье рассматриваются два подхода к наименованию географических объектов на русских старинных географических картах: традиционный (народный, игравший ведущую роль) и научный (европейский). Приводится история наименований *Чёрное море*, *Азовское море*, *Белое море* и др. Благодаря открытию неизвестных ранее карт Кореи и прилегающих стран авторам статьи удалось уточнить историю проникновения материалов съёмок китайских иезуитов в Европу. Название моря между Кореей и Японией все русские карты XVIII в. уже давали как *Корейское море* или *Море Восточное*. Эта российская традиция продолжа-

лась долгое время, пока в первой половине XIX в. не утвердились окончательно европейские представления о распределении названий в акватории между Кореей и Японией. Главная часть этой акватории стала именоваться Японским морем.

РАЗДЕЛ II

Агапова Г.В. Основные черты географических названий рельефа дна Мирового океана

Изучение географических названий рельефа дна Мирового океана получило развитие сравнительно недавно. Эта категория названий является ярким примером современной искусственной номинации, имеющей свои характерные особенности. Существенно важен в работе историографический обзор документов и литературы по изучению рельефа дна Мирового океана и по присвоению собственных имён отдельным участкам рельефа. Для картографов и топонимистов большое значение имеют анализ типов рельефа и их номинации, а также практические рекомендации автора относительно стандартизации международных наименований участков дна Мирового океана, порядка присвоения названий и правил номинации, передачи географических названий с иностранных языков на русский и наоборот.

Барандеев А.В. Этноним *берендеи* в русском ономастическом пространстве

В статье прослеживается история этнонима *берендеи* и доказываётся его тюркское происхождение. Привлечён обширный и надёжный фактический материал, включающий данные памятников русской письменности и современной топонимии. Учтена разработка проблемы в трудах учёных XVIII–XX вв. Автор предлагает наиболее убедительную, по его мнению, этимологию этнонима *берендеи* как ценное отражение речевого поведения древних этносов. Выявлена специфика функционирования древнего этнонима в разных пластах русской нарицательной и ономастической лексики, в том числе в сохранившихся и действующих антропонимах. Статья помогает преодолеть ошибочное представление о древнем этнониме, бытующее в краеведческой литературе и связывающее слово *берендеи* только с фольклорными персонажами.

Бондарук Г.П. Топонимы, образованные от названий хмельных напитков

Работа посвящена взаимозависимости нарицательной и ономастической лексики русского языка. Существует много примеров образования нарицательных имён от топонимов, в частности названия вин нередко обязаны своим возникновением названиям мест, где эти вина производят (*коньяк* — по городу *Коньяк* на юго-западе Франции). Наоборот, гораздо меньше известны топонимы, образованные либо непосредственно от названий хмельных напитков, либо опосредованно, то есть через антропонимы. Автор рассматривает именно эту малоисследованную группу топонимов (*Бражниково, Винокурово, Квашино, Пивовары* и др.). Отмечается редкость подобных названий в топонимии восточнославянских земель.

Добродомов И.Г. Топонимика и источниковедение (Казань в хронологическом и этимологическом аспектах)

В статье анализируется большой материал из письменных источников. Автор указывает, что хронологически довольно поздние сведения о появлении *Казани* породили множество поверхностных этимологий названия *Казань*. Гораздо более полезны в этом отношении данные современных языков Среднего Поволжья и Прикамья — как тюркских, так и финно-угорских (особенно марийского). Почти все названия *Казани* в этих языках восходят к разным обликам исторической эволюции чувашской формы *Хосан, Хусан*. В свою очередь, при объяснении топонима *Казань* нужно исходить из древних булгарских форм с возможным бургасским субстратом. Попутно уточняются этимологии некоторых тюркских наименований города.

Соколова Т.П. Топонимия Малого железнодорожного кольца Москвы

В статье содержится малоизвестная информация об истории создания Московской Окружной железной дороги, которая в настоящее время используется лишь для грузовых перевозок. В 2001 г. появился проект реконструкции дороги, предполагавший превращение её в скоростную трассу с возможностью пересадок на линии метрополитена и железнодорожной линии разных направлений. В связи с этим анализ топонимов Малого железнодорожного кольца приобретает особую актуальность. В работе приводятся эти топо-

нимы с историко-краеведческими сведениями и указанием этимологий названий. К статье приложена картосхема Московской Окружной железной дороги.

Суперанская А.В. Антропонимия в топонимии

В статье впервые вводятся в научный оборот русские фамилии, которые сложно объяснить и которые требуют тщательного этимологического анализа. Соответственно топонимы, образованные от этих фамилий, могут получить правильное научное объяснение, что особенно важно в связи с широко распространёнными народно-этимологическими (подчас совершенно фантастическими) толкованиями. Примеры, приводимые в статье, свидетельствуют о том, что антропонимы могут отражать народно-разговорные формы календарных русских имён (*Ившин* – от *Иван*, *Курятков* – от *Кирилл*, *Кирьян*), родоплеменные названия и ряд других категорий имён.

Шилов А.Л. Звенигород, Белгород, Новгород, Вышгород

В статье содержится новый материал для исследования этимологии названия *Звенигород*. Автор критикует некоторые гипотезы, оказывающиеся, по его мнению, несостоятельными, так как они вступают в противоречие с принципами номинации древнерусских городов. Обращение к типологии древнеславянских названий с компонентом *-город* показывает, что в большинстве случаев первым их компонентом является прилагательное, реже – существительное, но никак не отглагольное образование. Автор выдвигает новую этимологию топонима *Звенигород*, связывая это название со словом *звено* в значении «округлость». Это объяснение подтверждается географическими реалиями местности.

РАЗДЕЛ III

Барандеев А.В. О пользе новой редакции Правил русского правописания для орфографии топонимов

Статья содержит оценку правописания топонимов по новой редакции (2006 г.) «Правил русской орфографии и пунктуации». Критически рассмотрена структура подачи правил написания топонимов и трактовка некоторых правил. Проанализированы

обоснованность отдельных исключений из правил и уместность употребления кавычек в названиях станций метрополитена. Выявлено отсутствие правил для написания некоторых категорий топонимов. Сделан вывод о внедрении несовершенных правил орфографии топонимов, что снижает прагматическую эффективность функционирования топонимов в современном социуме и допускает орфографический произвол.

Герцен А.А. Названия административно-территориальных единиц Молдавии

Статья представляет собой исследование в области географии и истории административно-территориального деления Молдавии, названий административно-территориальных единиц, их эволюции и современного состояния. Показано значение названий административно-территориальных единиц для политико-географической структуры государства. Выявляются признаки преемственности современного административно-территориального деления по отношению к территориальным структурам предыдущих исторических эпох, изменчивость и устойчивость названий, отмечаются роль и основы самоидентификации и политической культуры в данном вопросе, в конечном счёте имеющем не узкоспециальное, а общесоциально-экономическое и политическое значение.

Горбаневский М.В., Максимов В.О. О некоторых актуальных задачах российской прикладной ономастики (из опыта работы ИИЦ «История Фамилии»)

Статья имеет научно-публицистический характер. В ней подчёркивается важное значение прикладной ономастики для современного общества, которое остро нуждается в возрождении духовных и культурных ценностей как на общероссийском уровне, так и на уровне отдельных национальных сообществ, проживающих в многонациональной и поликонфессиональной России. Среди актуальных задач современной российской прикладной ономастики авторы особо выделяют развитие междисциплинарных ономастических исследований, изучение языковой картины мира, помощь россиянам в обретении иммунитета к антинаучным изданиям, диверсификацию форм и жанров прикладной ономастики. Авторы призывают к более широкому использованию уникальных возможностей интернет-технологий, к созданию действенных научно-общественных объединений.

Морозова М.Н. Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов

В статье даётся справочная информация о нормативных документах Российской Федерации по наименованиям и переименованиям субъектов РФ и географических объектов на территории РФ. В числе этих документов Конституция РФ, федеральные законы, постановления Правительства РФ, указы Президента РФ, Положение о Федеральном агентстве геодезии и картографии (Роскартография) и др. Автор характеризует деятельность Комиссии по географическим названиям за последние 10 лет, перечисляя предложения о присвоении наименований географическим объектам и предложения о переименовании географических объектов, по которым были приняты соответствующие решения. В целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления в Российской Федерации наименований географических объектов и их сохранения создаётся Государственный каталог географических названий.

Соколова О.Н. Топоним *Нахабино*. Историко-краеведческий очерк

Статья представляет собой очерк истории посёлка *Нахабино* Красногорского района Московской области, истории борьбы местных краеведов за сохранение его исторического названия (благодаря движению среди части населения за переименование посёлка в связи с тем, что его название якобы носит уничижительный характер, возникла острая дискуссия в районной прессе и в администрации района). Топонимическая комиссия МЦ РГО по просьбе краеведов *Нахабина* дала экспертное заключение о происхождении и значении топонима *Нахабино*. Научная этимология названия *Нахабино* положила конец спорам и вызвала интерес жителей к топонимике и к истории своей малой родины. В РГО и в Нахабине прошли конференции по этому вопросу.

РАЗДЕЛ IV

Акопджанова А.В. Работа школьников над проектом «Городская топонимия Костромы»

Статья очень ценная с точки зрения развития прикладной то-

понимки. Описывается опыт работы со старшеклассниками учителя русского языка и литературы. Учащиеся, прослушав спецкурс по русской топонимике и получив дополнительные знания по лексикологии русского языка, приняли участие в проекте «Городская топонимия Костромы». Сбор материала, работа с информантами проводились во время выездов в город Кострому, где ребята осваивали навыки топонимического исследования в полевых условиях. На основе собранного материала в школе № 112 города Москвы создаётся электронная база данных по топонимии древнего русского города Костромы, планируется издание справочника.

РАЗДЕЛ V

Агеева Р.А. Уральская ономастическая школа

В статье даётся высокая оценка многолетней деятельности Уральской ономастической школы и её основателя – профессора А.К. Матвеева. Рассматривается проблематика трудов этой школы, в том числе географическая апеллятивная лексика (включая субстратную), топонимия Русского Севера, семантика собственных имён, топонимическая система, образная ономастика, этнолингвистический (или культурологический) аспект ономастики. Большой вклад внесла школа в развитие всех разделов ономастики: топонимики, антропонимики, этнонимики, ономастики в художественной литературе, в изучение искусственной номинации.

РАЗДЕЛ VI

Алпатов В.В. Календарные даты в английских топонимах

В статье анализируются малоисследованные данные о названиях дней недели и календарных праздников в английском языке, которые стали основой номинации географических объектов. Рассматриваются примеры метонимической (поля Day Work, Saturday Piece и др.) и метафорической (Sunday Field) номинации.

Доржиева Т.С. Стратиграфические пласты топонимии Чайного пути на территории Бурятии

В работе рассматриваются топонимы *Чайного пути* (20-е гг. XVIII в. – начало XIX в.), первой и единственной в то время дороги, обеспечивавшей русско-китайские торговые отношения. На протяжении этого пути остались топонимы разных стратиграфических пластов, все из них встречаются на территории Бурятии: палеоазиатский, тюркоязычный, тунгусо-маньчжурский, монголоязычный и славяноязычный. Исследование подтверждает мнение о том, что Бурятия являлась ареной миграционных процессов древних этносов.

Лукьянова Е.А. Топонимикон сельских поселений Алфёрово, Дворишнево, Заястребье, Овсяниково, Травинино Судогодского района Владимирской области

В статье исследуются микротопонимия четырёх деревень Владимирской области. Это материалы полевой работы автора, имеющие большую ценность, так как, подобно исчезающему фольклору, микротопонимы сельских поселений России можно считать «уходящей натурой». Если их не записать (а в России большая часть микротопонимов не собрана), то они исчезнут вместе со старшим поколением жителей деревень. И безвозвратно уйдёт не только ономастика, но и огромный материал по истории, культурологии, этнографии. Автор анализирует значения собственных имён, их структуру и принципы номинации.

Цеханович М.А. Суффикс -ск- в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных

Статья посвящена одному из топонимических формантов – суффиксу *-ск-* и специфике его употребления в прилагательных, образованных от топонимов (например, *московский, курский*). Проведён морфемный и структурно-словообразовательный анализ собственных имён и показано, что без обращения к истории языка понимание структуры оттопонимических прилагательных будет неправильным.

РАЗДЕЛ VII

Статьи. Сборники статей. Монографии. Авторефераты диссертаций. Материалы конференций. Рецензии

Словари. Словарные материалы. Справочники. Энциклопедии. Путеводители. Публикации источников. Библиографические указатели

А.В. Барандеев (при участии Р.А. Агеевой, сделавшей выборку публикаций из журнала «Вопросы ономастики» за 2004–06 гг.) составил библиографический список ономастической литературы, изданной преимущественно на русском языке за последние 16 лет. Сознавая, что представленные в списке работы не отражают всего объёма опубликованной литературы, в связи с чем неизбежно наличие пропусков, автор тем не менее надеется, что данный список будет полезен современным исследователям.

Составитель счёл необходимым снабдить библиографическое описание некоторых работ своими дополнениями (в квадратных скобках). В частности, указываются разделы лингвистических работ, посвящённые конкретно топонимике, уточняются выходные данные и т.п. Кроме того, в комментариях отмечены книги и статьи, претендующие на научность, но по сути не являющиеся научными исследованиями, а также работы, в названиях которых есть явная терминологическая ошибка (например, до сих пор смешиваются понятия *топонимика* и *топонимия*) или из названий которых неясно их содержание. В подобных случаях приводится правильный термин или даётся краткая аннотация.

ANNOTATIONS

SECTION I

The whole Section I is dedicated to Yevgheny Mikhailovich Pospelov – his life and academic activities. This outstanding Russian scholar, specialist in geography and place-name study, is characterized here as a research-worker who was utterly devoted to science and who had been fruitfully working in its various fields for many years. He also became known due to his great efforts to educate people and popularize science, as well as organize the work of the Russian Geographical Society (he was elected its Honorary Member).

The papers under the common title “In memory of Ye.M. Pospelov” show Professor Pospelov as a prominent scholar and as a man with all the peculiarities of his personality. His colleagues and friends mark such traits inherent in him as honesty, responsibility and self-discipline. He was a man of principle. The memoirs written by his two sons are of special interest to everybody, since they are telling us about his home life. Of major importance is Pospelov’s autobiography, that, fortunately, was written in detail, with all the necessary dates and facts.

Yevgheny M. Pospelov, Alexei V. Postnikov. The history of Russian sea names as reflected in Russian mapping of the Korean (Japanese) sea (17th – 19th centuries)

The paper deals with two approaches toward naming geographical objects on old Russian maps: the traditional (popular) one, which was prevailing, and the scientific (European) one. The authors describe the history of some sea names: *Chornoye more* (= Black sea), *Azovskoye more* (= Sea of Azov), *Beloye more* (= White sea) e.a. Thanks to the discovery of some maps (unknown before that) of Korea and the adjoining lands, the authors succeeded in defining more exactly how the Chinese Jesuits’ survey materials happened to reach Europe. All the Russian maps of the 18th century already use the name *Koreiskoye more* (= Korean sea) or *Vostochnoye more* (= Eastern sea) for the sea between Korea and Japan. This Russian tradition was going on for a

long time until European ideas about the distribution of names in the basin between Korea and Japan were once and for all confirmed. The major part of the basin was named the Japanese sea.

SECTION II

***Galina V. Agapova.* The submarine landscape names of the World Ocean**

The intensive investigation of the names of the World Ocean bottom relief started recently. This category of names is a striking example of modern artificial denomination having its peculiarities. The author offers a historiographic review of documents and literature on the subject, having in mind the study of the World Ocean bottom relief and denominating its separate areas. The analysis of the relief types and their denominations is of importance for cartographers and experts in place-name study. The author's recommendations on the order and rules of denomination, as well as on the standardization of international denominations of bottom relief areas, may be of use. The author also presents her recommendations for Russian rendering of foreign names and v.v.

***Andrei V. Barandeyev.* The ethnicon *berendei* within the scope of Russian proper names**

The paper deals with the history of the ancient ethnicon *berendei*, the Turkic origin of which is here proved. Many reliable facts have been introduced, including the data of Russian old manuscripts and of modern place-name study. The interpretation of the matter in the scientific works of the 18th – 20th centuries has been taken into consideration. The author suggests the most convincing, to his mind, etymology of the ethnic name *berendei*. The author has found out some specific features in the functioning of this ethnic name in different strata of Russian appellative and proper vocabulary.

***Galina P. Bondaruk.* Place-names derived from the denominations of Russian strong drinks**

The paper illustrates the interdependancy of appellative and onomastic vocabulary in the Russian language. The names of wines very often come into being in connection with the name of the locality where those wines

are produced (*cognac* – cf. the town of *Cognac*, south-west France). On the contrary, one can rarely meet place-names generated by the words for strong drinks either directly, or indirectly, i.e. through the agency of personal names. The author analyses this last group of place-names (*Brazhnikovo*, *Vinokurovo*, *Kvashino*, *Pivovary* e.a.), which are less known to research-workers and which occur rather rarely in Eastern Slavic lands.

Igor G. Dobrodomov. Place-name study and historical sources (*Kazan*: chronology and etymology)

The author observes numerous data of written sources. The information about the appearance of *Kazan* was chronologically rather late, and it gave birth to a number of superficial etymologies of this place-name. Much more useful in this respect may be the data of modern languages of the Middle Volga and Kama regions – the Turkic and Finno-Ugrian (especially Mari) ones. Almost all the names of *Kazan* in these languages go back to various historical forms of the Chuvash name *Hosan*, *Husan*. In its turn, the name *Kazan* is to be explained by means of old Bulgar forms with a probable Burtas substratum. It is also possible to think of more exact Turkic etymologies of the name.

Tatyana P. Sokolova. The place-names of the Minor Railway Circle in Moscow

The paper contains some little known information about the history of building the Moscow Circular Railway, which is used nowadays only for cargo goods traffic. In 2001 a project of its reconstruction originated. It implied turning that railway into a high-speed route, with possible changes for tube and railway lines of different directions. That is why the analysis of the Minor Railway Circle place-names is getting urgent. The author regards these place-names in connection with historical information and etymologies. The paper is supplied with a scheme of the Moscow Railway Circle.

Alexandra V. Superanskaya. Personal names as stems of place-names

It is for the first time that the author turns attention of scholars to some Russian surnames that are hard to explain and that demand a thorough etymological analysis. Correspondingly, the place-names formed from these surnames may receive a correct scientific explana-

tion. This is most important because of wide-spread popular etymologies (sometimes absolutely fantastic ones).

The examples cited in the paper demonstrate the fact that personal names reflect the colloquial forms of Russian church names (*Ivshin* – from *Ivan*, *Kuryatkov* – from *Kirill*, *Kiryann*), tribal names and some other categories of names.

Alexei L. Shilov. Zvenigorod, Belgorod, Novgorod, Vyshgorod

The paper holds new material for studying the etymology of the place-name *Zvenigorod*. The author regards some hypotheses that he thinks to be invalid, since they contradict the principles of denominating old Russian cities. In most cases the first part of old Slavic names with the component *-gorod* (= “city”) is an adjective, more seldom a noun, but not a verbal form. The author puts forward a new etymology linking the place-name *Zvenigorod* with the word *zveno* meaning here “something rounded”. This interpretation is confirmed by geographical realities.

SECTION III

Andrei V. Barandeyev. The new wording of “The regulations of Russian spelling”: Is it useful for the spelling of place-names?

The author tries to estimate the spelling of place-names according to the new wording (2006) of “The regulations of Russian spelling”. The method of presenting these regulations for place-names and the treatment of some rules are critically looked at. The validity of some exceptions to the rules and the reason for using inverted commas with the names of tube stations have been denied. The absence of spelling rules for some categories of place-names has been stated. The author concludes that the new rules are not satisfactory for the spelling of place-names, and their introduction may cause harm for the effective functioning of place-names in modern society, because these rules allow arbitrary use in spelling.

Andrew A. Herzen. The names of administrative and territorial districts in Moldavia

The paper presents a historical and geographical investigation of the

administrative and territorial division of Moldavia, covering the names of administrative and territorial units, their evolution and present condition.

The author shows the importance of administrative and territorial units for the political and geographical State system. He points out the fact that the modern division has inherited its traits from the preceding historical epochs; he underlines the variability and steadiness of names and marks the role and foundations of self-identification and political culture. This problem is of general social, economic and political importance.

Mikhail V. Gorbanevsky, Vladimir O. Maximov. On some urgent problems of Russian applied onomastics (the experience of the Informational Research Centre “The History of Surnames”)

This paper belongs to scientific and journalistic genres. The authors underline the importance of applied onomastics for modern society, which badly needs the revival of spiritual and cultural values for the whole country as well as for each smaller community of the multinational and polyconfessional Russian state.

The most urgent problems of modern Russian applied onomastics are: the development of interdisciplinary onomastic studies; learning the linguistic view of the world; critical attitude to pseudo-scientific publications; using diverse forms and genres of applied onomastics. The authors suggest the wide use of Internet-technologies and forming effective academic and popular scientific societies.

Marina N. Morozova. The procedure of giving official names to geographical objects

The paper presents reference information on the normative documents of the Russian Federation concerning the namings and renamings of geographical objects in Russia. These documents are: the Constitution of RF, federal laws, statements, decrees of the RF government, statute of the Federal Agency for Geodesy and Cartography (Roscartographia) e.a. The author characterizes the activities of the Commission for Geographical Names for the last 10 years, enumerating the proposals of naming and renaming geographical objects – only those ones that were accepted. To provide the unified and stable use of the RF geographical names and their conservation the State Catalogue of Geographical names is being established.

Olga N. Sokolova. Place-name *Nakhabino*: An essay of history and local lore

The paper presents a historical survey of *Nakhabino*, a settlement in the Krasnogorsk district of the Moscow region. The author tells how the students of local lore were fighting for the preservation of the historical name of this settlement. They had to do so because some local residents wanted to change the name (imagining it was something derogatory), and there was a heated discussion of the matter in the regional mass media and administration. So the Toponymic commission of the Moscow Centre of Russian Geographical Society was asked to make an examination concerning the origin and meaning of the name *Nakhabino*. As a result, the scientific etymology helped to stop the discussion and awoke the interest of the population in place-names and history of their local homeland. Two special conferences were held – in RGO and *Nakhabino*.

SECTION IV

Amalia V. Akopdzhanova. The work of schoolchildren on “The urban place-names in Kostroma” project

The paper is valuable for the development of applied toponymics. The author, being a schoolteacher of the Russian language and literature, describes her experience of the work with the secondary school students. After the course of Russian place-name study the children received additional knowledge in the field of Russian lexicology and took part in the project “The urban place-names in Kostroma”. They went to the town of Kostroma, collected the material talking to the informants and made themselves familiar with the habits of place-name investigation. The collected material served as a foundation of making an electronic database of Kostroma place-names at the Moscow school № 112.

SECTION V

Ruth A. Agheyeva. The Ural school of onomastics

The author appreciates the long-term activities of the Ural school of

onomastics and its head – professor Alexander K. Matveyev. The subjects of their works are observed: geographical terms (substratum words included), place-names of the Russian North region, the semantics of proper names, the system of place-names, image-bearing onomastics, the ethnolinguistic (or cultural) aspect of onomastics. The Ural school made a valuable contribution to the development of all onomastic spheres: the study of place-names, personal names, ethnic names, names in fiction, artificial nomination.

SECTION VI

Vladislav V. Alpatov. Calendar dates in English place-names

The author analyses English names for the days of the week and calendar festivals; those names are less known to scholars as the base of denominating geographical objects. Some examples are given to illustrate metonymic (fields Day Work, Saturday Piece e.a.) and metaphoric (Sunday Field) nomination.

Tuyana S. Dorzhiyeva. The strata of place-names along the Tea Way in Buryatia

The paper deals with the place-names of the Tea Way (the 20s of the 18th century – the beginning of the 19th century), which was the first and only trade-route at the time, that provided the trade communication between Russia and China. There are place-names of diverse strata along this way; one can meet all of them on the Buryat territory: the Palaeoasiatic, Turkic, Tungus-Manchu, Mongol and Slavic strata. The research confirms the opinion that Buryatia used to be the scene of migrations for ancient peoples.

Yelena A. Lukyanova. Place-names of the rural settlements Alfyorovo, Dvorishnevo, Zayastrebye, Ovsvyanikovo, Travino of the Sudogda district in the Vladimir region

The paper deals with the local place-names of four villages in the Vladimir region. These are the materials of the author's field work, which are of great value, since local place-names of rural settlements, like folklore, may be considered as "disappearing nature". If they are not put down (and in Russia most of such names are not gathered), they

will disappear together with the elder generation of inhabitants. And not only the names will go away forever, but also the historical, ethnographical and cultural realities. The author analyses the meanings of the proper names, their structure and principles of nomination.

Marianna A. Tsekhanovich. The suffix -sk- in Russian place-names and the interference of morphemes in adjectives derived from place-names

The paper is devoted to -sk-, one of the suffixes in place-names, and specific features of its use in adjectives formed from place-names (e.a. московский < Москва = moskovsky < Moscow; курский < Курск = kursky < Kursk). Morphemic and word-building analysis of proper names is given, and it shows that our apprehension of the structure of adjectives derived from place-names would be wrong if we do not take into consideration the history of language.

SECTION VII

Articles. Collections of articles. Monographs. Abstracts of dissertations. Proceedings of conferences. Reviews.

Dictionaries. Lexical material. Reference-books. Encyclopaedias. Guides. Publications of sources. Bibliographic indices

Andrei V. Barandeyev compiled (with R.A. Agheyeva taking part in it, who chose papers from the “Voprosy onomastiki” periodical for the years 2004–2006) a bibliographic list of literature on onomastics that has been published in the Russian language within the last 16 years. The author is quite aware of the fact that his survey of literature is far from being exhaustive, so that lapses are inevitable. Nevertheless he hopes this list will be of use to research-workers of today.

The compiler thought it necessary to supply the description of some of the papers with his own notes (in square brackets). So he marks the passages in general linguistic works that are devoted to place-name study; precises dates of publication, etc. Besides, the books and articles are marked that claim to be academic works, but have nothing to do with science in reality, and also the papers having evident errors in their titles (for example, one can often watch the misuse of the terms *toponymics* = *place-name study* and *toponyms* = *place-names*). In such cases the right term or a short annotation are given.

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Председатель – Барандеев Андрей Васильевич, кандидат филологических наук, профессор Международной академии бизнеса и управления.

Заместитель председателя – Агеева Руфь Александровна, кандидат филологических наук.

Секретарь – Ольга Николаевна Соколова.

Топонимическая комиссия образована в 1959 г. и объединяет географов, лингвистов, историков и представителей других специальностей, интересующихся топонимикой. Научная тематика: теоретическая топонимика, изучение русской и заимствованной географической терминологии и её роли в формировании топонимов, определение по данным топонимии этнических границ, реконструкция древних географических условий жизни различных этносов, истории заселения территорий и т.п. Прикладные разделы: лингвистические основы русской передачи иноязычных названий, топонимика в школьной географии, внедрение топонимики в программы средних и высших учебных заведений. Региональные исследования: топонимия Москвы, Московской области, центра России и других регионов. В последние годы в работе комиссии всё большее место занимает социотопонимика.

Проведено более сорока студенческих научных конференций по топонимике, в которых участвовали студенты многих городов России.

Результаты исследований членов комиссии опубликованы в более чем 40 книгах и брошюрах, многочисленных научных и научно-популярных статьях.

СЕРИЯ «ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ»

№ 58. Географические названия / Отв. ред. Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов. М., 1962.

№ 70. Изучение географических названий / Отв. ред. Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов. М., 1966.

№ 81. Местные географические термины. В честь 60-летия Э.М. Мурзаева / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Н.И. Толстой. М., 1970.

№ 94. Топонимия Центральной России / Отв. ред. Е.М. Поспелов. М., 1974.

№ 110. Топонимика на службе географии / Отв. ред. Е.М. Поспелов. М., 1979.

№ 126. Географические названия в Москве / Отв. ред. Е.М. Поспелов. М., 1985.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ СБОРНИКИ

Принципы топонимики. М.: МФГО СССР, 1964.

Руководство для собирания топонимов, микротопонимов, местных географических терминов и построения топонимических картотек центральных областей Европейской части СССР. – М.: МФГО СССР, 1970.

Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО, 1981.

Прикладная топонимика. М.: МФГО СССР, 1983.

Топонимика в региональных географических исследованиях. – М.: МФГО СССР, 1983.

Этническая топонимика. М.: МФГО СССР, 1987.

Топонимия и общество. М.: МФГО СССР, 1989.

Топонимика СССР. М.: МФГО СССР, 1990.

Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО, 1992.

Топонимия России. М.: МЦРГО, 1993.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Агапова Галина Владимировна,
кандидат географических наук, научный сотрудник Геологического института РАН, Почётный член Русского географического общества.

Агеева Руфь Александровна,
кандидат филологических наук, член Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена при Правительстве Москвы, действительный член Русского географического общества, заместитель председателя Топонимической комиссии МЦ РГО.

Акопджанова Амалия Викторовна,
учитель первой категории. С 1992 г. преподаёт русский язык и литературу в ГОУ СОШ № 112 г. Москвы (с 2008 г. – Центр образования № 1441 «Бронная слобода»). С 2001 г. руководитель лингвистической группы общешкольного учебно-социального проекта для старшеклассников «Москва – Кострома. Жемчужина России».

Алпатов Владислав Викторович, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета английского языка Московского государственного педагогического университета.

Барандеев Андрей Васильевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики Международной академии бизнеса и управления, член Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена при Правительстве Москвы, действительный член Русского географического общества, председатель Топонимической комиссии МЦ РГО.

Бондарук Галина Петровна, член Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена при Правительстве Москвы, Почётный член Русского географического общества, учёный секретарь Топонимической комиссии МЦ РГО.

Герцен Андрей Артёмович, младший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии Российской академии наук, действительный член Русского географического общества, член Бюро Топонимической комиссии МЦ РГО, председатель Комиссии рекреационной географии и туризма МЦ РГО.

Горбаневский Михаил Викторович,

доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, вице-президент Общества любителей российской словесности, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, научный руководитель ИИЦ «История Фамилии», главный редактор газеты «Миръ имёнъ и названій», действительный член Русского географического общества.

Добродомов Игорь Георгиевич,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания Московского государственного педагогического университета, действительный член Русского географического общества.

Доржиева Туяна Сергеевна,

аспирантка Бурятского государственного университета.

Максимов Владимир Олегович,

генеральный директор ИИЦ «История Фамилии», член Совета Общества любителей российской словесности, действительный член Русского географического общества.

Морозова Марина Николаевна,

консультант Управления топографо-геодезических и картографических работ Федерального агентства геодезии и картографии РФ, ответственный секретарь Комиссии по географическим названиям, образованной Минтрансом России, действительный член Русского географического общества.

Постников Алексей Владимирович,

доктор технических наук, профессор, академик РАЕН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, директор Международного журнала по истории картографии "IMAGO MUNDI", член Исполнительного комитета (ассесор) Отделения истории науки и техники Международного союза философии и истории науки и техники, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии истории наук (Париж), Европейской академии наук (Брюссель), действительный член Русского географического общества, учёный секретарь ГО СССР (1975–79), член Президиума РГО, заместитель председателя МЦ РГО.

Соколова Ольга Николаевна,

член Союза краеведов России, историко-археологического объединения «Реликтопоиск», действительный член Русского географического общества, секретарь Топонимической комиссии МЦ РГО.

Соколова Татьяна Петровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Московского государственного педагогического университета, член Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена при Правительстве Москвы, действительный член Русского географического общества, член Бюро Топонимической комиссии МЦ РГО.

Суперанская Александра Васильевна,

доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, член Городской межведомственной комиссии по наименованиям территориальных единиц, улиц и станций метрополитена при Правительстве Москвы, член Международного совета ономастических наук, Почётный член Русского географического общества, член Бюро Топонимической комиссии МЦ РГО.

Цеханович Марианна Александровна,

аспирантка кафедры общего языкознания Московского государственного педагогического университета.

Шилов Алексей Львович,

доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, действительный член Русского географического общества, член Бюро Топонимической комиссии МЦ РГО.

Editorial board:

Dr. Sc. (Philology) A.V. *BARANDEYEV* (Responsible editor)

Dr. Sc. (Philology) *R.A. AGHEYEVA*

G.P. BONDARUK

A.A. HERZEN (secretary)

Compiled by:

Dr. Sc. (Philology) *R.A. AGHEYEVA*

A.A. HERZEN

Reviewers:

Dr. Sc. (Geography) *N.N. KOMEDCHIKOV*,

Dr. Sc. (Philology) *A.S. SHCHERBAK*

Problems of Geography / Russian Geographical Society Moscow Centre ; Institute of Geography of RAS ; M.V. Lomonosov Moscow State University, Geographical Faculty – Moscow: Nauka, 1946– .

Vol. 132 : Modern Place-Name Study / Responsible editor A.V. Barandeyev [comp. by R.A. Agheyeva, A.A. Herzen]. – 2009. – 406 p.: ill., maps. – ISBN 978-5-02-036942-9 (in cloth).

The book is dedicated to the memory of Prof. Ye. M. Pospelov who is shown as a personality, a patriot, a prominent scholar and one of the founders of modern place-name study. The articles of the collection reflect the theory and practice of onomastic research in its different aspects, as well as the great social importance of place-name study. The bibliographical list includes the onomastic literature published in Russian in the course of the last 16 years.

For place-name researchers, geographers, historians, linguists and everyone who is interested in the origin and history of geographical names and their use in modern society.

Научное издание

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Сборник 132

Современная топонимика

Утверждено к печати

Учёным советом

Института географии РАН

Зав. редакцией *М.В. Грачёва*

Редактор *Л.В. Филиппова*

Художник *Ю.И. Духовская*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Изготовление оригинал-макета *А.А. Герцен*

Подписано к печати 08.04.2009
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 25,5. Усл.кр.-отг. 26,0. Уч.-изд.л. 23,3
Тираж 500 экз. Тип. зак. 1833
Заказное

Московский центр
Русского географического общества
119011, Москва, Старомонетный пер., 29.
e-mail: info@rgo.msk.ru
www.rgo.msk.ru

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.

e-mail: secret@nauka.ru
www.nauka.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6